

ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ
Российской Академии наук

ДРЕВНЕРУССКАЯ НАРОДНОСТЬ

Историко-археологическое исследование

Москва 1999

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	7
ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ПРОБЛЕМЫ ДРЕВНЕРУССКОЙ НАРОДНОСТИ.....	9
СЛАВЯНСКИЕ КУЛЬТУРНО-ПЛЕМЕННЫЕ ОБРАЗОВАНИЯ В ЮЖНЫХ РЕГИОНАХ ВОСТОЧНО-ЕВРОПЕЙСКОЙ РАВНИНЫ НАКАНУНЕ СТАНОВЛЕНИЯ ДРЕВНЕРУССКОЙ НАРОДНОСТИ	25
Анты	27
Дулебы	41
Русы	50
ОСВОЕНИЕ СЛАВЯНАМИ ЛЕСНОЙ ПОЛОСЫ ВОСТОЧНО-ЕВРОПЕЙСКОЙ РАВНИНЫ	91
Расселение средневропейского населения	91
Культура псковских длинных курганов.....	117
Тушемлинская культура	128
Формирование смоленско-полоцких кривичей	140
Первые славяне в Ростово-Суздальской земле	145
Словене ильменские	158
СТАНОВЛЕНИЕ ДРЕВНЕРУССКОЙ НАРОДНОСТИ	180
Историко-лингвистические свидетельства о восточнославянской этноязыковой общности	180
Миграция славян из Дунайского региона	183
Формирование древнерусского дружинного сословия	204
Древнерусские города, государственность и христианство как факторы консолидации славянского населения Восточно-Европейской равнины	214
Об этническом самосознании восточнославянской общности	219
ДИАЛЕКТНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ ЧЛЕНЕНИЕ ДРЕВНЕРУССКОЙ ОБЩНОСТИ	230
Исторические земли Древней Руси и восточнославянские племенные образования	230
О диалектном членении древнерусского языка	253
ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ ДРЕВНЕРУССКОЙ НАРОДНОСТИ	280
УКАЗАТЕЛИ	291
Именной указатель	291
Указатель географических названий	299
Указатель этнических имен и археологических культур	313
Список сокращений	317

ПРЕДИСЛОВИЕ

Исследование ставит своей целью осветить предысторию, процессы становления, развития и диалектного членения древнерусской народности. До сих пор археологические материалы не привлекались для целостного решения этой проблематики. К вопросам истории и диалектологии древнерусского языка многократно обращались лингвисты, в результате чего собственно языковые вопросы оказались более разработанными по сравнению с историческими. Со стороны историков попытки осветить суть древнерусской народности были менее продуктивными, поскольку историческая наука не располагает достаточной источниковой базой в решении этногенетических тем. Использование данных археологии в изучении истоков и эволюции древнерусского этноса с учетом всех результатов, полученных до сих пор другими науками, представляется весьма перспективным. В этом цель предлагаемой работы.

Собранные многими поколениями исследователей археологические материалы ныне составили огромный источниковый фонд, который все шире и шире используется для изучения сложных исторических процессов, имевших место в Восточной Европе в древности и средневековье. На основе данных археологии уже получены важные результаты по ряду исторических и этнокультурных тем, которые не могли быть разрешены на основе дошедшей до нас информации исторических источников. Думается, что наступило время самого широкого использования материалов археологии и в исследованиях сложной проблемы становления древнерусской народности, выявления ее содержания и условий дифференциации.

Книгу открывает историографический раздел, в котором излагается процесс развития знаний об этом средневековом этносе. Исследовательскую часть составляют несколько разделов. Для познания исторического периода, предшествующего формированию древнерусской народности, необходимо было самым детальным образом осветить ее предысторию. Выясняется, что процесс освоения славянами Восточно-Европейской равнины был весьма сложным и многоактным. Колонизация осуществлялась с разных сторон и различными этнографическими праславянскими группами. Неоднородность славянского населения Восточной Европы усугублялась еще и тем, что в разных местностях славяне застали разноэтничных аборигенов (различные финноязычные племена в лесной полосе, неоднородное балтское население в Верхнем Поднепровье и смежных землях, ираноязычные и тюркские племена на Юге). Накануне формирования древнерусской народности на Восточно-Европейской равнине археологически фиксируется несколько крупных этноплемен-

ных групп славянского этноса, часть которых была представлена диалектными образованиями позднепраславянской поры. Эти группы в ряде случаев несоотносимы с летописными племенами.

По археологическим материалам выявляются мощные интеграционные явления, имевшие место на Восточно-Европейской равнине в последних веках I тыс. н. э., которые консолидировали разноплеменное славянство, привели к его единению в культурном отношении, а в конечном итоге к становлению этноязыковой общности — древнерусской народности. Исследованию этих интеграционных явлений, среди которых впервые обнаруживаемая на основе данных археологии широкая инфильтрация дунайских славян в восточноевропейские земли, посвящен самостоятельный раздел.

Неоднородный этноплеменной состав древнерусской народности сказался в ее диалектной структуре, реконструируемой на основе археологических материалов, и в дроблении ее территории на исторические земли, ставшие в период феодальной раздробленности Руси отдельными политическими образованиями. Однако в этой ситуации восточнославянская этноязыковая общность продолжала еще некоторое время свое единое развитие как в культурном, так и этническом отношениях.

Только татаро-монгольское иго и включение значительных частей восточнославянских территорий в состав Литовского государства разорвали единство древнерусской народности. Начался постепенный процесс формирования русского, украинского и белорусского этносов.

Такова вкратце суть предлагаемого исследования.

В стремлении нарисовать целостную картину этнической истории славянского населения Восточной Европы автору пришлось разработать целый ряд тем, до сих пор не получивших должного освещения в научной литературе. Так, в работе устанавливается, что в северной части восточнославянского ареала славянское население появилось не накануне образования Древнерусского государства, как это представлялось недавно, а еще в период Великого переселения народов. По-новому освещена и проблема русов — одного из образований праславянской поры.

Автор отчетливо осознает дискуссионность некоторых построений и положений своей работы, полагая, что они неизбежны в любом исследовании, освещающем исторический процесс отдаленного прошлого.

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ПРОБЛЕМЫ ДРЕВНЕРУССКОЙ НАРОДНОСТИ

Эта проблема привлекла внимание исследователей уже в первой половине XIX в. На раннем этапе она рассматривалась преимущественно на лингвистических материалах, что вполне понятно, поскольку язык является важнейшим маркером любого этнического образования. Среди русских ученых первым рассматриваемую тему попытался осветить А. Х. Востоков. Выявив некоторые отличительные особенности древнерусских говоров, исследователь утверждал, что древнерусский язык выделился из общеславянского. Он датировал возникновение различий между отдельными славянскими языками XII—XIII вв., считая, что во времена Кирилла и Мефодия все славяне еще сравнительно легко понимали друг друга, то есть пользовались общеславянским языком¹.

Несколько конкретнее этот вопрос исследовался И. И. Срезневским, считавшим, что общеславянский (праславянский) язык первоначально разделился на две ветви — западную и юго-восточную, а последняя через какое-то время дифференцировалась на древнерусский и южнославянские языки. Начало древнерусского языка исследователь относил к IX—X вв. В этот период он был еще монолитным. Диалектные особенности в древнерусском языке, согласно изысканиям И. И. Срезневского, появляются в XI—XIV вв., а в XV в. на его основе формируются великорусское (с членением на северновеликорусскую и южновеликорусскую группы, последняя с белорусским поднаречием) и малорусское (украинское) наречия².

Разделение древнерусского языка на великорусское и малорусское наречия П. А. Лавровский объяснял исторической ситуацией — образованием во времена Андрея Боголюбского независимого от Киева государства в Северо-Восточной Руси. Этим лингвистом впервые была высказана мысль о раннем, еще до появления на Руси письменности³, становлении древненовгородского диалекта, которая, впрочем, не встретила поддержки среди ученых XIX в.

Во второй половине прошлого столетия в языковедческой литературе традиция выводить древнерусский язык из праславянского укоренилась окончательно. Лишь отдельные ученые спорадически придерживались иного мнения. Так, историк М. П. Погодин высказывал мысль о том, что Киевская земля первоначально была «исконно великорусской», а Галицкая Русь — «малорусской». Татаро-монгольское нашествие значительно опустошило Киевскую область, после чего она была занята переселенцами из Галиции и таким образом стала малорусской⁴. Иного мнения придерживался М. А. Максимович, считавший, что население Киевской Руси было украинским. По представлениям этого ис-

следователя, украинский этнос сохранялся в южных землях Руси и в последующее время, вплоть до современности. Никакого запустения территории современной Украины ни в татаро-монгольский период, ни когда-либо еще не было⁵.

Из историко-диалектологических исследований древнерусской этноязыковой общности этого периода наибольшее значение имеют работы А. И. Соболевского⁶. На основе анализа древнерусских письменных памятников XI—XIV вв. этот исследователь выделил и охарактеризовал внутри древнерусского языка особенности новгородского, псковского, смоленско-полоцкого, киевского и волынско-галицкого диалектов. Он считал, что диалектное членение древнерусского языка соответствовало племенному делению восточного славянства предшествующей поры.

Первое серьезное историко-лингвистическое осмысление начала восточнославянской этноязыковой общности, процесса становления, развития, диалектного строения и распада древнерусского языка принадлежит А. А. Шахматову⁷. На протяжении своей плодотворной деятельности этот ученый несколько изменял и совершенствовал свои взгляды на эту проблематику. Ограничусь здесь кратким изложением сути построений, к которым А. А. Шахматов пришел в последние периоды своего научного творчества.

Первый этап зарождения русских (так исследователь именовал восточных славян), выделившихся из юго-восточной ветви праславянства, А. А. Шахматов датировал V—VI вв. «Первой прародиной» формирующегося восточнославянского этноса были земли в междуречье нижних течений Прута и Днестра. Это были анты, упоминаемые в исторических источниках VI—VII вв. и ставшие ядром восточного славянства. В VI в., спасаясь от аваров, значительная часть антов переселилась на Волынь и в Среднее Поднепровье. Этот регион А. А. Шахматов называл «колыбелью русского племени», поскольку восточные славяне здесь составили «одно этнографическое целое». В IX—X вв. из этого ареала началось широкое расселение восточнославянского этноса, которым были освоены широкие пространства от Черного моря до Ильмена и от Карпат до Дона.

Период от IX—X до XIII в., по А. А. Шахматову, был следующим этапом в истории восточного славянства, который именуется им древнерусским. В результате расселения восточные славяне в это время дифференцировались на три больших наречия — севернорусское, восточнорусское (или среднерусское) и южнорусское. Севернорусы — та часть восточных славян, которая продвинулась в верховья Днепра и Западной Двины, в бассейны Ильменского и Чудского озер, а также заселила междуречье Волги и Оки. В итоге здесь сформировался политический союз, доминирующее положение в котором занимали кривичи и в который были втянуты финноязычные племена — меря, весь, чудь и мурома. Восточнее Днепра и в бассейне Дона образовалось восточнорусское наре-

чие, в котором первоначально развилось аканье. Лингвистической основой реконструкции южнорусского наречия стал украинский язык и его говоры, в связи с чем к южнорусам А. А. Шахматовым относились воляныяне, дулебы, поляне, древляне, тиверцы и уличи. Точка зрения исследователя в отношении хорватов не была твердой — они то причислялись к южнорусам, то исключались из среды восточнославянских племен.

Широкое расселение восточных славян на Восточно-Европейской равнине и членение их на три группы не нарушили их единого языкового развития. Определяющую роль в едином развитии древнерусского языка, как полагал А. А. Шахматов, сыграло Киевское государство. С его возникновением складывается «общерусская жизнь», развивается процесс общерусской языковой интеграции. Ведущая роль Киева определяла единые общерусские языковые процессы на всей территории Древней Руси.

В XIII в. древнерусская языковая общность распадается. В последующие столетия на основе севернорусского, восточнорусского и южнорусского наречий древнерусского языка и в результате их взаимодействия формируются отдельные восточнославянские языки — русский, украинский и белорусский.

Концепция А. А. Шахматова была значительным стимулом в дальнейшем изучении древнерусского языка и народности. Она была принята рядом крупных лингвистов того времени, в том числе Д. Н. Ушаковым, Е. Ф. Будде, Б. М. Ляпуновым⁸. В течение длительного времени построения А. А. Шахматова были широко распространены среди русских ученых, а в некоторой своей части не потеряли значимости и поныне.

Сербский лингвист Д. П. Джурович, предпринявший интересную попытку реконструкции диалектного членения праславянского языка, полагал, что в его составе был и прарусский диалект, который стал основой древнерусского языка, и локализовал его в правобережной части Среднего Поднепровья, вплоть до бассейна верхнего течения Буга включительно⁹.

Несомненный интерес представляют изыскания в области происхождения восточнославянского языка польского слависта Т. Лер-Сплавиньского. Он утверждал, что положение о прарусском (древнерусском) языковом единстве, образовавшемся при членении праславянской общности, принадлежит к бесспорным. Исследователь дал обстоятельную характеристику «прарусскому языку», описав особенности, свойственные только этому языку и чуждые другим славянским языкам. До конца XI в. этот язык членился не на три, как считал А. А. Шахматов, а только на две диалектные группы: северную и более обширную южную, каждая из которых имела свои характерные фонетические черты. Это деление, по мнению Т. Лер-Сплавиньского, соответствовало двум культурно-политическим центрам Древней Руси — Киеву и Новгороду. Киев объединял южные племена восточного славянства: полян, древлян, севе-

рян, радимичей, вятичей и, вероятно, других. Новгороду принадлежали земли словен ильменских и кривичей.

Время дифференциации древнерусского языка на северную и южную ветви, как считает Т. Лер-Сплавинский, по языковым данным определить не удастся. После XI в., в период политической раздробленности Руси, начинается процесс постепенной трансформации этих диалектных групп в три восточнославянских языка. Таким образом, в XIII—XIV вв. возникают русский, белорусский и украинский языки. Русский язык складывается на базе консолидации севернорусской группы с частью южнорусской. Украинский язык формировался целиком из южнорусской группы, а белорусский эволюционировал из северо-западной ее части¹⁰.

Построения Т. Лер-Сплавинского не получили широкого распространения в лингвистике и были приняты лишь единичными ее представителями.

По-иному попытался подойти к освещению рассматриваемой проблематики известный лингвист Н. С. Трубецкой. Вопрос о существовании древнерусского (общеюжнославянского) языка, по его мнению, следует считать твердо установленным. Исследователь, как и многие его предшественники, утверждал, что языковое развитие шло от праславянского к общеюжнославянскому и далее в результате распада последнего образовались три самостоятельных восточнославянских языка. Вслед за Т. Лер-Сплавинским Н. С. Трубецкой пытался обосновать первоначальное деление общерусского языка на две диалектные группы, южную и северную, которые заметно различались по основным фонетическим особенностям. Он допускал существование такого членения еще в дописьменный период. В то время как южная часть восточного славянства, утверждал ученый, развивалась в контакте с южными и западными славянами, северная группа резко обособилась. Звуковые изменения, проникавшие со славянского юга и запада, не достигали севера восточного славянства. Здесь развитие шло в контактном взаимодействии с неславянскими племенами Балтийского региона. Это реализовалось позднее в существовании в Древней Руси двух культурных центров: Киева и Новгорода. Таким образом, оказывалось, что зарождение элементов севернорусского и южнорусского наречий старше оформления древнерусского языка.

Н. С. Трубецкой не определял время становления общерусского языка, но предполагал, что его двучленная структура сохранялась до 60-х годов XII в., когда начался процесс падения редуцированных, датируемый исследователем 1164—1282 гг. После 1282 г. древнерусский язык перестал существовать — основные фонетические изменения теперь развивались локально, не охватывая восточнославянский мир в целом¹¹.

Изыскания Н. С. Трубецкого о давней двучленной структуре восточнославянского языка вызвали бурную дискуссию. Резкой критике они

подверглись со стороны А. М. Селищева. Против возражений А. М. Селищева активно выступил Н. Н. Дурново¹².

Во многих лингвистических работах первой половины XX в. исследовались (без этноисторических экскурсов) характерные особенности древнерусского (восточнославянского) языка и его диалектов, которые не оставляли сомнений в существовании в период Киевской Руси единой этноязыковой общности. Вместе с тем, изыскания показывали, что древнерусский язык стал общей основой русского, украинского и белорусского языков. В этой связи можно упомянуть труд Н. Н. Дурново по истории русского языка. Исследователь подчеркивал, что фонетические и морфологические основы дописьменного прарусского языка прямо были унаследованы от общеславянского¹³.

Между тем в первые десятилетия XX в. были высказаны и иные мнения, отрицавшие общность восточного славянства. Так, историк М. С. Грушевский зарождение украинского этноса относил к приднепровскому союзу племен антов, известных византийским авторам VI в.¹⁴. Некоторые лингвисты пытались отрицать существование единого древнерусского языка. Так, австрийские слависты С. Смаль-Стоцкий и Т. Гартер, определяя родство языков только по количеству групп сходных черт, считали, что украинский язык имеет сходство с сербским в десяти группах, а с великорусским только в девяти. Следовательно, заключали они, украинцы имели некогда гораздо более тесное общение с сербами, чем с великорусами, и между великорусами и украинцами нет более близкого родства, чем с другими славянскими этносами. В итоге исследователи утверждали, что никакого общерусского языка не было, а украинский язык восходит непосредственно к праславянскому¹⁵. Аналогичного мнения придерживался также Е. К. Тимченко¹⁶. Построения и выводы С. Смаль-Стоцкого встретили единодушное невосприятие и суровую критику со стороны лингвистов¹⁷.

В 20-х годах XX в. В. Ю. Ластовский и А. Шлюбский проповедовали так называемую «кривичскую» теорию происхождения белорусов. Они исходили из положения, что белорусы были прямыми потомками кривичей, которые будто бы составляли самостоятельную славянскую народность¹⁸. Каких-либо фактических данных, подтверждающих эту гипотезу, исследователи не приводили, да их просто и нет.

Весьма интересные положения по рассматриваемой проблематике были выдвинуты в 30—40-х годах XX в. Б. М. Ляпуновым¹⁹. Монолитного общеславянского языка, не знавшего диалектов, по его мнению, никогда не существовало. Уже в эпоху праславянского языка имелись заметные диалектные расхождения. Однако общерусский (восточнославянский) язык не имел в своей основе единого праславянского диалекта, а образовался из нескольких древних праславянских диалектов, носители которых расселились в восточной части славянского мира.

Называя восточнославянские фонетические и морфологические черты, выделявшие общерусский язык из остальных славянских языков, Б. М. Ляпунов полагал, что на общерусской территории было множество диалектов, а не три или два, как считали А. А. Шахматов и Т. Лер-Сплавинский. Исследователь допускал существование в доисторический период говоров полян, древлян, бужан и других племенных образований восточного славянства, зафиксированных летописью. Он считал, что Ростово-Суздальская земля была заселена особым древнерусским племенем, имя которого до нас не дошло. Общерусский язык, по Б. М. Ляпунову, функционировал в эпоху Киевской Руси, то есть в X—XII вв. Примерно с XII в. начинают формироваться особенности, которые впоследствии составили специфику русского и украинского языков.

К концу 40-х годов XX в. относятся широкие исследования древнерусского языка и его диалектов Р. И. Аванесова²⁰. Концепция А. А. Шахматова о дифференциации единого русского этноса к IX в. на три наречия подверглась этим языковедом критике и была отвергнута как «антиисторическая». Р. И. Аванесов не сомневался, что восточные славяне некогда составляли языковую общность и выделились из общеславянского массива. Образованию древнерусской народности эпохи Киевской Руси, согласно представлениям этого исследователя, будто бы предшествовала восточнославянская языковая общность. В период племенного строя эта общность включала множество диалектов, которые были неустойчивыми, и их изоглоссы постоянно изменялись. В IX—XI вв. в условиях становления феодализма возрастает оседлость населения, его устойчивость в территориальном отношении. В результате формируется единый и монолитный по происхождению язык древнерусской народности, который, впрочем, в разных регионах получал неодинаковую местную окраску. Так формируются территориальные диалекты, которые разрушили старые племенные. Новые областные диалектные образования были более устойчивыми, они тяготели к крупным городским центрам. Древние племенные изоглоссы при этом оказались почти полностью стертыми, что, как полагал Р. И. Аванесов, делает спорными суждения о диалектном членении восточного славянства доисторической поры. Можно говорить только о некоторых диалектных особенностях, разделявших восточнославянский ареал на северную и южную зоны, а также о явлениях узкорегionalного характера (новгородские говоры, псковские говоры, восточнокривичские говоры Ростово-Суздальской земли).

В XII в. в связи с упадком Древнерусского государства, писал Р. И. Аванесов, усиливаются областные тенденции, положившие начало формированию языковых особенностей, которые впоследствии стали характерными чертами трех восточнославянских языков. Окончательное сложение последних произошло несколькими столетиями позже.

В 50-х годах Б. А. Рыбаков впервые привлек к изучению рассматриваемой проблематики данные археологи. Он предложил гипотезу о среднеднепровском начале древнерусской народности. Ядром ее, согласно представлениям исследователя, был племенной союз, образовавшийся в VI—VII вв. в Среднем Поднепровье (от бассейнов Роси и Тясмина на правобережье и нижние течения Сулы, Псла и Ворсклы, а также бассейн Трубежа на левобережье, то есть части будущих Киевской, Черниговской и Переяславской земель) под главенством одного из славянских племен — русов. Ареал последних определялся по вещевымкладам VI—VII вв. со специфическими металлическими украшениями.

Эта территория в летописных записях, относящихся к XI—XII вв., обычно именовалась Русской землей «в узком значении этого термина». В последней четверти I тыс. н. э., утверждал Б. А. Рыбаков, к генезису восточнославянского этноса подключились и другие славянские племена Восточной Европы, а также часть славянизированных финских племен²¹. Однако как конкретно происходил процесс становления древнерусской народности, исследователь не рассматривал, и полагаю, сделать это на материалах археологии было невозможно.

Период Древнерусского государства со столицей в Киеве, утверждал Б. А. Рыбаков, был временем расцвета восточнославянской народности. Её единство несмотря на возникновение нескольких княжеств сохранялось и в эпоху феодального дробления Руси XII—XIII вв. Это единство осознавалось самим восточнославянским населением, что находило отражение в географическом понимании — вся Русская земля (в широком смысле) вплоть до XIV в. противопоставлялась обособленным вотчинам, с враждовавшими между собой князьями.

Можно отметить, что попытки историков включиться в изучение процесса формирования древнерусской народности не дали желаемых результатов. Исторических фактов было слишком мало для освещения этой сложной проблемы. В середине XX в. в исторических трудах преобладала мысль о том, что восточными славянами в VI—VII вв. были анты. Так, например, считал Ю. В. Готьё²². В. И. Довженок писал, что антский язык мало отличался от древнерусского. Последний будто бы представлял собой тот же язык, что и антский, но на более высоком уровне развития. Основой консолидации восточных славян в древнерусскую народность был, по мнению В. И. Довженка, быстрый темп социально-экономического развития населения Восточно-Европейской равнины, но главным по пути окончательного оформления народности стало этническое развитие в период Киевской Руси. Разъединение единого древнерусского народа на отдельные части, приведшие к становлению трех этносов — русского, белорусского и украинского, — следует искать в исторической обстановке XIII—XIV вв.²³

А. И. Козаченко также рассматривал антов как первую народность восточных славян, сложившуюся на заре классового общества. Расцвет

древнерусской народности определялся этим исследователем периодами Киевской Руси и феодальной раздробленности (до середины XIII в.). Ее консолидация определялась как внешней опасностью, так и требованием национального единства в условиях сильной княжеской власти²⁴.

Мысль об антах как ранних восточных славянах не была новой. Она восходит к ученым трудам первой половины XIX в. Так, уже К. Цейс утверждал, что членение славянского этноса VI—VII вв. на с(к)лвенон и антов соответствует дифференциации славянского языка на западную и восточную ветви²⁵. Антов отождествляли с восточными славянами многие ученые, в том числе Л. Нидерле²⁶, а среди лингвистов, как отмечалось выше, А. А. Шахматов и некоторые исследователи 50—60-х годов XX в.²⁷

Проблема образования древнерусской народности интересовала также А. Н. Насонова²⁸. Согласно представлениям этого историка, начальный этап этнической консолидации восточных славян связан с раннегосударственным образованием «Русская земля», сложившимся в конце VIII — начале IX в. в Среднем Поднепровье с центром в Киеве. Его территориальной и этнографической основой стали земли полян, древлян и северян. В конце IX—X в. Древнерусское государство распространилось на весь ареал восточнославянских племен, объединив в единый этноязыковой массив две их ветви — северную и южную.

Л. В. Черепнин связывал процесс складывания древнерусской народности с изменениями в социально-экономической жизни, будто бы имевшими место в VI—IX вв., которые способствовали сближению и слиянию разноплеменного славянского населения Восточной Европы. Существенное значение этот историк придавал и формированию Древнерусского государства, протекавшему параллельно со сложением народности. Однако решающую роль в этом сыграли общность языка, территории, культуры и хозяйственной жизни, а также борьба с внешними врагами. Период X—XII вв. Л. В. Черепнин определял как время слияния восточнославянских племен в «единый русский народ».

В XII—XIII вв., утверждал далее исследователь, создаются предпосылки для членения древнерусской народности, в результате усиления которых и политического дробления территории восточного славянства, вызванного татаро-монгольским завоеванием, формируются русская, украинская и белорусская народности²⁹.

С исторической точки зрения процесс формирования древнерусской народности пытался показать и В. В. Мавродин³⁰. Он утверждал, что основой древнерусского языка стал киевский диалект — своеобразный сплав говоров населения Киева, довольно пестрого в этническом и социальном отношениях. В пестроте киевских говоров и складывается языковое единство, которое стало ядром языка Киевской Руси в целом. Общность политической и государственной жизни всех восточных славян, по мнению В. В. Мавродина, способствовала сплочению славянского населения Восточной Европы в единую древнерусскую народность.

Первоначально этот исследователь полагал, что процесс формирования народности в эпоху Древней Руси не завершился и наступившая феодальная раздробленность предопределила ее членение и появление новых этноязыковых образований. Позднее В. В. Мавродин стал утверждать, что дифференциация древнерусской народности обусловлена не незаконченностью процесса ее складывания, не феодальной раздробленностью Древней Руси, а историческими условиями, сложившимися на Руси после Батыева нашествия — территориальным членением ее, захватом многих русских земель соседними государствами.

В настоящее время все эти построения историков представляют чисто историографический интерес.

На наличие существенных элементов общности материальной и духовной культуры и быта русского, украинского и белорусского народов, восходящих к единой древнерусской народности, обращали внимание и этнографы. К общим восточнославянским элементам, свойственным трем восточнославянским народам, этнографы обычно относят «трехкамерный» план жилых построек, отсутствие у них фундамента, наличие в избах духовой печи, неподвижных лавок вдоль стен; близкие между собой типы народной одежды (женские и мужские рубахи, мужские кафтаны, женские головные уборы); свадебные, родильные и погребальные обряды; сходство в орудиях и процессах прядильного и ткацкого ремесел; сельскохозяйственную обрядность и близость пахотных орудий. Безусловную историческую общность выявляют устное творчество (былинный эпос и песни) русского, украинского и белорусского народов, а также изобразительное искусство — вышивки и деревянные резные изделия³¹.

Оригинальная гипотеза о предпосылках формирования древнерусской народности предложена П. Н. Третьяковым. Согласно его представлениям, восточнославянская этноязыковая общность была результатом метисации части праславян — носителей зарубинецкой культуры, расселившихся в первых веках нашей эры по всему Верхнему Поднепровью, с местным балтским населением. Верхнеднепровский регион, как полагал исследователь, и стал прародиной восточных славян. «При последующем расселении восточных славян, завершившемся созданием этнографической картины, известной по Повести временных лет, из Верхнего Поднепровья в северном, северо-восточном и южном направлениях, в частности в поречье среднего Днепра, двигались отнюдь не «чистые» славяне, а население, имевшее в своем составе ассимилированные восточнобалтийские группировки»³². При этом П. Н. Третьяков в основном рассматривал зарубинецкие древности, получившие распространение во II в. до н. э. — II в. н. э. преимущественно в Среднем Поднепровье и Припятском Полесье, а также поздзарубинецкие и постзарубинецкие древности Поднепровья. Другие, более существенные процессы славянского освоения Восточно-Европейской равнины, а следовательно, и имев-

шие место сложные этногенетические ситуации остались вне поля зрения исследователя.

Построения П. Н. Третьякова о формировании древнерусской народности в условиях славяно-балтского внутрорегионального взаимодействия в Верхнем Поднепровье не находят подтверждения ни в археологических, ни в языковых материалах. Восточнославянский язык не обнаруживает каких-либо общих балтских субстратных элементов. То, что объединяло в древнерусский период всех восточных славян в языковом отношении и в то же время отделяло от других славянских этнообразований того времени, не может рассматриваться как продукт балтского воздействия³³.

Мысль о зарождении восточнославянской языковой общности в ареале зарубинецкой культуры высказывал и лингвист Ф. П. Филин, впрочем не предпринимая каких-либо попыток как-то подкрепить этот тезис языковыми материалами³⁴. Однако это не главное в его важных чисто языковедческих штудиях³⁵. Исследователь утверждал, что примерно в VII в. н. э. славяне, заселившие земли восточнее Карпат и Западного Буга, обособливаются от остального славянского мира, что привело к возникновению целого ряда языковых инноваций, которые составили специфику древнерусского языка на первом этапе его развития. В трудах Ф. П. Филина все фонетические явления, свойственные восточнославянской языковой общности, и ее особое лексическое развитие получили обстоятельную характеристику.

Диалектная структура древнерусского языка представлялась Ф. П. Филину непростой, сложившейся на основе как унаследованных восточными славянами диалектных зон праславянской эпохи, так и региональных инноваций, возникших уже в процессе развития восточнославянского языка. В период становления Древнерусского государства, утверждал исследователь, не было еще и задатков будущих русского, украинского и белорусского языков. Существовал единый древнерусский язык, имевший в разных местностях диалектные особенности.

В работе 1940 г. Ф. П. Филин некоторое внимание уделил киевскому диалекту, который, по его мнению, выдвигался как язык общевосточнославянский, то есть древнерусский³⁶. Однако в последующих исследованиях он уже не утверждал этого.

Дробление Киевской Руси на множество феодальных княжеств, согласно Ф. П. Филину, привело к возрастанию диалектных различий. Говоры древнерусских земель теперь вступали в центростремительное развитие. Поворотным моментом стали исторические события XIII в. Татаро-монгольское нашествие и литовские завоевания, разделившие на длительное время восточнославянский ареал, не могли не сказаться на истории языка. Возникали региональные диалектизмы в фонетической системе, развивались явления, ставшие специфическими для отдельных восточнославянских языков. В XIV—XV вв., как полагал Ф. П. Филин,

можно говорить о начальном этапе становления русского, украинского и белорусского языков, поскольку в это время получили распространение особенности, характерные для них.

Несколько неотчетливо изложен процесс становления древнерусского языка украинским лингвистом Г. П. Пивтораком³⁷. С одной стороны, ссылаясь на труды археологов он пишет о двух направлениях славянского освоения Восточно-Европейской равнины: 1) из Среднего Поднепровья продвигаясь по Днепру и Десне, славяне заселили верхнеднепровские земли, Волго-Окское междуречье и верховья Немана; 2) из венетского ареала в Южной Балтике, морским или сухопутным путем, другая группа славян расселилась в лесной зоне, где летописями и археологией фиксируются кривичи и словене новгородские. Восточнославянский этнос, как полагает исследователь, формировался постепенно в ходе расселения славянских племен на Русской равнине. Первоначальным ядром расселения древнерусской народности с первой половины I тыс. н. э. были земли между верхним течением Западного Буга и средним Днепром. Единство древнерусского языка, согласно Г. П. Пивтораку, в эпоху Киевской Руси и феодальной раздробленности постоянно подкреплялось различными экстралингвистическими факторами.

О. Н. Трубачев видит древний очаг общевосточнославянской языковой общности на Дону и Северском Донце³⁸. Эти гипотетические построения не представляются достаточно проработанными. Возникает целый ряд историко-филологических вопросов, ответы на которые современная славистика не может дать.

К проблеме древнерусской народности обращался в последние десятилетия также киевский археолог и историк П. П. Толочко³⁹. Его построения покоятся на интерпретации отдельных мест письменных памятников с некоторыми отсылками к материалам археологии и сводятся к следующему. Уже в VI—VIII вв. восточные славяне представляли собой единый этнокультурный массив, состоящий из полутора десятка родственных племенных образований. Период IX—X вв. характеризуется внутренними миграциями, способствовавшими интеграции восточнославянских племен. Процесс получил заметное ускорение с конца IX — первых десятилетий X в., когда образовалось Древнерусское государство со столицей в Киеве и этноним *русь* утвердился для всех восточных славян.

В течение IX—XII вв. в пределах государственной территории Киевской Руси существовала единая восточнославянская этническая общность. Ее ядром, согласно П. П. Толочко, была Русь, или Русская земля «в узком значении», или, по терминологии иностранных источников, «Внутренняя Русь», то есть территория, которая в позднем средневековье получила название Малая Русь.

Мысль о формировании древнерусского языка на основе прарусского диалектного образования, следы которого выявить в лингвисти-

ческих материалах не удается, вынуждает исследователей искать иные пути решения вопроса о становлении общевосточнославянского этноязыкового единства, существование которого в первых столетиях II тыс. н. э. не подлежит сомнению. Выше была изложена концепция Б. М. Ляпунова о сложении древнерусского языка на основе нескольких праславянских диалектных групп. К такому выводу подводят и современные археологические свидетельства славянского освоения Восточно-Европейской равнины. Вопрос о формировании древнерусской народности на материалах археологии тезисно рассматривался в ряде моих публикаций, в которых показано, что сложение этого этноязыкового единства было обусловлено нивелировкой и интеграцией славянских племенных образований, заселявших Восточно-Европейскую равнину, в условиях единого историко-культурного пространства, образовавшегося на территории Древнерусского государства⁴⁰. Подробнее об этом речь пойдет в настоящем исследовании.

В 70—80-е годы подобной точки зрения придерживался также лингвист Г. А. Хабургаев⁴¹. Он утверждал, что особого праславянского диалекта или прарусского языка никогда не существовало. Восточнославянское этноязыковое единство оформилось на базе распространения славянской речи в Восточной Европе гетерогенным образом из неоднородных по своему происхождению компонентов. Накануне образования Древнерусского государства, по мнению Г. А. Хабургаева, происходил процесс, активно разрушавший прежние родоплеменные устои. Политическое объединение разных славянских племен привело к оформлению своеобразной диалектно-этнографической восточнославянской общности. Археологические памятники X—XII вв. на территории Древней Руси, утверждает этот исследователь, свидетельствуют о заметном сближении всех основных культурно-этнографических элементов, о процессе консолидации населения в единую народность.

Небольшая дискуссия относительно сути древнерусской народности имела место на VI Международном конгрессе славянской археологии, проходившем в Новгороде в августе 1996 г. Белорусский археолог Г. В. Штыхов, оперируя выборочными историко-археологическими данными, утверждал, что древнерусская народность в эпоху Киевской Руси еще не сформировалась окончательно и распалась в связи с дроблением Древнерусского государства на множество княжеств. Языковых материалов, характеризующих восточнославянскую общность, исследователь не касался вовсе и заключал, что «процесс возникновения родственных восточнославянских народов — белорусского, украинского и русского (великорусского) — можно последовательно излагать без употребления этого спорного понятия» (то есть древнерусской народности)⁴². По-видимому, Г. В. Штыхова не смущает то, что эта мысль приходит в противоречие с достижениями языкознания. Исследователь далее отмечает, что славянское население Древней Руси говорило на различных диалектах.

Это действительно так, но из этого вовсе не следует вывод об отсутствии общих фонетических, морфологических и лексических явлений, в X—XII вв. затронувших весь восточнославянский ареал.

Близкую позицию занял недавно и украинский археолог В. Д. Баран. В небольшой статье, в основном посвященной культуре славян периода великого переселения народов по археологическим данным, он бегло заключает, что результатом славянской миграции и взаимодействия славян с неславянским населением стало формирование новых этнических образований, в том числе зарождение трех восточнославянских этносов: белорусского, украинского и русского. Киевское государство во главе с династией Рюриковичей не остановило этнический процесс становления этих народностей, а лишь на время замедлило его. Период татаро-монгольского разорения Руси был, по мнению В. Д. Барана, не началом, а завершающей стадией формирования трех восточнославянских народностей⁴³. Какие-либо данные, подтверждающие эту концепцию, в археологических материалах найти не удастся. В. Д. Баран и не пытался как-то документально обосновать ее. Говорится, правда, что предками белорусов в V—VII вв. были племена колочинской культуры, но как конкретно протекал процесс этногенеза белорусов, остается абсолютно неясным. Ведь восточнославянское население и Полоцкой земли, и Туровской волости, составившее костяк формирующейся белорусской народности, генетически никак не было связано с носителями колочинских древностей.

Весьма важным моментом в рассматриваемой проблематике является вопрос о самосознании восточного славянства в эпоху Древней Руси как едином этническом образовании. Эта тема рассматривалась ранее Д. С. Лихачевым⁴⁴, позднее ей был посвящен интересный раздел, написанный А. И. Роговым и Б. Н. Флорей в монографическом исследовании становления самосознания славянских народов в раннем средневековье⁴⁵. На основании анализа летописных текстов, агиографических памятников и иностранных свидетельств исследователи утверждают, что уже в XI в. сформировалось представление о Русской земле как едином государстве, охватывающем всю территорию восточного славянства, и о населении этого государства как о «русских людях», составляющих особую этническую общность.

Примечания

¹ Востоков А. Х. Рассуждение о славянском языке // Труды Общества любителей российской словесности. Вып. XVII. М., 1820. С. 5—61; Филологические наблюдения А. Х. Востокова. СПб., 1865. С. 2—15.

² Срезневский И. И. Мысли об истории русского языка. СПб., 1850.

³ Лавровский П. А. О языке северных русских летописей. СПб., 1852.

⁴ Погодин М. П. Записки о древнем языке русском // Изв. Академии наук. Т. 13. СПб., 1856.

⁵ Максимович М. А. Собрание сочинений. Т. II. Киев, 1877.

⁶ Соболевский А. И. Очерки из истории русского языка. Киев, 1888; *Его же*. Лекции по истории русского языка. Киев, 1888.

⁷ Шахматов А. А. К вопросу об образовании русских наречий и русских народностей // ЖМНП. СПб., 1899. № IV; *Его же*. Очерк древнейшего периода истории русского языка: (Энциклопедия славянской филологии. Вып. II). Пг., 1915; *Его же*. Введение в курс истории русского языка. Ч. 1. Исторический процесс образования русских племен и русских народностей. Пг., 1916; *Его же*. Древнейшие судьбы русского племени. Пг., 1919.

⁸ Ушаков Д. Н. Наречия русского языка и русские народности // Русская история в очерках и статьях / Под ред. М. В. Довнар-Запольского. Т. 1. М., б. г.; Будде Е. Ф. Лекции по истории русского языка. Казань, 1914; Ляпунов Б. М. Единство русского языка в его наречиях. Одесса, 1919.

⁹ Джурович Д. П. Говоры общеславянского языка. Варшава, 1913.

¹⁰ Lehr-Splawiński T. Stosunki pokrewieństwa języków ruskich // Rocznik slawistyczny. IX—1. Poznań, 1921. S. 23—71; *Idem*. Kilka uwag o wspólności językowej praruskiej // Сборник статей в честь академика Алексея Ивановича Соболевского (Сборник Отделения русского языка и словесности. 101:3). М., 1928. С. 371—377; *Idem*. Kilka uwag o wspólności językowej praruskiej // Studia i szkice wybrane z językoznawstwa słowiańskiego. Warszawa, 1957.

¹¹ Trubetzkoy N. Einige über die russische Lautentwicklung und die Auflösung der gemeinrussischen Spracheinheit // Zeitschrift für slavische Philologie. Bd. I:3/4. Leipzig, 1925. S. 287—319. Статья переведена на русский язык и издана в кн.: Трубецкой Н. С. Избранные труды по филологии. М., 1987. С. 143—167.

¹² Селищев А. М. Критические замечания о реконструкции древнейшей судьбы русских диалектов // Slavica. VII:1. Praha, 1928; Дурново Н. Н. Несколько замечаний к вопросу об образовании русских языков // Изв. по русскому языку и словесности. Т. II. Л., 1929.

¹³ Дурново Н. Н. Очерк истории русского языка. М., 1924. Переиздание: М., 1959.

¹⁴ Грушевський М. Історія України-Руси. Київ, 1904. С. 1—211.

¹⁵ Smal-Stocki St., Gartner T. Grammatik der ruthenischen (ukrainischen) Sprache. Wien, 1913; Смаль-Стоцкий Ст. Розвиток поглядів про сім'ю слов'янських мов і їх взаємне опоріднення. Прага, 1927.

¹⁶ Тимченко Е. К. Слов'янська єдність і становище української мови в слов'янській родині // Україна. Кн. 3. Київ, 1924; *Его же*. Курс історії української мови. Київ, 1927.

¹⁷ Голанов И. Рец. на кн.: Grammatik der ruthenischen (ukrainischen) Sprache. Von Stephan v. Smal-Stocky und Teodor Garther. Wien, 1913 // Изв. Отделения русского языка и словесности императорской Академии наук. 1914. Т. XIX. Кн. 3. С. 297—306; Ягич В. Рец. // Archiv für slavische Philologie. Bd. XXXVII. Berlin, 1920. S. 211.

¹⁸ Ластойскі В. Кароткая гісторыя Беларусі. Вільня, 1910. Более последовательно мнение этого исследователя изложено в его статьях, помещенных в журнале «Крывіч», который издавался в 1923—1927 гг. в Каунасе.

¹⁹ Ляпунов Б. М. Древнейшие взаимные связи языков русского и украинского и некоторые выводы о времени их возникновения как отдельных лингвистических групп // Русская историческая лексикология. М., 1968. С. 163—202.

²⁰ Аванесов Р. И. Вопросы образования русского языка в его говорах // Вестник Моск. ун-та. 1947. № 9. С. 109—158; *Его же*. Вопросы истории русского

языка в эпоху формирования и дальнейшего развития русской (великорусской) народности // Вопросы формирования русской народности и нации. М.; Л., 1958. С. 155—191.

²¹ Рыбаков Б. А. К вопросу об образовании древнерусской народности // Тезисы докладов и выступлений сотрудников Института истории материальной культуры АН СССР, подготовленных к совещанию по методологии этногенетических исследований. М., 1951. С. 15—22; *Его же*. Проблема образования древнерусской народности // *Вопр. истории*. 1952. № 9. С. 42—51; *Его же*. Древние русы // *Сов. археология*. Т. XVII. М., 1953. С. 23—104.

²² Готье Ю. В. Железный век в Восточной Европе. М., 1930. С. 42.

²³ Довженко В. И. К вопросу о сложении древнерусской народности // Доклады VI научной конференции Института археологии. Киев, 1953. С. 40—59.

²⁴ Козаченко А. И. Древнерусская народность — общая этническая база русского, украинского и белорусского народов // *Сов. этнография*. Т. II. М., 1954. С. 3—20.

²⁵ Zeuss K. Die Deutschen und die Nachbarstämme. München, 1837. S. 602—604.

²⁶ Нидерле Л. Славянские древности. М., 1956. С. 139—140.

²⁷ Якубинский А. П. История древнерусского языка. М., 1941. (Переиздание: М., 1953); Черных П. Я. Историческая грамматика русского языка. М., 1954; Георгиев Вл. Венети, анти, склавени и триделението на славянските езици // *Славянистичен сборник*. София, 1968. С. 5—12.

²⁸ Насонов А. Н. К вопросу об образовании древнерусской народности // *Вестник АН СССР*. 1951. № 1. С. 69—70; *Его же*. «Русская земля» и образование территории древнерусского государства. М., 1951. С. 41—42.

²⁹ Черепнин Л. В. Исторические условия формирования русской народности до конца XV в. // *Вопросы формирования русской народности и нации*. М., 1958. С. 7—105.

³⁰ Мавродин В. В. Образование Древнерусского государства. Л., 1945. С. 380—402; *Его же*. Образование единого русского государства. Л., 1951. С. 209—219; *Его же*. Образование древнерусского государства и формирование древнерусской народности. М., 1971. С. 157—190; *Его же*. Происхождение русского народа. Л., 1978. С. 119—147.

³¹ Токарев С. А. О культурной общности восточнославянских народов // *Сов. этнография*. 1954. № 2. С. 21—31; *Его же*. Этнография народов СССР. М., 1958; Маслова Г. С. Историко-культурные связи русских и украинцев по данным народной одежды // Там же. С. 42—59; Сухобрус Г. С. Основные черты общности русского и украинского народнопоэтического творчества // Там же. С. 60—68.

³² Третьяков П. Н. Восточные славяне и балтийский субстрат // *Сов. этнография*. 1967. № 4. С. 110—118; *Его же*. У истоков древнерусской народности. Л., 1970.

³³ Седов В. В. Еще раз о происхождении белорусской народности // *Сов. этнография*. 1968. № 5. С. 105—120.

³⁴ Филлин Ф. П. О происхождении праславянского языка и восточнославянских языков // *Вопр. языкознания*. 1980. № 4. С. 36—50.

³⁵ Филлин Ф. П. Очерк истории русского языка до XIV столетия // *Ученые записки Ленинградского педагогического института им. А. И. Герцена*. Т. XXVII. Л., 1940; *Его же*. Образование языка восточных славян. М.; Л., 1962; *Его же*. Происхождение русского, украинского и белорусского народов: Историко-диалектологический очерк. Л., 1972.

³⁶ Филлин Ф. П. Очерк истории русского языка... С. 89.

³⁷ Півторак Г. П. Формування і діалектна диференціація давньоруської мови: (Історико-фонетичний нарис). Київ, 1988.

³⁸ Трубачев О. Н. В поисках единства. М., 1992. С. 96—98.

³⁹ Толочко П. П. Древняя Русь: Очерки социально-политической истории. Киев, 1987. С. 180—191; *Его же*. Чи існувала давньоруська народність? // Археологія. Київ, 1991. № 3. С. 47—57.

⁴⁰ Седов В. В. Восточные славяне в VI—XIII вв. М., 1982. С. 269—273; *Его же*. Славяне в раннем средневековье. М., 1995. С. 358—384.

⁴¹ Хабургаев Г. А. Становление русского языка. М., 1980.

⁴² Штыхов Г. В. Древнерусская народность: реалии и миф // Этногенез и этнокультурные контакты славян: Труды VI Международного Конгресса славянской археологии. Т. 3. М., 1997. С. 376—385. В дискуссии по докладу Г. В. Штыхова его поддержали И. А. Марзалюк, А. И. Филюшкин и О. Н. Трусов (Там же. С. 386—388). К сожалению, лингвисты в диспуте не приняли участие.

⁴³ Баран В. Д. Велике розселення слов'ян // Археологія. Київ, 1998. № 2. С. 30—37. В книге «Древние славяне» этот исследователь высказал иную мысль. Он полагает, что подосновой всех восточнославянских летописных племен были носители пражско-корчакской культуры, с которыми интегрировались племена пеньковской культуры. Распад Киевского государства после смерти Ярослава Мудрого привел к группировке славянского населения Восточной Европы вокруг трех основных культурно-экономических центров: Полоцка на Западной Двине, Владимира на Клязьме и Киева с Галичем в Днепровско-Днестровском междуречье. Эти регионы сохраняли традиции эпохи великого переселения народов и стали основами трех восточнославянских народов — белорусского, русского и украинского (Баран В. Д. Давні слов'яни. Київ, 1998. С. 211—218).

⁴⁴ Лихачев Д. С. Национальное самосознание Древней Руси. М.; Л., 1945.

⁴⁵ Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего средневековья. М., 1982. С. 96—120.

СЛАВЯНСКИЕ КУЛЬТУРНО-ПЛЕМЕННЫЕ ОБРАЗОВАНИЯ В ЮЖНЫХ РЕГИОНАХ ВОСТОЧНО-ЕВРОПЕЙСКОЙ РАВНИНЫ НАКАНУНЕ СТАНОВЛЕНИЯ ДРЕВНЕРУССКОЙ НАРОДНОСТИ

В первые века нашей эры славяне заселяли части территорий двух археологических культур: пшеворской, занимающей среднеевропейские земли от Эльбы до Западного Буга и верховьев Днестра, и черняховской, распространившейся в Северном Причерноморье от нижнего Дуная на западе до Северского Донца на востоке. Эти культуры были крупными полиэтническими образованиями провинциально-римского облика. Славянам, именуемым античными авторами венетами, в ареале пшеворской культуры принадлежали земли Среднего и Верхнего Повисленья со смежными областями бассейна Одера и Верхнее Поднестровье. Этот регион не был замкнутым, в него неоднократно вторгались разные германские племена. На территории черняховской культуры в условиях маргинального смещения местного позднескифо-сарматского населения и расселившихся славян сложился славяно-иранский симбиоз, в результате на Подолии и в Среднем Поднепровье обособилось отдельное диалектно-племенное образование славян, известные в исторических источниках как анты¹.

Нашествие гуннов существеннейшим образом нарушило историческую ситуацию, сложившуюся в римское время в Восточной и Средней Европе. Гунны, ведущие свое начало из Центральной Азии, во II в. н. э., как свидетельствуют Дионисий и Птолемей, появились в Прикаспийских степях, где проживали до 70-х годов IV в. Разгромив алано-сарматов, кочевавших в степях между Волгой и Доном, в 375 г. гунны мощными ордами вторглись в севернопричерноморские земли, сокрушая все на своем пути, грабя жилища и сжигая селения черняховской культуры, опустошая поля и убивая людей. Археология свидетельствует, что значительная масса черняховских поселений в конце IV в. прекратила существование, функционировавшие здесь ремесленные центры, снабжавшие окрестное население различными изделиями, оказались полностью разрушенными. Современник гуннского нашествия Евнапий писал: «Побежденные скифы (так называли античные авторы население бывшей Скифии) были истреблены гуннами и большинство их погибло...»² К концу IV в. вся черняховская культура перестала функционировать, лишь в отдельных местностях лесостепной зоны сохранились сравнительно небольшие островки ее поселений. Разрозненные группы черня-

ховского населения бежали, как свидетельствуют данные археологии, на север в южные районы Окского бассейна и в Крым. Одновременно другие орды гуннов направились на Тамань и в Крым — богатые города Восточного Подунавья подверглись опустошительным погромам, а их жители массовой резне.

Разбив вестготов где-то на нижнем Днестре, гунны вторглись в Дунайские земли и в начале V в. освоили степные просторы Среднего Подунавья, где, подчинив себе окрестные племена, вскоре создали мощную Гуннскую державу. Обосновавшись в Средней Европе, гунны удерживали в своей власти и севернопричерноморские племена.

Нашествие гуннов существенным образом затронуло и пшеворскую культуру. Основная часть ее ремесленных центров и мастерских, снабжавших своей продукцией земледельческое население, прекратила функционирование, запустели многие селения. При этом имел место отлив значительных масс населения из ареала пшеворской культуры. Так, германские племена, фиксируемые римскими авторами в Висло-Одерском регионе, ушли на юг к границам Римской империи. В водоворот великого переселения народов включились и славяне. В первых десятилетиях V в. пшеворская культура перестала функционировать.

Ситуация усугублялась значительным ухудшением климата. Первые века нашей эры в климатическом отношении были весьма благоприятны для жизни и хозяйствования земледельческого населения, которое составляло основу носителей пшеворской культуры. Археология отчетливо фиксирует в III—IV вв. и значительное увеличение числа поселений, и заметный рост народонаселения, и активное развитие земледельческой техники.

С конца IV в. в Европе наступает резкое похолодание, особенно холодным было V столетие. Это был период максимального похолодания не только для I тыс. н. э., в это время наблюдались самые низкие температуры за последние 2000 лет. Резко повышается увлажненность почвы, что было обусловлено как увеличением выпадения осадков, так и трансгрессией Балтийского моря. Заметно повышаются уровни рек и озер, поднимаются грунтовые воды, разрастаются болота. В результате многие поселения римского времени оказались затопленными или сильно подтопленными, а пашни — непригодными для сельскохозяйственной деятельности. Археологические изыскания в Северной Германии показали, что уровень рек и озер здесь повысился настолько, что население вынуждено было покинуть большую часть селений, функционировавших в римское время. В результате тевтонами были оставлены земли Ютландии и смежных регионов материковой Германии. От наводнений и переувлажнения серьезно пострадало и Среднее Повисленье, отличающееся низменным рельефом. Здесь почти все поселения римского времени к началу V в. были оставлены земледельческим населением. Как показано ниже, значительные массы обитателей этого региона миг-

рировали на северо-восток, продвигаясь по возвышенным озерно-ледниковым грядам от Мазурских озер до Валдая.

Гуннские завоевания в Европе были прерваны в 451 г., когда вторгшиеся в Галлию войска гуннов потерпели поражение в битве на Каталанских полях. Через год известный гуннский предводитель Атиллы (445—454 гг.), собрав мощное войско, вновь двинулся в Галлию, но завоевать ее не смог, и после его смерти Гуннская держава распалась. Жизнь сохранившегося более или менее крупными островками земледельческого населения в ареалах пшеворской и черняховской культур, а это были в основной массе славяне, постепенно стабилизировалась. Лишенное продукции провинциально-римского ремесла население вынуждено было создавать быт и культуру заново. На первых порах раннесредневековое славянство по уровню развития оказалось ниже, чем в римский период.

В эпоху средневековья славяне вступили далеко не монолитной массой. Территориально они оказались разбросанными на широкой территории Средней и Восточной Европы. Связи между отдельными регионами нередко отсутствовали. Историческая ситуация в каждом из них была своеобразной, в ряде мест более или менее крупные группы славян расселились среди иноэтничных аборигенов. В результате в V—VII вв. сложилось несколько различных славянских культур, фиксируемых современной археологией (рис. 1).

АНТЫ

В течение V в. в Подольско-Днепровском регионе территории бывшей черняховской культуры формируется пеньковская культура (рис. 2). Ее создателями были потомки населения лесостепной полосы черняховского ареала, той его части, где в римское время в условиях славяно-иранского симбиоза сформировались анты. Помимо того, при становлении пеньковских древностей имел место приток переселенцев из Днепровских левобережных земель, на что указывают элементы киевской культуры, проявляемые в домостроительстве и в керамических материалах.

Памятники начального этапа пеньковской культуры исследовались в Среднем Поднепровье и на Южном Буге. Таковы, в частности, поселения Куня, Голики и Пархомовка, раскопанные П. И. Хавлюком в Побужье³, на которых открыты полуземляночные жилища, отапливаемые печами-каменками или очагами, и найдена характерная лепная глиняная посуда. На поселении Куня встречена железная двучленная фибула с длинной дужкой и сплошным плоским приемником, датируемая концом IV—V вв., в одном из жилищ селища Пархомовка найдена бронзовая фибула с лукообразной дужкой V в., которые позволяют отнести

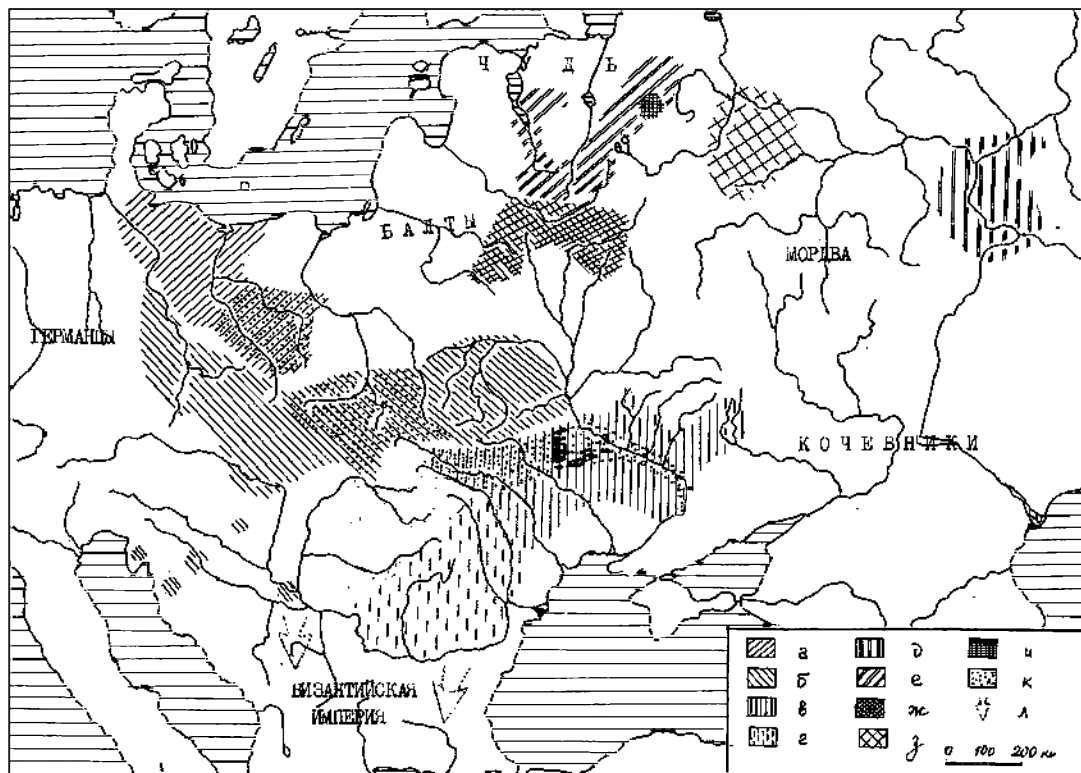


Рис. 1. Расселение славян в период Великого переселения народов

а — ареал суковско-дзедзицкой культуры; б — пражско-корчакской культуры; в — пеньковской культуры; г — ипотешты-кындештских древностей; д — именьковской культуры; е — культуры псковских длинных курганов; ж — тушемлинской культуры; з — «мерянской» культуры; и — древностей удомельского типа; к — регионы проживания славян в римское время; л — основные направления начавшегося процесса освоения славянами Балканского полуострова

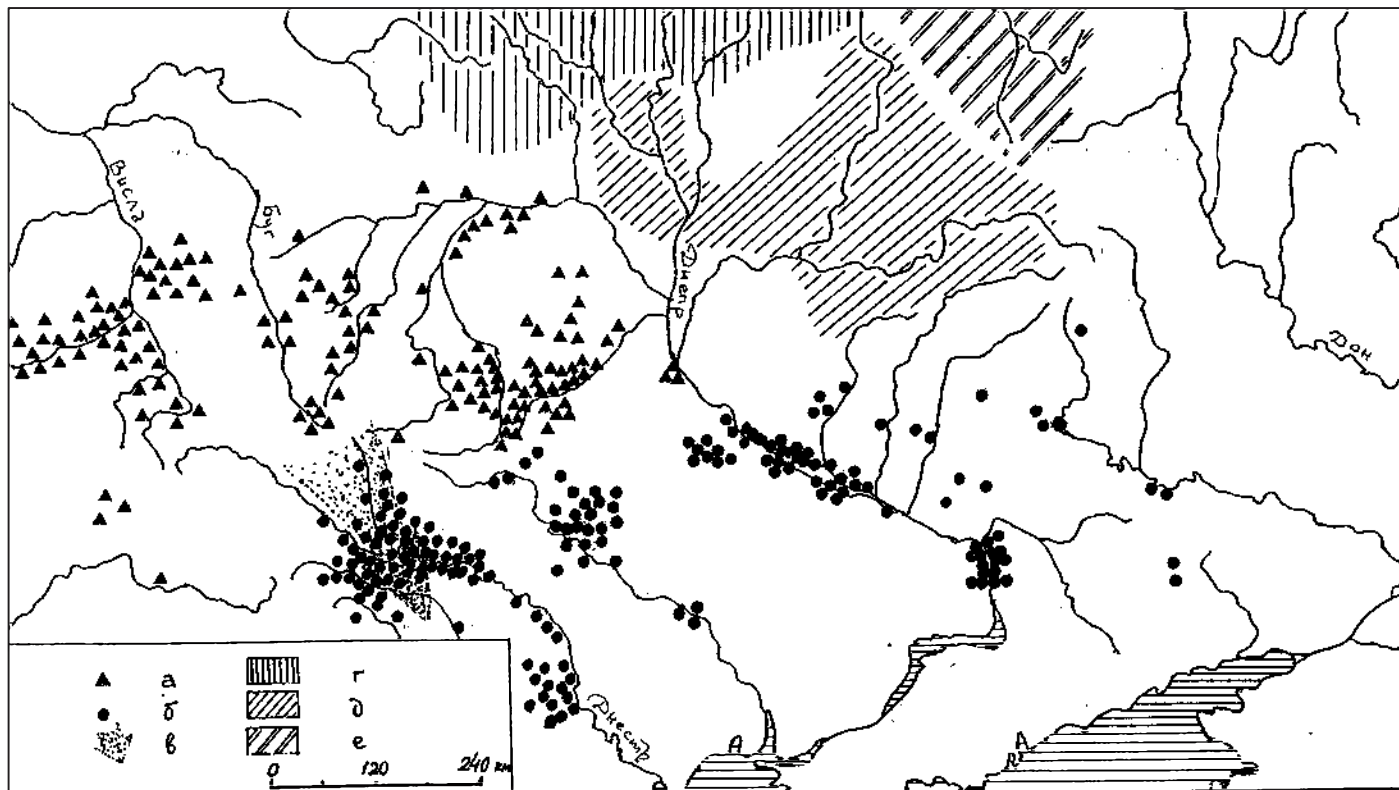


Рис. 2. Ареалы пражско-корчакской и пеньковской культур

а — памятники пражско-корчакской культуры (дулебская группа); б — памятники пеньковской культуры (антская группа); в — направление миграции носителей пражско-корчакских древностей к нижнему Дунаю; г — ареал тушемлинской культуры; д — колочинской культуры; е — мощинской культуры

памятники к V в. В полуземляночных жилищах на поселении Кочубеевка наряду с пеньковской посудой обнаружены и фрагменты гончарной черняховской керамики. Такая посуда встречена и на некоторых других пеньковских поселениях, очевидно, пережиточно используемая в начале средневековья.

В Среднем Поднепровье одним из исследованных памятников с культурными напластованиями V в. является поселение Хитцы⁴. Основную массу керамики здесь составляла типично пеньковская лепная посуда. Некоторые сосуды по форме сочетали в себе черты пеньковской и киевской керамики. Встречены также фрагменты гончарной черняховской посуды. Датированной находкой здесь является костяной гребень V в.

К раннему этапу пеньковской культуры принадлежит и один из грунтовых могильников у с. Великая Андрусовка на р. Тясмин. Его раскопками вскрыты захоронения по обряду трупосожжения на стороне. Остатки кремации ссыпались в небольшие ямки. В одном из таких погребений найдена бронзовая литая пряжка, относящаяся к V в.⁵

В следующем столетии население пеньковской культуры активно разрастается и осваивает новые территории. Культура характеризуется рядом особенностей, среди которых наиболее яркой является керамика (рис. 3: 4—6). Ее ведущей формой были горшки со слабо профилиро-

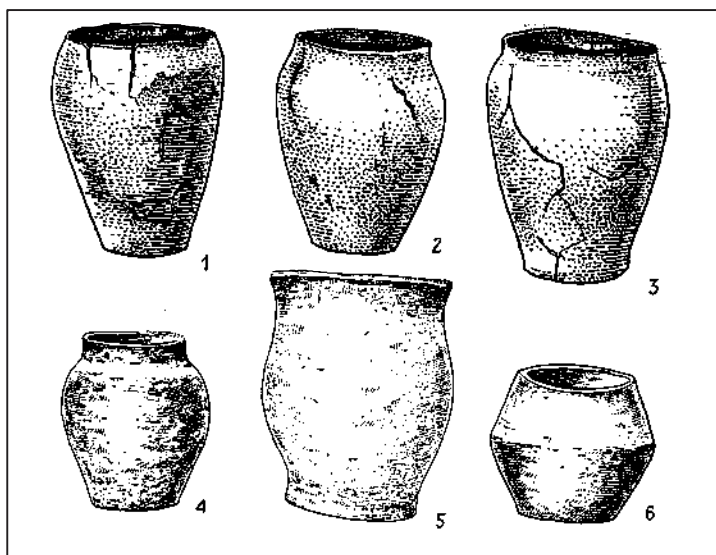


Рис. 3

Керамика пражско-корчакской (1—3) и пеньковской (4—6) культур

1—3 — из поселения Корчак IX и могильника Корчак; 4—6 — из селища Семенки

ванным верхним краем и овально-округлым туловом. Наибольшее расширение у этих горшков приходится на среднюю часть, горло и дно сужены и примерно равны по диаметру. Второй распространенный тип сосудов — горшки биконической формы с резким или несколько сглаженным ребром. Кроме того, на пеньковских памятниках обычны плоские глиняные диски и сковородки, свойственные большинству славянских культур раннего средневековья, и изредка миски. Вся эта посуда изготавливалась без гончарного круга. Орнаментация на сосудах, как правило, отсутствует, лишь единичные горшки имеют насечки по краю венчика, налепной валик или налепы в виде шишечек на тулове.

Основным типом поселений были неукрепленные селища площадью не более 2—3 га. На большинстве селений одновременно существовало от 7 до 15 домохозяйств. Господствовала бессистемная застройка, лишь немногочисленные поселения имели рядный тип застройки. Жилищами служили подквадратные в плане полужемлянки площадью от 12 до 20 кв. м. Глубина котлованов колеблется от 0,4 до 1 м. Стены построек имели срубную или столбовую конструкцию, преобладали срубные жилища. Срубы рубились «в обло» или «в лапу». Наземные части их возвышались на 1,5—2 м. При столбовой конструкции плахи укладывались горизонтально вдоль стен котлована и крепились кольями или посредством впуска концов их в пазы стояков. Крыши жилищ имели деревянные каркасы, которые перекрывались соломой, камышом или жердями, промазанными слоем глины.

Отапливались жилища печами или очагами. На ранней стадии пеньковской культуры преобладали очаги, позднее доминировали печикаменки, обычно занимавшие один из углов построек. В редких случаях зафиксированы и глиняные печи. Полы жилищ были утрамбованными, материковыми; лишь в немногих постройках пол выстилался деревянными плахами. Во многих постройках напротив печей вырезались выемки для спуска по деревянной лестнице, иногда ступеньки вырезались в материковом грунте. Интерьер пеньковского жилища непривлекателен — устраивались лишь пристенные лавки.

Жилищам на пеньковских поселениях сопутствовали хозяйственные постройки. Это были или наземные срубные или столбовые строения, или, чаще, ямы-погребца цилиндрической, колоколовидной или бочковидной формы от 0,3 до 2 м в поперечнике и до 2 м глубины. В них хранились зерно и иные продовольственные припасы.

В южных районах Поднепровья, где население пеньковской культуры вплотную соприкасалось с кочевническим миром, на ряде поселений открыты углубленные жилища округлой или овальной в плане формы, напоминающие юрты кочевников и указывающие на инфильтрацию с среду славян алано-болгарского населения.

В ареале пеньковской культуры известны и единичные укрепленные поселения. К числу таковых принадлежит достаточно хорошо изученное

раскопками городище Селиште в Молдавии размерами 130 × 60 м, устроенное при впадении ручья Ватич в р. Реут. С напольной стороны оно было укреплено деревянной стеной и глубоким каньоном. Раскопками выявлено 16 полуземляночных жилищ и 81 хозяйственная яма. В четырех полуземлянках зафиксированы остатки ремесленной деятельности, связанной с ювелирным делом и гончарным производством. Исследователи памятника считают, что городище было одним из административно-хозяйственных центров пеньковского ареала⁶.

Одним из интереснейших памятников пеньковской культуры является Пастырское городище с напластованиями VI—VII вв., расположенное в бассейне Тясмина⁷. Оно занимало площадь около 3,5 га и было защищено валами и рвами, сооруженными еще в скифское время. Раскопками исследовано около двух десятков жилищ-полуземлянок с печами-каменками, типично пеньковского облика. Кроме того, открыты мастерские по обработке железа, кузница и гончарные горны по обжигу глиняной посуды. Собран обильный и разнообразный вещевой материал. Преобладающей на городище была лепная керамика пеньковских типов. Вместе с тем, здесь встречены сосуды кочевнического облика и гончарная посуда так называемого пастырского типа — выпуклобокие серо-лощеные горшки. По всей вероятности, эта керамика восходит к черняховскому гончарству.

Пастырское городище было крупным торгово-ремесленным и, скорее всего, административным центром, в котором проживало разноплеменное население. Кроме славянских жилищ здесь открыты остатки юртообразных построек кочевников.

На территории пеньковской культуры исследован Гайворонский железодельный комплекс, располагавшийся на острове Южного Буга. На площади 3000 кв. м раскопками вскрыто 25 производственных печей, из которых 4 были агломерационными (для обогащения железной руды), в остальных осуществлялась выплавка железа⁸.

Погребальными памятниками пеньковской культуры являются исключительно грунтовые могильники. Носители ее и прямые потомки антов не знали курганного обряда вовсе. Пеньковскому ареалу был свойственен биритуализм, по всей вероятности унаследованный от черняховской культуры.

Наиболее исследованными могильниками пеньковской культуры являются упомянутый выше памятник у с. Великая Андрусовка и некрополь Селиште в Молдавии⁹. Захоронения по обряду кремации умерших на стороне с последующим помещением кальцинированных костей в неглубоких ямках диаметрами 0,4—0,6 м и глубиной 0,3—0,5 м зафиксированы повсеместно, погребения по обряду ингумации более редки.

Плодородные земли, занимаемые носителями пеньковской культуры, находки орудий сельскохозяйственного труда (железные наральники,

серпы, мотыжки), зерновые ямы, характерные для всех поселений, и остеологические материалы определенно свидетельствуют, что основой экономики были земледелие и животноводство. Среди ремесел прежде всего активно развивались железообработка и бронзолитейное дело. Технологические анализы железных изделий выявляют наследование пеньковским населением производственных достижений римского времени.

С пеньковской культурой связана серия кладов и случайных находок различных ювелирных изделий. Среди кладов выделяется Мартыновский, найденный в 1909 г. в бассейне р. Роси и содержащий до сотни серебряных предметов — налобные венчики, серьги, височные кольца, шейную гривну, браслеты, фибулу, поясные принадлежности (бляшки, наконечники и накладки), а также две серебряные чаши с византийскими клеймами, фрагмент блюда, ложку и девять стилизованных фигурок людей и животных¹⁰.

Весьма интересную и распространенную категорию находок составляют пальчатые фибулы, имевшие полукруглые щитки с пятью-семью выступами (рис. 4). Они встречены в составе кладов, на нескольких пеньковских поселениях и в захоронениях. На селище Барнашевка в Винницкой обл. открыт производственный комплекс третьей четверти I тыс. н. э., в котором найдена литейная форма для изготовления пальчатых фибул¹¹.

Пальчатым фибулам с маскообразными головками и их дериватам, называемым обычно фибулами антского типа, посвящена большая литература. В частности, мною было выполнено обобщение с картами распространения¹². Такие фибулы были составной частью женской одежды славянской этноплеменной группировки, представленной пеньковской культурой. Кроме того, эти украшения известны в тех регионах раннесредневекового славянского мира (Подунавье, Балканский полуостров и часть Юго-Восточной Прибалтики), в заселении которых, как свидетельствуют другие данные археологии, участвовали выходцы из севернопричерноморских земель.

Этноним славянской группировки, представленной рассматриваемой культурой, определим. Это анты, известные по историческим сочинениям VI—VII вв. Иордан, завершивший свой труд «Гетика» в 551 г., сообщает, что анты были частью славян-венедов и проживали на территории «от Данастра до Данапра»¹³. Исследователи этого памятника утверждают, что эти сведения позаимствованы Иорданом у Кассиодора, писавшего в конце V — начале VI в. Следовательно, указанные географические координаты должны относиться к начальной фазе пеньковской культуры и соответствуют Подольско-Днепровскому региону черняховской культуры.

Прокопий Кесарийский, византийский историк середины VI в., сообщает о более широком расселении антов¹⁴. Их западным пределом

в это время был северный берег Дуная (Истра), а на востоке антские поселения простирались до земли утигур, обитавших в степях Приазовья, что соответствует общей территории пеньковской культуры.

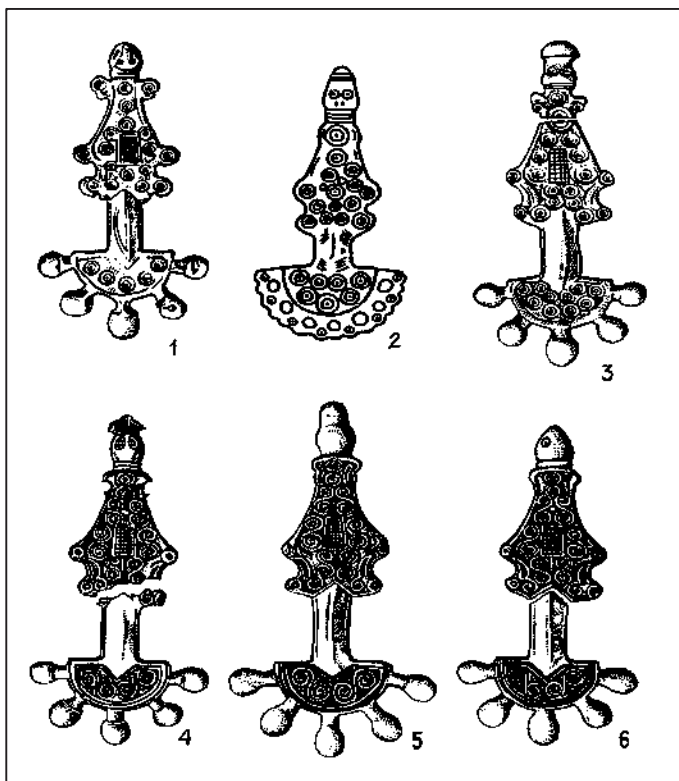


Рис. 4

Пальчатые фибулы с маскообразной головкой из антских памятников Северного Причерноморья

Таким образом, анты, согласно археологическим данным, — крупная племенная группа славян, сформировавшаяся в междуречье Днестра и Днепра в позднеримское время при участии местного ираноязычного населения и расселившаяся в начале средневековья на пространстве от нижнего Дуная до Северского Донца. Согласно данным палеоантропологии, значительная часть населения X—XII вв. Южной Руси, характеризующаяся мезокранией при относительной узколицести, восходит к той группе носителей черняховской культуры, которая сложилась в условиях ассимиляции скифо-сарматских племен¹⁵.

Прокопий Кесарийский сообщает, что анты, как и остальные славяне, пользовались одним языком, у них был одинаковый быт, общие обычаи и верования, а ранее они назывались одним именем — венетами. Вместе с тем, из исторических источников очевидно, что анты как-то выделялись среди прочих славян, поскольку они называются наравне с такими этническими группами того времени, как гунны, утигуры, мидяне и др. Византийцы каким-то образом отличали анта от славянина даже среди наемников Империи.

Своеобразие пеньковской культуры говорит о некоторой этнографической специфике антов. Есть основания полагать, что анты составляли особую диалектную группу позднепраславянского языка. Полная характеристика антского диалекта затруднительна, но допустима мысль о том, что он выделялся среди остальных праславянских диалектных образований, прежде всего наличием большого числа иранизмов.

Согласно В. И. Абаеву, изменение взрывного *g*, свойственного праславянскому языку, в задненебный фрикативный *γ* (*h*), что фиксируется в ряде славянских языков, обусловлено скифо-сарматским воздействием. Поскольку фонетика, как правило, не заимствуется у соседей, исследователь утверждал, что в формировании юго-восточного славянства (в частности, будущих украинских и южнорусских говоров) должен был участвовать скифо-сарматский субстрат¹⁶. Сопоставление ареала фрикативного *γ* в славянских языках с регионами, заселенными антами и их прямыми потомками, определенно говорит в пользу этого положения. В. И. Абаев также допускал, что результатом скифо-сарматского воздействия были появление в восточнославянском языке генитива-аккузатива и близость восточнославянского с осетинским языком в перфектирующей функции превербов¹⁷. Воздействием иранцев объясняет В. Н. Топоров происхождение беспредложного локатива-датива¹⁸. Эти фонетические и грамматические особенности в славянском мире являются региональными. Их географическое распространение допускает мысль о зарождении их в антском диалекте праславянского языка¹⁹.

С иранским миром Северного Причерноморья связано и проникновение в славянский языческий пантеон зафиксированных русскими летописями богов Хорса и Симаргла²⁰. В. И. Абаев писал об этимологических и семантических параллелях между украинским Виєм и иранским богом ветра, войны, мести и смерти (скифский *Vauhka-sura*), между восточнославянским Родом и осетинским *Naf*²¹.

В славянском этнонимиконе также известны бесспорные иранизмы. Таковы, в частности, племенные названия хорватов и сербов²². Появление этих племенных групп в Дунайском бассейне и на Эльбе, как показывают материалы археологии, было результатом великой славянской миграции раннего средневековья. Их предки в римское время проживали где-то в черняховском ареале Северного Причерноморья. Сам этноним *анты* также имеет скифо-сарматское начало. «Из всех суще-

ствующих гипотез, как кажется, более вероятной, — писал в этой связи Ф. П. Филин, — является гипотеза об иранском происхождении слова *анты*: древн. индийское *antas* ‘конец, край’, *anteas* ‘находящийся на краю’, осетин. *att`iua* ‘задний, позади’²³. Эту точку зрения разделяют многие ученые, в том числе О. Н. Трубачев²⁴. То есть, анты — окраинные жители. И действительно они заселяли юго-восточную окраинную территорию славянского мира и в римское время и в начале средневековой поры. Полное семантическое соответствие при этом наблюдается с названием области Украины, откуда современный этноним *украинцы*. Антами рассматриваемую группу славян, по-видимому, назвали скифо-сарматы Северного Причерноморья.

Для изучения общественно-политической структуры антов исторических свидетельств крайне мало. В конце IV в. в условиях вражды между готами и антами существование племенного образования последних представляется несомненным. Иордан сообщает, что первоначально анты отразили нападение готского войска, но через некоторое время готский король Винитарий все же сумел разгромить антов и казнил их князя Божа (Боза) с семьюдесятью старейшинами. Это событие, судя по косвенным данным, имело место где-то в регионе реки Эрак, отождествляемой обычно с Днепром²⁵.

В начале эпохи средневековья анты, как можно полагать на основании исторических данных, не создали общего политического объединения — единого племенного союза во главе с князьями-архонтами. Ничего не говорят об этом и материалы археологии. Из текста сочинения Иордана можно догадываться, что в VI в., по-видимому, было несколько антских племенных образований, каждое из которых имело своего князя. Прокопий Кесарийский сообщает, что анты «... не управляются одним человеком, но издревле живут в народовластии, и оттого у них выгодные и невыгодные дела всегда ведутся сообща»²⁶. Иными словами, анты, по Прокопию, не знали единодержавной власти, подобной византийской, и жили на основе самоуправления, обсуждая все общие вопросы на племенных сходках.

Взаимоотношения между антами и славянами в разные периоды были неодинаковыми. В ряде случаев они предпринимали совместные действия, источники фиксируют и вражду между ними. Во время правления Юстина I (518—527), как свидетельствует Прокопий, анты нападали на Фракию²⁷. С 40-х годов VI в. наступил период мирных отношений между антами и Византией. Около 545 г. был заключен антско-византийский союз²⁸. С этого времени источники не фиксируют ни одного нападения антов на Византийскую империю. Очевидно, благодаря этому союзу анты все шире проникают в Византию и участвуют отдельными отрядами в имперских войнах в Италии. Так, известно, что антский отряд составлял значительную часть войска византийского полководца Иоанна во время походов на Рим и завоевания Южной Италии. Проко-

пий сообщает о трехстах антах, охранявших область Лукании, отмечая при этом, что «...эти варвары искуснее всех умеют сражаться в труднодоступных местностях». Далее отмечается, что «анты с присущей им доблестью вместе с крестьянами из отряда Туллиана опрокинули врагов...»²⁹ Византийско-антский союз касался, вероятно, не всех антов. По данным Маврикия, писавшего в то же время, анты были врагами Византии. Выказано предположение, что информация Маврикия относится к придунайским антам, которые угрожали соседним крепостям Византийской империи и ее балканским владениям, а союзником ее был антский племенной союз Среднего Поднестровья. Эти же анты, возможно, помогали Византии и в борьбе с дакийскими славянами³⁰. В 602 г. аварский каган, узнав о нападении ромеев на дакийских славян, в то время союзников аваров, направил карательную экспедицию под руководством Апсиха, «...чтобы уничтожить племя антов, которое было союзником ромеев»³¹. Согласно Г. Г. Литаврину, поход Апсиха не был завершен, так как в это время несколько соединений аваров восстали и перешли на сторону Византии³². Антско-византийский союз оставался в силе, по-видимому, до 612 г., когда из титулатуры императора Ираклия исчез эпитет *антский*³³.

В днепровских землях, скорее всего, возникла еще одна племенная группа антов. Из информации византийского историка Менаандра Протектора (80-е годы VI в.) следует, что около 560 г. существовал союз нескольких антских вождей-архонтов. В связи с нашествием аваров на антские земли историк сообщает: «...когда правители антов были поставлены в бедственное положение и против своих надежд впали в несчастье, авары сразу же стали опустошать (их) землю и грабить (их) страну»³⁴. Очевидно, анты обманулись в своих надеждах на победу над аварами. Посольство, направленное антами к аварскому кагану, не имело успеха, возглавлявший его Мезамер был убит аварами.

Этноним *анты* сохранялся, нужно полагать, за носителями пеньковской культуры. Так их называли византийцы и соседнее неславянское население. Однако он не был самоназванием севернопричерноморских славян. Анты себя называли славянами или, возможно, племенными этнонимами типа *хорваты*, *тиверцы*, *уличи* и др. Не исключено, что некоторые из них поименованы в источнике IX в. — «Географе Баварском», о котором подробнее будет сказано ниже, а также в сочинении «Об управлении империей» Константина Багрянородного.

Широкое расселение антов и отсутствие единого политического образования привело к тому, что их этноним со временем был забыт. Этому способствовало, очевидно, и оформление к VIII—IX вв. восточнославянских племенных группировок, вышедших из антского культурно-племенного образования.

Пеньковская культура в целом датируется V—VII вв. Позднее она эволюционирует в сахновскую культуру и родственные ей древности

VIII—IX вв. Каких-либо существенных трансформаций при этом не наблюдается. Сохраняется облик поселений, их топография, планировка и размерность, домостроительство, погребальная обрядность. Несколько видоизменяется в основном лишь глиняная посуда. Многие поселения пеньковской культуры продолжали функционировать и в VIII—IX вв.

В это время ареал антских племен ограничивался землями к западу от Днепра — лесостепными регионами Украины и Молдавии. К востоку от Днепра около рубежа VII и VIII вв. имело место расселение славян иной диалектно-племенной группировки, которой ниже посвящен специальный раздел. Потомки антов здесь смешались с пришлыми славянами.

В землях к западу от Днепра в VIII—IX вв. наблюдается некоторая нивелировка славянских древностей лесной зоны и лесостепных регионов. Складывается однотипное домостроительство, на поселениях пеньковского ареала появляется лепная глиняная посуда, продолжающая традиции пражско-корчакской. Однако о полном тождестве лесостепного и лесного ареалов говорить нельзя, поскольку они существенно различаются по развитию погребального ритуала. В пражско-корчакском регионе получает распространение курганная обрядность, в бывшем антском — безраздельно доминировали грунтовые некрополи, в которых обряд ингумации постепенно вытеснял трупосожжения. Картография последних (рис. 5) свидетельствует о широкой инфильтрации потомков антов в более северные регионы, что было обусловлено постоянным давлением тюркоязычных кочевых племен. Другим существенным отличием пеньковского ареала от пражско-корчакского является отсутствие в женском убранстве антов и их потомков височных колец.

На антской территории Повесть временных лет локализует три племенных образования, зафиксированных русскими летописями, — хорватов, тиверцев и уличей.

Хорваты Восточной Европы — часть некогда большого праславянского племени. Великая славянская миграция раздробила это племенное образование. Известно, что около рубежа VI и VII вв. большая группа хорватов осела в Далмации. Другая группа их поселилась в Чехии, где она зафиксирована грамотой Пражского епископства 1086 г. В грамоте Генриха II 1108 г. названы хорваты, проживавшие на р. Заале. Известны еще хорваты где-то поблизости от р. Моравы.

В ареале пеньковской культуры по географическим мотивам вычленяются следующие локальные группы: верхнеднепровская, среднеднепровская, южнобужская, днепровско-тясминская и днепровско-орельская, которые отделены друг от друга более или менее широкими незаселенными территориями. Восточнославянские хорваты на основании исторических данных, материалов археологии и топонимики в X—XII вв. локализируются в Северо-Восточном Прикарпатье, преимущественно в бассейне верхнего течения Днестра. Следовательно, к этому племени

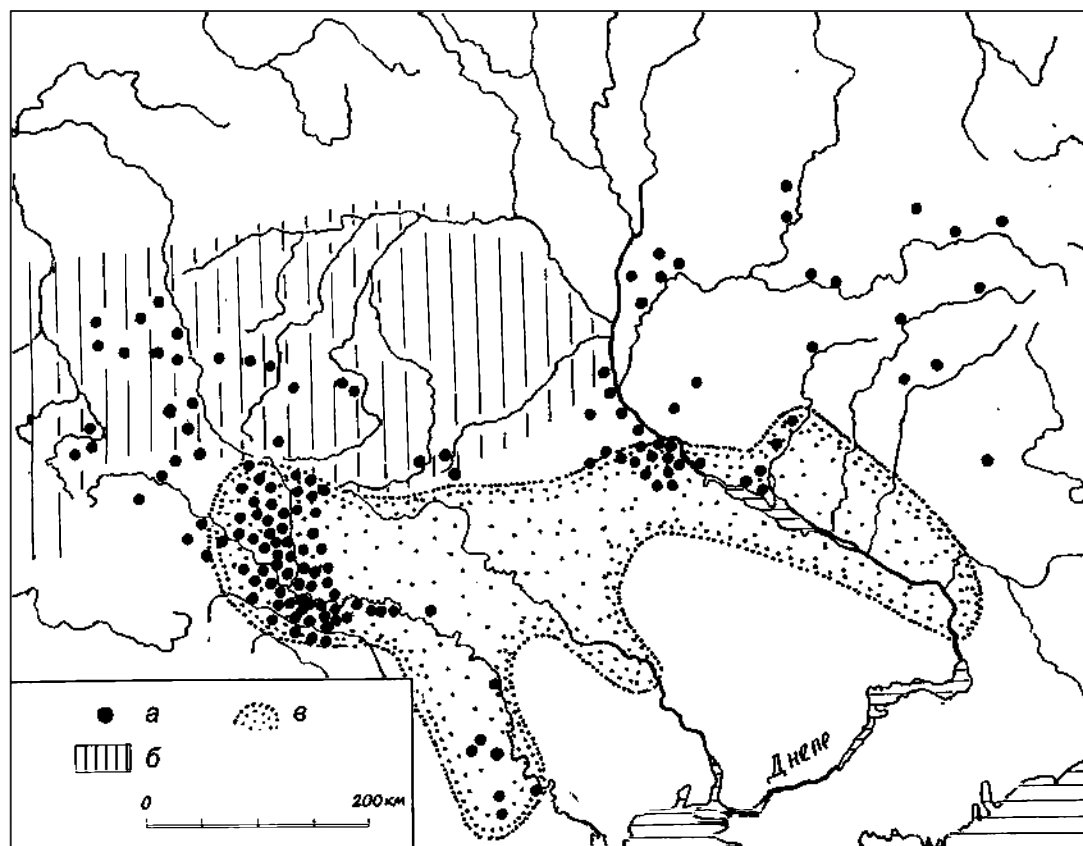


Рис. 5

Грунтовые могильники X—XII вв. древнерусского населения, вышедшего из антской среды
а — грунтовые могильники; б — ареал пражско-корчакской культуры; в — пеньковской культуры

можно отнести верхнеднестровскую группу пеньковских древностей. Среднеднестровский регион их координируется с тиверцами, южнобужский — предположительно с бужанами, днепровско-тясминский и днепровско-орельский — с ранними уличами. В антский период это были территориальные образования (каких-либо этнографических различий между регионами пока выявить не удастся), которые со временем оформились в отдельные племенные группы.

Этнографической особенностью хорватского ареала Верхнего Поднепровья в древнерусское время стали подплитовые могилы. Это захоронения по обряду ингумации, в грунтовых ямах, обозначенных на поверхности крупными каменными плитами³⁵. Прикарпатские хорваты составили костяк населения Галицкой земли.

Повесть временных лет сообщает, что «...тиверьци седяху бо по Днестру, приседяху къ Дунаеви. Бе множество ихъ; седяху бо по Днестру оли до моря, и суть грады их и до сего дне»³⁶. Этноним *тиверцы*, скорее всего, восходит от античному названию Днестра — Тирас. Если это так, то тиверцы буквально значит ‘днестровцы’ — обитатели Поднепровья. Гидроним же *Тирас* образован из иранского *tīras* — ‘быстрый’. Начиная с Геродота он неоднократно встречается в сочинениях античных авторов и в начале средневековья вытесняется названием Днестр (*Danaster* — у Иордана), которое имеет также иранское происхождение.

Согласно археологическим материалам, тиверцы — одна из группировок антов, жившая в бассейне Днестра (кроме верхнего его течения). Довольно хорошо изучены и поселения и грунтовые могильники второй половины I тыс. н. э. этого региона. Однако каких-либо специфических особенностей культуры тиверцев этого времени выявить не удается.

Начиная с конца IX в. в степные районы ареала тиверцев проникают тюркские кочевники. В результате в южной части Поднепровья в X в. славяне-тиверцы оставляют свои поселения. В этой связи можно согласиться с гипотезой, развиваемой еще Л. Нидерле, о переселении какой-то части тиверцев под натиском печенегов, а затем и половцев в Украинское Закарпатье и Семиградскую Русь³⁷.

До середины X в. уличи заселяли поднепровские земли южнее полянского ареала. В древнейшем летописном своде, фрагменты которого сохранились в новгородской летописи, говорится: «И беша седяще уличи по Днепру внизи, а по семъ преидоша межю Бъгъ и Дънестръ, и седоша тамо»³⁸. На основе анализа летописных данных Б. А. Рыбаков показал, что миграция уличей с Днепра в Побужье и на Днестр вполне реальна, и локализовал улический город Пересечен в Южном Поднепровье³⁹. Согласно Константину Багрянородному, уличи соседнили с печенежскими племенами. Лингвисты считают, что название этого племени образовано от славянской лексемы *угол* (*угол* > *угличи*; в русских летопи-

сях содержится несколько различных написаний этого этнонима, в том числе есть *угличи*). Форма *уличи* появилась, по всей вероятности, под влиянием тюркских языков⁴⁰. Между Днестром и Орелью, где уличи проживали во второй половине I тыс. н. э., есть историческая местность Угол. От этого топонима, очевидно, и образовался этноним *угличи* > *уличи*.

Ранние уличи — это антская локальная группа, заселявшая, как уже сказано, днепровско-орельский и днепровско-тясминский регионы пеньковской, затем сахновской культуры. В X в. эти земли были заняты тюркоязычными кочевниками. Уличи вынуждены были переместиться в лесостепные области бассейна Южного Буга, где как раз в это время возникает большое число укрепленных поселений.

ДУЛЕБЫ

Вторая крупная племенная группа раннесредневекового славянства представлена в V—VII вв. пражско-корчакской культурой (рис. 2). Общий ареал ее обширен — от верхней Эльбы и Среднего Подунавья на западе до правобережья Киевского Поднепровья на востоке и от средней Вислы на севере до Прикарпатья на юге. В общих чертах он соответствует территории, где, согласно Иордану, расселились *sklavēni*, то есть славены: «Склавены живут от города Новиетуна и озера, именуемого Мурсианским, до Данастра, а на север — до Висклы...»⁴¹ Произведенный комментатором «Гетики» Е. Ч. Скржинской анализ названных географических координат позволяет ограничить ареал рассматриваемой группы славян нижней Савой на юго-западе, Вислой на севере, Балатоном и Днестром на юге, что соответствует территории пражско-корчакской культуры V — первой половины VI столетия.

Общая характеристика пражско-корчакской культуры дана мною в книге «Славяне в раннем средневековье»⁴². В другой монографии было показано, что создателями этой культуры были потомки пшеворской культуры и формировалась она на первых порах преимущественно в землях к северу от Карпатских гор⁴³. Распространение пражско-корчакской культуры на весьма широкой территории связано с миграциями ее носителей, что, по всей вероятности, обусловлено было демографической ситуацией.

С восточнославянской историей связан сравнительно небольшой регион пражско-корчакской культуры — области Волыни, правобережной Киевщины и юга Припятского Полесья. Верховья Днестра и окраинные районы Волыни входили в ареал становления этой культуры, более восточные земли были колонизованы носителями ее во второй половине V—VI в.

Основными памятниками пражско-корчакской культуры являются неукрепленные поселения — селища, располагающиеся по берегам

больших и малых рек, при ручьях и иных водоемах, в местностях более пригодных для земледелия и выпаса скота. Поселения имели небольшие размеры, обычно они состояли из пяти—двадцати дворохозяйств. Наиболее распространенной застройкой была кучевая, бессистемная. Наблюдается размещение жилых строений нерегулярными группами. В промежутках между ними находились хозяйственные ямные постройки, которыми, по-видимому, пользовались коллективно большие патриархальные семьи. Некоторые селения имели рядную застройку. К числу таковых, в частности, принадлежит одно из полноизученных селищ у с. Рашков в Верхнем Поднестровье⁴⁴, куда носители пражско-корчакской культуры проникли по мере продвижения в Нижнедунайские земли.

Известны в пражско-корчакском ареале и немногочисленные городища. Одним из таковых является Зимно на Волыни, устроенное на мысу высокого берега р. Луг, притока Западного Буга⁴⁵. Городище имеет размеры 135 × 14 м и было защищено, как показали раскопки, стеной из деревянных стояков и закрепленных в их пазах горизонтальных бревен, а также частоколом. На городище выявлены следы ремесленного производства. В отличие от аграрных неукрепленных селений, здесь жили и работали кузнецы, ювелиры и камнерезы.

Основными этнографическими элементами пражско-корчакской культуры являются лепная керамика, домостроительство и погребальная обрядность. Основу керамики составляют высокие горшки с усеченно-коническим туловом, слегка суженным горлом и коротким венчиком. Наибольшее расширение их приходится на верхнюю треть высоты (рис. 3: 1—3). Большинство сосудов лишено орнаментации, лишь изредка встречаются горшки с косыми насечками по верхнему краю венчика. Кроме того, на поселениях обычны находки глиняных сковородок.

Жилищами служили полуземлянки площадью 8—20 кв. м, квадратные или подквадратные в плане, углубленные в грунт на 0,5—1 м. Стены домов в одних случаях были срубными, в других имели столбовую конструкцию. Полы были земляными, иногда они промазывались глиной, в редких случаях выстилались досками. В одной из сторон котлованов жилищ устраивался обычно вырез для входа, для спуска в дома служили деревянные лестницы. Один из углов жилища занимала печь, сложенная из камня или глины. Внутри домов устраивались прилавки-лежаки, вырезанные в материке или сделанные из дерева. Раскопками зафиксированы еще следы столов и иной мебели. По-видимому, высота жилищ достигала 2 м. Перекрытия были двускатными, они имели деревянный каркас, который покрывался досками или соломой. Имелись и наземные постройки. Так, на городище Зимно выявлены следы большого такого строения, по-видимому, поделенного на несколько камер, в каждой из которых имелся очаг.

Жилища-полуземлянки — одна из важных этнографических черт пражско-корчакской культуры. Однако этот тип славянского дома был

распространен также в пеньковской и ипотешти-кындештской культурах. В отличие от последних, в которых такие постройки были единственным типом домостроительства, в ареале пражско-корчакской культуры бытовали и наземные жилища. К сожалению, выявление и изучение последних весьма затруднительно.

Ранними погребальными памятниками пражско-корчакской культуры являются грунтовые могильники с захоронениями исключительно по обряду трупосожжения. Остатки кремации, собранные с погребального костра, ссыпались в небольшие и неглубокие ямки или, значительно реже, ставились на дно ямы в урне — глиняном сосуде типично пражско-корчакского облика. Большинство захоронений безынвентарные, лишь в очень немногих встречены оплавленные бусы из стекла, железные ножи, шилья, пряжки.

Уже в VI—VII вв. в пражско-корчакском ареале получают распространение курганы, и эта особенность выделяет рассматриваемую племенную группировку среди остального раннесредневекового славянства. Причины и условия зарождения курганной обрядности пока не выяснены. Возможно, это было связано с какими-то изменениями в языческом мировоззрении, но более вероятно предположение, что курганы появились здесь в результате воздействия со стороны культуры карпатских курганов, локализуемой в Северо-Восточном Прикарпатье⁴⁶. Погребальными памятниками последней являются невысокие, округлые в плане курганы с захоронениями по обряду кремации умерших. Строение насыпей и обрядность в наиболее ранних пражско-корчакских курганах во всех деталях сопоставимы с курганами культуры карпатских курганов. Она функционировала до середины V в., когда ее территорию заселили славяне пражско-корчакской культуры. Племена культуры карпатских курганов при этом влились в славянскую среду. В поздних напластованиях поселений этой культуры обычны пражско-корчакские сосуды и жилища-полуземлянки, а в пражско-корчакских памятниках второй половины V—VI в. выявляются комплексы с чертами культуры карпатских курганов.

Курганная обрядность в пражско-корчакском ареале распространялась постепенно. Период второй половины V — первой половины VII в. был временем становления этого ритуала. Курганы фиксируются главным образом в Волынско-Полесском регионе и Моравии, а основные массы славян этой культуры по-прежнему хоронили умерших в грунтовых могильниках. На следующем этапе (вторая половина VII—VIII в.) курганный обряд получает более широкое распространение, а в IX—X вв. почти окончательно вытесняет прежнюю обрядность (рис. 6). В это время в пражско-корчакском ареале уже не наблюдается культурного единства, он расчленился на несколько этнокультурных групп, каждая из которых эволюционировала самостоятельно. Лишь в отдельных элементах, в том числе в распространении курганной обрядности, проявляется

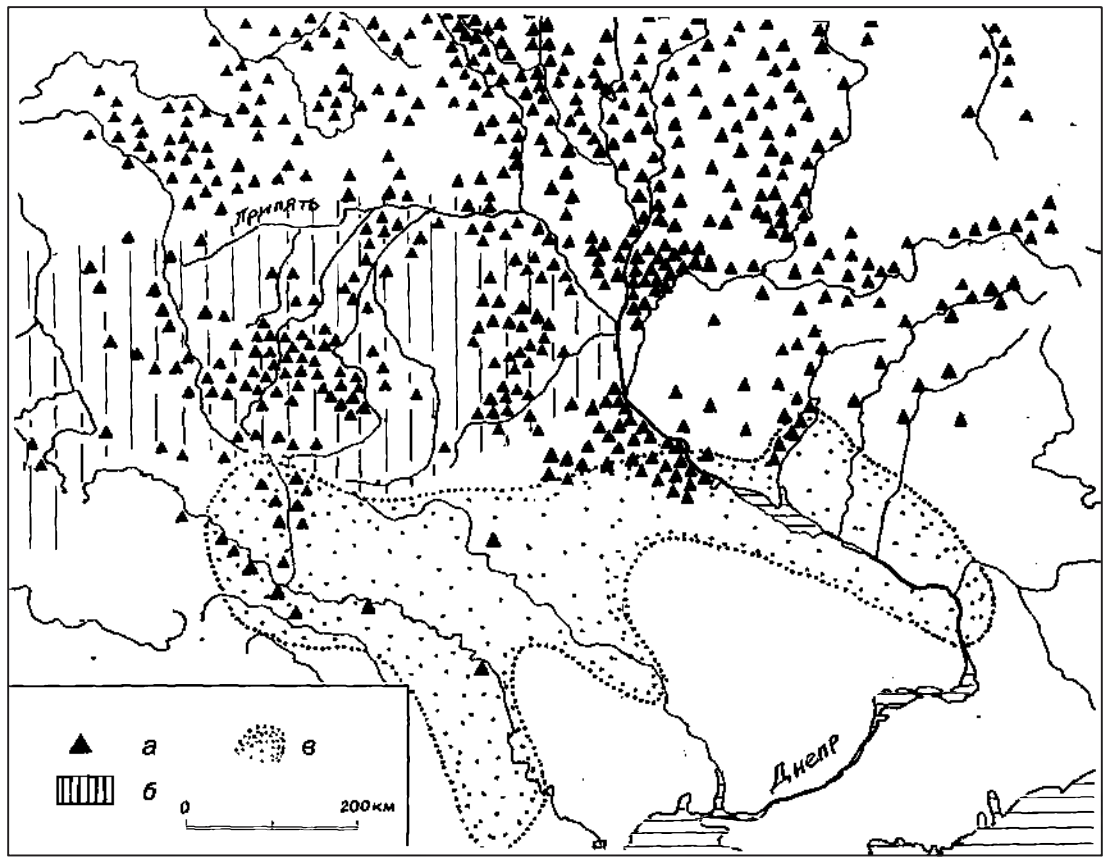


Рис. 6

Распространение курганных могильников X—XII вв.

а — курганные могильники; б — ареал пражско-корчакской культуры; в — пеньковской культуры

принадлежность этого славянского населения к общему культурно-племенному образованию начала средневековья.

Общность происхождения рассматриваемой группировки славян фиксируется также в распространении однотипных украшений — височных колец с S-образным концом. Такие украшения первоначально появились в VII—VIII вв. в Среднем Подунавье среди славянского населения, вышедшего из пражско-корчакской группы. В IX—XI вв. эта деталь женского убранства распространилась на всей территории, заселенной потомками племен пражско-корчакской культуры⁴⁷.

В лесостепной части правобережной Украины пражско-корчакская культура к началу VIII в. эволюционировала в культуру типа лука-райковецкой⁴⁸. Значительная часть поселений с керамикой последней имеет напластования и VI—VII вв. Поселения, возникшие в VIII—IX вв., по топографическим условиям не отличаются от более ранних. В это время наблюдается рост численности поселений, многие из них занимают большие площади по сравнению с пражско-корчакскими, хотя некрупные селища по-прежнему нередки. Основным типом оставались неукрепленные поселения, жители которых занимались сельским хозяйством. Вместе с тем, строятся (особенно в IX в.) и городища, которые имели ремесленно-торговый и, по-видимому, административный характер.

Одним из таковых является городище Хотомель в низовьях р. Горыни⁴⁹, устроенное на возвышении в болотистой пойме. Его овальная площадка размерами 40 x 30 м окружена земляным валом. С запада и востока устроены дополнительные дугообразные валы и рвы. С юго-востока к городищу примыкало селище, где раскопками открыты полуземляночные жилища, однотипные с пражско-корчакскими постройками. Такие дома с печами-каменками или глинобитными печами, расположенными в углах, характерны и для других поселений луки-райковецкой культуры. Наряду с полуземлянками строились и небольшие срубные наземные жилища, остатки которых выявлены, в частности, на Хотомельском городище. Поселения этой культуры, в отличие от более ранних, имеют большое число хозяйственных построек, обычны также зерновые и иные хозяйственные ямы.

Характерным маркером рассматриваемых древностей является керамика. Какой-либо четкой грани между глиняной посудой типа лука-райковецкой и пражско-корчакской не существует. Состав теста, обжиг, способ формовки и ассортимент форм остается прежним. Постепенное развитие шло от сосудов слабопрофилированных к сосудам более профилированным. Параллельно происходят некоторые изменения в пропорциях — сосуды становятся более низкими и широкими. В отличие от пражско-корчакской посуды, лишенной орнаментации, лука-райковецкая керамика нередко украшена различными узорами — защипами или насечкой по краю венчика, ямочным, неровным волнистым или линейным орнаментом. В IX в. появляются сначала лепные сосуды с

обточенным на гончарном круге верхом, а затем и сосуды, целиком изготовленные на круге.

В VIII—IX вв. процент курганных погребений в ареале рассматриваемой культуры заметно возрастает. В IX—X вв. курганная обрядность, по-видимому, полностью вытесняет захоронения в грунтовых могильниках. Если курганы пражско-корчакской культуры содержат остатки нескольких погребенных, то теперь каждая насыпь предназначались для захоронений индивидуумов.

Лука-райковецкая культура получила распространение только в восточной части пражско-корчакского ареала — от верхнего течения Западного Буга до правобережья Киевского Поднепровья. В других его частях культурное развитие происходило иными путями. К началу X в. культура типа лука-райковецкой трансформируется в древнерусскую.

Одним из древних племенных образований праславянского периода были дулебы. В период составления русских летописей дулебов уже не существовало. Повесть временных лет говорит о них как о прежних жителях Волыни: «Дулебы живяху по Бугу, где ныне вельняне...»⁵⁰ Сообщается, что дулебы подверглись нападению аваров при византийском императоре Ираклии (610—641 гг.).

Этноним *дулебы* (*дудлебы*) восходит к праславянской поре. Лингвисты объясняют происхождение его на германской почве⁵¹. Так, согласно О. Н. Трубачеву, этот этноним (**dudlebi*) произведен из герм. **daudlaiba* ‘наследство умершего’ и свидетельствует о соседстве с древним западногерманским ареалом. Если это так, то нужно полагать, что племенное образование дулебов сложилось еще в римское время, когда на территории пшеворской культуры имели место внутрорегиональные контакты славян с германцами, в том числе и с западногерманскими племенами.

Средневековые письменные памятники фиксируют разброс славянских дулебов — на Волыни, в Чехии, на верхней Драве, на среднем Дунае между озером Балатон и р. Мурсой⁵². Великая славянская миграция начала средневековой поры расчленила некогда единое праславянское племя и разбросала его части в разные стороны. Все эти группы дулебов, как показывают археологические материалы, восходят к пражско-корчакскому культурно-племенному кругу.

Дулебы восточнославянского ареала были одной, наиболее крупной группой праславянских дулебов. Летописи связывают их с Бугом, но это вовсе не значит, что территория расселения восточнославянских дулебов ограничивалась бассейном этой реки. Имеются серьезные основания отождествлять их с населением вольнско-киевско-припятской части пражско-корчакской культуры и сменившей ее лука-райковецкой.

В VIII—IX вв. в этом ареале наблюдается становления отдельных племенных образований, которые зафиксированы русскими летописями. Картография памятников культуры типа лука-райковецкой отчет-

ливо выявляет их весьма неравномерное распространение. Обнаруживается четыре более или менее крупных региона концентрации памятников, отделенных друг от друга незаселенными лесными или болотистыми пространствами (рис. 7):

- 1) верховья рек Буга, Стири и Горыни;
- 2) бассейны рек Тетерева и Ужа;
- 3) среднее течение Припяти (округа Турова);
- 4) киевское поречье Днепра с Ирпенью и устьем Десны.

Сопоставление этих регионов с территориями летописных племен, как они обрисовываются по курганным материалам X—XII вв., выявляет их соответствия (рис. 8). Так, первый регион в общих чертах совпадает с областью волянян. Скопление памятников VIII—IX вв. в верховьях Ужа и Тетерева соответствует коренной территории древлян. Группа памятников VI—IX вв., сосредоточенная в той части Припятского Полесья, где позднее был основан племенной центр дреговичей — Туров, надежно связывается с ранними дреговичами. К полянам должен быть отнесен регион правобережной Киевщины⁵³.

Некоторая территориальная изолированность этих групп, очевидно, способствовала слабо заметному этнографическому обособлению их. Так, из среды дулебов выделяются воляняне, древляне, поляне и дреговичи. Интересно, что эти новообразования получили свои названия от характера местностей, где они обитали: «...разидошася по земле и прозвашася имены своими, где седше на которомъ месте», — сообщает русский летописец⁵⁴. Так, название полян явно образовано от лексемы *поле* (*поляне* — ‘жители культурно возделанных земель’). Так же прозрачна этимология имени древлян — от слова *дерево* — ‘лесные жители’ («...древляне, зане седоша в лесех...»). Этимологию названия *дреговичи* исследователи выводят из слов со значением ‘болото’ (укр. *драговина* ‘болото’, белорус. *дрэтва* ‘болотистая, топкая местность’ и родственные лексемы в лето-литовских языках)⁵⁵. Та же часть дулебского племенного образования, которая обитала в бассейне верхнего Буга, стала называться бужанами, а позднее волянянами (от топонима *Волянь*—*Вельнь*).

В X—XII вв., согласно археологическим данным, воляняне и дреговичи расширили свои территории в северном направлении, освоив земли Среднего Побужья и верхнего Немана, левых притоков Припяти и нижнего течения Березины. Этот регион издревле принадлежал балтам, которые в процессе славянской инфильтрации не покинули мест своего обитания, смешались с переселенцами и постепенно оказались ассимилированными. Это придало некоторое своеобразие культуре северных регионов расселения дреговичей и волянян.

Воляняне, древляне, поляне и дреговичи в древнерусское время составляли юго-западную группу восточного славянства. Еще А. А. Спи-

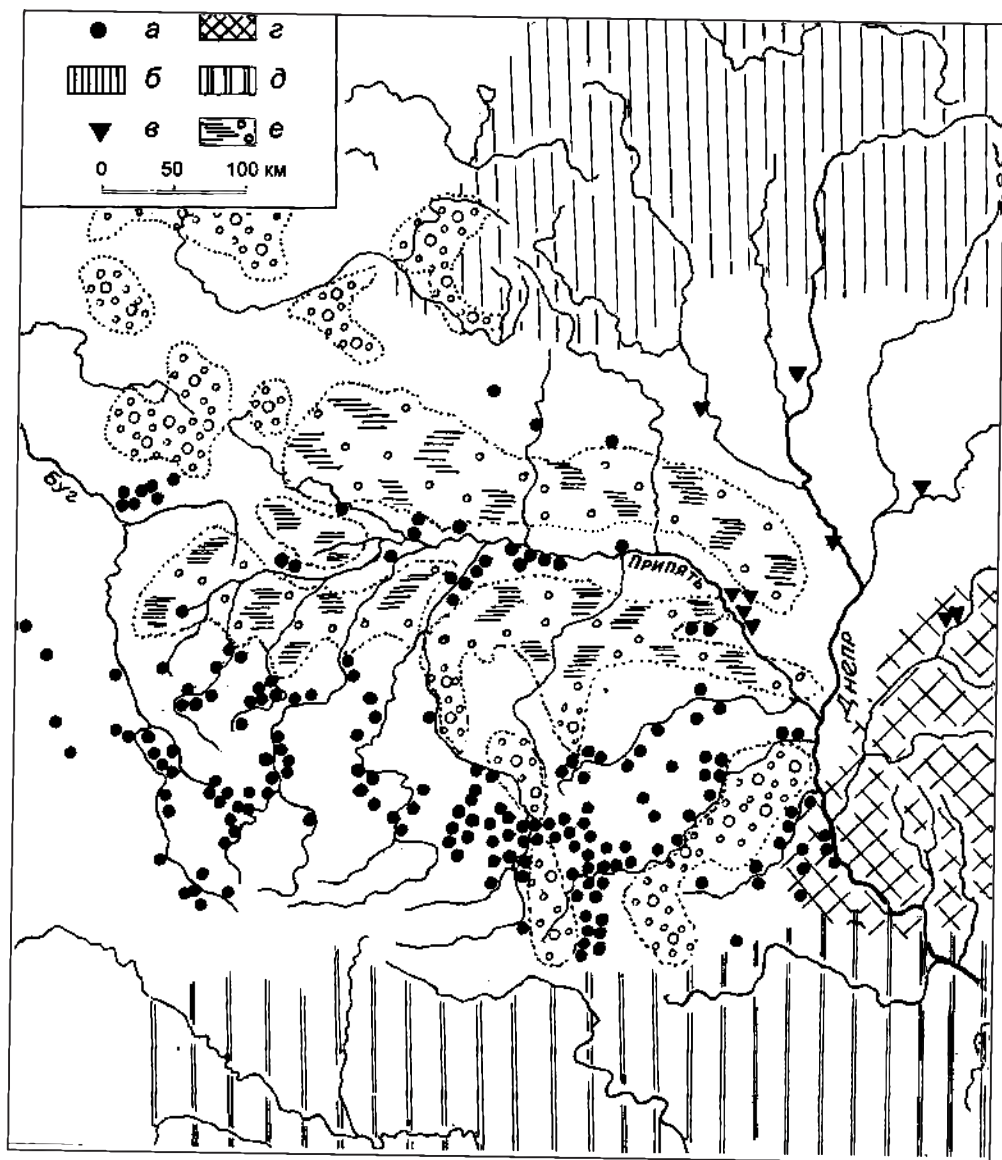


Рис. 7

Правобережье Среднего Поднепровья в V—VIII вв.

а — поселения пражско-корчакской и лука-райковецкой культур;
 б — ареал тушемлинской культуры; в — памятники колочинской культуры;
 г — ареал вольнецовской культуры; д — территория антской группы; е — крупные лесные и болотистые регионы

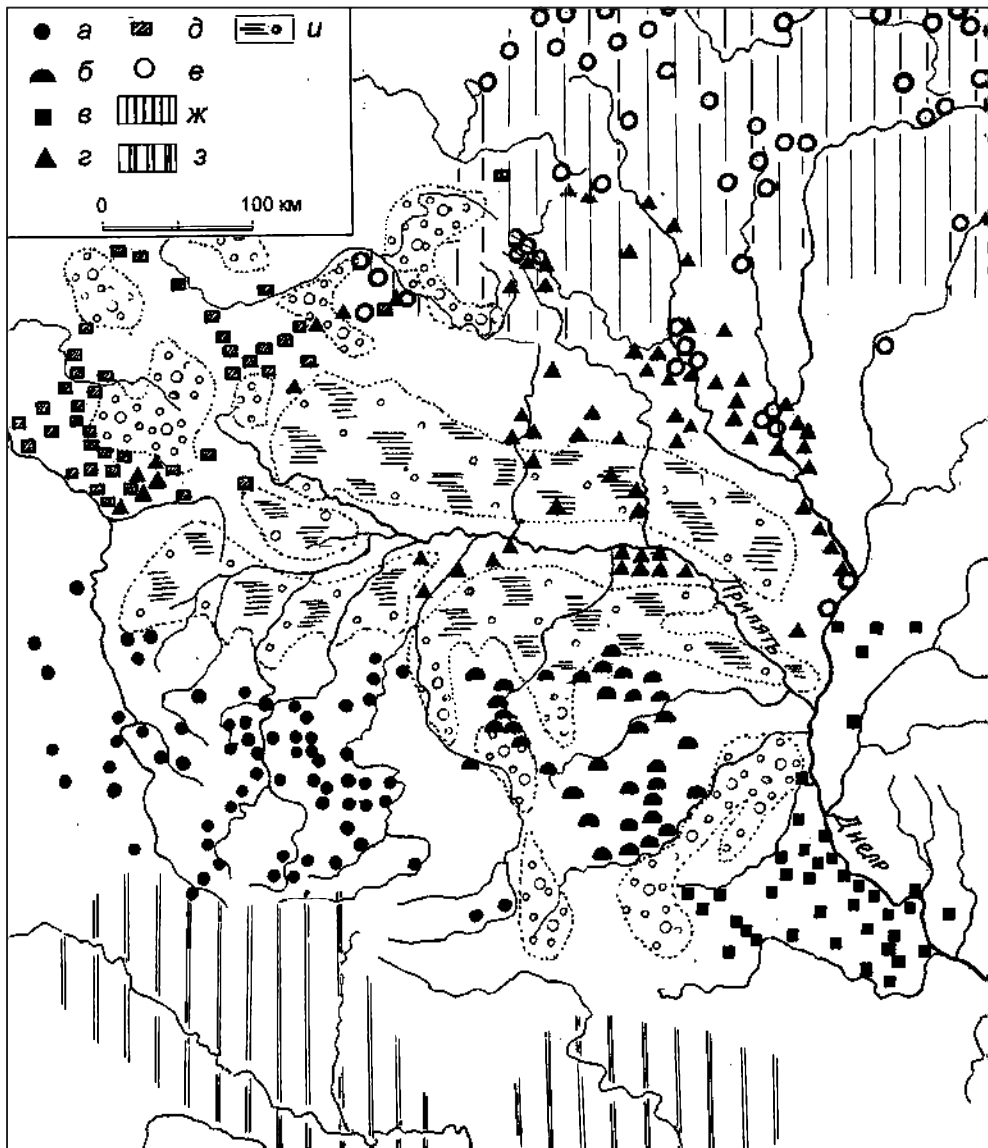


Рис. 8

Дулебская группа восточного славянства в X—XII вв.

а — памятники волянян; б — древлян; в — полян; г — дреговичей;
 е — могильники с каменными курганами; ж — памятники с находками браслето-
 образных височных колец; з — ареал хорватов; и — крупные лесные и болоти-
 стые регионы

цын в работе, положившей начало археологии восточнославянских племен, писал о полном единстве элементов обрядности и вещевых инвентарей курганов IX—XII вв. этой группы племен⁵⁶. Действительно, этнографические черты женского убранства волынян, древлян, полян и дреговичей бесспорно общие. Для всех этих племен свойственны простота и скромность украшений, отсутствие шейных гривн, нагрудных привесок, малочисленность браслетов и перстней и малочисленность перстнеобразных височных колец общеславянского облика. Только крупнозерненные металлические бусы в составе шейных ожерелий выделяют дреговичей среди иных племен юго-западной группы.

Обнаруживается еще один весьма характерный признак, ярко подчеркивающий этническую близость племен рассматриваемой группы. В курганах волынян, древлян, полян и дреговичей нередко встречаются эсоконечные кольца, которые, как говорилось выше, были характерны для славян раннесредневекового образования, вышедшего из пражско-корчакского культурного круга. В тех же курганах обычны и полутораоборотные височные кольца (сравнительно небольшие провололочные кольца, концы которых на пол-оборота, иногда несколько больше, заходят на кольцо так, что получается полутораоборотная спираль), которые следует рассматривать как этнографический маркер юго-западной группы восточных славян⁵⁷.

Если каждое из восточнославянских племенных образований лесной зоны Восточной Европы имело свой этноопределяющий тип височного украшения, то на юго-западе восточнославянского ареала это было свойственно группе летописных племен, что отражает происхождение последних из единого праславянского образования.

РУСЫ

В левобережной части Среднего и смежных землях Верхнего Поднепровья до последних десятилетий VII в. существовали две крупные культурные группы. Лесостепные земли принадлежали антам — носителям пеньковской культуры (сахновская стадия), а более северные области (поречье Сейма и Подесенье) заселяли племена колочинской культуры. В конце VII в. развитие этих культур в Среднем Поднепровье было прервано, что обусловлено вторжением крупной массы нового населения. Миграция последнего затронула и небольшой регион лука-райковецкой культуры в Киевском Поднепровье, где проживали поляне.

Пришлое население оказалось более активным как в хозяйственном, так и в иных отношениях. В результате в Днепровском левобережье формируется новая культура — волынцевская (рис. 9). Ранние горизонты напластований на ее памятниках характеризуются присутствием пеньковских и колочинских материалов. Так, на поселениях Ходосовка,

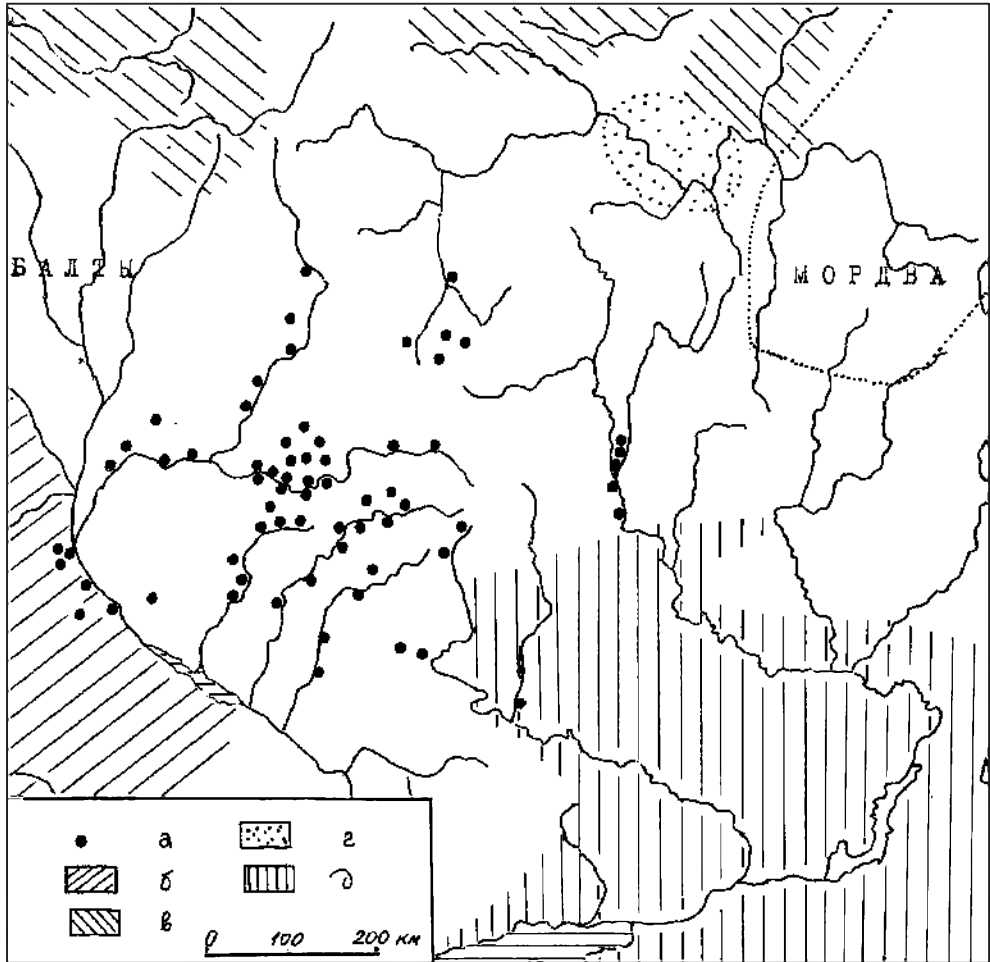


Рис. 9

Распространение памятников волынцевской культуры

а — памятники волынцевской культуры; б — территория дулебской и антской групп; в — ареалы северных групп восточного славянства; г — рязанско-окских могильников; д — салтово-маяцкой культуры

Вовки, Беседовка, Хитцы, Роище, Обухов-2 наряду с волынцевскими формами обнаружены округлобокие и биконические горшки, прямыми аналогиями которых являются материалы позднего этапа пеньковской культуры. В ранних слоях поселения Волынцево вместе с волынцевскими встречены сосуды биконических, цилиндро-конических и тюльпановидных форм, вполне сопоставимые с колочинскими⁵⁸.

Это — очевидное свидетельство не только контактов пришлого населения с местным пеньковским и отчасти с колочинским, но и метисации аборигенов с переселенцами. Постепенно пеньковские и колочинские традиции стираются, волынцевские элементы становится доминирующими. Быстрая аккультурация местного антского населения обусловлена его этноязыковой близостью с пришлым.

Основными памятниками волынцевской культуры являются селища, которые по своим топографическим особенностям и общему облику сходны с поселениями предшествующей поры. Они устраивались на невысоких участках надпойменных террас и на всхолмлениях среди речных долин. На позднем этапе некоторые поселения располагались на относительно высоких местах. Преобладают селища сравнительно небольших размеров, но известно немало и крупных, площадью 6—7,5 га. Для характеристики их планировки данных мало. На Волынцевском поселении на раскопанной площади в 4800 кв. м открыта 51 постройка жилого и хозяйственного назначения. Но они принадлежат к нескольким строительным периодам. Тем не менее, можно говорить о расположении строений четырьмя компактными группами, внутри которых жилища размещались кучно и бессистемно. Волынцевские поселения не имели укреплений. Только некоторые из них размещались на городищах, основанных в скифское время.

Жилищами служили полуземлянки, подквадратные или прямоугольные в плане, площадью от 12 до 25 кв. м. Большинство их было опущено в грунт на глубину от 0,4 до 1,2 м. Преобладали жилища со стенами каркасно-столбовой конструкции (с горизонтальной бревенчатой или плетневой облицовкой). Раскопками зафиксированы и срубные полуземлянки. Перекрытия жилых построек были двускатными и поднимались над стенами на высоту до 1,2 м. На деревянную кровлю насыпали нетолстый слой земли с глиной. Для входа делались коридорообразные ступенчатые вырезы. Нередко в постройках имелись ямы-хранилища, вырезаемые в полу или уходящие подбоем в стену. Кроме того, вне жилищ на поселениях обычны наземные и ямные хозяйственные строения. Как видно, волынцевские жилища идентичны полуземлянкам других славянских регионов раннего средневековья.

В левобережной части Среднего Поднепровья жилища отапливались преимущественно глиняными печами. Нередко они вырезались в материковых останцах при сооружении домов, а если грунт был непригодным для этого, печи выкладывались из принесенной и сбитой спондиловой глины. В более северных областях Поднепровья были распространены печи-каменки. На Битицком, Опошнянском и некоторых других поселениях на раннем этапе устраивались также открытые очаги.

Могильники волынцевской культуры — грунтовые, без каких-либо наземных признаков. Умерших сжигали на стороне и остатки кремации ссыпали в неглубокие ямки или в глиняных сосудах помещали в

них. Наиболее изученным является Волынцевский могильник, в котором раскопками вскрыто семнадцать захоронений. Сожженные кости, собранные с погребального костра и очищенные от золы и угля, с немногочисленными предметами личного убора умершего здесь обычно помещались в ямках в горшках-урнах. Нередко они сопровождались сосудами-стравницами. В захоронениях встречены стеклянные и пастовые бусы, бронзовые браслеты и др.

Одним из важнейших маркеров рассматриваемой культуры является специфическая керамика (рис. 10). Для волынцевских древностей, особенно среднего этапа, весьма характерны гончарные лощеные сосу-

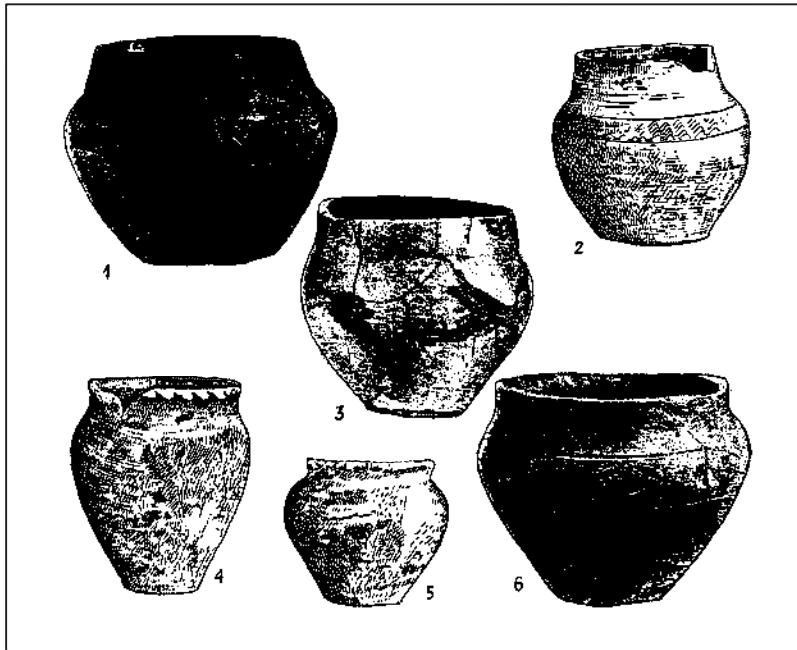


Рис. 10

Керамика волынцевской культуры

1, 3, 6 — из поселения Волынцево; 2, 4, 5 — из могильника Сосница

ды с высоким прямым верхом, выпуклыми плечиками и усеченно-коническим низом. Это типичные «волынцевские горшки». Их черная или темно-коричневая поверхность нередко орнаментировалась лощеными и прочерченными вертикальными и перекрещивающимися линиями. Центр изготовления этой посуды находился где-то в ареале волынцевской культуры, но пока не исследован археологами. Высказано

предположение, что его следует локализовать в районе Полтавы, где еще Н. Е. Макаренко зафиксировал гончарное производство этого времени (в балке Таранов Яр близ с. Мачуха).

Среди лепной глиняной посуды, которая составляет 80—90% всей керамической коллекции, доминируют горшки тех же форм, что и описанные гончарные. Они имеют заглаженную или подлощенную поверхность и изготовлялись из хорошо отмученной глины с примесью мелко-го песка. На среднем и позднем этапах распространяются лепные горшкообразные сосуды грубой выделки, по облику и способам изготовления близкие к глиняной посуде роменской культуры. Они делались из глины с примесью крупного шамота и имели шероховатую поверхность. Из такой глины изготавливались и сковородки, обычно с высокими бортиками. Нередки на памятниках волынцевской культуры и открытые круглодонные миски, среди которых есть и лепные, и гончарные.

Особую группу керамики составляют амфоры — двуручные сосуды так называемого салтовского типа, с характерным бороздчатым туловом, красно-оранжевой поверхностью, иногда со светлым ангобом. Такая посуда в VIII—IX вв. была широко распространена в Донском регионе и в Крыму и поступала в волынцевский регион в результате торговых операций. Процент салтовской керамики в разных местностях волынцевской территории различен. В южных местностях, пограничных с салтовским ареалом, он довольно велик (например, на поселении Вовки такая посуда составляет 21% керамического материала).

Вещевые находки из железа на памятниках волынцевской культуры представлены орудиями труда (наральники, серпы, косы, топоры), оружием и доспехами, а также бытовыми предметами (ножи, пинцеты) и пряжками. Коллекция из цветных металлов состоит в основном из украшений (височные кольца, браслеты, перстни, фибулы, бляшки, бубенчики). Наиболее яркие комплексы украшений представлены вкладах. Так, в состав Харьевского клада, обнаруженного в типично волынцевском горшке, входили золотые и серебряные серьги, шейные гривны, антропоморфные фибулы, плоские подвески, серебряная цепь и детали поясного набора⁵⁹. Изделия из кости на волынцевских поселениях представлены проколками, кочедыками и амулетами. Встречены также стеклянные бусы и большое количество глиняных пряслиц.

Топография поселений и облик материальной культуры не оставляют сомнений в земледельческом характере экономики волынцевского населения. Материалы раскопок дают возможность восстановить и ассортимент культурных растений. Это — просо, яровая и озимая пшеница, рожь, горох, полба, конопля. На долю домашних животных приходится свыше 80% остеологического материала.

В развитии волынцевской культуры выделяются три основных этапа. Ее ранние комплексы, в которых присутствуют керамические формы пеньковского и колочинского облика, датируются (на основании

дротовых браслетов с расширенными или зооморфно оформленными концами, В-образных пряжек, костыльковидных застежек и др.) начиная с последних десятилетий VII в., может быть с рубежа VII—VIII вв. Средний этап рассматриваемой культуры характеризуется исчезновением форм сосудов, продолжавших традиции пеньковской и колочинской керамики, и распространением гончарной посуды. Он определяется VIII веком⁶⁰. На позднем этапе (вторая половина VIII в. и первая половина IX в.) наблюдается эволюционная трансформация волынцевской культуры в роменскую.

При этом гончарная посуда выходит из употребления, по-видимому, в связи с прекращением в силу каких-то исторических обстоятельств функционирования центров по ее производству. Формируется набор сосудов, характерный для роменских древностей, распространяется веревочный орнамент. Сопоставительный анализ керамики волынцевских памятников с посудой роменской культуры проведен С. П. Юренко, А. А. Узяновым и В. А. Петрашенко. В результате установлена преемственность в изготовлении посуды волынцевской и роменской культур⁶¹. Форма характерного волынцевского горшка (с цилиндрическим горлом и высокими плечиками) становится весьма распространенной и на памятниках роменской культуры и бытует вплоть до XI в., когда лепную посуду окончательно вытесняет древнерусская гончарная керамика. Жилища-полужемлянки, свойственные волынцевской культуре, составляют этнографическую особенность также и роменского населения. При эволюции волынцевской культуры в роменскую сохраняется неизменной и погребальная обрядность.

Основной территорией волынцевской культуры является Подесенье с бассейном Сейма и верхние и средние течения Сулы, Псла и Ворсклы, где сосредоточено наибольшее количество этих древностей. Крайние западные волынцевские поселения известны на правом берегу Днепра в округе Киева и Канева⁶². На юго-востоке волынцевский ареал простирался до верхнего течения Северского Донца, где вплотную соприкасался с территорией салтово-маяцкой культуры. Между населением этих культур устанавливаются активные контакты — некоторые салтовские вещи широко распространяются на территории волынцевской культуры⁶³. В свою очередь, небольшие группы волынцевского населения проникают в соседние области салтово-маяцких древностей, на что указывают, в частности, находки волынцевской керамики в Дмитриевском могильнике⁶⁴, поселении Жовтнево, в Саркеле и других местах.

Имеются материалы, позволяющие говорить о расселении носителей волынцевской культуры и в бассейне среднего течения Дона. На памятниках боршевской культуры, безусловно родственной роменской, если не составляющей ее вариант, представлены горшковидные сосуды типично волынцевского облика. С волынцевским населением в Среднем Подонье можно связывать две группы керамики. Первую состав-

ляют характерные волынцевские гончарные горшки с пролощенным орнаментом, вторую — горшки, по форме весьма близкие к типично волынцевским, но имеющие некачественное лощение. По мнению А. З. Винникова, последняя посуда изготавливалась на месте как подражание волынцевской керамике.

Керамика волынцевского облика встречена как на поселениях (Белогорское городище), так и в могильниках (Первый и Второй Белогорские и Лысогорский). И. В. Зинковская, исследовавшая материалы Второго Белогорского могильника, отметила, что среди керамики его довольно отчетливо выделяется серия горшков с высоким, почти вертикальным горлом, полностью сопоставимая с сосудами волынцевской культуры. Исследовательница обращает внимание еще на присутствие в материалах этого памятника лепных округлобоких горшков с примесью шамота в тесте, сопоставимых с позднепеньковской керамикой. В этой связи делается предположительный вывод о некотором участии пеньковского населения в формировании славян Воронежского Подонья⁶⁵. Очевидно, освоение славянами этого региона следует относить к начальному этапу волынцевской культуры. К числу ранних славянских памятников принадлежит и поселение в с. Ярлуково Липецкой обл., где встречены глиняные сосуды, сопоставимые с пеньковско-колочинскими⁶⁶.

На наиболее полно раскопанном поселении Титчиха, расположенном на правом берегу Дона ниже Воронежа, собственно волынцевской керамики не выявлено, но в коллекции этого памятника есть немало горшков, очень близких по форме к посуде, характерной для волынцевских древностей⁶⁷. Это поселение принадлежит к относительно поздним среди памятников боршевской культуры, чем, видимо, и обусловлена такая картина.

Исследователи боршевской культуры нередко утверждают, что ее характеризует курганный обряд погребения. Действительно, в ареале этой культуры имеется немало курганных некрополей. Однако нельзя не обратить внимание на то, что все до сих пор раскопанные здесь курганы Подонья датируются IX—X вв., то есть принадлежат не к этапу становления боршевской культуры. При исследовании Лысогорского могильника было зафиксировано, что курганы здесь сооружены на месте предшествовавшего им поселения более раннего этапа боршевской культуры. Очевидно, курганный ряд получил распространение на среднем Дону на столетие позже становления рассматриваемой культуры. До этого боршевское население, как и носители волынцевских и роменских древностей, хоронило умерших в грунтовых могильниках. Обычай сооружать курганы с погребальными камерами-домовинами был внесен на средний Дон только в IX в., очевидно из Верхнего Поочья.

Домостроительство боршевского региона идентично роменскому. Печи здесь выкладывались в основном из камня, так же как в деснинском регионе волынцевской культуры. Думается, есть все основания

полагать, что боршевская культура на Дону, как и роменская в Днепровском левобережье, сложилась на базе волынецовских древностей (рис. 11).

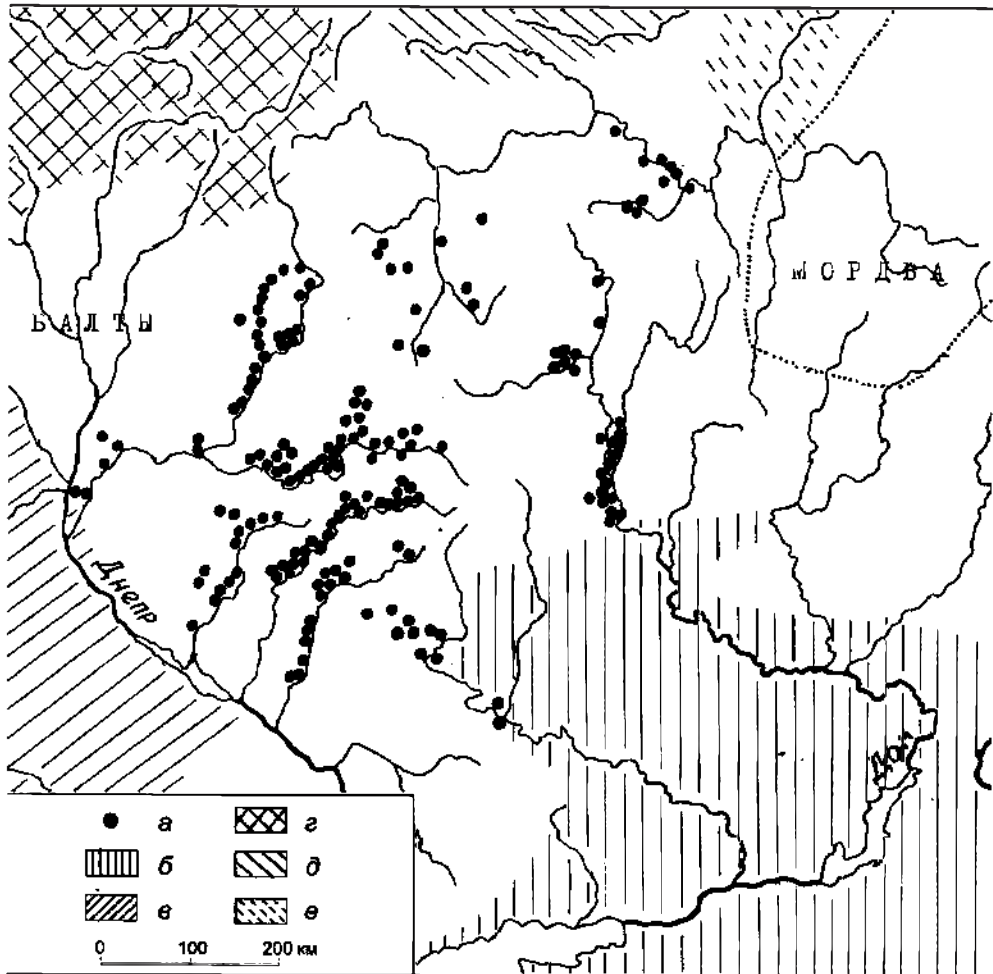


Рис. 11

Распространение памятников роменской и боршевской культур

а — памятники роменской и боршевской культур и подобных им древностей Окского бассейна; б — ареал салтово-маяцкой культуры; в — дулебской и антской групп; г — кривичей смоленско-полоцких; д — славянской группы, представленной браслетообразными незавязанными височными кольцами; е — муромы

Аналогичная ситуация имела место в бассейне верхней Оки. Памятников исключительно с отложениями волынцевской культуры в этом регионе нет, но характерная для волынцевских древностей глиняная посуда обнаружена на многих поселениях. При систематизации верхнеокской керамики VIII—X вв. Т. Н. Никольская выделила большую группу лепных горшков с прямым, вертикальным горлом и выпуклыми плечиками, которые по всем показателям тождественны характерным сосудам волынцевской культуры. Такая керамика встречена при раскопках поселений Воротынцево на Зуше, Синюково, Зайцево, Федяшево и других. Горшки волынцевского облика с заглаженной поверхностью обнаружены также в курганах с трупосожжениями в Лебедке и Воротынцеве. Некоторые горшкообразные сосуды из Западного могильника также очень близки к волынцевским⁶⁸.

Думается, что эти материалы достаточно определенно отражают расселение в бассейне верхнего течения Оки волынцевского населения. Это была, по всей вероятности, постепенная инфильтрация носителей волынцевских древностей, причем они, как правило, не основывали новых поселений, а подсеялись на уже существующие. Видимо, поэтому волынцевская культура в Поочье не выделяется так ярко, как в Днепровском левобережье. Время миграции волынцевских племен на Оку определяется не позднее конца VII в., поскольку в VIII—IX вв. здесь широкое распространение получил уже курганный обряд захоронения, чуждый волынцевскому населению.

Сооружение курганов было свойственно предшествующему верхнеокскому населению, представленному мощинской культурой IV—VII вв. Расселившиеся в этой среде носители волынцевской культуры восприняли эту обрядность.

Племена мощинской культуры принадлежали к балтскому этноязыковому массиву. В сочинении Иордана они, по-видимому, зафиксированы под названием *Coldas*, в котором явно проступает *голядь*, остатки которой, проживавшие в XII в. на р. Протве, притоке Оки, упомянуты в летописи⁶⁹. Первые небольшие группы славян достигли верхней Оки, как можно догадываться по находкам здесь фибул черняховских типов, еще на рубеже IV и V вв. Однако судьба их остается неясной.

Древности Верхнего Поочья VIII—X вв. по всем основным компонентам, в том числе керамическому материалу и домостроительству, сопоставимы с роменской культурой. Единство происхождения этих культур проявляется во многих деталях. Идентичны топографическая ситуация поселений, их планировка, типы жилищ-полужемлянок с глиняными печами, наборы глиняной посуды, формы горшков, мисок и сковородок. Тождественны даже орнаментальные узоры, которые наносились одинаковыми инструментами. Правда, доля орнаментированной посуды на Оке меньшая, чем в роменском ареале.

Вполне очевидно, что становление волынцевской культуры было обусловлено появлением в Днепроовском Левобережье, на Дону и Оке значительных масс нового населения. Вопрос о том, откуда шла эта миграция, ныне решается достаточно авторитетно.

Эта проблема уже была рассмотрена мною⁷⁰. Представляется, что здесь можно ограничиться кратким изложением полученных результатов.

Сопоставительный анализ характерных маркеров волынцевской культуры обнаруживает ее близость к именьковским древностям, которые в конце IV—VII в. получили распространение в Среднем Поволжье (от нижней Камы до Самарской луки)⁷¹. Свойственные волынцевской культуре горшки с цилиндрическим верхом и высокими плечиками были весьма характерной формой и именьковской керамики. Волынцевские миски в равной степени сопоставимы с именьковскими. Тем и другим древностям свойственны однотипные глиняные сковородки. Единственным орнаментом именьковской керамики, как и волынцевской, были пальцевые вдавления по венчику.

Однотипны и поселения волынцевской и именьковской культур. Жилища именьковской культуры — опущенные в грунт прямоугольные в плане строения каркасно-столбовой, реже — срубной конструкции — сопоставимы с волынцевскими. Отапливались они также глиняными печами, каменками или очагами. В волынцевском ареале также известны глиняные печи, каменки и очаги. Правда, в именьковских жилищах чаще встречаются очаги, в то время как на поселениях волынцевской культуры доминировали печи, а очаги свойственны только постройкам раннего этапа. Для поселений обеих культур весьма характерны ямы-кладовки однотипного строения (колоколовидной или цилиндрической формы, стенки обмазывались глиной и иногда обжигались).

Грунтовые могильники именьковской и волынцевской культур состоят из однотипных захоронений по обряду кремации умерших на стороне. Там и тут очищенные от углей и золы кальцинированные кости помещались в неглубоких ямках и сопровождалась глиняными сосудами.

Нельзя не отметить и полную однородность экономики волынцевского и именьковского населения. Их культуры характеризуются одинаковым земледельческим укладом. Им свойственны одинаковые орудия сельскохозяйственного труда, идентичны культивируемые растения, тождественны соотношения долей животноводства и охоты, однороден видовой состав домашнего скота.

Установлено, что в конце VII в. основная масса именьковских поселений (а их археологам известно более 600) и могильников прекращают функционировать. Раскопки их показывают, что селения не были разгромлены или сожжены. Они были оставлены именьковским населением. В силу каких-то обстоятельств обширные плодородные земли

Среднего Поволжья оказались опустошенными. Земледельцы этого региона вынуждены были искать новые территории для своего расселения.

Именно в конце VII в. в Днепро-Донском междуречье археологически документируется появление крупных масс нового населения, которое создает волынцевскую культуру, безусловно продолжившую традиции именьковской. Причиной миграции именьковского населения стало появление на Волге воинственных орд тюркоязычных кочевников⁷².

Именьковская культура связывается со славянским этносом. Ее носителями были славяне, составившие крупную культурно-племенную группировку после гуннского погрома черняховского ареала. В этой ситуации какая-то часть (довольно многочисленная) антов в конце IV в. переместилась из этого ареала в Среднее Поволжье, где и основала именьковскую культуру⁷³.

Славянская атрибуция населения именьковской культуры находит подкрепление в лингвистических материалах. Согласно В. Н. Напольских в пермских языках имеется ряд праславянских лексических заимствований, которые относятся ко времени до распада пермской этноязыковой общности, то есть они не могут быть позднее середины I тыс. н. э.⁷⁴ Заслуживает особого внимания присутствие в перечне этих заимствований лексемы *рожь*. Как известно, до славянского расселения в восточноевропейских землях рожь не культивировалась. Польский исследователь К. Яжджевский утверждает, что эта сельскохозяйственная культура и в Средней Европе получала распространение только в процессе расселения славян⁷⁵.

Меньшая часть именьковского населения, по всей вероятности, не покинула Средневожские земли. П. Н. Старостин считает, что отдельные группы именьковцев ушли в глухие местности Поволжья, в частности в регион р. Черемшан, где в керамических материалах болгарского времени проявляются некоторые особенности именьковской посуды⁷⁶. На поселении Криуши в слоях IX—XI вв. открыты полуземляночные жилища славянского облика. Нередкой находкой на этом памятнике являются горшки с высокой цилиндрической горловиной, напоминающие именьковскую керамику⁷⁷. Подобные сосуды с полосным лощением встречены на Суварском, Танкеевском и Муромском городищах, а также в Болгарах и ряде памятников Нижнего Прикамья. Кроме того, на территории Волжской Болгарии на поселениях Белымерское, Хулаш, Кайбельское, Малопальцевское и других обнаружена славянская керамика X—XII вв.

Население Волжской Болгарии было разнородным в этническом отношении, что отмечено Ибн Фадланом, посетившим это раннегосударственное образование в составе посольства багдадского халифа в 922 г. Он называет племена болгар, эскель, сиван, баранджар и сакалиба. Последним термином (*ас-сакалиба*), как известно, восточные средневековые историки и географы называли славян, которые играли не последнюю

роль в Волжской Болгарии. Ибн Фадлан именует это государство «страной Сакалиба», а хана Алмуша — царем сакалиба. В восточных источниках IX—X вв. неоднократно называется «Славянская река». Ал-Бируни достаточно определенно свидетельствует, что этой рекой в то время была Волга⁷⁸.

Именьковская группа славян в течение трех столетий проживала в Среднем Поволжье изолированно от остального славянского мира. Это не могло не привести к зарождению некоторых языковых особенностей диалектного характера. Представляют интерес топонимические изыскания О. Н. Трубачева, которым выявлена архаическая (реликтовая) группа водных названий, локализуемая в левобережной части Днепра и в бассейне верхнего и среднего течений Дона, включая часть речной системы Северского Донца. Это — преимущественно «гидрографические термины, характеризующие особенности воды, ее течения (“продолговатый”, “тенистый, грязный”, “непроточный”, “обтекание” и т. п.)», с элементами специфической семантики, с реконструируемым праславянским причастием от несохранившегося в славянских языках глагола. «По всем признакам это древнейший разряд гидронимов», — подчеркивает исследователь. Произведенное им сравнение этих гидронимов с большой группой праславянских гидрографических терминов, собранных и проанализированных Ю. Удольфом, продемонстрировало обособленность (диалектность) рассматриваемых названий воды левобережно-днепровского и донецко-донского ареала⁷⁹.

Картография последних достаточно определенно указывает на связь их с территорией волынцевской и генетически связанными с ней роменской, боршевской и верхнеокской культурами (рис. 12). Здесь сосредоточена основная часть этих архаических названий. Кроме того, они в меньшем числе известны в соседних землях, куда проникли носители названных культур или их потомки, в том числе в западных районах ареала салтово-маяцкой культуры. Есть подобные гидронимы еще в междуречье Дона и средней Волги, о которых пока нельзя сказать, отражают ли они инфильтрацию волынцевско-боршевского населения или это следы миграции носителей именьковской культуры на запад. Выявляются единичные гидронимы той же архаической группы на северном побережье Азовского моря, происхождение которых объяснить пока затруднительно.

Самобытность и оторванность архаических водных названий левобережно-днепровского и донецко-донского ареала от остального славяно-русского гидронимического материала, что подчеркивается О. Н. Трубачевым, находит объяснение в трехвековой изоляции этой группы славян — носителей именьковских древностей в Среднем Поволжье.

Имеются и другие топонимические материалы, указывающие на диалектное своеобразие славянского населения, представленного волынцевской и родственными ей культурами. Так, на территории расселения

этой группировки славян концентрируются гидронимы, образованные от апеллятива «Колодезь», суждения об ареальных показателях которых высказывались топонимистами неоднократно⁸⁰.

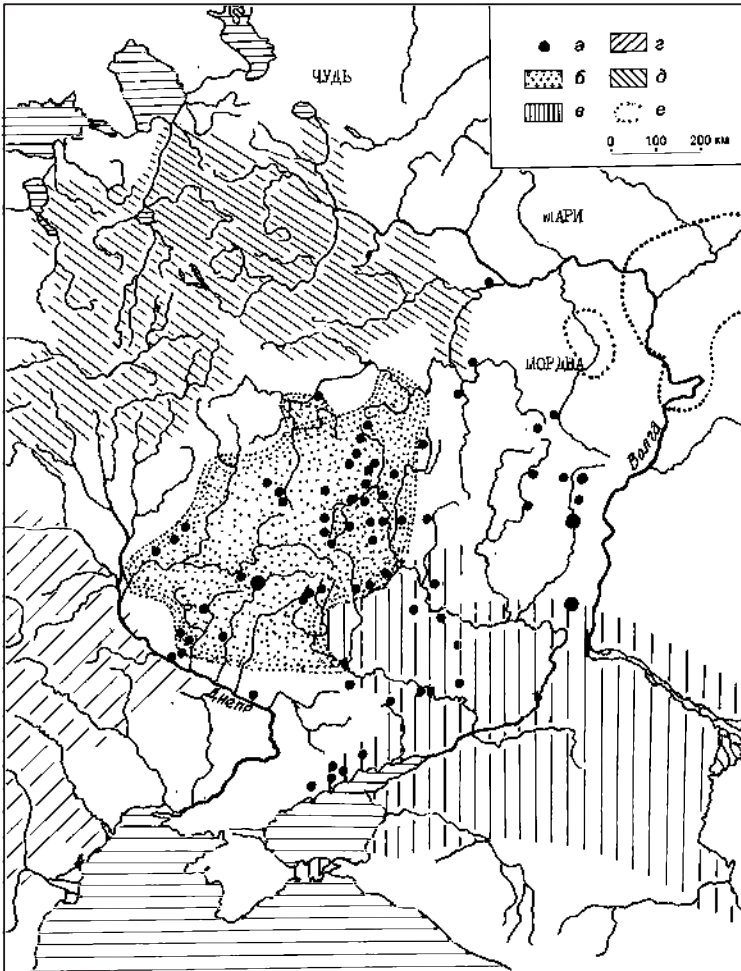


Рис. 12

Распространение архаических славянских гидронимов левобережно-днепровского и донецко-донского типов

- а — гидронимы (большими значками обозначены сравнительно крупные реки);
- б — ареал румынской и родственных культур; в — салтово-маяцкой культуры;
- г — дулебской и антской групп; д — северной ветви восточного славянства;
- е — пеньковской культуры

Определяется и этноним племенного образования, представленного рассматриваемыми археологическими культурами. О. Н. Трубачев в упомянутой работе высказывает догадку, что «...именно здесь начал шириться этноним *Рус, Русь*»⁸¹.

В «Описании городов и областей к северу от Дуная» — историческом документе, условно называемом «Баварский географ», содержится одно из первых упоминаний этого этнонима (Ruzzi)⁸².

По палеографическим особенностям рукопись «Баварского географа» исследователи относят к первой половине IX в. (Р. Новы, Э. Херрманн), по историческим реалиям, связанным с описаниями племен Моравского Подунавья, — ко времени около 817 г. (Л. Гавлик), в связи с историей ободритов — к 40-м годам IX в. (В. Фритце) или к периоду «вскоре после 795 г.» (Л. Дралле). А. В. Назаренко, недавно прокомментировавший этот исторический источник, склонен датировать дошедшую до нас рукопись второй половиной IX в., отметив при этом, что определить, является ли она оригиналом документа или копией с более раннего оригинала, невозможно⁸³. Таким образом, можно с уверенностью утверждать, что «Баварский географ» является памятником IX в., и следовательно, содержащиеся в этом памятнике сведения синхронны волынецкой культуре и развившимся на ее основе культурам роменской, боршевской и верхнеокской. Более того, А. В. Назаренко считает, что написание этнонима *русь* в этом документе свидетельствует о проникновении его в древневерхненемецкие диалекты не позднее IX в.⁸⁴

Из информации «Баварского географа», касающейся восточноевропейского ареала (рис. 13), следует, что русы были ближайшими соседями хазар (Caziri). Где-то по соседству находились области Forsderen liudi (по всей вероятности, как считает ряд исследователей, здесь ошибочно передано древневерхненемецкое Foristari liudy, то есть 'лесные жители' от forist 'лес'), которые следует отождествлять с древлянами — лесными жителями («зане седоша въ лесехъ» — сообщают летописи), и Fresiti. Согласно предположению Й. Херрманна, последний этноним аналогичен древневерхненемецкому Freisassen 'свободные жители'⁸⁵. В таком случае под именем Fresiti, вероятно, скрываются поляне — жители «поля» — незалесенной (свободной от леса) местности.

К восточноевропейскому ареалу принадлежат также Velunzane (явно волыняне), Busane (бужане), Unlizi (уличи), Aturezane (предположительно тиверцы). Все они вполне определенно и достаточно надежно локализируются на археологической карте IX в. Восточной Европы. В результате русам достается ареал волынецкой культуры, который находится как раз между территорией хазар с одной стороны и регионами древлян и полян — с другой. В «Баварском географе» упомянут еще ряд этнонимов племен южной части Восточной Европы, которые не имеют параллелей в этнонимике русских летописей. Локализация этих племен пока невозможна. По всей вероятности, эти этнонимы принадлежат неболь-

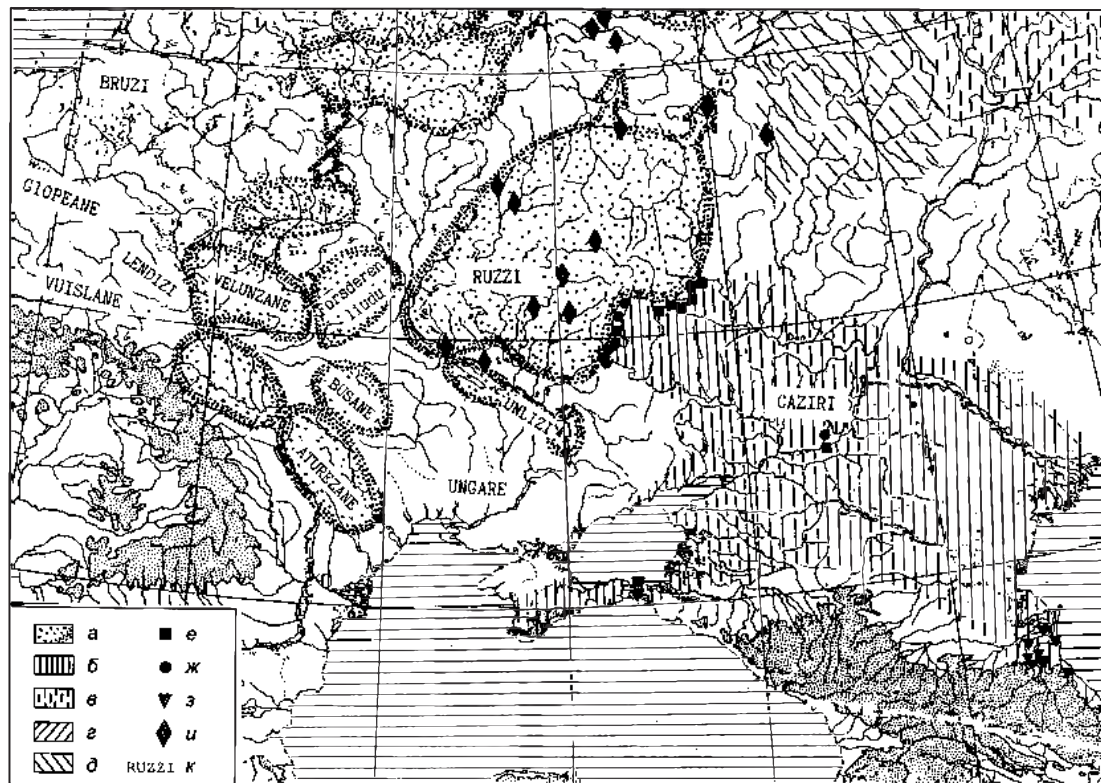


Рис. 13. Историческая ситуация в Юго-Восточной Европе в первой половине IX в.

а — археологические ареалы славян; б — территория салтово-маяцкой культуры; в — ареал волжских болгар; г — муромы; д — мордвы; е — хазарские крепости, выстроенные византийскими мастерами в 830-х гг.; ж — хазарские городища, на которых византийскими строителями в те же годы были воздвигнуты каменные фортификации; з — прочие крепости Хазарского каганата; и — места находок пяти- и семилучевых височных колец (четвертой группы по Е. А. Шинакову); к — этнонимы «Баварского географа»

шим племенам, составляющим крупные племенные образования (только они и называются в русских летописях), подобно тому как, например, в составе ободритов известны мелкие племенные группы вагров, варнов, травян, линян, полабов и древян.

Согласно А. В. Назаренко, народ русь в IX в. был достаточно известен в Баварии, которую в это время связывал с Восточной Европой торговый путь, проходивший вдоль правого берега Дуная и далее через Верецкий перевал и область восточнославянских хорватов⁸⁶.

О том, что русы IX в. были славянами, свидетельствуют восточные авторы. Так, Абдаллах Ибн Хордадбех в сочинении «Книга путей и стран», написанном около 847 г., сообщает: «Что касается русских купцов — а они вид славян — то они вывозят бобровый мех и мех черной лисицы и мечи из самых отдаленных (частей) страны Славян к Румскому морю, а с них (купцов) десятину взимает царь Рума (Византии), и если они хотят, то отправляются по реке славян, и проезжают проливом столицы Хазар, и десятину с них взимает их (Хазар) правитель»⁸⁷. Передавая идентичную информацию, восходящую, как полагают исследователи, к единому источнику, Ибн ал-Факих (30—50-е годы IX в.) там, где Ибн Хордадбех говорит о русах, прямо пишет о славянах⁸⁸.

Очевидно, что восточные авторы IX в. русами считали какую-то племенную группу славян Восточной Европы.

Впервые этноним *русы* (Hros) назван в сирийском источнике VI в. — «Церковной истории» Псевдо-Захарии. Будучи сторонником скандинавской атрибуции этого этноса, Маркварт полагал, что это были выходцы из Скандинавии, появившиеся в землях Юго-Восточной Европы уже в это время⁸⁹. А. П. Дьяконов и Н. В. Пигулевская сопоставили русов сирийского источника со славянами-антами, известными по описаниям византийских авторов VI в.⁹⁰ Б. А. Рыбаков попытался локализовать славян-русов в Среднем Поднепровье, полагая, что их древности характеризуют клады вещей так называемого антского типа⁹¹. Однако сирийский источник VI в. не сообщает никаких географических координат местожительства русов, поэтому связь их с конкретной территорией, предлагаемая исследователями, остается проблематичной. Х. Ловмянский, признавая этноним Hros/Hrus у Псевдо-Захарии «первым подлинным упоминанием о руси, не вызывающим оговорок», считал, что это название попало в труд сирийского автора из армянского источника, где Hros значится в конце списка кавказских народов⁹². Вопрос о русах VI в., их местожительстве и связи с русами IX в., таким образом, остается пока нерешенным.

О происхождении этнонима *русы* в научной литературе высказано множество предположений и догадок. Информация по этому поводу, содержащаяся в русских летописях, противоречива и дает повод для разных толкований. Составленная в начале XII в. Повесть временных лет сообщает, что в 862 г. «русь, чюдь, словени и кривичи и вси» решили

пригласить князей из-за моря и обратились «къ варягомъ, к руси». «И отъ техъ варягъ прозвася Руская земля»⁹³. Однако далее, под 882 г. тот же источник свидетельствует, что Олег, организуя поход из Новгорода в Поднепровье, берет в свое войско «многи варяги, чюдь, словени, мерю, весь, кривичи». Руси в дружине Олега не оказывается. И только после того как Олег утвердился в Киеве, «варязи и словени и прочи прозвашася русью»⁹⁴.

В научной литературе длительное время доминировало мнение о скандинавском происхождении этнонима *русь*. При этом исследователи обычно ссылались на летописное сообщение 862 г., хотя ныне окончательно установлено, что племени *русь* в Скандинавии никогда не было, а написание «к руси» в этом месте Повести временных лет, согласно А. А. Шахматову, является вставкой⁹⁵. Высказано предположение, что исходным для становления этнонима *русь* был западно-финский термин *Ruotsi/Rootsi*, прилагаемый к Швеции. Последний в славянской среде и перешел в этноним *русь*, что с филологической точки зрения представляется оправданным. Это мнение было поддержано многими учеными, в том числе такими авторитетными, как А. А. Шахматов и М. Фасмер.

Однако сам термин *Ruotsi/Rootsi* не является собственно финским, это — западнофинское заимствование из древнегерманского. В этой связи высказана догадка, что древнегерманская лексема *gors* «гребцы» была самоназванием скандинавов, нередко приплывавших в земли западно-финских племен. Отсюда, будто бы, западно-финское название шведов *Ruotsi/Rootsi*. В Восточной Европе термин *русь*, трансформировавшийся из этой западнофинской лексемы, первоначально, как полагают сторонники этой гипотезы, имел этносоциальное содержание — так звались представители дружинного сословия независимо от этноса. Распространение понятия «русь» на полиэтничные дружины привело к размыванию ранее четко выраженной приуроченности названия к скандинавам. На следующей стадии термин *русь* был перенесен на всех жителей Древней Руси⁹⁶.

Археолог не может согласиться с такими построениями. Если *Ruotsi/Rootsi* является общезападнофинским заимствованием, то оно должно было проникнуть из древнегерманского не в вендельско-викингское время, а раньше — до распада западнофинской общности, то есть до VII—VIII вв., когда уже началось становление отдельных языков прибалтийских финнов⁹⁷. Тем не менее существенных проникновений скандинавов в западно-финский ареал в первой половине I тыс. н. э. археология не фиксирует, они надежно датируются только вендельско-викингским периодом. Следовательно, с исторических позиций рассматриваемая гипотеза не находит подтверждения.

Если все-таки исследователям в дальнейшем удастся обосновать скандинавское начало этнонима *русь*, то тогда можно будет говорить о

встрече северного и южного названий *русь*, поскольку мысль об его южном происхождении представляется достаточно оправданной.

Если русы, как было показано выше, были одним из крупных диалектно-племенных образований славянства, представленного в V—IX вв. именьковской и волынцевской культурами, то их истоки следует искать в провинциально-римском ареале Северного Причерноморья. В таком случае начало этнонима *русь* могло восходить к антскому периоду, когда имел место славяно-иранский симбиоз. Лингвистические изыскания О. Н. Трубочева показали, что в Причерноморских землях наряду с иранским этническим элементом длительное время сохранялся и индоарийский компонент⁹⁸. Следовательно, утверждения лингвистов об иранском или индоарийском происхождении этнонима *русь* приобретают надежную историческую подоснову. Подобно некоторым другим славянским племенным названиям (*сербы, хорваты, анты* и др.) *русь*, согласно выводам исследователей, ославяненный, первоначально неславянский этноним. Он восходит или к иранской основе *gauka-/*ruk- ‘свет, белый, блестять’ (осетин. guxs/roxs ‘светлый’, персид. guxs ‘сияние’)⁹⁹, или, как и обширная однокорневая топонимическая номенклатура Северного Причерноморья, произведен от местной индоарийской основы *ruk(s)a/*ru(s)sa ‘светлый, белый’¹⁰⁰.

В труде Ибн Русте, написанном в самом начале X в., но восходящем к середине IX в. (к Ибн Хордадбеку и ал-Джайхани), сообщается, что у русов «есть царь, называемый хакан русов»¹⁰¹. О таком же титуле правителя русов («и падшаха русов зовут хакан русов») писал и автор «Маджмал ат-таварих»¹⁰². О наличии у русов в IX в. раннегосударственного образования — каганата сообщает еще западноевропейский источник IX в. Бертинские анналы, о чем подробнее сказано ниже.

Каких-либо данных, позволяющих сомневаться в существовании в IX в. Русского каганата, у нас нет. Мнения историков относительно его местонахождения из-за отсутствия конкретных исторических свидетельств разошлись. Одни исследователи (А. А. Шахматов, А. А. Васильев, Дж. Бери и другие) утверждали, что это государственное образование находилось в Новгородской земле и его создателями были русы-варяги. П. П. Смирнов и О. Прицак склонны были локализовать каганат русов на верхней Волге, Г. А. Вернадский — в Приазовье, исследователь истории хазар М. И. Артамонов — в Поднепровье. Согласно А. П. Новосельцеву, Русский каганат возник в северной части восточнославянского ареала, где властвовали варяги, затем сфера его влияния распространилась на юг до Среднего Поднепровья¹⁰³. Привлекая археологические материалы более раннего времени (VI—VII вв.) Б. А. Рыбаков считал, как уже говорилось, что племя *русь* проживало в Среднем Поднепровье и оно стало основателем Русского каганата IX в.¹⁰⁴

В настоящее время археологические материалы позволяют локализовать Русский каганат вполне определенно. Как известно, в VIII—

IX вв. доминирующее место в истории Юга Восточной Европы принадлежало Хазарскому государству. Это было достаточно мощное образование, подчинившее ряд воинственных кочевых племен степей Причерноморья и Прикаспия и сумевшее в течение длительного времени сдерживать натиск Арабского халифата на Кавказе. Хазария занимала обширную территорию, включавшую на севере весь бассейн Северского Донца и бассейн Дона почти до Воронежа, на западе — Северное Приазовье и часть Крыма, на юге — Кубань и предгорья Кавказа вплоть до Каспийского моря. Население Хазарского государства было многоэтническим, в его составе были хазары, аланы, болгары, угры, славяне и другие более мелкие племена. Арабские авторы сообщают о десятке городов-крепостей, имевших мощные каменные фортификационные сооружения. Они были сконцентрированы на юго-восточной окраине Хазарии, куда через Дербентские «ворота» могли в первую очередь проникнуть боевые силы ее главного противника — Арабского халифата¹⁰⁵. На всей территории Хазарского каганата с VIII в. получила распространение салтово-маяцкая культура. Как показал М. И. Артамонов, это была культура всего населения Хазарского государства. По деталям погребальной обрядности, керамическому материалу и особенностям домостроительства в ареале салтово-маяцкой культуры археологами выделяются места проживания различных племенных групп, входивших в состав Хазарии¹⁰⁶.

Как можно судить по византийским документам, в 30-х годах IX в. у Хазарского государства появился какой-то соперник. Правители Хазарии не могли сдерживать натиск этого воинственного соседа и вынуждены были направить послов в Византию с просьбой о помощи в крепостном строительстве. Византийский император Феофил (829—842 гг.) благожелательно отнесся к хазарской миссии. В Хазарию, как рассказывает Константин Багрянородный¹⁰⁷, была направлена экспедиция во главе с Петроной Каматиром — братом жены императора, Феодоры. Каматиры принадлежали к знатным фамилиям Византии. По-видимому, император придавал большое значение этой экспедиции.

Последнюю образовали два отряда. На царских судах, вышедших из Константинополя, по-видимому, находились сам Петрона с сопровождающими и охраной. Другой отряд вышел отдельной флотилией из Пафлагонии — византийской фемы, расположенной на южном побережье Черного моря. Скорее всего, это были военные инженеры и строители, которым предстояло заняться в Хазарии возведением крепостных сооружений.

Петрона и его сестра-императрица происходили из Пафлагонии и, вероятно, этим был обусловлен выбор мастеров для выполнения военнотехнических работ в Хазарии. При дворе Феофила было немало людей из восточных провинций Империи, они имели в Константинополе большой вес и власть.

Константин Багрянородный рассказывает о постройке экспедицией Петроны крепости Саркел на левом берегу Дона, в устье Цимлы. Он не называет точной даты этого строительства. Но о нем сообщают также «Продолжатель Феофана» и Георгий Кедрин (исследователи полагают, что их описания, как и Константина Багрянородного, восходят к единому, несохранившемуся, источнику IX в.). Кедрин датирует экспедицию Петроны в Хазарию и постройку Саркела 834 годом, а «Продолжатель Феофана» помещает это событие перед информацией о начале военных действий императора Феофила против арабов 837 г.¹⁰⁸

Археологические исследования Саркела показали, что это была достаточно мощная для своего времени крепость¹⁰⁹. Она имела в плане форму четырехугольника размерами 193,5 × 133,5 м, кирпичные стены по периметру толщиной 3,75 м и башни по углам и вдоль стен. Крепостные сооружения Саркела своей геометрической правильностью, точностью разбивки и безукоризненной техникой кладки, подчеркивает их исследователь П. А. Раппопорт, свидетельствуют о том, что строителями их были мастера, имеющие богатый опыт кирпичного строительства. Вместе с тем, формат кирпича, технология кладки и исключительно геометрический план крепости определенно указывают на то, что это была не собственно византийская (константинопольская) строительная традиция. Крепостные сооружения Саркела обнаруживают черты сходства с раннесредневековым строительством Кавказского региона, а отдельные элементы сопоставимы с иранской архитектурой. В этой связи можно с большой долей определенности полагать, что строителями Саркела были мастера не из Константинополя, а из одной из малоазиатских фем, скорее всего из Пафлагонии.

По возвращении в Константинополь Петрона Каматир, как сообщает Константин Багрянородный, заявил императору: «Если ты хочешь всецело и самовластно повелевать крепостью Херсоном и местностями в нем и не упускать их из своих рук, избери собственного стратига и не доверяй их протевонам и архонтам»¹¹⁰. Как известно, до 30-х годов IX в. Крымская Готия находилась в составе Хазарского государства. Херсон с округой пользовался некоторой автономией и управлялся местным должностным лицом — протевонам. В связи с военно-фортификационной деятельностью, выполненной Византией, Хазария, очевидно, вынуждена была уступить Крымские земли. Херсон с округой теперь становится византийской фемой. Первым ее стратигом стал Петрона Каматир, которого император Феофил направил в Херсон, «повелев тогдашнему протевону и всем (прочим) повиноваться ему. С той поры до сего дня стало правилом избирать для Херсона стратигов из здешних»¹¹¹. Известно, что официальным титулом стратига Херсонской фемы со второй трети IX в. стал «патрикий и стратиг климатов».

Исследователи не раз обращали внимание на то, что постройка Саркела и уступка Хазарии Византии Крымской Готии крайне нерав-

ноценны. Высказывались догадки, что возведение Саркела было «ширмой», а не главной задачей миссии Петроны. Но никаких подтверждений этого до недавнего времени не было. Теперь археологические материалы свидетельствуют, что это действительно так.

Византийское военно-фортификационное строительство в Хазарии в 30-х годах IX в. не ограничилось возведением Саркела. Параллельно, как показывают археологические изыскания, византийскими мастерами были произведены крупные работы по укреплению северо-западных рубежей Хазарского каганата: были выстроены мощные для того времени крепости там, где территория салтово-маяцкой культуры вплотную соприкасалась с ареалом волынцевской культуры и роменско-боршевских древностей (рис. 14).

До 30-х годов IX в. на северо-западном пограничье Хазарии имелись лишь городища, возникшие еще в скифское время. Они располагались на труднодоступных мысах коренных берегов рек и воспринимались средневековым населением как естественно защищенные места, подходящие для обеспечения безопасности жителей близлежащих селений. Их плановая структура зависела исключительно от природных факторов. Население салтово-маяцкой культуры лишь усилило некоторые из таких городищ дополнительными деревоземляными укреплениями.

В 30-х и, возможно, частично в 40-х годах IX в. на северо-западном участке границы Хазарского государства — по берегам р. Тихая Сосна (правый приток Дона) и в верховьях Северского Донца — были выстроены крепости совершенно иного типа. Они имеют отчетливо геометрическую планировку, а по периметру защищены стенами, сложенными из обработанного камня или кирпича. Природные факторы в их обороне играли второстепенную роль, естественную защиту имела лишь одна, выходящая к реке, сторона крепости.

Таких крепостей на северо-западном пограничье салтово-маяцкой культуры в настоящее время исследовано семь. Это — городища Алексеевское, Верхнеольшанское, Верхнесалтовское, Колтуновское, Красное, Маяцкое и Мухоудеровское. Г. Е. Афанасьев, обстоятельно проанализировавший их, отнес эти крепости к особому (четвертому) типу и показал, что они не имеют никакой связи с местным фортификационным строительством. Их плановая структура и строительные приемы не обнаруживают местных корней и несомненно восходят к традициям иноземной крепостной архитектуры. Произведенное этим исследователем сопоставление каменных крепостей на северо-западных рубежах Хазарии с синхронными хазарскими фортификациями Дагестана, Прикубанья и Крыма выявило заметные различия между ними. Стало очевидным, что возведение каменных крепостей на пограничье Хазарского государства с ареалом славян — носителей волынцевской и роменско-боршевской культур было осуществлено при участии пришлых мастеров из

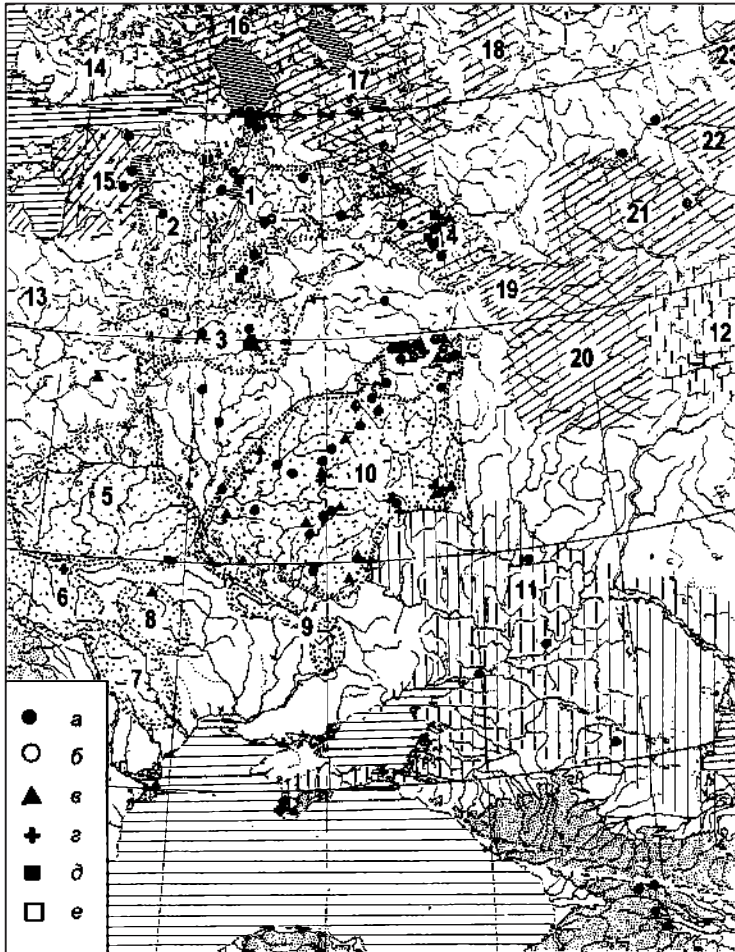


Рис. 14. Этническая ситуация в Восточной Европе в IX в.

1—10 — ареалы славянских племенных образований: 1 — словен ильменских; 2 — кривичей псковских; 3 — кривичей смоленско-полоцких; 4 — мери; 5 — дулебской группы (воляняне, древляне, поляне, дреговичи); 6 — хорватов; 7 — тиверцев; 8 — бужан; 9 — уличей; 10 — русов — носителей волянцевской культуры. 11 — территория салтово-маяцкой культуры (население Хазарского государства); 12 — область волжских болгар; 13 — область летто-литовских племен. 14—23 — ареалы финно-угорских племен: 14 — суми и еми; 15 — эстов и ливов; 16 — корелы; 17 — веси; 18 — заволочской чуди; 19 — муромы; 20 — мордвы; 21 — мари; 22 — удмуртов; 23 — коми-пермяков.

а — клады арабских монет первого (до 830 г.) их обращения в Восточной Европе (по В. Л. Янину); б — клады арабских монет 830—890-х годов (по В. Л. Янину с дополнениями); в — находки подражаний арабским дирхемам; г — клады византийских монет IX в.; д — памятники первой половины IX в. с находками скандинавских вещей; е — памятники второй половины IX в. со скандинавскими элементами

Византийской империи, имевших большой опыт в строительстве военно-фортификационных сооружений такого типа¹¹². Впрочем, исследователь Верхнего Салтова В. А. Бабенко еще в начале XX в. утверждал, что каменная крепость здесь была выстроена византийцами, приглашенными хазарами¹¹³.

Параллельно со строительством новых крепостей на северо-западных рубежах Хазарии теми же мастерами из Византии, очевидно, были существенно реконструированы старые укрепленные пункты. Один из них — Дмитриевское городище — был исследован раскопками С. А. Плетневой¹¹⁴. В результате установлено, что в 30—40-х годах IX в. на поселении, занимавшем площадку размерами 200 × 40—100 м, по периметру были возведены мощные «двухпанцирные» стены из белого камня. С. А. Плетнева отмечает, что традиция строительства каменных фортификаций в лесостепном Подонье была явно привнесенной и несомненно в возведении Дмитриевской крепости участвовали пришлые мастера. Однако она полагает, что традиция возведения каменных укреплений в бассейн Дона пришла в 30-е годы IX в. из Дунайской Болгарии, с чем трудно согласиться. Это мнение не находит каких-либо подтверждений ни в археологических материалах, ни среди исторических свидетельств. Хазария и Дунайская Болгария были разделены значительными пространствами и не контактировали между собой ни непосредственно, ни опосредственно.

Каменные крепостные стены, подобные фортификациям Дмитриевского поселения, археологически выявлены еще на четырех пограничных хазарских городищах — Кабаново, Коробовы Хутора, Мохнач и Сухая Гомольша.

Картография каменных крепостей Хазарского государства, выстроенных в византийской военно-инженерной традиции, достаточно надежно указывает на то, что все они предназначались для защиты северо-западных рубежей. За ними на север и запад простирались земли славяно-русов, которые основали раннегосударственное образование — Русский каганат. Очевидно, последний и стал в эти годы IX в. угрозой Хазарии. Другого крупного соперника Хазарского государства в Восточной Европе в это время просто не было. Скандинавы-варяги в первой половине IX в. селились только в низовьях Волхова. До 60-х годов этого столетия Ладога была небольшим поселением с преимущественно торгово-ремесленными функциями, в котором варяги проживали вместе со славянами и приладожскими финнами. Ладога с округой никак не могла соперничать с Хазарией. Волжский и Днепровский водные пути, как свидетельствуют данные археологии и нумизматики, в этот период еще не функционировали.

Если прежде Хазарский каганат имел мощные крепости в основном на юго-востоке, где существовал грозный соперник в лице Арабского халифата, то в 30-х годах IX в. Хазария вынуждена была ценою

территориальных уступок с помощью византийских инженеров и строителей создать мощную линию крепостных сооружений, способную выдержать натиск своего крепнущего соседа — Русского каганата, на своих северо-западных рубежах.

По-видимому, каменные крепости, возникшие на Тихой Сосне и Северском Донце, могли быть использованы не только для обороны Хазарии, но и для покорения соседнего славянского населения. Создалась неблагоприятная обстановка для Русского каганата, и, очевидно, это побудило его правителя в 838 г. (вскоре по окончании крепостного строительства на хазарско-славянском пограничье или даже когда оно еще не было завершено) отправить в Византию посольскую миссию. Византийские источники о ней, правда, ничего не сообщают. Однако согласно Бертинским анналам весной 839 г. к франкскому императору Людовику Благочестивому в Ингельгейм прибыло византийское посольство, к которому были присоединены лица, утверждавшие, что их народ называется рос¹¹⁵, а послал их в Константинополь хакан — правитель росов с целью установления дружбы¹¹⁶. В Византии, воевавшей в то время с арабами, по-видимому, не пожелали портить установившиеся в результате экспедиции Петроны добрые отношения с Хазарским государством и прохладно отнеслись к посланникам Русского каганата. Им пришлось возвращаться ни с чем.

Славянские послы Русского каганата, по всей вероятности, вернулись в Днепровско-Донские земли. Скандинавы-наемники, бывшие в составе миссии кагана Руси, в силу каких-то причин не пожелали возвратиться (может быть, боясь гнева правителя Русского каганата). Император Феофил и присоединил их к посольству, направлявшемуся в Ингельгейм. В Бертинских анналах сообщается, что они будто бы не смогли вернуться обратно, поскольку обратный путь оказался перерезанным «дикими и жестокими племенами». Скорее всего, это были венгры, заселившие в это время севернопричерноморские степи. Русы были известны в империи франков, и Людовик Благочестивый, воевавший с норманнами, отнесся к «послам кагана росов» подозрительно. В результате расследования установлено, что послами были не собственно русы, они принадлежали к «народу свеонов» (т. е. они были шведами). Очевидно, император попытался выяснить, почему они причисляют себя к росам и не являются ли они шпионами, и распорядился арестовать их до полного расследования. Источник не сообщает о дальнейшей судьбе послов. Здесь достаточно очевидно, что Людовик Благочестивый никакой связи между народом русь и Скандинавией, куда желали вернуться послы, не видел. Позднее, как хорошо известно из источников, варяги представляли от имени Киевской Руси, объявляя: «мы от рода Русаго послы...» Видимо, так же они представились в Ингельгейме.

Безрезультатные попытки установить контакты с Византией, по-видимому, были расценены в Русском каганате как недружественные. И

последовала ответная акция — нападение русов на византийский город Амастриду. Он был избран для военного набега не случайно. Амастрида была административным центром Пафлагонии, а строители Саркела и, по всей вероятности, хазарских крепостей на пограничье с Русским каганатом были мастера именно из этой византийской фемы.

О нападении «варваров росов — народа, как все знают, дикого и жестокого» на Амастриду рассказывает «Житие Георгия Амастридского», которое согласно изысканиям В. Г. Васильевского и И. Шевченко было написано Игнатием до 842 г.¹¹⁷ В этой связи время погрома русами Амастриды определяется обычно 840 г., то есть вслед за неудачной попыткой их кагана наладить отношения с Византией¹¹⁸.

Следующий зафиксированный источниками набег русов был совершен уже на Константинополь. В 859 г. византийские войска в сражениях с Арабским халифатом потерпели сокрушительное поражение. Едва избежав пленения, император Михаил III (842—867 гг.) спешно провел подготовку к новой военной кампании и в начале июня 860 г. повел армию в новый поход против арабов. Этим и воспользовались русы и 18 июня 860 г. появились у стен византийской столицы. Исследователи этого события считают, что если бы русы сразу стали штурмовать город, то, по всей вероятности, он мог быть захвачен ими. Патриарх Фотий в первой проповеди с ужасом говорит о нависшей над столицей угрозе и что Константинополь едва не погиб от русских мечей¹¹⁹. Однако русы принялись грабить окрестные монастыри и дворцы. Вскоре на море разразился шторм, который нанес большой урон флотилии их, а высланный императором на помощь защитникам византийской столицы греческий флот довершил поражение русов¹²⁰. Фотий в послании «восточным патриархам» 867 г. так говорит о них: «Народ... ставший у многих предметом частых толков, превосходящий всех жестокостью и склонностью к убийствам, так называемый народ рос»¹²¹. О нападении русов на Константинополь 18 июня 860 г. сообщают также Никита Пафлагонский, Продолжатель Феофана и Симеон Логофет¹²².

Русский каганат в середине IX в. был известным и достаточно оформленным раннегосударственным образованием, о чем можно судить по следующей информации. В 40—50-х годах IX в. Арабский халифат, как известно, усилил репрессии в Закавказье. После гибели в 851/852 гг. в борьбе с армянами арабского наместника Халиф распорядился собрать большое войско и направить его во главе с Бугой Старшим в Закавказье. Сначала была учинена резня среди армян, а затем арабские войска захватили Тбилиси, убив эмира, и разорили окрестности города и горцев Грузии. Далее Буга разбил абхазского царя Феодосия и обрушился на ценар (санарийцев) — жителей земель, примыкавших к Дарьяльскому ущелью. Последние упорно сопротивлялись, но силы были неравные и ценары, как свидетельствует «Книга стран», написанная в 853—854 гг. арабским историком и географом ал-Йа'куби, вынуждены

были обратиться к трем известным властителям того времени, которые могли бы оказать военную поддержку против арабов, — «сахиб ар-Рум» (т. е. императору Византии), «сахиб ар-Хазар» (кагану Хазарского государства) и «сахиб ас-Сакалиба» (владыке Славян)¹²³. Государем славян в то время мог быть только глава Русского каганата. В славянских землях Восточноевропейского региона другого политического образования еще не было.

Титул кагана был несомненно заимствован русами у хазар. Его принятие свидетельствует о полной независимости в 30—60-х годах IX в. русов от Хазарского государства. Каган/хакан у кочевых народов и в государственных образованиях с оседло-кочевым населением, каковым была Хазария, как утверждает А. П. Новосельцев, означал правителя высокого ранга и может быть приравнен к европейскому титулу императора. Титул *каган* был унаследован от Русского каганата великими князьями Киевской Руси. Так, в «Слове о Законе и Благодати», написанном в 30—40-е годы XI в. священником церкви в Берестове Иларионом (позднее — митрополит Руси), киевский князь Владимир Святославич — креститель Руси — назван «великим каганом нашей земли»¹²⁴.

Определить точное время оформления Русского каганата затруднительно. Г. В. Вернадский полагал, что это событие следует относить ко времени около 825 г., когда Хазарское государство испытывало некоторые затруднения в связи с военной активизацией Арабского халифата¹²⁵.

Для изучения Русского каганата представляют интерес нумизматические материалы IX в. Картография кладов куфических монет первого периода их обращения в Восточной Европе, то есть до 830 г.¹²⁶, показывает, что абсолютное большинство этих находок приходится на территорию Русского каганата. Аналогичная ситуация наблюдается и во втором периоде обращения восточных монет в Восточной Европе (от 830 г. до конца IX в.). Следовательно, на юге Восточно-Европейской равнины в IX в. ведущая роль в распространении восточных монет и, очевидно, в торговых операциях со странами Востока принадлежала не Хазарии, а Русскому каганату.

Как известно, в восточноевропейских кладах дирхемов первой трети IX в. преобладают монеты, чеканенные в африканских центрах Халифата и поступавшие в Восточную Европу караванными путями через Кавказ. В. Л. Янин показал, что африканские дирхемы чеканились по норме около 2,73 г и русская денежно-весовая система складывалась на основе этих монет: в гривне IX—X вв., имевшей вес 68,22 г, содержится 25 дирхемов африканской чеканки, и эта гривна в то время была равна 25 кунам. Это дало основание исследователю утверждать, что становление древнейшей русской денежно-весовой системы восходит к IX в., поскольку позднее в Восточной Европе широкое хождение получили уже дирхемы азиатской чеканки, которые весили около 2,85 г¹²⁷. Следовательно, становление древнейшей русской денежно-весовой системы долж-

но быть отнесено к раннегосударственному образованию Днепро-Донского междуречья — Русскому каганату, на территории которого сконцентрирована большая часть дирхемов африканской чеканки.

С выводами В. Л. Янина не согласился А. В. Назаренко, который утверждает, что в основе денежно-весовой единицы — золотника на Руси лежит арабский динар или византийская номисма (около 4,3 грамма золота). Ее возникновение в IX—X вв. было вызвано потребностями торговли как с Арабским Востоком, так и с Византией. Но и в этом случае роль Русского каганата Днепро-Донского региона была определяющей. Согласно А. В. Назаренко, структура русского «денежного счета IX в., благодаря устойчивым торговым контактам Руси с Баварской восточной маркой», оказалась заимствованной в Баварии уже к рубежу IX—X вв.¹²⁸

В начале XX в. австрийский нумизмат Цамбауэр на основании восточноевропейских находок подражаний дирхемам высказал догадку об их связи с чеканкой монет, будто бы имевшей место в Хазарском государстве. Позднее эту мысль развивал А. А. Быков, утверждавший, что в Хазарии в VIII—IX вв. действительно чеканилась своя монета по образцу дирхемов; чеканка велась по мере надобности, а не постоянно¹²⁹. Более осторожно писал об этом А. П. Новосельцев, по мнению которого вопрос о чеканке монеты в Хазарском государстве пока нельзя считать решенным¹³⁰.

Картография находок подражаний восточным монетам не обнаруживает какой-либо связи их с Хазарией. Основная масса подражаний локализуется в ареале волынцевской культуры и сформировавшихся на ее основе древностей IX—X вв. Если в IX в. на юге Восточно-Европейской равнины действительно велась чеканка монет по образцу дирхема, то ее следует связывать не с Хазарией, а с Русским каганатом.

Завершая рассмотрение вопроса о нумизматических находках на территории Русского каганата, нельзя не отметить, что восточноевропейские находки византийских монет IX в. также связаны преимущественно с землями этого политического образования. В частности, это монеты императора Михаила III, с начала царствования которого в Византии стала известной Русская земля: «...наченшю Михаилу царствовати, нача ся прозывати Руска земля»¹³¹.

Определить, где была столица Русского каганата, пока не представляется возможным. Не исключено, что таковая в этом зарождающемся государстве еще не сформировалась, подобно тому как не было столицы в раннем Франкском государстве, где резиденции властителей были разбросаны по его территории. Но если единый административный центр в Русском каганате все же имелся, то он мог быть только в Киеве.

Древнейшее городище его, расположенное на Старокиевской горе, имеет культурные отложения VIII—IX вв. Находки этого времени обнаружены еще на горах Детинке, Киселевке, Щековице и на Подоле¹³².

Киев в IX в., таким образом, был агломерацией крупных поселений торгово-ремесленного характера. При овладении этим градом в 882 г., как сообщает летопись, Олег выдал себя за купца и захватил его с помощью этой уловки. Очевидно, Киев во второй половине IX в. стал уже значительным торговым центром, пребывание иноземных купцов в котором было ординарным явлением. Выше говорилось о возможном функционировании в IX в. торгового пути из Поднепровья в Баварию, и Киеву здесь должна принадлежать первостепенная роль. А. В. Флоровский допускал существование торговых контактов Киева с Галицией, а в эпоху Святополка Моравского — с Великой Моравией¹³³. Другого подобного центра на территории Русского каганата не известно.

Последний период истории Русского каганата не отражен письменными документами. Не исключено, что овладение Киевом Олегом и объединение Среднеднепровского региона с северными восточнославянскими землями в единую государственную территорию было концом Русского каганата. Впрочем, возможно, что Русский каганат ранее не выдержал военного натиска Хазарского государства. Византия активно поддерживала хазар против руси. Набег руси 860 г. на Константинополь вызвал усиление дипломатической активности Византийской империи, и в Хазарию вскоре было направлено греческое посольство¹³⁴.

Согласно русским летописям, накануне образования Киевской Руси поляне, северяне и вятичи платили дань хазарам¹³⁵, а под 885 г. говорится и о взимании хазарами дани и с радимичей¹³⁶. Когда были установлены эти даннические отношения, сказать затруднительно. Возможно, такая ситуация сложилась в 60—70-х годах IX в. Под натиском хазар Русский каганат как единое государственное образование, объединявшее земли полян, северян, вятичей и донских славян, может быть, тогда перестал существовать. Только поляне при этом смогли сохранить свою политическую самостоятельность, образовав свое племенное княжество с центром в Киеве. Власть в этом образовании и была вскоре захвачена Аскольдом и Диром.

С племенным образованием *русь*, создавшим в Днепро-Донском регионе раннегосударственное образование — каганат и археологически представленным волынцевской и трансформировавшимися из нее культурами, идентифицируется и *Русская земля* «в узком смысле» этого термина¹³⁷. Уже Н. М. Карамзин отмечал, что в XII и XIII вв. в летописях Русью именовалась преимущественно Южная, Киевская область. Многие историки, начиная с С. М. Соловьева, пытались выяснить суть этой первоначальной Руси. В исторической литературе высказаны по этому поводу самые различные догадки. Так, В. О. Ключевский, исходя из того, что *русь* — это скандинавы, Русской землей в узком смысле считал те киевские области, где будто бы плотнее всего оседали варяги. Ближе всех к истине был С. А. Геденон, согласно представлениям которого первоначальной Русской землей именовалась территория, заселенная ру-

стью — племенным объединением славянских племен Среднего Поднепровья, — которая передала свое имя всем восточным славянам¹³⁸.

Согласно А. Н. Насонову, Русь — Русская земля в узком значении — это территориальное ядро позднейшего Древнерусского государства. Историк продолжил выборку и интерпретацию летописных известий об этом ядре. Выделив города XII—XIII вв., которые не включались летописцами в понятие «Русская земля» в узком значении, и определив города и местности, причисляемые к ней, А. Н. Насонов попытался очертить ее пределы. Выяснилось, что эта Русская земля включала Киевскую область (без ареалов древлян и дреговичей) и Черниговщину без северных окраин, но с Переяславской волостью. В правобережной части Среднего Поднепровья к югу от ареала древлян территория Русской земли в узком значении нешироким клином простиралась до верховьев Горыни¹³⁹.

Более строго и последовательно применяя те же методические приемы, аналогичную работу провел Б. А. Рыбаков. Для выяснения ее границ он использовал как указания летописей на принадлежность тех или иных городов и регионов к собственно Руси в узком значении, так и информацию об областях и городах, не входивших в понятие этой земли. Русская земля (в узком смысле слова) занимала, согласно Б. А. Рыбакову, левобережную часть Среднего Поднепровья, а на правобережье включала небольшой регион в округе Киева и нижнего течения Роси¹⁴⁰.

Недавно вопрос о пределах Русской земли в узком значении на тех же летописных материалах был рассмотрен В. А. Кучкиным. Он оспаривает выводы Б. А. Рыбакова о принадлежности некоторых городов Днепровского левобережья и пограничья Киевской земли со степным миром к этой земле. Вместе с тем исследователь считает возможным отнести к рассматриваемой Русской земле города на водоразделе Припяти и Южного Буга с Днестром, расширяя территорию первоначальной Руси до пограничья Киевской и Галицкой земель¹⁴¹.

Предлагаемая В. А. Кучкиным принадлежность к Русской земле в узком значении городов Бужска в верховьях Западного Буга, Шумеска, Тихомля, Выгожева и Гнойницы в бассейне верхнего течения Горыни, Божского и Межибожья в бассейне Южного Буга, Котельницы в междуречье Южного Буга и Тетерева весьма и весьма сомнительна.

В 1148 г., как свидетельствует Ипатьевская летопись, сын Юрия Долгорукого Ростислав, которому отец не давал волостей, получил от киевского князя Изяслава Мстиславича «Божьскыи, Межибожие, Котельницу и на два городы»¹⁴². Вскоре, отправляясь в поход против Юрия Долгорукого, киевский князь повелел Ростиславу идти «въ Божьскыи» с наказом «постережи земле Роуской оттоле». Через год, подозревая Ростислава в заговоре, Изяслав Мстиславич отобрал у него свои пожалования и отослал его к отцу в Суздаль. В этой связи Юрий Долгорукий заявил: «Тако ли мне части нетоу в Роуской земли и моимъ детямъ»¹⁴³. В. А. Куч-

кин видит в этих летописных фразах основание для отнесения к Русской земле в узком значении городов Божский, Межибожье и Котельница.

В 1149 г. Юрием Долгоруким, княжившем в то время в Киеве, было передано галицкому князю Владимиру Володарьевичу несколько не поименованных летописью городов¹⁴⁴. В 1152 г. войска киевского князя Изяслава Мстиславича совместно с венгерским королем осадили Перемышль, в котором укрылся Владимир Володарьевич. Силы были явно неравными, и галицкий князь вынужден был просить мира. Он принял требование о возврате Киеву «Руских городовъ». Однако, когда по заключении мира Изяслав Мстиславич направил своих посадников в Бужск, Шумеск, Тихомль, Выгожев и Гнойницу, галицкий князь не отдал эти города. Киевский князь настаивал на их возвращении, ссылаясь на то, что это «Руской волости»¹⁴⁵. Эта информация послужила В. А. Кучкину основой для отнесения названных городов к Русской земле в узком смысле и расширения ее территории до верховьев Западного Буга.

Между тем все эти города Воыни, Погорынья и бассейна Южного Буга названы в летописях русскими и отнесены к Русской земле не в узком значении, а в смысле принадлежности их территории Древнерусскому государству (Русской земле в широком значении). В течение XI и первых десятилетий XII в. Галицкое княжество вело вполне самостоятельную политическую жизнь по отношению к Киеву и оставалось вне пределов Русской земли в широком значении. Изяслав Мстиславич направил Ростислава в Божский для охраны юго-западных рубежей Древнерусского государства — Русской земли в широком значении, преследуя цель обезопасить их от возможного вторжения войск галицкого князя. События 1152 г. также имели место на пограничье Древнерусского государства и Галицкой земли.

Самым надежным для определения географии Русской земли в узком значении остается метод исключения, поскольку области и города, не входившие в состав первоначальной Руси, называются в летописях достаточно определенно и достоверно. Таковыми являются Новгород и его земля, Ростово-Суздальская, Рязанская, Муромская, Смоленская, Полоцкая и Галицкая земли. Не входили в состав Русской земли в узком смысле и регионы расселения древлян, воынян, дреговичей, тиверцев. В результате на долю первоначальной Русской земли остается ареал руси — племенного образования, представленного воынецевской культурой, а также регионы, колонизованные ее потомками. В этом регионе находятся и города, принадлежность которых к Русской земле в узком значении не вызывает никаких сомнений.

В составе русов, крупного племенного образования, восходящего к праславянской эпохе, несомненно имелись более мелкие этнографические группы. Из зафиксированных летописями в качестве таковых прежде всего были северяне, локализуемые в Днепровском левобережье: «...седоша по Десне, и по Семи, по Суле, и нарекошася северь»¹⁴⁶. Роменскую

культуру, выросшую на части волынцевской территории, есть все основания относить к северянам IX—X вв. Позднее древности северян выявляются по спиральным височным кольцам и некоторым иным украшениям. Такие находки позволяют очертить ареал северян X—XII вв.¹⁴⁷

Этноним *север/северяне* по происхождению неславянский. Объяснение его по созвучию со стороной света хотя и встречается в литературе, представляется неубедительным. Наиболее авторитетной является мысль об иранском происхождении этого этнонима — из иранского **seu*, **sew* ‘черный’. В регионе расселения северян известно несколько гидронимов от того же апеллятива (реки Сев, Сава и др.), скифо-сарматское начало которых бесспорно¹⁴⁸. Вяч. Вс. Иванов и В. Н. Топоров считают, что этноним *северяне* может быть иранским переводом значения севера (от индоиранского *saṃu*), имеющего различные пространственные значения¹⁴⁹.

Начало этнонима *север (севера)*, вероятно, восходит к позднеарийскому времени, когда в Севернопричерноморских землях имел место славяно-иранский симбиоз. Мною высказана была мысль о перемещении этого этнонима вместе с миграцией населения из ареала черняховской культуры на среднюю Волгу и обратно в Днепровское левобережье¹⁵⁰. Однако более вероятной представляется мысль об его сохранении в антской среде, представленной пеньковской культурой. Судя по топонимическим материалам, в антской среде Днепровского левобережья иранский этнический элемент был весьма значительным. И здесь наблюдается длительное бытование названий Север/Севера (в письменных документах XV—XVII вв. и на картах XVI—XVII вв. это территория, прилегающая к Десне и Сейму), что косвенно говорит в пользу местного начала рассматриваемого этнонима.

Вторым древнерусским племенным образованием, вышедшем из праславянской руси, была верхнедонская группировка славянства. Она выделяется по памятникам боршевской культуры¹⁵¹. Племенное название этих славян не зафиксировано летописями.

Славянские поселения на Дону в значительной массе были покинуты в конце X в. Миграция, очевидно, была обусловлена участвовавшими набегами кочевых племен. В это время активизировались печенеги и донской регион оказался в зоне передвижений их орд. Из Воронежского Подонья основная часть славянского населения переместилась в Рязанское Поочье. Интерпретируя косвенные свидетельства летописей, это утверждал еще А. А. Шахматов¹⁵². На основе археологических материалов этот вопрос был рассмотрен А. Л. Монгайтом¹⁵³. Он обратил внимание на то, что исчезновение боршевского населения на Дону по времени соответствует прекращению захоронений в могильниках рязанско-окской культуры и в то же время здесь на ряде городищ распространяется лепная глиняная посуда, близкая боршевской.

Однако прекращение функционирования названных некрополей в Рязанском Поочье, согласно изысканиям А. К. Амброза и других исследователей, датируется ныне более ранним временем — VIII—IX вв. На ряде поселений этого региона встречены глиняные сосуды, по форме сопоставимые с волынцевскими. Поэтому начало инфильтрации славянского населения сюда следует датировать VIII—IX вв. В пользу этого говорит и анализ домостроительства. В ранних полужемлячных жилищах Рязанского края доминировали глиняные печи, что характерно для волынцевских древностей Среднего Поднепровья, в то время как боршевское население Подонья возводило в своих домах в основном печикаменки.

Третьей ветвью, образовавшейся в результате расселения и дифференциации носителей волынцевской культуры, была группа населения, осевшая в Верхнеокском регионе. Культура VIII—X вв. последнего по всем основным показателям идентична роменской¹⁵⁴. Для поселений были характерны полужемлячные жилища с глинобитными печами, аналогичные роменским; керамика представлена горшками, мисками и сковородками тех же форм, что и в роменских древностях. В отличие от роменской посуды, на верхней Оке большая часть керамики не орнаментировалась, но меньшая украшалась узорами, тождественными роменским. Основным типом поселений в Верхнеокском регионе были селища с кучевой бессистемной застройкой. Вдали от степей жизнь протекала здесь спокойно, защищать селения валами, рвами и деревянными стенами не требовалось.

Уже в VIII в. в Верхнем Поочье получает распространение курганный обряд погребения. Эта обрядность, очевидно, была воспринята славянами у местного населения, представленного в середине I тыс. н. э. мощинской культурой. Многие курганы верхнеокских славян внутри имели погребальные домины — срубы или ящики, сложенные из плах или толстых досок. Каждая домина была своеобразной усыпальницей, в которую неоднократно помещали остатки трупосожжений, совершаемых на стороне. Во многих курганах Верхнего Поочья зафиксированы кольцевые столбовые оградки, весьма характерные для погребальных насыпей мощинской культуры.

В IX—X вв. имел место отлив населения из Верхнеокского региона в заселенные славянами Донские земли. Одним из ярких свидетельств этого является распространение на территории боршевской культуры курганов, идентичных верхнеокским.

Верхнеокская группировка славян VIII—X вв. стала ядром летописных вятичей. Все материалы, которыми располагает современная археология, свидетельствуют о том, что вятичи как отдельное образование сформировались на верхней Оке — на территории, прежде занятой племенами мощинской культуры. Сообщение Повести временных лет «...вятичи от ляховъ» носит, по всей вероятности, легендарный харак-

тер. Этноним этого этнографического образования восточного славянства летопись возводит к антропониму *Вятко* — уменьшительная форма от праславянского антропонима *Вячеслав*¹⁵⁵.

Дальнейшая история вятичей достаточно подробно освещена археологическими материалами. Уже в IX—X вв. из Верхнеокского региона вятичи проникают в более северные земли. Сравнительно небольшими группами они оседали в бассейне реки Москвы, а в XI в. крупные массы вятичей достигают западных земель Среднего Поочья. Свидетельством массового освоения вятичами обширных пространств являются многочисленные курганные могильники с захоронениями по обряду ингумации с семилопастными височными кольцами — этнографическим маркером этого племени¹⁵⁶. Вниз по Оке вятичи расселились до устья Прони, в том числе осели и в бассейне этой реки.

Поляне первоначально, как отмечалось выше, были новообразованием праславянской племенной группировки дулебов, представленной пражско-корчакской культурой. На рубеже VII и VIII вв. на их территории расселились славяне — носители волынцевской культуры, то есть русы. Таким образом, поляне вошли в состав племенного образования русов. Следовательно, летописная фраза «поляне ныне зоваемая русь» находит полное подтверждение в археологических материалах.

Примечания

¹ Подробнее об этом см.: *Седов В. В.* Происхождение и ранняя история славян. М., 1979. С. 119—133; *Его же.* Славяне в древности. М., 1994. С. 233—286.

² *Латышев В. В.* Известия древних писателей о Скифии и Кавказе. Т. I. Греческие писатели. СПб., 1893. С. 726.

³ *Хавлюк П. И.* Раннеславянские поселения в бассейне Южного Буга // Раннесредневековые восточнославянские древности. Л., 1974. С. 181—215.

⁴ *Горюнов Е. А.* Ранние этапы истории славян Днепровского Левобережья. Л., 1981. С. 66—79.

⁵ *Березовець Д. Т.* Могильники уличів у долині р. Тясмину // Слов'яно-руські старожитності. Київ, 1969. С. 67—68.

⁶ *Рафалович И. А.* Исследование раннеславянских поселений в Молдавии // Археологические исследования в Молдавии 1970—1971 гг. Кишинев, 1973. С. 134—144; *Рафалович И. А., Лапушнян В. Л.* Работы Реутской археологической экспедиции // Археологические исследования в Молдавии 1972 г. Кишинев, 1974. С. 110—147; *Их же.* Могильник и раннеславянское городище у с. Селиште // Археологические исследования в Молдавии 1973 г. Кишинев, 1974. С. 104—140.

⁷ *Брайчевский М. Ю.* Работы на Пастырском городище в 1949 г. // КСИИМК. Вып. XXXVI. 1951. С. 155—164; *Его же.* Новые находки VII—VIII вв. н. э. на Пастырском городище // КСИАУ. Вып. 10. 1960. С. 106—

108; *Брайчевский М. Ю.* Пастырский скарб 1949 р. // Археологія. Т. VII. Київ, 1952. С. 163—173; Он же. Нові розкопки на Пастырському городищі / Археологічні пам'ятки УРСР. Т. V. Київ, 1955. С. 67—76; *Брайчевская А. Т.* Кузница на Пастырском городище // КСИАУ. Вип. 9. 1960. С. 99—103.

⁸ *Бідзіля В. І.* Залізоплавильні горни середини I тисячоліття н. е. на Південному Бuzі // Археологія. Вип. 14. Київ, 1963. С. 123—144.

⁹ *Березовець Д. Т.* Могильники уличів... С. 58—70; *Рафалович И. А.* Исследование раннеславянских поселений... С. 141—143; *Рафалович И. А., Ланушнян В. Л.* Работы Реутской археологической экспедиции... С. 136—141; *Их же.* Могильник и раннеславянское городище... С. 104—140.

¹⁰ *Рыбаков Б. А.* Древние русы // СА. Т. XVII. 1953. С. 76—89.

¹¹ *Винокур І. С., Мегей В. П.* Ювелірна майстерня ранньосередньовічних слов'ян // Археологія. Київ, 1992. № 3. С. 82—95; *Винокур І. С.* Перша ливарна форма для пальчатих фибул // Старожитності Русі-України. Київ, 1994. С. 23—27. *Его же.* Слов'янські ювеліри Подністров'я: За матеріалами досліджень Бернашівського комплексу середини I тис. н. е. Кам'янець-Подільський, 1997. С. 53—56; *Винокур И. С.* Бернашевский ювелирный комплекс антско-склавиного порубежья // Общество, экономика, культура и искусство славян: Труды VI Международного Конгресса славянской археологии. Т. 4. М., 1998. С. 223—232.

¹² *Седов В. В.* Славяне в раннем средневековье. М., 1995. С. 84—90.

¹³ *Иордан.* О происхождении и деяниях гетов. Getica. М., 1960. С. 72.

¹⁴ *Прокопий из Кесарии.* Война с готами. М., 1950. С. 156, 298, 384; Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. 1. М., 1991. С. 170—250.

¹⁵ *Седов В. В.* Славяне Среднего Поднепровья (по данным палеоантропологии) // Сов. этнография. 1974. № 1. С. 16—31.

¹⁶ *Абаев В. И.* О происхождении фонемы γ(h) в славянском языке // Проблемы индоевропейского языкознания. М., 1964. С. 115—121.

¹⁷ *Абаев В. И.* Превербь и перфективность: Об одной скифо-славянской изоглоссе // Проблемы индоевропейского языкознания. М., 1964. С. 90—99.

¹⁸ *Топоров В. Н.* Об одной ирано-славянской параллели из области синтаксиса // Краткие сообщения Института славяноведения. Вып. 28. М., 1960. С. 3—11; *Его же.* Об иранском элементе в русской духовной культуре // Славянский и балканский фольклор. М., 1989. С. 23—60.

¹⁹ *Седов В. В.* Диалектно-племенная дифференциация славян в начале средневековья по данным археологии // История, культура, этнография и фольклор славянских народов. X Международный съезд славистов: Доклады советской делегации. М., 1988. С. 173—175.

²⁰ *Абаев В. И.* Скифо-европейские изоглоссы: На стыке Востока и Запада. М., 1965. С. 115—117.

²¹ *Абаев В. И.* Скифо-европейские изоглоссы... С. 110—111; *Его же.* Дохристианская религия алан // XXV Международный конгресс востоковедов: Доклады делегации СССР. М., 1960. С. 5—7.

²² *Иванов Вяч. Вс., Топоров В. Н.* О древних славянских этнонимах: основные проблемы и перспективы // Славянские древности: Этногенез, материальная культура Древней Руси. Киев, 1980; *Хабургаев Г. А.* Этнонимия «Повести временных лет» в связи с задачами реконструкции восточнославянского глоттогенеза. М., 1979. С. 98.

Согласно О. Н. Трубачеву, *сербы* — индоарийский этноним, вошедший в праславянскую среду где-то в Южном Побужье (Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Вып. 8. М., 1981. С. 181).

²³ *Филин Ф. П.* Образование языка восточных славян. М., 1962. С. 60.

²⁴ Трубачев О. Н. Лингвистическая периферия древнейшего славянства: Индоарийцы в Северном Причерноморье // *Вопр. языкознания*. 1977. № 6. С. 25.

О неславянском происхождении этнонима *анты* и о периодической вражде антов с прочими славянами см.: *Schreiner P. Studia Byzantino-Bulgarica*. Wien, 1986. S. 357; *Крамар И.* Антската група на славяните и светлината на датирането, локализирането и етимологията на названието «анти» // *Исторически преглед*. София, 1988. 6. С. 19—33). Однако это обстоятельство никак не может быть использовано для отрицания славянской принадлежности антов. Информация Прокопия и Маврикия, а главным образом, археологические материалы достоверно свидетельствуют о принадлежности антов к раннесредневековому славянству.

²⁵ *Иордан*. О происхождении и деяниях гетов... С. 115.

²⁶ Свод древнейших письменных известий... Т. 1. С. 183.

²⁷ Там же. С. 197.

²⁸ *Дуйчев И.* Нападения и заселване на славяните на Балканския полуостров // *Военноисторически сборник*. Т. 26. Вып. 1. София, 1977. С. 73.

²⁹ Свод древнейших письменных известий... Т. 1. С. 187.

³⁰ *Литаврин Г. Г.* О походе аваров 602 г. против антов // *Славяне и их соседи*. М., 1989. С. 22—27.

³¹ Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. II. М., 1995. С. 43.

³² *Литаврин Г. Г.* О походе аваров... С. 17—22.

³³ Свод древнейших письменных известий... Т. 1. С. 262.

³⁴ Там же. С. 317.

³⁵ Подробнее о древностях хорватов, а также тиверцев и уличей см.: *Седов В. В.* Восточные славяне в VI—XIII вв. М., 1982. С. 123—132.

³⁶ *Повесть временных лет*. Ч. 1. М.; Л., 1950. С. 14.

³⁷ *Нидерле Л.* Славянские древности. М., 1956. С. 158, 159.

³⁸ *Шахматов А. А.* Повесть временных лет. Пг., 1919. С. 373.

³⁹ *Рыбаков Б. А.* Уличи (историко-географические заметки) // *КСИИМК*. XXXV. 1950. С. 3—17.

⁴⁰ *Трубачев О. Н.* О племенном названии уличи // *Вопросы славянского языкознания*. Вып. 5. М., 1961. С. 186, 187.

⁴¹ *Иордан*. О происхождении и деяниях гетов... С. 72.

⁴² *Седов В. В.* Славяне в раннем средневековье... С. 7—39.

⁴³ *Седов В. В.* Славяне в древности... С. 290—296.

⁴⁴ *Баран В. Д.* Пражская культура Поднестровья (по материалам поселения у с. Рашков). Киев, 1988.

⁴⁵ *Ауліх В. В.* Зимнівське городище — слов'янська пам'ятка VI—VII ст. н. е. в Західній Волині. Київ, 1972.

⁴⁶ *Смішко М. Ю.* Карпатські кургани першої половини I тисячоліття н. е. Київ, 1960; *Вакуленко Л. В.* Пам'яткі підгір'я Українських Карпат першої половини I тисячоліття н. е. Київ, 1977; *Седов В. В.* Становление курганной обрядности в раннесредневековом славянском мире // *Проблеми походження та істричного розвитку слов'ян*. Київ, 1997. С. 134—141.

⁴⁷ Подробнее см.: *Седов В. В.* Славяне в раннем средневековье... С. 31—35.

⁴⁸ Названа по одному из исследованных поселений в урочище Лука при с. Райки на р. Гнилопять в Житомирской обл. (*Гончаров В. К.* Райковецкое городище. Киев, 1950. С. 11—13; *Его же.* Лука-Райковецкая // *МИА*. 1963. № 108. С. 283—315).

⁴⁹ *Кухаренко Ю. В.* Раскопки на городище и селище Хотомель // *КСИИМК*. Вып. 68. 1957. С. 90—97; *Его же.* Средневековые памятники Полесья // *САИ*. Вып. Е1—57. М., 1961. С. 7—11, 22—27.

⁵⁰ Повесть временных лет... С. 14.

⁵¹ *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. Т. 1. М., 1964. С. 551; *Трубачев О. Н.* Ранние славянские этнонимы — свидетели миграции славян // *Вопр. языкознания.* 1974. № 6. С. 52—53.

⁵² *Niederle L.* Slovanske starozitnosti. Т. II. Praha, 1910. S. 369, 370.

⁵³ Подробнее см.: *Седов В. В.* Восточные славяне... С. 90—122.

⁵⁴ Повесть временных лет... С. 11.

⁵⁵ *Иванов Вяч. Вс., Топоров В. Н.* О древних славянских этнонимах: Основные проблемы и перспективы // *Славянские древности: Этногенез, материальная культура Древней Руси.* Киев, 1980. С. 40—41; *Агеева Р. А.* Страны и народы: происхождение названий. М., 1990. С. 41, 43, 46.

⁵⁶ *Спицын А. А.* Расселение древнерусских племен по археологическим данным // *ЖМНП.* 1899. № VIII. С. 326, 327.

⁵⁷ *Седов В. В.* О юго-западной группе восточнославянских племен // *Историко-археологический сборник: А. В. Арциховскому к 60-летию со дня рождения и 30-летию научной, педагогической и общественной деятельности.* М., 1962. С. 197, 198.

⁵⁸ *Березовец Д. Т.* Новые раскопки в с. Волынцево // *Археологические исследования на Украине.* Вып. 1. Киев, 1967. С. 169; *Горюнов Е. А.* Ранние этапы истории славян... С. 54, 90; *Щеглова О. А.* Ранние элементы в керамическом комплексе памятников волынцевского типа // *КСИА.* Вып. 187. 1986. С. 15—23; *Ее же.* Волынцевский горизонт поселения Вовки // *КСИА.* Вып. 190. 1987. С. 43—48; *Петрашенко В. А.* Волынцевская культура на Правобережном Поднепровье // *Проблемы археологии Южной Руси: Материалы историко-археологического семинара «Чернигов и его округа в IX—XIII вв.».* Киев, 1990. С. 47—50.

⁵⁹ *Березовець Д. Т.* Харівський скарб // *Археологія.* Т. VI. Київ, 1952. С. 109—119.

⁶⁰ *Славяне Юго-Восточной Европы в предгосударственный период.* Киев, 1990. С. 305, 306.

С. П. Юренко предлагает несколько иные даты. Ранний горизонт волынцевской культуры относится ею к середине VII в., средний — к рубежу VII—VIII вв. и началу VIII в., поздний — ко второй половине VIII в. (*Юренко С. П.* Волынцевская культура // *Этнокультурная карта Украинской ССР в I тыс. н. э.* Киев, 1985. С. 123—124; *Ее же.* Население Днепровского Левобережья в VII—VIII вв. н. э. (волынцевская культура) // *Труды V Международного Конгресса археологов-славистов.* Т. 4. Киев, 1988. С. 244—251). В основе датировок О. А. Щегловой и И. О. Гавритухина лежат вещи из кладов Днепровского левобережья. Исследователи утверждают, что время бытования волынцевской круговой посуды следует датировать периодом от середины VIII до начала X в. (*Гавритухин И. О., Обломский А. М.* Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст. М., 1996. С. 133—136).

⁶¹ *Узянов А. А.* Роменская керамика как источник хронологического членения культуры // *Актуальные проблемы археологических исследований в Украинской ССР.* Киев, 1981. С. 103, 104; *Петрашенко В. О.* Слов'янська кераміка VIII—IX ст. правобережжя Середнього Подніпров'я. Київ, 1992. С. 80—102.

⁶² *Петрашенко В. А.* Волынцевская культура на Правобережном Поднепровье // *Проблемы археологии Южной Руси: Материалы историко-археологического семинара «Чернигов и его округа в IX—XIII вв.».* Киев, 1990. С. 45—50.

⁶³ *Щеглова О. А.* Салтовские вещи на памятниках волынцевского типа // *Археологические памятники эпохи железа Восточноевропейской лесостепи.* Воронеж, 1987. С. 77—85.

⁶⁴ Плетнева С. А. На славяно-хазарском пограничье: Дмитриевский археологический комплекс. М., 1980. С. 12—25.

⁶⁵ Винников А. З. Славянское городище на Белой Горе под г. Воронежем // Из истории Воронежского края. Вып. 6. Воронеж, 1977. С. 113—137; *Его же*. Славянские курганы лесостепного Дона. Воронеж, 1984. С. 141—145; *Зинковская И. В.* К вопросу о формировании культуры VIII—X вв. на р. Воронеж (по материалам II Белогорского могильника) // Археология и история Юго-Востока Древней Руси (материалы научной конференции). Воронеж, 1993. С. 50—52.

⁶⁶ Комаров К. И. Находка раннеславянской керамики на верхнем Дону / КСИА. Вып. 129. 1972. С. 47—49.

⁶⁷ Москаленко А. Н. Городище Титчиха: Из истории древнерусских поселений на Дону. Воронеж, 1965. С. 100—107. Рис. 32б, 33:6 и др.

⁶⁸ Никольская Т. Н. Культура племен бассейна верхней Оки в I тысячелетии н. э. // МИА. № 72. 1959. С. 65—67, 78, 87—89; *Ее же*. Земля вятичей: К истории населения верхней и средней Оки в IX—XIII вв. М., 1981. С. 22, 28, 30.

⁶⁹ Седов В. В. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья. М., 1970. С. 47—48; *Его же*. Восточные славяне... С. 41—44.

⁷⁰ Седов В. В. Очерки по археологии славян. М., 1994. С. 49—66; *Его же*. Славяне в раннем средневековье... С. 193—197.

⁷¹ Старостин П. Н. Памятники именьковской культуры // САИ. Вып. Д1—32. М., 1967.

⁷² Свое видение исторических событий, имевших место в конце VII в. при становлении волынцевской культуры, недавно изложили И. О. Гавритухин и А. М. Обломский (Гапоновский клад... С. 133, 144—147). Исследователи полностью согласны с тем, что сложение этой культуры было обусловлено экспансией в Днепровское левобережье новых масс славянского населения, но полагают, что миграция исходила из каких-то более западных областей. При этом верхушка прежнего (пеньковско-колочинского) населения в результате столкновений погибла (обилие невостребованных кладов в волынцевском ареале), а оставшиеся группы смешались с пришельцами. Мысль о западном происхождении прошлого населения покоится исключительно на распространении в южной части волынцевской культуры глиняных печей. Но таким образом можно было бы еще решить вопрос о происхождении отопительных устройств волынцевских жилых построек, но никак не проблему происхождения всей культуры, которая требует анализа всего комплекса составляющих ее элементов.

Вопрос об истоках глиняных печей волынцевской культуры решается И. О. Гавритухиным и А. М. Обломским довольно поверхностно. Действительно, подобные печи выявлены на поселениях второй половины V—VI в. в верховьях Западного Буга, Сана и Горыни. Но в следующих столетиях они здесь выходят из употребления; по-видимому, на их основе формируются круглые глинобитные печи, которые никак не могли быть прототипами волынцевских глиняных печей. На основной части Правобережной Украины и в Молдавии и в V—VII вв., и позднее господствовали печи-каменки (*Rannoport П. А.* Древнерусское жилище // САИ. Вып. Е1—32. Л., 1975). Глиняные печи, наряду с другими типами отопительных устройств, выявлены на поселениях VIII—IX вв. Киевщины и Каневщины. Но это ведь ареал волынцевской культуры.

⁷³ Подробнее о расселениях части черняховского населения в различные регионы и формировании именьковской культуры см.: Седов В. В. Славяне в древности... С. 304—315.

⁷⁴ *Napolskich V. V.* Die Vorslaven im unteren Kamagebiet in der Mitte des I Jahrtausend unserer Zeitrechnung: Permische Sprachmaterial // Finnisch-Ugrische Mitteilungen. Bd. 18/19. Hamburg, 1996. S. 97—106.

⁷⁵ Яжджевский К. О значении возделывания ржи в культурах раннего железного века в бассейнах Одры и Вислы // Древности славян и Руси. М., 1988. С. 98—99.

⁷⁶ Старостин П. Н. Памятники именьковской культуры... С. 31—32.

⁷⁷ Смирнов А. П. Некоторые спорные вопросы истории волжских болгар // Историко-археологический сборник... С. 167, 168; *Его же*. Древняя Русь и Волжская Болгария // Славяне и Русь. М., 1968. С. 168; *Тухтина Н. В.* Раскопки 1957 г. близ с. Криуши Ульяновской обл. // МИА. 1960. № 80. С. 150; *Хлебникова Т. А.* Керамика памятников Волжской Болгарии: К вопросу об этнокультурном составе населения. М., 1984. С. 57, 116, 129, 143—145.

⁷⁸ Ковалевский А. П. Книга Ахмеда Ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921—922 гг. Харьков, 1965. С. 121—148; *Новосельцев А. П.* Восточные источники о восточных славянах и Руси VI—IX вв. // Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965. С. 359—408.

⁷⁹ Трубачев О. Н. В поисках единства: Взгляд филолога на проблему истоков Руси. 2-е изд., доп. М., 1997. С. 201—206.

⁸⁰ Трубачев О. Н. Названия рек Правобережной Украины: Словообразование. Этимология. Этническая интерпретация. М., 1968. С. 222—229; *Отин Е. С.* Ареалы славянских гидронимических терминов в топонимии Подонья // Проблемы восточнославянской топонимии. М., 1978. С. 9—10; *Чумакова Ю. П.* Расселение славян в Среднем (Рязанском) Поочье по лингвистическим и историческим данным. Уфа, 1992. С. 100—101.

⁸¹ Трубачев О. Н. В поисках единства... С. 207.

⁸² Назаренко А. В. Немецкие латиноязычные источники IX—XI веков. М., 1993. С. 15, 41, 42.

⁸³ Назаренко А. В. Русь и Германия в IX—XI вв. // Древнейшие государства Восточной Европы. 1991. М., 1994. С. 35—61.

⁸⁴ Назаренко А. В. Об имени «Русь» в немецких источниках IX—XI вв. // *Вопр. языкознания*. 1980. № 5. С. 40—57; *Его же*. Имя «Русь» и его производные в немецких средневековых актах (IX—XIV вв.): Бавария — Австрия // Древнейшие государства на территории СССР: Материалы и исследования. 1982. М., 1984. С. 86—129.

⁸⁵ Херрманн Й. К вопросу об исторических и этнографических основах «Баварского географа» (первая половина IX в.) // Древности славян и Руси. М., 1988. С. 166—168.

⁸⁶ Назаренко А. В. Южно-немецкие земли в европейских связях IX—XI вв. // *Средние века*. Т. 53. М., 1990. С. 121—136.

⁸⁷ Новосельцев А. П. Восточные источники... С. 384—385.

⁸⁸ Там же. С. 385, 386.

⁸⁹ Marquart J. Osteuropäische und ostasiatische Streifzüge: Ethnologische und historisch-topographische Studien zur Geschichte des 9. und 10. Jh. Leipzig, 1903. S. 355—357, 383—385.

⁹⁰ Дьяконов А. П. Известия Псевдо-Захарии о древних славянах // *Вестник древней истории*. 1939. № 4. С. 83—90; *Пигулевская Н. В.* Имя «рус» в сирийском источнике VI в. н. э. // Академику Б. Д. Грекову ко дню семидесятилетия: Сборник статей. М., 1952. С. 42—48.

⁹¹ Рыбаков Б. А. Древние русы... С. 23—104.

⁹² Ловмянский Х. Русь и норманны. М., 1985. С. 188.

В. Я. Петрухин полагает, что народа рус/рос в VI в. не было, а в «Церковную историю» Псевдо-Захарии его упоминание попало из греческого перевода Книги Иезекииля, где еврейский титул наси-рош (верховный глава) был переведен как архонт Рос (*Петрухин В. Я.* Начало этнокультурной истории Руси IX—XI веков. Смоленск, 1995. С. 42—48; *Петрухин В. Я., Равский Д. С.* Очерки исто-

рии народов России в древности и раннем средневековье. М., 1998. С. 261—267). Впрочем, это не новое объяснение. В начале XX в. аналогичное толкование было предложено Я. Марквартом.

⁹³ Повесть временных лет... С. 18.

⁹⁴ Там же. С. 30.

О том, что варяги приняли название *русь* только в Киеве, говорит и Новгородская Первая летопись: «И седе Игорь, княжа, в Кыеве; и баше у него Варязи мужи Словене, и отголе ...прозвашася Русью» (Новгородская Первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950. С. 107).

⁹⁵ Критический разбор этой точки зрения см.: *Ловмянский Х.* Русь и норманны... С. 163—190; *Горский А. А.* Проблема происхождения названия русь в современной советской историографии // История СССР. 1989. № 3. С. 131—137.

⁹⁶ *Мельникова Е. А., Петрухин В. Я.* «Русь» в этнокультурной истории Древнерусского государства // Вопр. истории. 1989. № 8. С. 24—38.

⁹⁷ О современном состоянии проблемы дифференциации западнофинской этноязыковой общности см.: *Sedov V.* Die erste Welle slawischer Ansiedlung im Nordwesten Osteuropas und die Ostseefinnen // Cultural Heritage of the Finno-Ugrians and Slavs. Tallinn, 1992. S. 62—77; *Седов В. В.* Прибалтийско-финская этноязыковая общность и ее дифференциация // Финно-угроведение. 1997. № 2. С. 3—16.

⁹⁸ *Трубачев О. Н.* Лингвистическая периферия древнейшего славянства: Индоарийцы в Северном Причерноморье // Вопр. языкознания. 1977. № 6. С. 13—29; *Его же.* Indoaica в Северном Причерноморье: Источники. Интерпретация. Реконструкция // Там же. 1981. № 2. С. 3—21.

⁹⁹ *Абаев В. И.* Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. 2. М., 1973. С. 435—437.

¹⁰⁰ *Трубачев О. Н.* К истокам Руси (наблюдения лингвиста). М., 1993; *Его же.* Русь, Россия: Очерк этимологии названия // Русская словесность. 1994. № 3. 67—70; *Его же.* В поисках единства... С. 223—249. В связи с написанием этнонима *русь* в византийских исторических произведениях через *-o-* и двойственной огласовкой *Русь/Россия* О. Н. Трубачев отмечает, что в южных топонимических материалах изначально представлены оба варианта — на *-o-* и на *-y-* — и, следовательно, в греческом написании имеются давние севернопонтийские корни.

Что касается связи Ruotsi — Русь, то исследователь присоединяется к суждениям В. А. Пархоменко и Х. Ловмянского, согласно которым название *русь* первоначально обозначало область Среднего Поднепровья и имя Ruotsi финны перенесли на Швецию, когда скандинавы вместе с восточным славянством уже впитали этот южный этноним.

¹⁰¹ *Новосельцев А. П.* Восточные источники... С. 397.

¹⁰² Там же. С. 406.

¹⁰³ *Новосельцев А. П.* Восточные источники... С. 402—407; *Его же.* Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М., 1990. С. 207, 208.

¹⁰⁴ *Рыбаков Б. А.* Киевская земля и русские княжества XII—XIII вв. М., 1982. С. 68—90, 284—295.

¹⁰⁵ Об истории Хазарии см.: *Новосельцев А. П.* Хазарское государство...

¹⁰⁶ *Артамонов М. И.* История хазар. Л., 1962.

¹⁰⁷ *Константин Багрянородный.* Об управлении империей. (Текст, перевод, комментарий). М., 1989. С. 171—173.

¹⁰⁸ *Constantine Porphyrogenitus.* De administrando imperio. Vol. 2. Washington, 1967. P. 154.

¹⁰⁹ *Раннопорт П. А.* Крепостные сооружения Саркела // МИА. 1959. № 75. С. 9—39.

- ¹¹⁰ *Константин Багрянородный*. Об управлении империей... С. 173.
- ¹¹¹ Там же. С. 173.
- ¹¹² *Афанасьев Г. Е.* Донские аланы: Социальные структуры алано-ассо-бургасского населения бассейна Среднего Дона. М., 1993. С. 129—141.
- ¹¹³ *Бабенко В. А.* Памятники хазарской культуры на Юге России // Труды XV Археологического съезда. Т. I. М., 1914. С. 468—470.
- ¹¹⁴ *Плетнева С. А.* На славяно-хазарском пограничье... С. 12—25.
- ¹¹⁵ В этом источнике, как и в византийских исторических сочинениях, этноним *русы* пишется через *о* — *росы*.
- ¹¹⁶ *Annales Bertiniani*. Hannoverae, 1883. P. 19—20.
- ¹¹⁷ *Васильевский В. Г.* Труды. Т. III. СПб., 1915. С. 64. *Ševčenko I.* Hagiography of the Iconoclast Period // *Iconoclasm*. Birmingham, 1977. P. 121—127.
- ¹¹⁸ В «Житии святого Стефана», составленном в Новгороде Великом в XV в., содержится рассказ о нападении русов на Сурож — византийскую Сугдею в Крыму. Поход будто бы был совершен из Новгорода под водительством князя Бравлина. Его дружинниками была разграблена гробница «святого», и Бравлин «в тот же час разболелся». Бравлин с сопровождающими вынужден был креститься, после чего совершается чудо — он исцеляется. Время нападения Бравлина на Сурож в источнике не определено, но, очевидно, что это свершилось после смерти епископа Стефана Сурожского, то есть после 787 г. (*Васильевский В. Г.* Труды... С. 95—96).
- ¹¹⁹ «Две беседы... патриарха константинопольского Фотия» // Христианские чтения. СПб., 1882. 9—10. С. 431—432; *Mango C.* The Homilies of Photius, Patriarch of Constantinople. Cambridge, 1958. P. 98.
- ¹²⁰ О кампании 860 г. см.: *Bury J.* A History of the Eastern Roman Empire. London, 1912. P. 419—422; *Vasiliev A. A.* Byzance et les Arabes. Vol. I. Bruxelles, 1937. P. 240—247; *Idem.* The Russian Attack on Constantinople in 860. Cambridge, 1946; *Сахаров А. Н.* Дипломатия Древней Руси: IX — первая половина X в. М., 1980. С. 48—82.
- ¹²¹ *Grumel V.* Les Regestes des actes du Patriarcat de Constantinople. Vol. I—II. Paris, 1936. P. 88—90.
- ¹²² *Пащуто В. Т.* Внешняя политика Древней Руси. М., 1968. С. 59.
- ¹²³ *Новосельцев А. П.* Хазарское государство... С. 192.
- ¹²⁴ *Новосельцев А. П.* К вопросу об одном из древнейших титулов русского князя и История СССР. 1982. № 4. С. 150—159.
- ¹²⁵ *Вернадский Г. В.* Древняя Русь. М., 1996. С. 292—293.
- ¹²⁶ *Янин В. Л.* Денежно-весовые системы русского средневековья. Домонгольский период. М., 1956. С. 79—117.
- ¹²⁷ Там же. С. 93—100.
- ¹²⁸ *Назаренко А. В.* Происхождение древнерусского денежно-весового счета и древнейшие государства Восточной Европы. 1994. М., 1996. С. 5—79.
- ¹²⁹ *Быков А. А.* Из истории денежного обращения Хазарии в VIII и IX вв. // Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы. Вып. 3. М., 1974. С. 26—71.
- Подобной точки зрения придерживался и В. В. Кропоткин (О топографии кладов куфических монет IX в. в Восточной Европе // Древняя Русь и славяне. М., 1978. С. 111—117).
- ¹³⁰ *Новосельцев А. П.* Хазарское государство... С. 117.
- ¹³¹ Повесть временных лет... С. 17.
- ¹³² *Толочко П. П.* Древний Киев. Киев, 1983.
- ¹³³ *Флоровский А. В.* Чехи и восточные славяне. Прага, 1935. С. 158—182.
- ¹³⁴ *Пащуто В. Т.* Внешняя политика... С. 59.
- ¹³⁵ Повесть временных лет... С. 18.

- ¹³⁶ Там же. С. 20.
- ¹³⁷ *Тихомиров М. Н.* Происхождение названий «Русь» и «Русская земля» / Сов. этнография. Т. VI—VII. М., 1947. С. 60—80 (статья переиздана в кн.: *Тихомиров М. Н.* Русское летописание. М., 1979. С. 74—100).
- ¹³⁸ *Гедеонов С. А.* Варяги и Русь. Ч. II. СПб., 1876. С. 430—442.
- ¹³⁹ *Насонов А. Н.* «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. М., 1951. С. 28—68.
- ¹⁴⁰ *Рыбаков Б. А.* Киевская Русь и русские княжества... С. 56—66.
- ¹⁴¹ *Кучкин В. А.* «Русская земля» по летописным данным XI — первой трети XIII в. // Древнейшие государства Восточной Европы: Материалы и исследования. 1992—1993 годы. М., 1995. С. 74—116.
- ¹⁴² ПСРЛ. Т. 2. М., 1962. Стб. 367.
- ¹⁴³ Там же. Стб. 374.
- ¹⁴⁴ Там же. Стб. 387 и 405.
- ¹⁴⁵ Там же. Стб. 452, 454, 461.
- ¹⁴⁶ Повесть временных лет... С. 11.
- ¹⁴⁷ Подробную характеристику древностей северян см. в: *Седов В. В.* Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья. М., 1970. С. 124—133; *Его же.* Восточные славяне в VI—XIII вв. М., 1982. С. 133—140.
- ¹⁴⁸ *Vasmer M.* Untersuchungen über die ältesten Wohnsitze der Slaven. 1. Die Iranier in Südrussland. Leipzig, 1923. S. 76; *Топоров В. Н., Трубачев О. Н.* Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. М., 1962. С. 226.
- ¹⁴⁹ *Иванов Вяч. Вс., Топоров В. Н.* О древних славянских этнонимах: (Основные проблемы и перспективы) // Славянские древности: Этногенез. Материальная культура Древней Руси. Киев, 1980. С. 29—32.
- ¹⁵⁰ *Седов В. В.* Славяне в раннем средневековье... С. 197.
- ¹⁵¹ *Седов В. В.* Восточные славяне... С. 140—143.
- ¹⁵² *Шахматов А. А.* Южные поселения вятичей // Изв. Академии наук. Серия VI. 16. СПб., 1907. С. 720—723; *Его же.* Древнейшие судьбы русского племени. Пг., 1919. С. 35.
- ¹⁵³ *Монгайт А. Л.* Рязанская земля. М., 1961. С. 121—128.
- Этот исследователь, как и А. А. Шахматов в ранней работе, считал, что донские славяне были вятичами, что ныне представляется неприемлемым.
- ¹⁵⁴ Подробно об археологии верхнеокских славян см.: *Седов В. В.* Восточные славяне... С. 143—151.
- ¹⁵⁵ *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. Т. 1. М., 1964. С. 376.
- ¹⁵⁶ *Арциховский А. В.* Курганы вятичей. М., 1930.

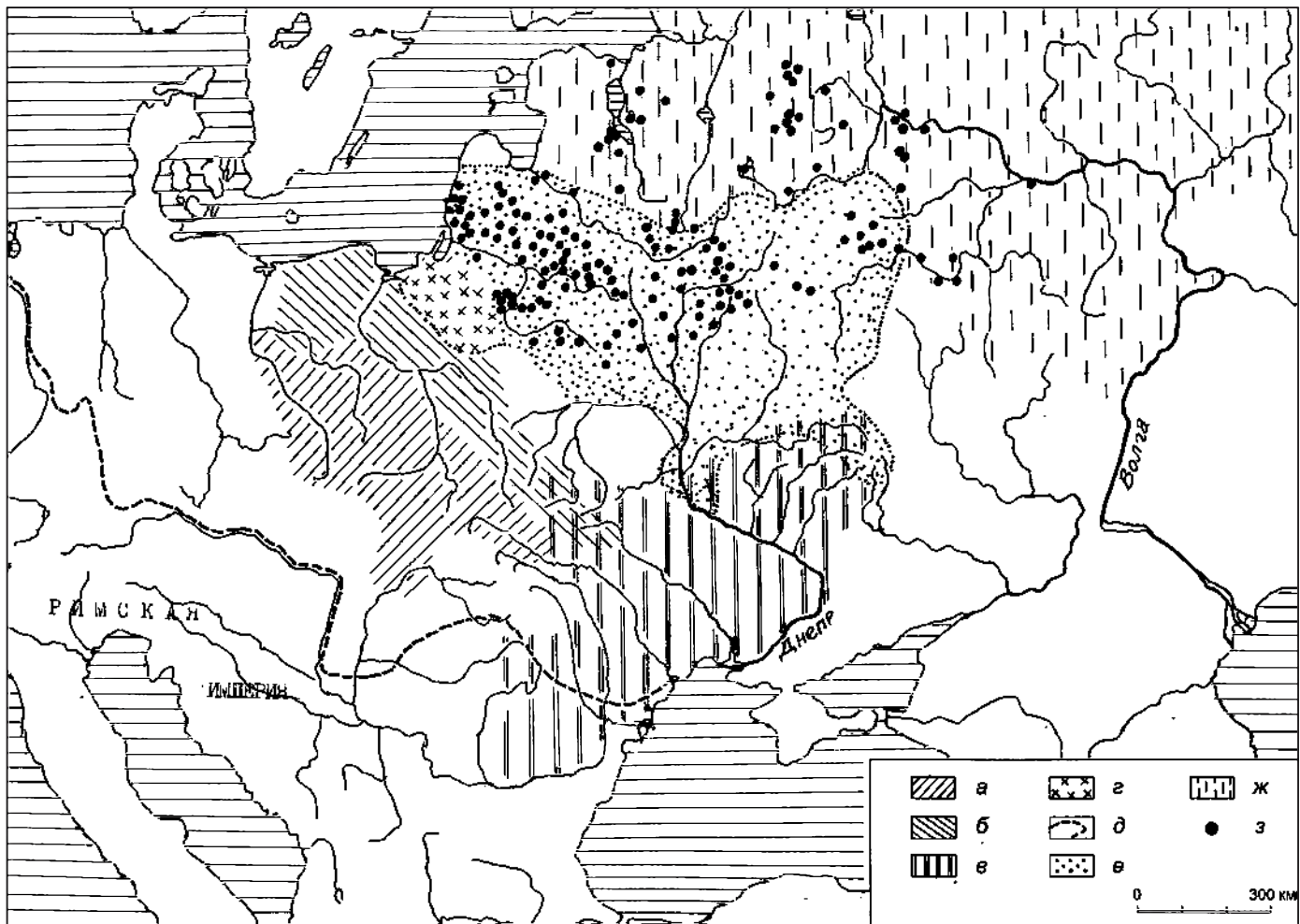
ОСВОЕНИЕ СЛАВЯНАМИ ЛЕСНОЙ ПОЛОСЫ ВОСТОЧНО-ЕВРОПЕЙСКОЙ РАВНИНЫ

РАССЕЛЕНИЕ СРЕДНЕЕВРОПЕЙСКОГО НАСЕЛЕНИЯ

До середины I тыс. н. э. северные земли зоны лесов Восточной Европы от побережья Финского и Рижского заливов на западе до Северного и Среднего Урала на востоке заселяли различные племена финской языковой группы (рис. 15). Их облик в раннем железном веке характеризуют культуры сетчатой керамики Прибалтийско-Ильменского региона, дьяковской и городецкой культур в Волго-Окском бассейне и ананьинско-пьяноборской в Прикамье. Значительную роль в экономике этих племен играли присваивающие формы хозяйственной деятельности. Юго-западными соседями финноязычных племен были балты, заселявшие области от юго-восточных берегов Балтики до верхнего течения Оки. Они представлены культурами западнобалтских курганов, штрихованной керамики, днепродвинской, верхнеокской, киевской и мощинской. Культурное развитие племен финского и балтского этносов протекало относительно спокойно, в замедленном темпе. Плоды римской цивилизации не достигали этих территорий. Воздействию провинциально-римских культур, сформировавшихся по соседству с Римской империей, подвергались лишь западнобалтские земли. В лесных областях Восточно-Европейской равнины влияние провинциально-римской культуры не ощущалось вовсе.

Совершенно иным был в первой половине I тыс. н. э. культурный облик населения среднеевропейских земель и Северного Причерноморья. Здесь при активном влиянии римской цивилизации складываются и бурно развиваются пшеворская и черняховская культуры. Они существеннейшим образом отличались от синхронных культур финских и балтских племен лесной полосы Восточной Европы. Это ярко и отчетливо проявляется в металлургии и кузнечном деле, в гончарном производстве, ювелирных ремеслах, строительном деле, вооружении и в бытовых вещевых коллекциях. Носителями этих провинциально-римских культур был освоен и глубоко вошел в жизнь целый комплекс предметов, с которыми не были знакомы обитатели лесной зоны Восточно-Европейской равнины.

Ситуация коренным образом меняется в период великого переселения народов. В конце IV—V в. в лесных землях Восточной Европы на широкой территории появляется в довольно большом количестве целый ряд изделий провинциально-римского происхождения. Интересно, что к этому времени и черняховская и пшеворская культуры прекращают свое развитие в результате гуннских погромов и вынужденных переселений



их носителей. Активно функционировавшие в провинциально-римских ареалах многочисленные ремесленные мастерские, обеспечивавшие своей продукцией потребности населения пшеворской и черняховской культур, полностью прекращают свою деятельность. Поэтому появление предметов провинциально-римских типов в лесной зоне Восточной Европы никак нельзя объяснять торговыми или культурными контактами с пшеворским или черняховским ареалами.

К настоящему времени в лесной полосе Восточно-Европейской равнины известно свыше ста памятников середины I тыс. н. э. с находками различных вещей среднеевропейских провинциально-римских типов. Речь идет о предметах, в римское время широко бытовавших в Центральной Европе (ареалы пшеворской и вельбарской культур) и не характерных для черняховских древностей Северного Причерноморья. На широкое распространение в период великого переселения народов в лесной зоне Восточной Европы провинциально-римских вещей до сих пор исследователи не обращали должного внимания, поэтому эта тема нуждается в обстоятельном рассмотрении.

Население лесной части Восточно-Европейской равнины до IV в. вовсе не знало конского снаряжения. В самом конце IV или в V в. здесь появляются шпоры и удила. Это прежде всего железные шпоры небольших размеров с острыми коническими шипами, утолщенными или выпукло-плоскими дужками и отогнутыми наружу крючками на концах (рис. 16: 4, 5). Они встречены (рис. 17) в самых верхних горизонтах напластований городищ культур штрихованной керамики и днепро-двинской (Девички, Деделовичи, Лабенщина)¹, но более многочисленны на поселениях тушемлинской культуры, сформировавшейся в период великого переселения народов (Аношки, Близнаки, Вежки, Воронча, Городище, Демидовка, Некасецк, Неквасино, Никодимово, Тайманово, Церковище, Черкасово, Шугайлово, Щатково)². Одна шпора обнаружена в составе инвентаря погребения длинного кургана V в., раскопанного у д. Дорохи в верховьях р. Ловати. Глиняные урны, встреченные в этом кургане, принадлежат тушемлинской культуре³.

Рис. 15

Этнокультурная ситуация в Средней и Восточной Европе в римское время и распространение среднеевропейских провинциально-римских вещей в период Великого переселения народов в лесной полосе Восточно-Европейской равнины

а — ареал пшеворской культуры; б — вельбарской культуры; в — черняховской культуры; г — западнобалтская область, затронутая провинциально-римским влиянием; д — северная граница Римской империи; е — ареал балтских племен; ж — финно-угорских племен; з — памятники с находками вещей среднеевропейских провинциально-римских типов

На городище Лабенщина шпора найдена в напластованиях IV—VI вв.⁴ Этим же временем датируется и находка на селище Щатково на р. Березине Днепроvской⁵. На поселении у д. Городище в Минской обл. обнаружены три шпоры — все в ранних отложениях тушемлинской культуры (одна найдена в жилище), которые исследователь памятника А. Г. Митрофанов весьма приблизительно датировал VI—VII вв.⁶; ныне по уточненным данным они должны быть отнесены к концу IV—VI в.

Надежную датировку подобных шпор дают материалы Литвы, поскольку они встречены здесь в закрытых комплексах. Так, в могильнике Плинкайгалис в погребениях найдены четыре шпоры (в могиле 79 две шпоры лежали около головы умершего, в могиле 29 — в области

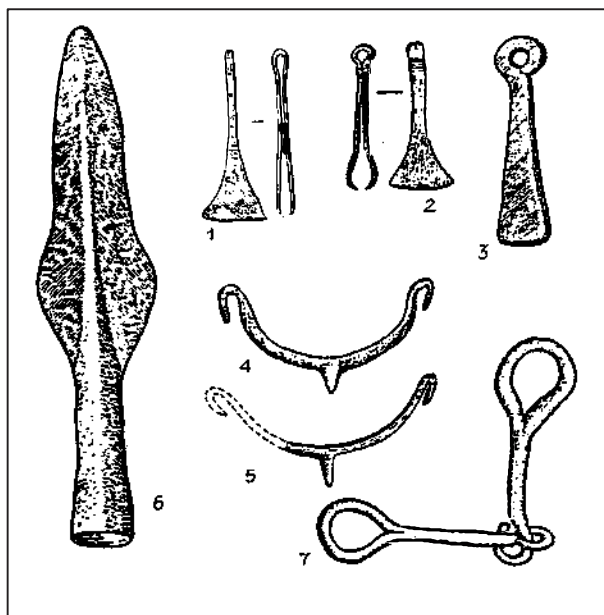


Рис. 16

Предметы среднеевропейского провинциально-римского происхождения из ареала тушемлинской культуры

1, 2 — пинцеты; 3 — пластинчатое кресало; 4, 5 — шпоры с крючкообразно загнутыми концами; 6 — наконечник копья пламевидной формы; 7 — удила.

1 — Лужесно; 2, 4, 6 — Демидовка; 3 — Заозерье; 5 — Цурковка; 7 — Еловцы

бедренных костей). Эти захоронения по сопровождающим вещам датируются концом IV—V в.⁷ Одна шпора с отогнутыми наружу крючкообразными концами происходит из жемайтского могильника в Пагрибисе. Она встречена в захоронении ранней фазы функционирования

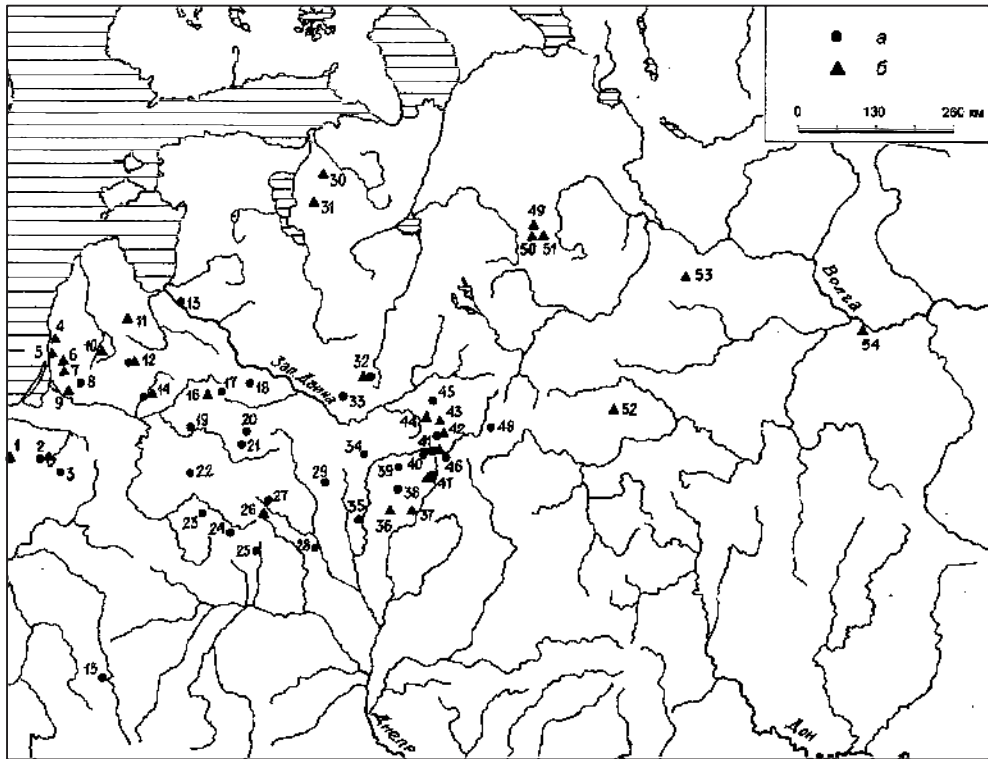


Рис. 17

Распространение находок шпор и удил

а — памятники с находками шпор с крючкообразно загнутыми концами;

б — с находками удил.

- 1 — Санточе; 2 — Тумяны; 3 — Ментке; 4 — Лаздининкай; 5 — Рудайчай; 6 — Рякяте; 7 — Шернай; 8 — Пагрибис; 9 — Рубокай; 10 — Мауджорай; 11 — Агариши; 12 — Саугиняй; 13 — Кентескалис; 14 — Плинкайгалис; 15 — Волаевице; 16 — Таурапилс; 17 — Сокишкяй; 18 — Тариловка; 19 — Вильнюс; 20 — Городец; 21 — Некасецк; 22 — Богута (Богутишке); 23 — Воронча; 24 — Аношки; 25 — Ивань; 26 — Лабенщина; 27 — Банцеровщина; 28 — Шатково; 29 — Дедюловичи; 30 — Доложское; 31 — Жеребятино; 32 — Дорохи; 33 — Девички; 34 — Черкасово; 35 — Тайманово; 36 — Петрополье; 37 — Еловцы; 38 — Никодимово; 39 — Вежки; 40 — Цурковка; 41 — Демидовка; 42 — Близнаки; 43 — Заборье; 44 — Дроково; 45 — Шугайлово; 46 — Церковице; 47 — Слобода-Глушица; 48 — Неквадино; 49 — Курово-2; 50 — Бережок; 51 — Юрьевская Горка; 52 — Луковня; 53 — Сарское; 54 — Безводное

некрополя — V в.⁸ Аналогичные шпоры обнаружены еще в могильнике V—VI вв. Саугиняй⁹. На городище Сокишкяй шпора относится к конечному этапу жизни поселения, который определяется IV в.¹⁰ На горе Гедмина в Вильнюсе подобная находка обнаружена в слоях, датируемых в целом V—VIII вв.¹¹ Так же широко, в пределах середины — третьей четверти I тыс. н. э., датируется шпора того же типа в Кентескалсе на берегу Даугавы в Латвии¹².

Наиболее западными находками являются две бронзовые шпоры из могильников Ментке и Тумяны в Олштынском регионе, которые датируются временем около 600 г.¹³, и железная шпора из поселения Волавице в окрестностях Грубешува в Польше. Для хронологического определения последней в раскопочных материалах данных нет. Исследовательница поселения А. Узаровичова отметила, что аналогичные шпоры есть и в провинциальноримских древностях и в раннесредневековых памятниках, и склонна датировать находку VI в.¹⁴

Рассматриваемый тип шпор с шипом и отогнутыми наружу крючками был описан еще в 20-х годах XX в. М. Яном¹⁵. Позднее им посвятил одну из своих статей польский археолог Я. Жак¹⁶, восточноевропейские находки таких шпор рассматривались В. Б. Перхавко¹⁷. На основании комплекса материалов, которыми располагает ныне археология, можно утверждать, что шпоры с отогнутыми наружу крючками впервые появились в среднеевропейских землях в III в. н. э. (старейшая находка сделана на Готланде и определяется II в. н. э.). В III—IV вв. такие шпоры получили некоторое распространение в Висло-Мазурском регионе, Силезии и в междуречье Эльбы и Рейна. Две подобные находки римского времени происходят с территории Литвы и Латвии¹⁸, еще две найдены в Украине¹⁹. Шпора рассматриваемого облика встречена еще в могильнике вельбарской культуры Борнице в Северо-Восточной Польше и отнесена К. Годловским к фазе D римского времени²⁰.

В лесные области Восточной Европы шпоры с отогнутыми наружу крючками в период великого переселения народов, по всей вероятности, были привнесены из Висло-Мазурского региона. Их проникновение может быть обусловлено только миграцией населения из среднеевропейских земель, среди которого были конные воины. Населению, не знакомому со снаряжением всадника, шпоры были не нужны. Бытовали они в лесной полосе Восточно-Европейской равнины лишь непродолжительное время.

Второй тип шпор — с острым коническим шипом и пуговицеобразными утолщениями на концах — представлен в памятниках рассматриваемого времени лесной полосы Восточной Европы единичными экземплярами. Две находки происходят из длинных курганов у деревень Слобода-Глушица и Цурковка в Смоленском Поднепровье²¹. Они обнаружены не в погребениях, а в насыпях курганов, которые были сооружены из культурных напластований, взятых с расположенных здесь же

поселений тушемлинской культуры. Очевидно, при возведении курганов в VIII—IX вв. вместе со слоем в их насыпи попали и фрагменты тушемлинской керамики, и шпоры.

В Смоленском Поднепровье шпоры с пуговицевидными концами, как полагает Е. А. Шмидт, могли использоваться не позднее V в., поскольку на сравнительно хорошо изученных городищах-убежищах с вещами VI—VII вв. они уже не встречаются²².

Еще одна шпора такого типа найдена при раскопках поселения Тайманово. Ее датировка затруднительна, но связь с напластованиями тушемлинской культуры весьма вероятна.

Шпоры с коническим шипом и пуговицевидными завершениями на концах в Средней Европе появились еще в латенское время. Тогда они изготавливались преимущественно из бронзы. В римский период получили широкое распространение железные шпоры того же облика. Весьма широко они представлены, в частности, в могильниках и на поселениях пшеворской культуры, а также в синхронных древностях Польского Поморья, в том числе и в вельбарских древностях. Из этого ареала шпоры проникли в земли западных балтов, в том числе известны и в погребениях ятвяжских каменных курганов Сувалщины.

Для черняховской культуры шпоры вообще не характерны, но они весьма широко представлены в пшеворских памятниках Верхнего Поднепровья и верховьев Западного Буга²³. Встречены подобные шпоры и в вельбарских памятниках Украины, в том числе одна найдена в «княжеском» захоронении возле с. Рудка на Воляни²⁴. По-видимому, в процессе миграций пшеворского и вельбарского населения единичные экземпляры шпор с коническим шипом и полусферическими шишечками на концах были занесены в ареалы черняховской и киевской культур. Такие находки зафиксированы в черняховских памятниках Будешты, Черепин, Белая Церковь, Гавриловка и Переяславль-Хмельницкий, а также на поселениях Новые Безрадици и Глеваха, причисляемых к киевской культуре²⁵.

Одновременно со шпорами в ряде мест лесной полосы Восточно-Европейской равнины появляются и удила (рис. 16: 7; 17), также не известные здесь ранее. Двучленные удила с подвижными кольцами на концах или без них найдены на селищах тушемлинской культуры Демидовка, Еловцы, Заборье, Кисели и Петрополье, а также в насыпи упомянутого выше длинного кургана около Слободы-Глушицы, сооруженного из слоя тушемлинского селища²⁶. Аналогичные удила с подвижными кольцами или без них встречены и на поселениях позднедьяковской культуры — Щербинском, Дьяковском, Троицком и Кузнечики²⁷. При раскопках Троицкого городища удила найдены во рву, в его заполнении, относящемся к последнему периоду жизни поселения, то есть к середине I тыс. н. э. К этому типу удил принадлежат и находки на поселениях третьей четверти I тыс. н. э. Курово-2 и Бережок в Удомельском по-

озерье²⁸, а также в погребении длинного кургана в Жеребятино на Псковщине²⁹.

На городище Лабенщина в Северной Белоруссии и на поселениях Бережок и Юрьевская Горка в Удомельском поозерье найдены трехчастные удила³⁰. Трехчленные удила со штырем и с кольцевыми псалиями, оформленные в стиле Сёсдал (рис. 18: 6), из кургана 45 могильника в Доложском³¹ полностью аналогичны находкам в памятниках провинциально-ромских культур второй четверти I тыс. н. э. Средней Европы.

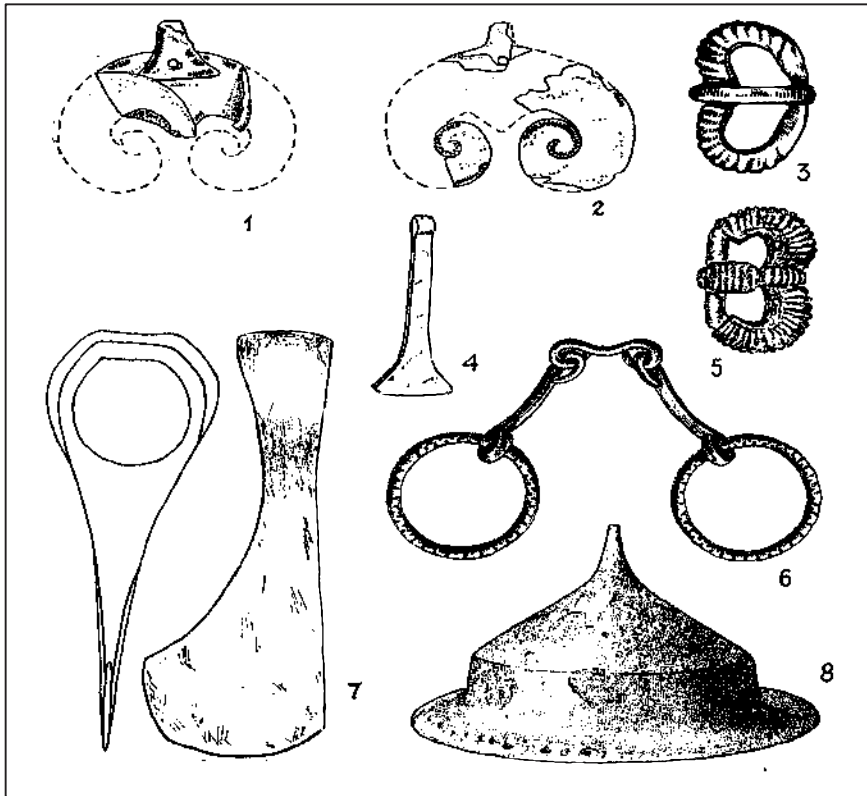


Рис. 18

Предметы среднеевропейского провинциально-ромского происхождения из памятников северной части Восточно-Европейской равнины

1, 2 — пельтовидные привески; 3, 5 — V-образные рифленные пряжки; 4 — пинцет;
6 — удила; 7 — боевой топор; 8 — умбон.

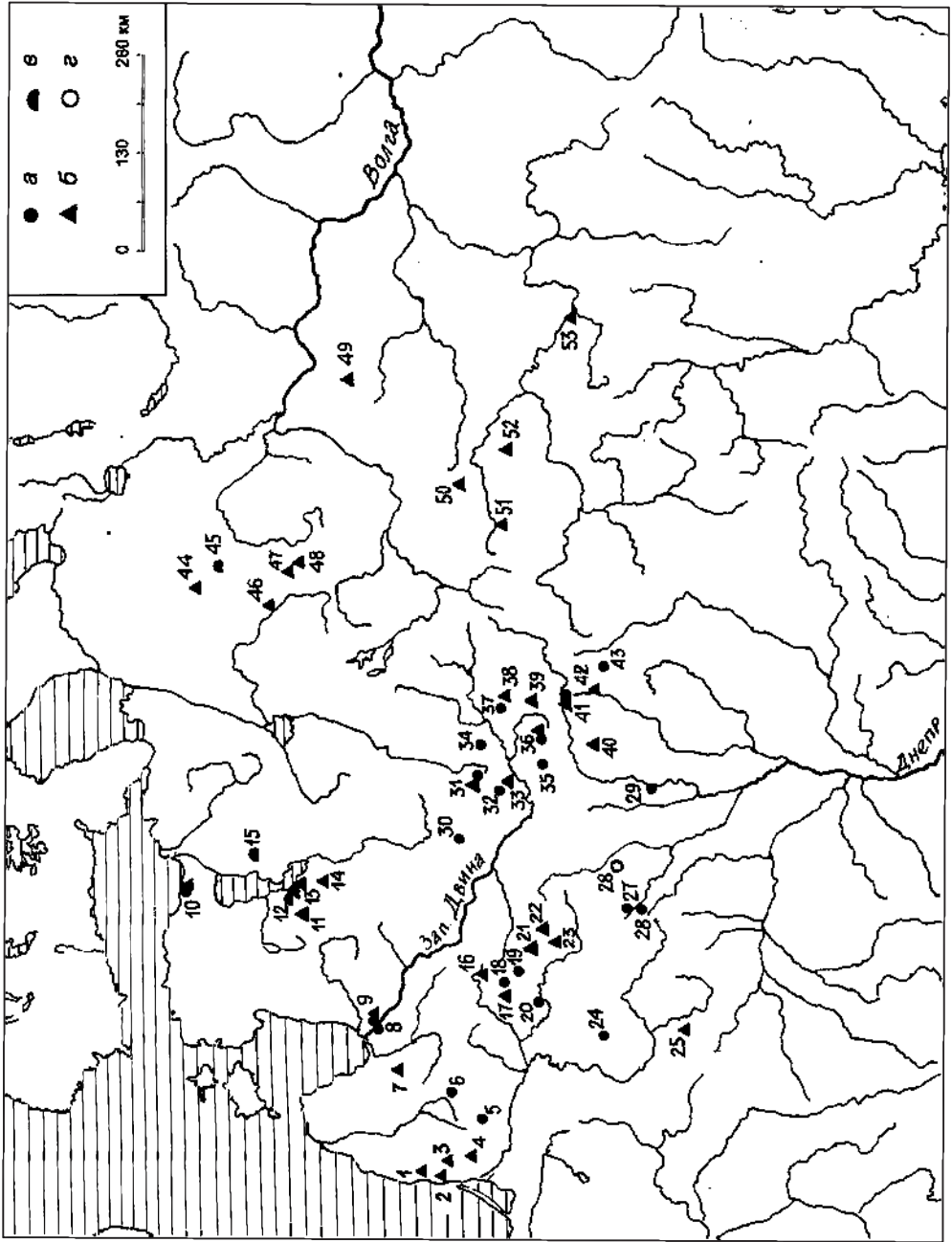
1, 2, 4, 5 — Любахин; 3 — Полибино; 6, 8 — Доложское; 7 — Чагода

Можно с уверенностью говорить, что удила привнесены были в лесные области Восточно-Европейской равнины переселенцами из Средней Европы. Удила тех же типов в большом количестве известны среди древностей пшеворской и вельбарской культур. Обычны они и для каменных курганов ятвягов, выявлены в небольшом количестве и среди поздне-римских древностей Восточной Пруссии и Литвы. Провинциально-римское начало их не подлежит сомнению³². Начиная с V в. подобные железные удила распространяются не только в лесной зоне Восточно-Европейской равнины, но и на территории Литвы и Латвии³³. Исходным ареалом их были, безусловно, среднеевропейские земли.

Для Севернопричерноморского провинциально-римского ареала удила совсем не характерны. На территории черняховской культуры сделаны лишь единичные находки удил и только на памятниках, содержащих яркие пшеворско-вельбарские элементы. Известно, что в Среднем Поднепровье удила получают бытование поздно, в VIII—IX вв., когда по соседству сформировалась салтово-маяцкая культура.

Без сомнения, с провинциально-римскими древностями Средней Европы связано появление в период великого переселения народов в ряде мест лесной полосы Восточно-Европейской равнины железных бритв (рис. 19). Они найдены на городищах Барсуки, Бураково, Демидовка, Лабенщина, Самсонцы и Холмец в напластованиях конца IV — начала V в. Серединой I тыс. н. э. датируются бритвы, обнаруженные на городищах Банцеровщина и Староселье, а также на открытых поселениях Жабино, Заозерье, Тайманово, Узмень³⁴. Бритвы имеют изогнутые или прямые клинки, заточку с выпуклых сторон и прямые черенки. У большинства находок лезвие отграничено от черенка; только бритва из городища Барсуки не имела ограничения. Бритвы такого же типа найдены еще на поселении Кентескалнс и в могильнике Плавниекалнс в Латвии³⁵, а также в эстских каменных могильниках Прооза и Ябара³⁶. Они датируются тоже серединой I тыс. н. э. К VI в. бритвы в лесной зоне Восточной Европы выходят из употребления.

Известно, что подобные железные бритвы появились в Средней Европе в раннем римском периоде и весьма широко представлены в древностях поздне-римского времени ряда археологических культур, в том числе многократно встречены в могильниках и на поселениях пшеворской культуры³⁷. Среди населения черняховской культуры бритвы не получили распространения. Единичные находки, обнаруженные в ее ареале, очевидно, были привнесены, в процессах инфильтрации отдельных групп вельбарского и пшеворского населения. Таковой, по всей вероятности, является бритва, найденная на поселении Роище киевской культуры. Р. В. Терпиловский сопоставляет ее с бритвами добродзенской группы пшеворской культуры второй половины IV — первой половины V в.³⁸ Единичные экземпляры бритв в поздне-римское время поступали также из Среднеевропейского региона в Юго-Восточную Прибалтику.



В период великого переселения народов распространяются в лесной полосе Восточной Европы также железные пластинчатые кресала (рис. 20). Верхние концы их оттянуты и завернуты в кольцеобразные петли, служившее для подвешивания к поясу (рис. 16: 3). В римское время подобные кресала получили широкое бытование в ареале пшеворской и других среднеевропейских культур. Представляется бесспорным, что в лесные земли Восточно-Европейской равнины они проникли именно из Среднеевропейского региона. На территории черняховской культуры такие кресала не имели распространения. Единичные находки их в Северноричерноморском регионе (встречены в черняховских могильниках Тыргшор и Магошани на территории Румынии, на поселении Великая Снетинка, а также на одном из селищ киевской культуры в Глевахе³⁹), очевидно, обусловлены проникновением сюда небольших групп населения пшеворской и вельбарской культур.

Из Среднеевропейского ареала в римское время в небольшом количестве кресала рассматриваемого типа поступали также к племенам Балтийского региона, в частности в земли ятвягов, летто-литовских племен, а также в Финляндию⁴⁰.

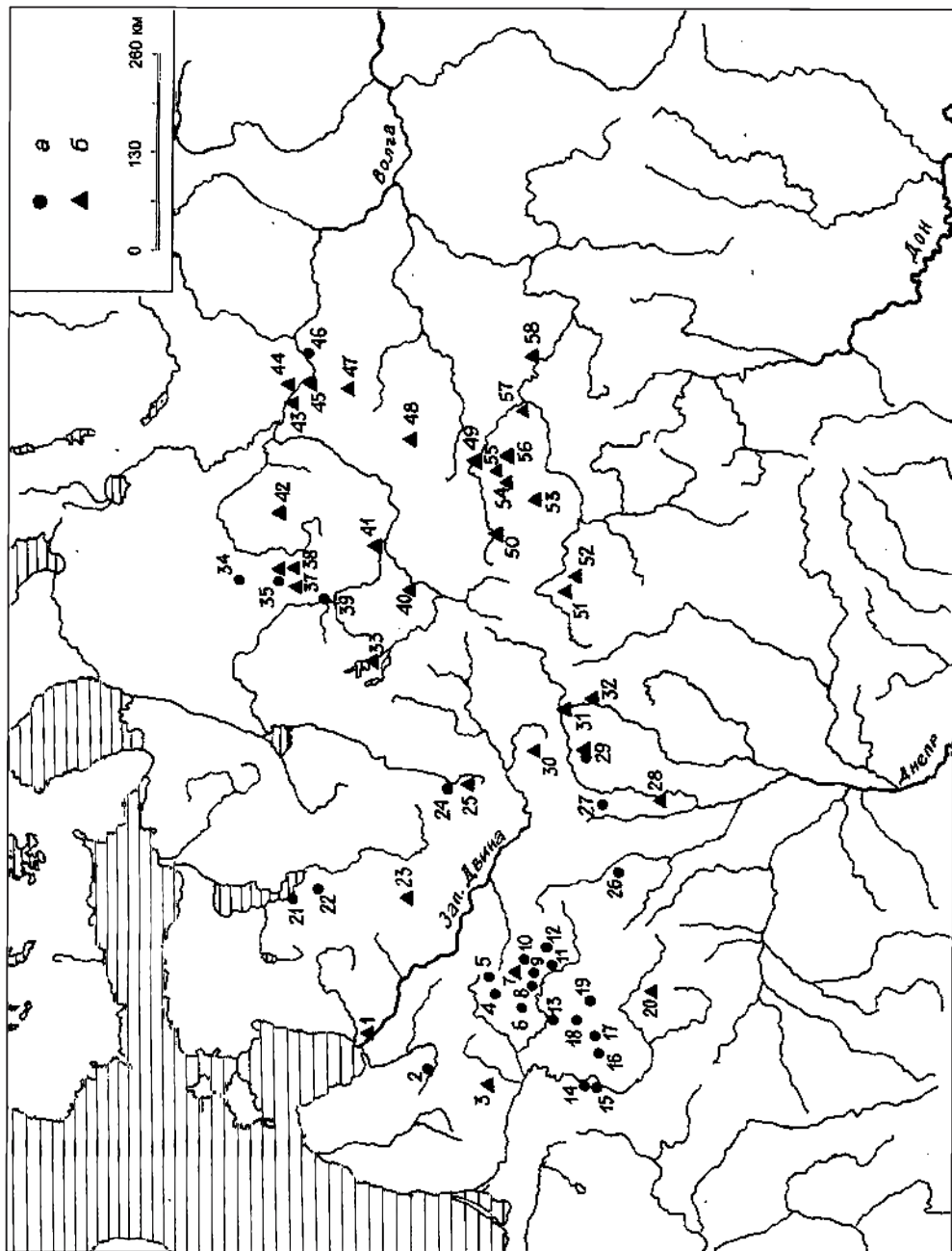
В середине I тыс. н. э. в лесной полосе Восточной Европы пластинчатые кресала с кольцеобразно загнутым концом распространились довольно широко. Так, в Западнорвинском и Верхнеднепровском регионах они встречены на поселениях тушемлинской культуры — Вежки, Демидовка, Заозерье, Слобода-Глушица, Тайманово⁴¹. В восточном направлении их ареал распространяется на западную часть междуречья Волги и Оки. Находки кресал зафиксированы на верхневолжских, москворецких и мощинских поселениях — Троицком, Щербинском, Дьяковском, Кузнечиках, Николо-Рожок на оз. Селигер, Отмичи, Дулевском, Луковне, Бе-

Рис. 19

Распространение находок бритв, пинцетов и некоторых украшений среднеевропейского происхождения

а — памятники с находками бритв; б — с находками пинцетов; в — с украшениями типа Сёсдал; г — с находками бус пшеворского типа

1 — Капседе и Рудайчяй; 2 — Паланга; 3 — Кашучяй; 4 — Вилька Кампо; 5 — Пагрибис; 6 — Саугиняй; 7 — Оси; 8 — Плавниекалнс; 9 — Кентескалнс; 10 — Ябара; 11 — Рьуге; 12 — Рысна-Сааре; 13 — Суури-Рысна; 14 — Линдора; 15 — Горско; 16 — Восгелай; 17 — Таурапилс; 18 — Сокишкяй; 19 — Неверишке; 20 — Вильнюс; 21 — Понизье; 22 — Микольцы; 23 — Засвирь; 24 — Вагочяй; 25 — Орловичи; 26 — Банцеровщина; 27 — Лабенщина; 28 — Слободка; 29 — Тайманово; 30 — Барсуки; 31 — Жабино; 32 — Бураково; 33 — Лужесно; 34 — Узмень; 35 — Самсонцы; 36 — Заозерье; 37 — Староселье; 38 — Кисели; 39 — Акатово; 40 — Вежки; 41 — Демидовка; 42 — Слобода-Глушица; 43 — Холмец; 44 — Варшавский шлюз; 45 — Любахин; 46 — Крюково; 47 — Бережок; 48 — Юрьевская Горка; 49 — Сарское; 50 — Трусово; 51 — Троицкое; 52 — Щербинка; 53 — Борки



резняковском, Сарском, Мощинском, а также в кургане Шаньково мощинской культуры и в погребении V—VI вв. Кочкинского могильника⁴². Два кресала рассматриваемого облика встречены изолированно от их основного ареала: одно — в погребении Кузьминского могильника в Рязанском Поочье, другое — в захоронении V—VI вв. Младшего Ахмыловского могильника⁴³.

Несколько аналогичных кресал найдено на поселениях середины и третьей четверти I тыс. н. э. в Удомельском поозерье — Бережке, Юрьевской Горке, Троице⁴⁴. На территории Латвии такие находки обнаружены на поселениях Кентескалнс и Кивты⁴⁵. В Литве они встречены на поселении V—VI вв. Гринюнай и в погребениях 232 и 234 могильника Плинкайгалис V—VI в.⁴⁶

Как и некоторые другие предметы провинциально-римского происхождения, пластинчатые кресала в лесной полосе Восточно-Европейской равнины в целом бытовали непродолжительное время. Так, в западной части Волго-Окского междуречья, по наблюдениям И. Г. Розенфельдт, они исчезают к VIII в., в Верхнеднепровско-Двинском регионе, по-видимому, на столетие раньше. В Скандинавии наиболее поздняя находка такого кресала относится к VII в.⁴⁷ Только у части финноязычного населения, в тех регионах, где оно соприкасалось со славянским, а также в земле куршей пластинчатые кресала в несколько видоизмененном облике доживают до X—XI вв.⁴⁸

Одной из распространенных находок римского времени в Средней Европе были пинцеты. Они широко представлены в провинциально-римских древностях, в частности обычны на поселениях и в могильниках пшеворской культуры. Немало их встречено и в памятниках вельбарской культуры.

Рис. 20

Распространение В-образных рифленых пряжек и пластинчатых кресал

- а — памятники с находками В-образных рифленых пряжек; б — с находками пластинчатых кресал
- 1 — Кентескалнс; 2 — Памусис; 3 — Плинкайгалис; 4 — Таурапилс; 5 — Рекучяй; 6 — Парасчяй; 7 — Межонис; 8 — Черная Лужа; 9 — Желядь; 10 — Понизье; 11 — Пильвины; 12 — Засвирь; 13 — Наравяй-Григишкес; 14 — Папишкес; 15 — Вилкаутинис; 16 — Багочяй; 17 — Цигельня; 18 — Пабарай; 19 — Забелишкес; 20 — Воронча; 21 — Рысна-Сааре; 22 — Линдора; 23 — Кивты; 24 — Полибино; 25 — Жабино; 26 — Слобода; 27 — Лемница; 28 — Тайманово; 29 — Вежки; 30 — Заозерье; 31 — Демидовка; 32 — Слобода-Глушица; 33 — Николо-Рожок; 34 — Усть-Белая; 35 — Курово-2; 36 — Бережок; 37 — Троица; 38 — Юрьевская Горка; 39 — Млевский Бор; 40 — Дулевское; 41 — Отмичи; 42 — Орлов Городок; 43 — Березняки; 44 — Пеньково; 45 — Попадьянское; 46 — Усть-Черная; 47 — Сарское; 48 — Кикино; 49 — Дьяково; 50 — Троицкое; 51 — Шаньково; 52 — Мощины; 53 — Огубское; 54 — Луковня; 55 — Кузнечики; 56 — Щербинка; 57 — Шурово; 58 — Кузьминское

Изготавливались пинцеты из бронзы или железа. Размеры их — 5—7,5 см. Некоторые из пинцетов орнаментировались. Назначение их было различным. Одни представляли собой туалетные щипчики, другие — медицинские инструменты, третьи — орудия мастеров-ювелиров⁴⁹.

В позднеримское время из Средней Европы пинцеты в небольшом количестве поступали в соседние земли, в частности в западнобалтские земли и даже в Финляндию⁵⁰. Один пинцет найден на верхнеднепровском поселении черняховской культуры в Теремцах⁵¹.

В лесной полосе Восточной Европы пинцеты провинциально-римских типов распространяются только в период великого переселения народов (рис. 16: 1, 2; 19). Они встречены вместе с другими предметами средневропейского происхождения на поселениях Западновинского и Верхнеднепровского регионов — Вежки, Демидовка, Засвирь, Кисели, Лужесно, Микольцы, Понизье⁵²; в западной части Волго-Окского междуречья на поселениях Крюково, Сарское, Троицкое, Трусово, Щербинское⁵³; на селище Жабино в верховьях Ловати⁵⁴; в памятниках Удомельского поозерья — Бережок, Юрьевская Горка⁵⁵. Условия находки пинцета в Орловичах в Верхнем Понеманье остаются неясными⁵⁶. Наиболее восточной находкой является пинцет, обнаруженный на территории Борковского могильника в Рязанском Поочье⁵⁷.

Несколько пинцетов происходят из погребений длинных курганов. Так, из захоронения одного из курганов в Линдоре (юго-восточная окраина Эстонии) происходят туалетные щипчики с широкими лопастями, орнаментированными гравировкой⁵⁸. Пинцеты найдены также в длинных курганах могильников Рысна-Сааре I и II, Сууре-Рысна на западном побережье Псковского озера⁵⁹ и на поселении Рыуге в Юго-Восточной Эстонии⁶⁰. Скорее всего, из ареала псковских длинных курганов пинцеты попали в каменные могильники «В» и «Е» в Ябора на северо-востоке Эстонии. Оградка VII первого могильника, в которой найден один из пинцетов, перестала использоваться в начале VI в., тогда же перестал функционировать и могильник «Е»⁶¹. Таким образом, дата яборских пинцетов определяется V в. или самым началом VI в.

Этим временем датируются и пинцеты, происходящие из погребений псковской группы длинных курганов. Так, курган 1 могильника Варшавский шлюз-I на р. Чагоде, в котором был найден бронзовый пинцет, по другим вещевым находкам датирован V — началом VI в. Из очага, исследованного на расположенном рядом поселении Варшавский шлюз-III, получена радиоуглеродная дата 1600±80 лет назад⁶².

Большинство пинцетов, найденных в лесной зоне Русской равнины, точно датировать затруднительно. Находки на поселениях тушемлинской культуры определяются в пределах ее функционирования — конец IV—VII в. Можно предполагать, что пинцеты относятся преимущественно к начальному периоду жизни на тушемлинских поселениях. На

Троицком городище пинцет обнаружен в верхних горизонтах засыпи рва, то есть относится к самому последнему периоду функционирования поселения. А жизнь на нем прекратилась в IV—V вв. Впрочем, пинцеты как ювелирные инструменты использовались и позднее. По-видимому, к таковым принадлежит пинцет, встреченный в одном из курганов Акатовского могильника на Смоленщине⁶³.

К середине I тыс. н. э. принадлежит и большинство бронзовых и железных пинцетов в Юго-Восточной Прибалтике⁶⁴. За пределами лесной зоны Восточной Европы пинцеты описываемого облика найдены в слоях VI—VII вв. городищ Шелиги близ Вислы в Плоцком воеводстве Польши и Зимно на Волини⁶⁵.

Безусловно среднеевропейское происхождение имеют в лесной полосе Восточной Европы В-образные рифленные пряжки (рис. 18: 3, 5). Это достаточно определенно показал Й. Вернер при анализе одной из таких находок, происходящей из длинного кургана могильника Полибино, расположенного в верховьях Ловати⁶⁶.

Рифленные пряжки с В-образно изогнутой рамкой появляются и получают широкое распространение в среднеевропейских землях между 350 и 450 годами. В конце IV и особенно в первой половине V в. в Средней Европе обильно представлены те типы В-образных рифленных пряжек, к которым принадлежат находки их в лесной зоне Русской равнины⁶⁷. Бытовали они в целом до рубежа VI и VII вв., когда исчезает мода на рифление и выходит из употребления В-образная форма пряжек.

Одним из регионов концентрации В-образных рифленных пряжек является Среднее Понеманье. Далее в восточном и северо-восточном направлениях наблюдается разброс их на широких пространствах западной части лесной полосы Русской равнины (рис. 20). В Средненеманском регионе эти пряжки датируются обычно в целом V—VII вв.⁶⁸, хотя время некоторых из них может быть определено V в. (например, пряжки из могильника Таурапилс).

В лесной полосе Русской равнины кроме названной полибинской находки, достаточно определенно датируемой первой половиной V в.⁶⁹, В-образные рифленные пряжки обнаружены в погребениях длинных курганов псковской группы в Линдоре и Рысна-Сааре на юго-западном побережье Псковского озера⁷⁰, в Усть-Белой IV на р. Кабоже⁷¹ и в Млевском Бору в окрестностях Вышнего Волочка⁷².

В могильнике Усть-Белая IV В-образная рифленная пряжка была обнаружена среди большого количества кальцинированных костей, помещенных в грунтовой яме кургана 6. По особенностям оформления пряжки она должна быть отнесена к V в. И. А. Бажан и С. Ю. Каргопольцев ограничили время бытования таких пряжек в культуре псковских длинных курганов первой — третьей четвертями этого столетия⁷³. Радиоуглеродная дата захоронения в кургане 6 — 1460±30 лет назад.

Кроме того, В-образные рифленые пряжки встречены на поселениях Курово-2 в Удомельском поозерье, Вежки в Верхнем Поднепровье и Слободка на Березине Днепровской⁷⁴.

Среднеевропейское начало имеют и некоторые другие вещи, найденные на памятниках периода великого переселения народов в лесной полосе Восточной Европы. Так, в курганных могильниках Рысна Сааре II и Любахин-1 (бассейн верхнего течения Чагодоши), а также в Горско (восточное побережье Чудского озера) встречены подвески-лунницы или пельтовидные привески (рис. 18: 1, 2), выполненные в стиле Сёсдал⁷⁵, которые по центрально- и северноевропейским аналогиям датируются концом IV — первой половиной V в.⁷⁶ Привески из Рысна-Сааре изготовлены из тонкой серебряной пластины и на лицевой поверхности украшены штампованным узором из насечек.

Очевидно, с той же волной поступления вещей из средневропейского провинциально-римского ареала связаны и находки, обнаруженные в кургане 45 могильника Доложское. О трехчленных удилах с псалиями, оформленными в стиле Сёсдал, выше уже говорилось. В том же погребальном комплексе находился умбон щита типа Либенау — с конической вершиной и штырем (рис. 18: 8)⁷⁷. Такие умбоны характерны для позднеримского варварского вооружения и к середине V в. выходят из употребления. В этой связи доложские находки следует датировать концом IV — первой половиной V в.⁷⁸

Провинциально-римскими по происхождению являются также железные втульчатые наконечники копий с пером пламеобразных очертаний. В раннем железном веке такие наконечники в лесной зоне Восточной Европы, в том числе в Юго-Восточной Прибалтике, не были известны. Но в материалах Скандинавии и провинциально-римских культур Эльбо-Висленского региона римского времени копь с профилированным пером содержатся в немалом количестве. Здесь они появляются уже в эпоху латена. В пшеворских памятниках такие копь немногочисленны, но встречены во всех регионах ареала этой культуры⁷⁹. В черняховских древностях их нет вовсе.

В период великого переселения народов втульчатые наконечники копий пламеобразной формы (рис. 16: 6) появляются в Юго-Восточной Прибалтике и в бассейне верхнего течения Днепра (рис. 21), где они найдены на городищах Демидовка и Никодимово⁸⁰. В Литве одним из наиболее ранних копий с профилированным пером является находка в погребении 122 могильника Вершвай, которое датируется первой половиной V в. К этому столетию принадлежит и наконечник из погребения 35 могильника Рякяте. Как показал В. Казакиявичюс, в VI в. эти копь распространяются в Юго-Восточной Прибалтике широко, бытуют и в VII в.⁸¹

Весьма вероятно, что провинциально-римское начало имеют и железные втульчатые наконечники копий с плоским и достаточно широ-

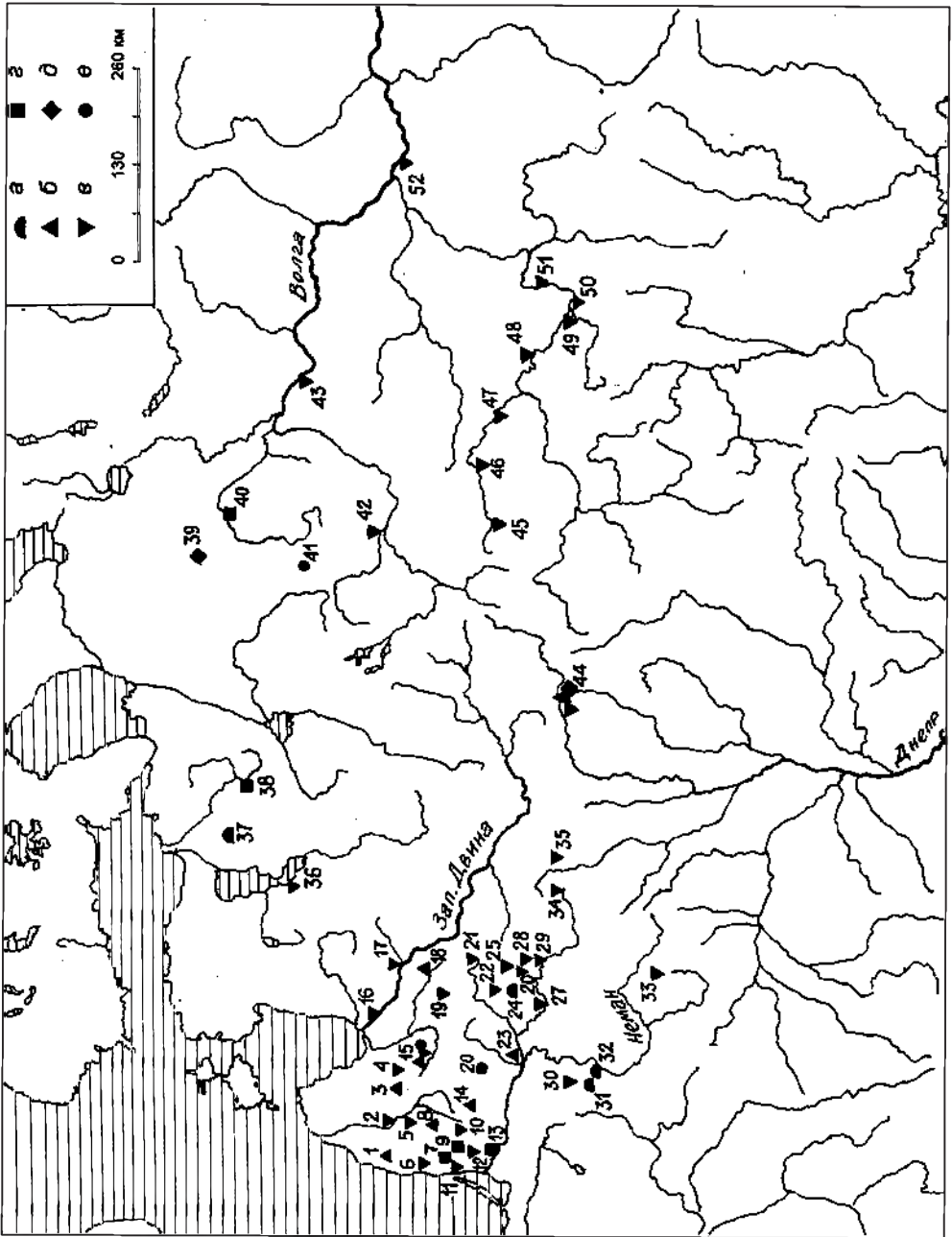
ким пером листовидной формы. В единичных экземплярах они встречаются на памятниках тушемлинской культуры и довольно широко представлены в древностях V—VIII вв. Литвы и Латвии⁸². В римское время подобные наконечники копий были распространены в пшеворских и германских могильниках Средней Европы⁸³.

К предметам провинциально-римского происхождения относятся еще двушипные втульчатые наконечники копий или дротиков. В первой половине I тыс. н. э. они были широко распространены в пшеворском ареале⁸⁴. Тогда же эти копия проникают в земли западных балтов, но в древностях черняховской культуры они не известны.

В период великого переселения народов двушипные втульчатые копия появляются в летто-литовских землях и в лесной полосе Восточно-Европейской равнины. На территории Литвы наиболее ранние находки их обнаружены в кургане 4 могильника Антасаре-Лаукяй, датированном IV—V вв., и в могильнике V—VII вв. Няравяй-Лаукяй. На рубеже IV и V вв. появляются подобные наконечники и в Латвии (Гайлиши, Русиши-Дебеси и Кенте). В летто-литовских землях они бытовали и в последующих столетиях. Согласно изысканиям В. Казакиявичюса, эти копия явно не местного происхождения. В отличие от средне- и западноевропейских территорий, где рассматриваемые копия были частью вооружения воинов, в Юго-Восточной Прибалтике они не имели большого значения и были преимущественно промысловым оружием⁸⁵.

Двушипные втульчатые наконечники копий найдены в ряде памятников Северной Белоруссии — в кургане восточнолитовского типа могильника Черная Лужа⁸⁶ и на городищах у пос. Городище в Барановичском районе, Августово, Банцеровщина и Малышки⁸⁷. Аналогичные находки обнаружены на городище Демидовка⁸⁸ и в одном из курганов V—VI вв. Сууре-Рысна⁸⁹. В восточном направлении втульчатые двушипные копия распространяются до Волго-Окского региона. Они встречены на московецких городищах Барвиха, Боршева и Троицкое, на верхневолжском поселении Отмичи, а также в среднеокских могильниках Борковском и Кошебеевском. Согласно И. Г. Розенфельдт, в Волго-Окском регионе копия рассматриваемого вида появились в VI в.⁹⁰ Здесь они бытовали и в последующие столетия, в то время как в западных землях лесной полосы Восточно-Европейской равнины вышли из употребления и появились вновь уже в древнерусское время. Интересно, что в IX—XI вв. ареал двушипных втульчатых копий ограничивался севернорусскими землями⁹¹.

На западный уровень связей указывают также находки боевых топоров (рис. 18: 7: 21) на поселении Демидовка на Смоленщине и в кургане 2 могильника Чагода в бассейне Чагодоци⁹². Такие топоры характерны для вооружения поздне-римского времени «среднеевропейских варваров» и были распространены до начала VI в.⁹³



Центральноевропейское происхождение имеют и некоторые бусы. Трех- и двучастные пронизки из стекла темно-фиолетового цвета найдены на двух поселениях Верхнего Понеманья — Городище и Избище⁹⁴. В Средней Европе, в том числе и в пшеворских древностях, такие бусы составляют тип 95с, они имели весьма широкое распространение во второй четверти I тыс. н. э.

В связи с рассматриваемым вопросом несомненный интерес представляет комплекс находок, обнаруженных в Слободке Борисовского района Минской обл., недавно описанный А. А. Егорейченко⁹⁵. В него входят стеклянные или янтарные бусы бочонковидной формы с попеременно сжатыми сторонами и железный ключ, типичные для пшеворской и вельбарской культур, двучастная В-образная пряжка и оковка пояса с кольцевидной головкой. В трех случаях бусы были надеты на железные и бронзовые кольца. Такой способ ношения бус в конце римского времени и в начале великого переселения народов был весьма характерен для населения пшеворской и соседних культур территории Польши. Достаточно очевидно, что рассматриваемый комплекс находок не является результатом торговых операций. Он мог быть занесен в верховья Березины только какой-то группой переселенцев из Среднеевропейского провинциально-римского ареала.

Все описанные вещевые находки провинциально-римских типов, широко распространенные в позднеримское время в Средней Европе, а в период великого переселения народов занесенные в лесные области Восточно-Европейской равнины, являются ярким, достаточно определенным показателем миграции более или менее значительных групп среднеевропейского населения. Объяснить этот мощный прилив изделий

Рис. 21

Распространение предметов вооружения среднеевропейских типов

а — памятники с находками умбонов; б — с наконечниками копий пламевидных очертаний; в — с двухшипными втульчатыми наконечниками копий; г — с однолезвийными мечами; д — с боевыми топорами; е — с боевыми ножами.
 1 — Мазкатужи; 2 — Русиши-Дебеши; 3 — Кокомуйжа; 4 — Гайлиши;
 5 — Заставчый; 6 — Какучый; 7 — Аукшткемай; 8 — Рякяте; 9 — Шернай;
 10 — Каштауналяй; 11 — Паланга; 12 — Юргайчый; 13 — Рубокай; 14 — Пагрибис; 15 — Яунейкяй; 16 — Кентескалнс; 17 — Локстене; 18 — Мельдеришки;
 19 — Молкенай-Лаукупенай; 20 — Плинкайгалис; 21 — Великушкес; 22 — Акверришке; 23 — Вершвай; 24 — Дягсне-Лаботишкес; 25 — Богутишкес; 26 — Антасаре; 27 — Няравай-Григишкес; 28 — Лаукяй; 29 — Черная Лука; 30 — Кунигишкяй-Паевонис; 31 — Рудамина; 32 — Крикштонис; 33 — Городище;
 34 — Малышки; 35 — Августово; 36 — Сууре-Рысна-2; 37 — Доложское;
 38 — Турово; 39 — Чагода-1; 40 — Куреваниха; 41 — Юрьевская Горка; 42 — Отмичи; 43 — Попадьинские; 44 — Демидовка; 45 — Троицкое; 46 — Барвиха;
 47 — Боршева; 48 — Кузьминское; 49 — Борки; 50 — Шатрици; 51 — Курманский; 52 — Безводное

позднеримских типов в лесные земли Восточной Европы какими-либо иными мотивами (торговыми операциями или культурными контактами) никак невозможно. Начало миграционного потока населения из Средней Европы надежно определяется концом IV в. или рубежом IV—V вв.

Рассмотренные средневропейские вещи не отражают общего культурного облика населения, осевшего в середине I тыс. н. э. в лесной полосе Восточной Европы. Обстоятельная характеристика их была необходима, чтобы определить направления миграционных процессов. Нужно было показать, что переселенцы в будущие севернорусские земли шли из Средневропейского региона, а не с юга, из Северного Причерноморья.

Свидетельствами появления в середине I тыс. н. э. в лесной зоне Восточно-Европейской равнины нового населения являются и некоторые иные материалы, в том числе такие, которые говорят о сельскохозяйственном характере экономики переселенцев. Последние явно были не конные воины, как это может показаться на первый взгляд из сделанного обзора средневропейских находок (они дают возможность говорить только о направлениях миграции средневропейского населения), а земледельцы.

Вместе со шпорами, пинцетами и другими вещами средневропейских типов начиная с середины I тыс. н. э. в севернорусских землях получают распространение железные серпы до этого не известных здесь типов, каменные жернова для ручных мельниц, а также культура ржи и овса (рис. 22).

Новыми были железные симметричные серпы, отнесенные Ю. А. Красновым к типу VI/2. Угол наклона между осью черешка и осью начальной части клинка у них равен или меньше 90 градусов, то есть черешок лежит на линии основания орудия или отогнут вверх. Время бытования таких серпов определяется серединой и второй половиной I тыс. н. э.⁹⁶ Они встречены на поселениях: Бородинское (2 экземпляра), Дьяковское (2), Зайцево (1), Леснично (1), Михайловское (4), Отмичи (2), Пекуново (1), Соколовская Гора (1), Старше-Каширское (1), Троицкое (17), Успенское (1), Щербинское (4) и Псковское (1). Большинство этих памятников называлось выше в связи с находками на них вещей средневропейских типов. Существенно то, что Ю. А. Краснов отмечает чрезвычайную близость этих серпов к древнерусским жатвенным орудиям «московского типа». В этой связи допустимо предположение, что серпы типа VI/2 стали их прототипами.

Несколько иную классификацию серпов Восточной Европы предложил Р. С. Минасян⁹⁷. Из его работы достаточно определенно выявляется, что середина I тыс. н. э. была периодом серьезной трансформации развития этих сельскохозяйственных орудий. Некоторые типы серпов (например, вариант Б группы 1), широко бытовавшие в культурах раннего

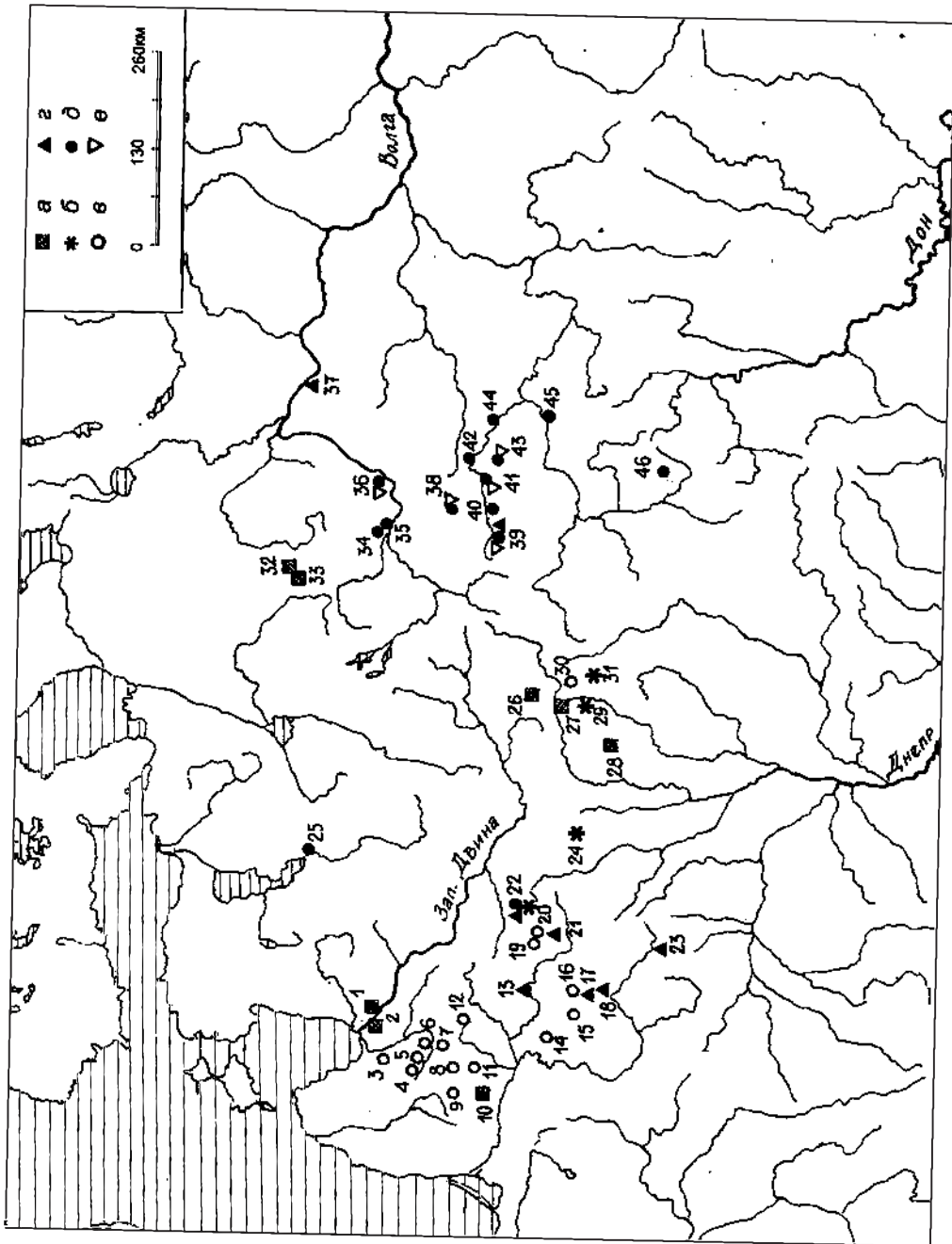
железного века Верхнего Поднепровья, Подвинья, Верхневолжья и Подмосковья, в это время выходят из употребления (в отдельных местах доживают до рубежа VI—VII вв.), зато появляются серпы не известных здесь ранее типов. Так, новыми являются серпы вариантов В и Г группы 1, распространившиеся в IV—V вв., очевидно, с появлением новых групп населения.

Серпы варианта В соответствуют типу VI/2, выделенному Ю. А. Красновым. Орудия варианта Г имеют клинок, непосредственно переходящий в черешок, ось которого или совпадает с осью задней части клинка, или находится к ней под небольшим углом. Такие серпы найдены на белорусских памятниках Гужки и Засвирь, на смоленском городище Церковище, а также в Литве, где они датируются V—VIII вв.

При описании верхненеманских древностей А. М. Медведев выделяет два подтипа железных серпов начала средневековья⁹⁸. К первому принадлежат серпы, ось черешка которых является осью тыльной части клинка. На конце их черешков имеется шип. Такие находки происходят из поселений Аношки, Городище, Кашеличи и Неменчине. Датируются они IV—V вв., а аналогии находятся в древностях пшеворской культуры второй четверти I тыс. н. э. Серпы второго подтипа (с асимметричным лезвием) датируются третьей четвертью I тыс. н. э. Они встречены на верхненеманских поселениях Городище и Некасецк, а также известны из коллекций Троицкого городища в верховьях р. Москвы и Попадьинского селища на Волге.

Появление каменных жерновов в северно-русских землях отражает несомненный прогресс в развитии земледелия. Они найдены на упомянутых выше поселениях тушемлинской культуры Городище, Дедиловичи, Городок и Тушемля. Балтское население этого региона до эпохи великого переселения народов пользовалось каменными зернотерками. Жернова ручных мельниц хорошо известны по раскопкам памятников провинциально-римских культур, в том числе пшеворской и черняховской. С прекращением функционирования их жернова выходят из употребления в провинциально-римских ареалах, но появляются на севернорусской территории.

Зерновые материалы V—IX вв. в рассматриваемых территориях лесной зоны Восточной Европы представлены пшеницей, ячменем, просом, овсом и рожью. Последние две культуры не были известны здесь в раннем железном веке и появились не ранее середины I тыс. н. э. Зерна ржи и овса обнаружены при раскопках десяти поселений V—IX вв., в том числе рожь зафиксирована на памятниках тушемлинской культуры Близнаки, Демидовка и Никодимово, на поселении культуры псковских длинных курганов V—VIII вв. Юрьевская Горка, в слое VII в. Поповского городища на Унже, на поселении культуры новгородских сопоток Бережок и в слое VIII—IX вв. в Старой Ладогге⁹⁹. Примерно серединой I тыс. н. э. датируется появление ржи и в Юго-Восточной Прибалтике.



Наиболее ранними находками ее являются зерновые материалы из двух памятников Латвии — Даугмале (V в.) и Кентескалнс (конец V — VIII в.) и из Габриелишкес в Литве (IV в.). Исследовавший эти остатки культурных растений А. П. Расиньш утверждал, что озимая рожь вместе со своим типичным засорителем (костер ржаной) была завезена, по всей вероятности, с соседних территорий¹⁰⁰. Большое скопление зерен ржи найдено в хозяйственной яме IX в. на городище Свила-1 в Витебской обл. Сопровождающие сорняки дали основание утверждать, что на Витебщине в это время озимая рожь выращивалась как самостоятельная культура¹⁰¹.

Выше отмечалось, что рожь была распространенной сельскохозяйственной культурой провинциально-римского ареала. Нужно полагать, что в лесные области Восточно-Европейской равнины рожь, как и овес, была занесена переселенцами из Висло-Одерских земель.

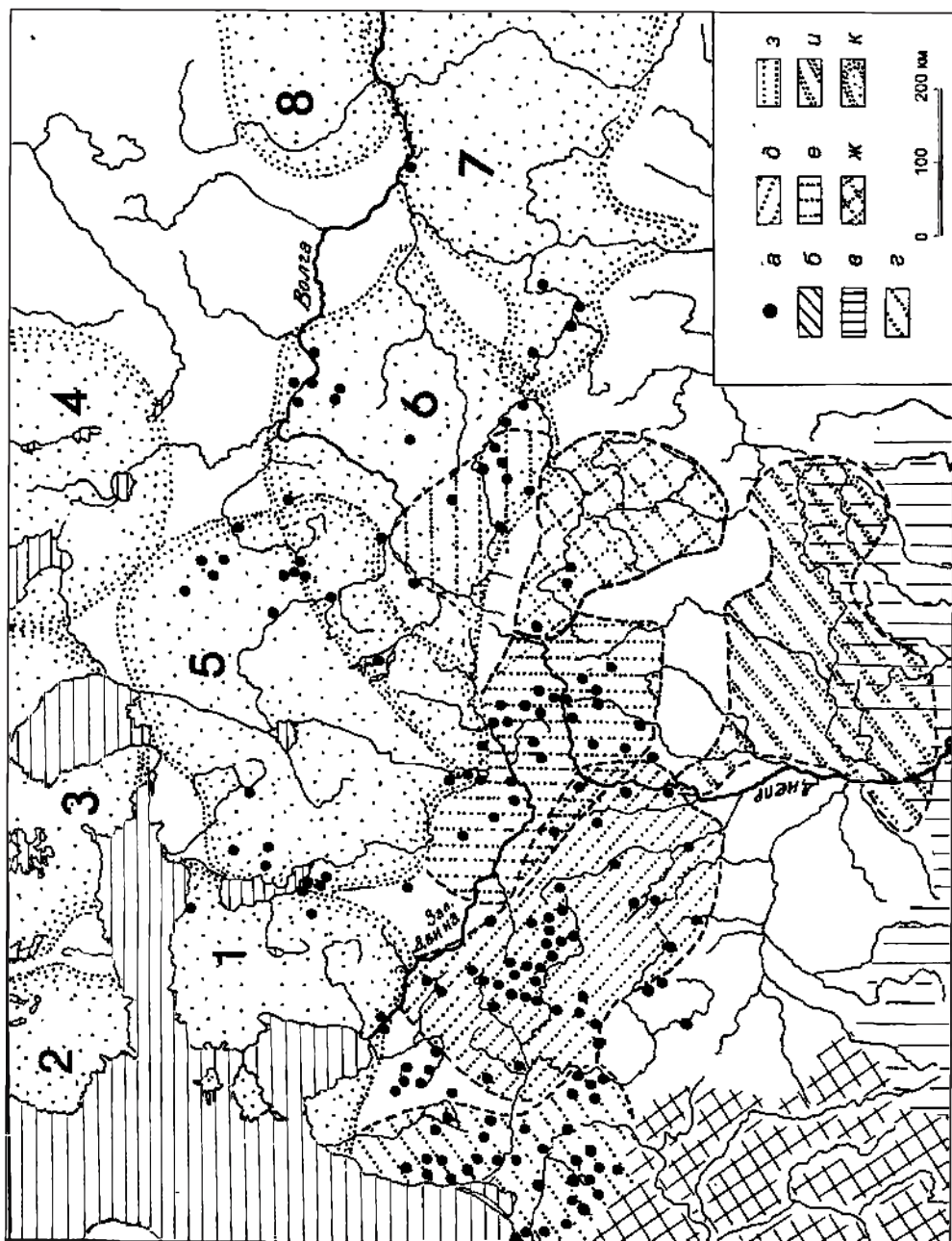
О миграции в севернорусские земли в середине I тыс. н. э. большой массы населения говорят и трансформации, которые коренным образом изменили местное культурное развитие. Только наплывом нового населения можно объяснить полное прекращение функционирования здесь в это время культур раннего железного века. Начиная с V в. на всей территории распространения вещевых находок средневропейских провинциально-римских типов формируются новые культуры, прямо не связанные с предшествующими (рис. 23).

Определить, из каких конкретных регионов провинциально-римского ареала шла миграция населения в лесные земли Восточной Европы, пока не представляется возможным. Не исключено, что миграционный процесс не был одноактным. В нем, по-видимому, участвовали более или менее крупные группы населения из разных регионов пшеворской и,

Рис. 22

Распространение серпов новых типов, жерновов и зерен ржи в период великого переселения народов в начале средневековья

а — памятники с находками зерен ржи (V—VIII вв.); б — с находками жерновов; в — с находками серпов с отогнутым верху концом; г — с отогнутым от лезвия уступом; д — с находками серпов типа VI/2; е — с находками серпов типа 1В.
1 — Кентескалнс; 2 — Даугмале; 3 — Тервете; 4 — Рудишкяй; 5 — Яунекай; 6 — Линксменай; 7 — Мельдиняй; 8 — Рагиненай; 9 — Саугиняй; 10 — Габриелишкес; 11 — Пашушвис; 12 — Пакритизис; 13 — Неменчине; 14 — Аукштадварис; 15 — Вилконис; 16 — Забелишкес; 17 — Геранены; 18 — Кашеличи; 19 — Гузки; 20 — Засвирь; 21 — Некасецк; 22 — Городище; 23 — Аношки; 24 — Дедиловичи; 25 — Псков; 26 — Близнаки; 27 — Демидовка; 28 — Никодимово; 29 — Тушемля; 30 — Церковище; 31 — Городок; 32 — Юрьевская Горка; 33 — Бережок; 34 — Отмичи; 35 — Леснично; 36 — Пекуново; 37 — Попадьянское; 38 — Михайловское; 39 — Троицкое; 40 — Бородинское; 41 — Успенское; 42 — Дьяково; 43 — Щербинка; 44 — Соколова Гора; 45 — Старшее Каширское; 46 — Зайцево



отчасти, вельбарской культур. Картография ряда находок провинциально-римских типов, в частности В-образных рифленых пряжек, позволяет предполагать, что передвижения среднеевропейского населения шли широкой полосой вдоль гряды, оставленной валдайским оледенением, через Мазурское поозерье, средний Неман, бассейн Нериса-Вилии и далее в северо-восточном и восточном направлениях. Непроходимые лесные массивы Среднего Побужья и Верхнего Понеманья, остатком которых ныне является Беловежская пуца, обходились переселенцами.

Подобный маршрут миграции славян в севернорусские земли (из Повисленья через среднее течение Немана и бассейн Нериса-Вилии) независимо от данных археологии был реконструирован на основе топонимических материалов (названия со славянскими основами *veš, potok, korč, ručej, gač, dor, derevnija*) Ю. Удольфом¹⁰².

Можно говорить и о причинах перемещения крупных масс населения из среднеевропейских земель в лесные области Восточной Европы. Как отмечалось выше, провинциально-римские культуры Средней Европы в конце IV — начале V в. прекратили свое функционирование. При этом наиболее активные слои населения (воины и ремесленники) покинули места жительства. Ремесленные центры, обеспечивавшие своей продукцией среднеевропейских земледельцев, которые составляли основную массу носителей пшеворской и соседних культур, перестали функционировать. Племена Висло-Одерского региона, занимавшиеся сельским хозяйством, стали испытывать недостаток в орудиях земледельческого труда и предметах быта.

Ситуация усугублялась значительным ухудшением климата. Первые четыре столетия нашей эры в Средней Европе были весьма благоприятными в климатическом отношении для жизни и активного развития сельскохозяйственной деятельности, которая была основой экономики как славянского, так и германского населения провинциально-римских культур. Археология свидетельствует о расцвете в это время ремесленного производства. Усовершенствуются орудия земледелия, предметы вооружения, в быт входит целый ряд новых изделий.

Рис. 23

Археологические культуры римского времени и расселение среднеевропейского населения

а — памятники с находками среднеевропейских провинциально-римских типов; б — ареал провинциально-римских культур в Средней Европе; в — черняховской культуры; г — западных балтов; д — культуры штрихованной керамики; е — днепро-двинской культуры; ж — мощинской культуры; з — москворецких городищ; и — киевской культуры; к — ареалы культур финно-угорских племен (1 — культура эсто-ливских каменных могильников; 2 — финских каменных могильников; 3 — лууконсаари; 4 — позднекаргопольская; 5 — ильменская; 6 — дьяковская (по К. А. Смирнову); 7 — городецкая; 8 — азелинская)

Развитие экономической жизни и благоприятные климатические условия вели к существенным демографическим сдвигам. Материалы археологии свидетельствуют о значительном увеличении числа поселений и росте численности населения. Допустимо предположение о некоторой, а в отдельных местностях и о значительной перенаселенности земель бассейнов Вислы, Одера и Эльбы.

С конца IV в. в Европе наступает резкое похолодание, особенно холодным было V столетие. Это был период максимального похолодания не только для I тыс. н. э., в это время наблюдаются наиболее низкие температуры за последние 2000 лет. Резко повышается увлажненность почвы, что обусловлено как увеличением выпадения осадков, так и трансгрессией Балтийского моря. Заметно повышается уровень рек и озер, поднимаются грунтовые воды, активно разрастаются болота. Многие поселения римского времени в конце IV в. н. э. оказались затопленными или подтопленными, а значительные участки пашен — непригодными для сельскохозяйственной деятельности. Поймы рек, прежде дававшие обильные урожаи, покрываются водой или аллювиальными отложениями и исключаются из хозяйственного землепользования.

Известно, что необычайно сильные наводнения в Ютландии и смежных районах Германии заставили тевтонов целиком переселиться на другую территорию. В связи с повышением уровней рек и озер и переувлажненностью земли в V в., как показывают исследования археологов, жителями были оставлены многие поселения Северной Германии, которые успешно функционировали в римское время.

Среднее Повисленье, весьма плотно заселенное земледельцами в римское время и отличающееся низменным рельефом, должно было пострадать от наводнений и переувлажненности не в меньшей степени. И действительно, все фиксируемые археологией поселения римского времени к началу V в. были покинуты¹⁰³. В этой связи можно полагать, что в лесные земли Восточно-Европейской равнины прежде всего переселилось население из Среднего Повисленья, что не исключает участия в миграции и жителей других регионов Средней Европы.

Предметы провинциально-римского происхождения, обнаруженные в лесных землях Восточно-Европейской равнины, не являются этническими индикаторами. Население пшеворской, как и вельбарской, культур было разноплеменным. На территории пшеворской культуры мною выделен Висленский регион, в составе населения которого доминировал славянский этнос¹⁰⁴. Славянское население было значительным и в средне-висленской части ареала вельбарской культуры. Как известно, в процессе передвижения готов к Черному морю носители пшеворских древностей на этой территории не покинули мест своего обитания и влились в среду населения вельбарской культуры¹⁰⁵.

В этой связи допустимо предположение о доминировании в составе среднеевропейского населения, осевшего в севернорусских землях, сла-

вянского этнического компонента. В пользу этого со всей определенностью говорит вся последующая история населения лесной полосы Восточно-Европейской равнины — имевшие здесь место этногенетические процессы завершились становлением восточнославянского языка.

КУЛЬТУРА ПСКОВСКИХ ДЛИННЫХ КУРГАНОВ

До середины I тыс. н. э. территории, составляющие бассейны озер Ильменя и Псковского, были частью ареала культуры текстильной керамики (рис. 23), принадлежащей прибалтийско-финскому населению, значительную роль в экономике которого играли присваивающие формы хозяйственной деятельности. Это утверждение полностью соответствует выводам лингвистов: ареал водных названий западнофинского происхождения, получивших характеристику еще в работах М. Фасмера¹⁰⁶, в общих чертах соответствует археологическому.

Памятниками культуры текстильной керамики в рассматриваемом регионе являются преимущественно открытые поселения, которые изучены пока крайне слабо. Среди них имеются и городища, но напластования их слабо насыщены культурными остатками и нередко оказываются потревоженными в более позднее время. Поселения исследовались в Приильменье, на Ловати, в верховьях Западной Двины, Принаровье и Приладожье¹⁰⁷. Немало таких поселений выявлено и в Псковской земле.

Погребальные памятники здесь неизвестны. На основании косвенных данных можно полагать, что носители культуры текстильной керамики хоронили умерших по обряду трупосожжения, ссылая остатки кремации на поверхности в специальных местах, обозначенных грудой камней или отдельными камнями¹⁰⁸.

В бассейне среднего течения Мологи А. Н. Башенькиным исследовано несколько так называемых «домиков мертвых» — невысоких срубов, поставленных на естественных возвышениях со следами подрезки склонов. Внутри таких сооружений находились в большом количестве кальцинированные кости нескольких индивидуумов, вещевой инвентарь и фрагменты глиняной посуды, в том числе с сетчатыми отпечатками. Исследователь их датирует захоронения последними веками I тыс. до н. э. и первыми столетиями н. э. Эта обрядность, очевидно, является региональной и не местной по происхождению. Находки из «домиков мертвых» позволили А. Н. Башенькину говорить о появлении в этой местности в конце I тыс. до н. э. новых групп населения с юго-востока со стороны Волги¹⁰⁹.

Около середины I тыс. н. э. культура текстильной керамики в бассейнах озер Ильменя и Псковского прекращает развитие. Появляется новая культура — культура псковских длинных курганов (рис. 24), эво-

люционно не связанная с предшествующей. Наиболее характерными памятниками ее являются длинные курганы — невысокие валообразные земляные насыпи от 10—12 до 100 м и более длиной¹¹⁰. Обычно они располагаются в могильниках вместе с круглыми в плане (полусферическими) курганами. Среди последних есть и синхронные длинным, и более поздние, относящиеся уже к древнерусскому времени. Каждый длинный курган (или синхронный круглый — они в равной степени относятся к рассматриваемой здесь культуре) включает несколько, иногда десятки захоронений по обряду трупосожжения. Кремация умерших совершалась на стороне, и собранные с погребального костра остатки трупосожжений помещались в различных местах курганных насыпей. Какая-то часть захоронений находится в небольших ямках, вырытых в основаниях насыпей, очевидно перед их сооружением. Основная же масса погребений совершалась уже в насыпанных курганах или в ямках, выкапываемых в момент захоронения; некоторые захоронения находились на поверхности курганов. В отдельных насыпях при раскопках отмечены небольшие площадки, предназначенные для погребений и устраиваемые в процессе их сооружения. Курганы сооружались из грунта (песка или суглинка), взятого прежде всего вокруг них, в результате образовывались ровики шириной от 1,5 до 5,5 м и глубиной 0,5—1,2 м. Вместе с тем, околокурганные ровики несли и культовую нагрузку — в них в моменты захоронений зажигались ритуальные костры, которые, видимо, по своему смыслу были тождественны огнищам, разводимым во рвах восточнославянских языческих святилищ¹¹¹.

Среди длинных курганов псковского типа имеются и насыпи, сооруженные одновременно, в один прием, но есть и такие, которые вырастали постепенно: они подсыпались один или несколько раз по мере новых захоронений. В большинстве случаев места, избранные для сооружения курганов, предварительно выжигались, для чего использовали хворост или солому. От этого ритуала остаются подошвенные зольно-угольные прослойки толщиной от 2—4 до 15—30 см. Иногда золу с угольками приносили со стороны, возможно с погребального костра, и рассыпали по всей площади курганного основания. Ритуал очищения огнем основания длинных курганов, по всей вероятности, является наследием обрядности местного прибалтийско-финского населения. Среди прибалтийско-финского населения, проживавшего на территории Эстонии и Северной Латвии, подобный ритуал имел распространение уже в начале нашей эры — площадки, предназначенные для каменных могильников с оградками, также предварительно выжигались («очищались огнем»). В результате образовывались подстилающие могильники зольно-угольные прослойки¹¹². Они зафиксированы археологами и в более поздних памятниках води и корелы¹¹³ как свидетельство широкого распространения ритуала в древнем прибалтийско-финском крае.

Камень при сооружении погребальных насыпей культуры псковских длинных курганов, как правило, не применялся. Встречены лишь единичные курганы, в которых имелись различные выкладки из камней. Так, в насыпях, исследованных в Северике, Лосицах, Лоози и Верепкове, выявлены обкладки камнями их оснований. В отдельных курганах могильников в Кудове, Тайлове и Северике камнями были обставлены погребения, а в курганах в Верепкове, Северике, Лосице и Михайловском они прикрывали остатки трупосожжений. В кургане 18 Грицковского могильника крупными валунными камнями сверху были обозначены места захоронений. Одно из захоронений длинного кургана в Северике было помещено в ящике, сложенном из каменных плит.

Эти выкладки из камней в длинных курганах следует рассматривать как наследие местной прибалтийско-финской обрядности. В могильнике Северик исследованы курганы с сооружениями из плитнякового камня в виде стенок-оградок, идентичных некоторым каменным могильникам эстов. Вполне аналогичны погребальным памятникам эстов и заполненные камнями оградки из валунов, которые были открыты в курганах Верепково.

Но далеко не все выкладки из камней в погребальных памятниках культуры псковских длинных курганов следует относить к наследию субстратного населения. Так, один из длинных курганов в Северике имел сверху покров, сложенный из валунных и плитняковых камней, что весьма характерно для ятвяжских курганных насыпей. Курган, целиком сложенный из камней, сопоставимый с ятвяжскими погребальными памятниками, был исследован в Выбутах на р. Великой в 13 км выше Пскова.

Большинство погребений культуры псковских длинных курганов являются безурновыми и безынвентарными. Вещевые находки весьма малочисленны. Это небольшие круглые выпуклые бронзовые бляшки, называемые обычно «бляшками-скорлупками», колпачковидные бляшки с широкими краями, различные пряжки, ножи, глиняные пряслица, стеклянные бусы, часто оплавленные, фрагменты проволочных колечек, блоковидные кресала.

Глиняная посуда рассматриваемой культуры довольно неоднородна. Сравнительно небольшая часть сосудов имеет баночную форму и, скорее всего, восходит к керамике местного прибалтийско-финского населения. Другая часть керамического материала сопоставима с глиняной посудой тушемлинской культуры и вместе с тем с керамикой синхронных памятников Среднего Повисленья¹¹⁴.

Область распространения длинных курганов псковского типа простирается от бассейна р. Великой и юго-западного побережья Псковского озера на западе до верхнего течения Чагодощи. На юге ареал этих памятников захватывает верховья Западной Двины и бассейн ее правого притока, р. Дрисса, на Полотчине. Северными пределами распространения культуры псковских длинных курганов были бассейн верхнего

течения р. Луги, бассейны Мсты и Чагодоши. Наибольшая концентрация могильников ее наблюдается в бассейне р. Великой и на побережье Псковского озера. Здесь же сосредоточены наиболее длинные насыпи.

Поселения культуры псковских длинных курганов изучены пока весьма слабо. Это были открытые поселения. На одном из них, расположенном на оз. Съезжее в Хвойнинском р-не Новгородской обл., раскопками были изучены остатки жилой постройки столбовой конструкции. Ее размеры $6,9 \times 5,3$ м, пол был опущен в грунт на 5—18 см. Отапливалось жилище очагом-каменкой без свода¹¹⁵. Небольшими раскопками исследовалось еще поселение Варшавский шлюз-III при впадении р. Горюнь в Чагоду. Рядом находилось два синхронных ему могильника. На селище, имевшем размеры 140×60 м, был заложен раскоп площадью 344 кв. м, в котором исследованы остатки трех жилищ, стоявших вдоль берега реки. Это были наземные строения размерами от $4,1 \times 5,3$ до $5,1 \times 8,4$ м с печами-каменками. На поселении найдены железные нож, шило, рыболовные крючки, бронзовая пронизка, стеклянные и хрустальные бусы. По углю из очага, исследованному на этом селище, получена дата $1600 + 80$ лет назад.¹¹⁶ На селище, расположенном при оз. Крюково близ г. Боровичи, раскопками С. Н. Орлова и В. В. Милькова исследовано свыше 800 кв. м, но следов жилых построек выявить не удалось. Это было довольно крупное поселение (площадь его свыше 16 тыс. кв. м), занимавшее наиболее возвышенные участки берега¹¹⁷.

В западной части ареала культуры псковских длинных курганов известны городища-убежища, характеристика которых недавно сделана А. Г. Фурасьевым¹¹⁸.

К настоящему времени можно достаточно определенно утверждать, что культура псковских длинных курганов сформировалась не позднее V в. В-образная рифленая пряжка из погребения длинного кургана Полибино, которая называлась выше, датируется первой половиной этого столетия. К первой—третьей четвертям V в. относится и В-образная пряжка из кургана 6 могильника Усть-Белая IV на р. Кабоже. Подобные находки сделаны и в длинных курганах Линдора и Рысна-Сааре II в противоположной части ареала культуры псковских длинных курганов — на юго-западном побережье Псковского озера. О такой же дате становления культуры свидетельствуют и находки подвесок-лунниц стиля Сёсдал (по средневропейским аналогиям, конец IV — первая половина V в.). Они найдены в длинных курганах Рысна-Сааре II и Любахин-1, расположенных на западной и восточной окраинах ареала культуры псковских длинных курганов. V век определяется и находками туалетных пинцетов и двушипного наконечника дротика из Сууре-Рысна, боевого топора из Чагоды и на основании приведенных выше данных радиоуглеродных анализов.

Обычай сооружения длинных курганов не был привнесен переселенцами извне, а зародился уже тогда, когда они осели в новых землях.

Длинным курганам предшествовали грунтовые могильники, некоторые из которых, очевидно, продолжали функционировать и позднее параллельно с длинными курганами. Один из таких могильников, расположенный рядом с длинными курганами, был исследован Е. Н. Носовым на оз. Съезжее. Раскопано семь захоронений — трупосожжений в небольших ямках, из которых два находились в глиняных лепных горшках-урнах, а три сопровождалось вещевым инвентарем (спекшиеся синие стеклянные бусы, фрагменты бронзовых пластин и браслета, оплавленные кусочки бронзы и железный нож). Исследователь оправданно утверждал, что грунтовые погребения этого могильника принадлежат к культуре псковских длинных курганов, но предшествовали захоронениям в длинных насыпях¹¹⁹.

Аналогичный грунтовой могильник исследовался С. Н. Орловым в уроч. Кобылья Голова между деревнями Полосы и Самокража в нижнем течении Мсты. Остатки кремаций умерших здесь также помещались в неглубоких круглых ямках. Все погребения были безынвентарными, но нахождение могильника в комплексе с курганной группой, содержащей длинные насыпи, дало исследователю основание отнести грунтовые и курганные захоронения к единой культуре¹²⁰. Еще один могильник с курганными и грунтовыми погребениями рассматриваемой культуры находится недалеко от Изборска при д. Лезги. Здесь среди длинных и удлиненных курганов раскопками вскрыто грунтовое захоронение в неглубокой ямке, которое сопровождалось вещами, характерными для культуры псковских длинных курганов¹²¹. Выше уже был назван грунтовой могильник этой культуры в Юрьевской Горке.

Начальный этап становления длинных курганов, по всей вероятности, отражают специально устроенные погребальные площадки, охвотуренные ровиком, с захоронениями, помещенными в грунтовых ямках. Они изучались М. Аун при раскопках длинных курганов на юго-западном побережье Псковского озера. Дальнейшее развитие обрядности, согласно ее представлениям, шло по пути увеличения насыпей, в верхних частях которых и размещались захоронения¹²². Подобная овальная погребальная площадка размерами 12 × 9 м, окруженная рвом, была исследована Е. Н. Носовым при раскопках у оз. Съезжее. Грунт, взятый из рва, образовывал искусственную насыпь высотой до 0,2 м. На площадке выявлено восемь погребений по обряду трупосожжения, еще два обнаружено неподалеку от внешнего края рва. Схема эволюции обрядности культуры псковских длинных курганов видится этому археологу так: «Первоначально грунтовые захоронения совершались на естественных всхолмлениях, группируясь, скорее всего, в соответствии с определенными прижизненными отношениями умерших (в первую очередь, родственными). В дальнейшем для грунтовых захоронений стали сооружать специально выделенные на местности погребальные площадки, окруженные ровиками. Земля из ровиков шла на выравнивание площадок... Затем

площадки стали подсыпать, устраивая своеобразные платформы для совершения захоронений». Таким образом появляются курганные насыпи¹²³.

Погребальная площадка, устроенная на природном возвышении, и оконтуренная ровиком, исследовалась А. Н. Башенькиным на восточной окраине ареала псковских длинных курганов — у «Варшавского шлюза» в бассейне р. Чагодоши¹²⁴.

Высказана также мысль, что сооружение длинных курганов стало эволюционным продолжением обряда захоронений остатков кремации умерших в неглубоких ямках или россыпью на поверхности невысоких природных всхолмлений, может быть удлинённых очертаний. На Псковщине в двух местах (Городище и Замошьё) такие естественные валообразные возвышения с захоронениями известны. В равнинных местностях для захоронений пришлось сооружать искусственные насыпи, которые в конечном итоге и оформились в длинные курганы¹²⁵.

По-видимому, в ряде местностей ареала псковских длинных курганов обычай хоронить умерших на грунтовых могильниках какое-то время сохранялся и тогда, когда уже широко сооружались длинные курганы.

О происхождении населения, оставившего культуру псковских длинных курганов, в литературе высказано несколько предположений. Так, С. К. Лаул, полагая, что длинные курганы Юго-Восточной Эстонии образовались из эстских каменных могильников, интерпретировала их как памятники местного прибалтийско-финского населения¹²⁶. Согласно Г. С. Лебедеву, сложение культуры псковских длинных курганов происходило на основе местных финских древностей — так называемой «предкурганной культуры», якобы существовавшей на территории Северо-Запада. Исследователь высказывал догадку, что культурные импульсы при этом шли из Юго-Восточной Эстонии, они и привели к распространению курганной обрядности¹²⁷. Культура псковских длинных курганов рассматривалась и некоторыми другими исследователями как дославянская, оставленная местным прибалтийско-финским населением¹²⁸. Эти предположения в археологической литературе не получили поддержки, поскольку основывались или на материалах небольшого окраинного региона культуры псковских длинных курганов, или гипотетично, в отрыве от конкретных данных¹²⁹. Ныне они представляют чисто историографический интерес.

Не может быть принята также догадка, высказанная А. М. Микляевым, А. Н. Мазуркевичем и Б. С. Короткевичем, об эволюции культуры псковских длинных курганов из днепродвинской культуры. Она покоится на отдельных, второстепенных чертах сходства керамики и хозяйственной деятельности носителей этих культур¹³⁰. При этом необъяснимые расхождения между культурами не принимаются во внимание.

В монографии, обобщающей раскопочные изыскания длинных курганов на территории Эстонии, М. Аун утверждает, что курганный обряд

погребения в этом регионе формировался среди местного финноязычного населения в условиях проникновения славян с соседних территорий. Определить, какие именно курганы (или отдельные погребения) оставлены расселившимся славянами, а какие принадлежат аборигенам, отмечает исследовательница, на современном уровне знаний невозможно. На первой стадии развития курганной обрядности в Юго-Восточной Эстонии в ритуале и инвентарях наблюдаются региональные особенности, которые со временем стираются. На поздней стадии фиксируется сближение обрядности этого региона с основным ареалом культуры псковских длинных курганов¹³¹.

Последнее, как и само распространение курганного ритуала в Юго-Восточной Эстонии, на мой взгляд, следует рассматривать как свидетельство включения местного прибалтийско-финского населения в славянский этногенез.

О славянском проникновении в юго-восточные районы Эстонии говорят также лингвистические данные. В вырусском диалекте эстонского языка отчетливо фиксируются не только лексические, но и фонетические особенности, указывающие на некогда имевшие здесь место внутрирегиональные контакты между прибалтийско-финским и славянским населением¹³². При этом ранние славянские проникновения относятся ко времени до сложения древнерусского языка. Финский лингвист Э. Н. Сетяля определял начало внедрения славянских элементов в прибалтийско-финские языки примерно VI в.¹³³

Исследователи не раз обращали внимание на близость керамических комплексов культуры псковских длинных курганов и материалов тушемлинской культуры¹³⁴. Р. С. Минасян в этой связи писал о возможности становления культуры длинных курганов в результате миграции населения из Верхнеднепровско-Двинских земель в Ильменско-Псковский регион, которая будто бы имела место в третьей четверти I тыс. н. э.¹³⁵ Эту догадку поддержал Е. Н. Носов¹³⁶. Однако С. В. Белецкий, присоединяясь к мысли о южном происхождении культуры псковских длинных курганов, указал на невозможность генетического развития ее из тушемлинских древностей из-за синхронности этих культурных групп¹³⁷.

Согласно гипотезе Н. В. Лопатина и А. Г. Фурасьева, близость культуры псковских длинных курганов и тушемлинской обусловлена их сложением на общей основе, которой являются древности III—V вв. типа Заозерье¹³⁸. Эта мысль будет подробно рассмотрена ниже, при решении вопроса о происхождении тушемлинской культуры. Здесь же можно отметить, что единственная находка глиняного сосуда с расчесами (типа Заозерье) в удлиненном кургане 3 могильника у д. Повалишино — недостаточный аргумент для предлагаемых построений. Впрочем, авторы их понимают это и допускают, что процесс становления культуры псков-

ских длинных курганов, как и тушемлинской, был обусловлен каким-то внешним импульсом экстраординарного характера.

Рассмотренные выше вещевые материалы провинциально-римских типов, получившие распространение в период великого переселения в лесной зоне Восточно-Европейской равнины, являются ярким свидетельством расселения на этой территории среднеевропейского населения. И это население безусловно участвовало в формировании культуры псковских длинных курганов. Только расселением в Ильменско-Псковском регионе нового населения могло быть обусловлено прекращение развития культуры сетчатой керамики. Культуру псковских длинных курганов следует рассматривать как местное новообразование, сложившееся как результат оседания на русском Северо-Западе массы переселенцев из провинциально-римского ареала Средней Европы.

Создателями новой культуры было земледельческое население. Складывается впечатление, что переселенцы на прежних местах пострадали от наводнений и переувлажненности почвы и поэтому на Северо-Западе выбирали для своего местопребывания участки, не подверженные подобным процессам, — песчаные возвышенности в сухих боровых лесах, при сухопутных дорогах, очевидно бывших в то время основными путями миграционных передвижений. Так, все могильники с ранними длинными курганами фиксируются в возвышенных местностях, преимущественно расположенных не менее чем в 150 м над уровнем моря. Все находки В-образных рифленых пряжек — индикаторов миграционных процессов из Средней Европы — обнаружены в таких же возвышенных местах¹³⁹.

Переселенцами из Средней Европы, как показывает картографирование памятников культуры псковских длинных курганов на почвенной карте Новгородско-Псковской земли, были освоены прежде всего местности с дерново- и типично слабо- и среднеподзолистыми, а также с дерново-карбонатными и перегнойно-карбонатными почвами, которые были наиболее пригодны для земледелия¹⁴⁰. Новое население вынуждено было на первых порах освобождать от леса участки для сельскохозяйственной деятельности. Не располагая качественными орудиями для вырубki леса и обработки пахотных угодий, а также необходимой тягловой силой животных, переселенцам пришлось заняться подсечно-огневым земледелием, которое на какое-то время стало главным агротехническим приемом для подготовки почвы к посевам. Подсечное земледелие, основанное на использовании огня и ручных орудий обработки земли, в сочетании с охотой, рыбной ловлей и лесными промыслами стало основой экономики носителей культуры псковских длинных курганов.

О происхождении населения, создавшего в Новгородско-Псковском крае в третьей четверти I тыс. н. э. рассматриваемую культуру, из среднеевропейского региона говорят и данные топонимики. Так, картография

гидронимов с лексемой *тереб-* (от глагола *теребить* ‘расчищать землю, готовить ее под пашню’) показывает, что бассейны озер Ильмень и Псковское составляют общий ареал с Повисленьем, Чехией и Словакией¹⁴¹. Объяснение этому может быть одно — какая-то часть земледельческого населения, очевидно из Повисленья, переселилась в Ильменско-Псковские земли. В гидронимии бассейнов Ильменя и Псковского озера имеются и другие новгородско-псковско-польские схождения¹⁴². Древняя близость псковских говоров со славянским языковым миром Висленского бассейна проявляется и в лексических материалах¹⁴³.

Взаимоотношения пришлого населения с прибалтийско-финским Псковско-Ильменского региона трудно поддаются детальному изучению. Некоторые элементы в строениях длинных курганов, отмеченные выше, и сохранение пласта западнофинской гидронимии позволяют говорить о том, что значительные массы аборигенных жителей в период великого переселения народов не покинули мест своего обитания и включились в общий этногенетический процесс. Восстановить его затруднительно. Допустимо предположение об его неоднозначности в разных местностях обширного ареала культуры псковских длинных курганов. Если в его основных областях, видимо, имела место постепенная славянизация прибалтийских финнов, то в окраинных регионах пришлое население иногда растворялось в местной среде.

Вместе с тем, нельзя исключать и того, что под натиском среднеевропейских переселенцев немалые группы прибалтийско-финского населения вынуждены были оставить свои места проживания. Это процесс стал импульсом дифференциации прибалтийско-финской языковой общности. В VI—VII вв. начался процесс становления отдельных прибалтийско-финских племенных образований раннего средневековья — эстов, ливов, суми, еми, корелы, води, ижоры и веси¹⁴⁴. Натиск населения культуры псковских длинных курганов в западном направлении, по-видимому, не стихал на протяжении всей третьей четверти I тыс. н. э. Для сдерживания этого натиска эстские племена вынуждены были соорудить на своем восточном пограничье цепь укрепленных пунктов.

Культуру псковских длинных курганов следует считать славянской, прежде всего, по двум обстоятельствам: она по всем своим показателям заметно отличается от предшествующих древностей прибалтийских финнов и довольно отчетливо связана с достоверно славянскими древностями последующей поры. Сопоставительный анализ всех особенностей строения длинных (и сопутствующих им круглых) курганов, а также их погребальной обрядности с соответствующими показателями курганных древностей IX—X вв. Псковской земли, которых нередко связывает и общность могильников, выявляет полнейшее единообразие¹⁴⁵. К этому можно добавить, что погребальный ритуал культуры псковских длинных курганов по всем параметрам также сопоставим с достоверно славянской обрядностью других территорий раннесредневекового славян-

ского мира и существенно отличен от прибалтийско-финского и летто-литовского.

В этой связи следует полагать, что в ареале культуры псковских длинных курганов протекал интеграционный процесс — разноплеменное население, прибывшее сюда из Средней Европы, и местные финны постепенно славянизировались. На южной окраине этого ареала, преимущественно в правобережной части Западнодвинского бассейна, переселенцы застали население днепродвинской культуры (днепровские балты), которое также вошло в состав носителей культуры псковских длинных курганов¹⁴⁶. Славяне, очевидно, оказались на Северо-Западе наиболее активным и, может быть, численно доминирующим этносом. Впрочем, на раннем этапе средневропейские переселенцы могли осваивать земли, не занятые аборигенами, и какое-то время сосуществовать с ними.

В составе населения, расселившегося в Новгородско-Псковских землях, кроме славян несомненно были еще балты. Мощные миграционные волны, исходящие из Повисленья, пересекали области, занятые балтскими племенами, и они не могли не быть увлечены потоками переселенцев. Об одном из ятвяжских элементов в строении некоторых длинных курганов говорилось выше. Этими переселенцами, очевидно, оставлена какая-то часть балтской гидронимики в Новгородско-Псковском крае, которая здесь весьма многочисленна¹⁴⁷. Некоторые водные названия балтского происхождения, по всей вероятности, восходят к периоду раннего железа, когда в областях прибалтийско-финского расселения имела место инфильтрация племен культуры штрихованной керамики. Однако среди гидронимов русского Северо-Запада есть и названия несомненно более позднего происхождения, в частности несущие в себе западнобалтские черты¹⁴⁸. Их происхождение может быть объяснено только миграцией в Ильменско-Псковские земли более или менее крупных групп ятвяжско-прусского населения.

Независимо от археологии, о раннем расселении славян в Новгородско-Псковской земле свидетельствуют данные лингвистики. Древне-новгородский диалект, восстанавливаемый на основе анализа текстов берестяных грамот из раскопок в Новгороде и особенностей псковских говоров, является ответвлением праславянского языка¹⁴⁹. Отсутствие в этом диалекте элементов второй палатализации дает все основания считать, что славянское население, расселившееся в бассейнах озер Псковское и Ильмень, отчленилось от основного славянского ареала не позднее середины I тыс. н. э. и какое-то время проживало изолированно от него.

О том же говорят и материалы топонимики. Согласно изысканиям Р. А. Агеевой, в гидронимии Новгородско-Псковского края имеется целый ряд прямых и косвенных подтверждений очень раннего расселения здесь славян. Начало его относится к периоду, когда были продуктивны праславянские модели водных названий. Среди гидронимов этой терри-

тории выявляется множество «первичных» названий, которые, по С. Роспонду, характерны для зоны «А» (Повисленье), т. е. прародины славян. Р. А. Агеевой предпринята попытка выделения регионов наиболее раннего оседания славян. Это бассейн р. Великой, земли к югу от озера Ильмень, а также области между побережьем Чудского и Псковского озер с одной стороны, и средним течением р. Луги с другой¹⁵⁰. Как раз в этих местностях наблюдается наибольшая концентрация длинных курганов псковского типа.

Допустимо предположение, что носители культуры псковских длинных курганов именовались кривичами. Латыши до сих пор называют русских *krievs*, именем, явно производным от этого этнонима. Из племенных подразделений славянского этноса латышские племена на первых порах непосредственно соседствовали с носителями культуры длинных курганов, то есть с кривичами, поэтому их имя и было распространено позднее на все русское население. Более того, отдельные группы населения культуры длинных курганов проникли в глубь латгальских земель, о чем свидетельствует полтора десятка могильников с длинными курганами, зафиксированных в восточных районах Латвии¹⁵¹.

Имеются и указания летописей о кривичах как жителях Псковской земли. Так, из летописной легенды о призвании варягов очевидно, что Изборск стоял в старой кривичской земле¹⁵², а в Архангелогородском летописце сохранилось прямое известие об Изборске как кривичском городе¹⁵³. Изборск находился в одном из регионов концентрации длинных курганов, а в VIII—IX вв., как показали раскопчные исследования, был племенным центром одной из кривичских групп¹⁵⁴.

Нужно полагать, что кривичи первоначально были одним из этноплеменных образований праславянского периода, осевших в Ильменско-Псковской земле. Этноним *кривичи*, как считают исследователи, произведен от имени их предводителя Крива.

С конца VII — начала VIII в. в восточной части ареала псковских длинных курганов получает развитие культура сопок. Сооружение длинных курганов здесь прекращается, население культуры псковских длинных курганов вливается в состав словен новгородских. Развитие этой культуры продолжалось только в Псковской земле¹⁵⁵.

В IX—X вв. в бассейнах р. Великой и Псковского озера на смену длинным курганам приходят круглые (полусферические) насыпи с одним-двумя захоронениями по обряду кремации. Генетическая связь между этими курганами достаточно очевидна. Они однотипны по всем своим особенностям, в том числе и по деталям погребального ритуала. В последних десятилетиях X в. появляются подкурганные труположения. Постепенно обряд ингумации вытесняет прежний ритуал, но строение курганов остается неизменным. Характерная для длинных курганов псковского типа подошвенная зольно-угольная прослойка — следы очищения огнем места, избранного для погребальной насыпи, — обычна

и для круглых курганов как с остатками трупосожжения, так и с труположениями. Лишь с середины XII в., когда в земле псковских кривичей распространяются подкурганные захоронения в грунтовых ямах, ритуал выжигания площадок для погребальных насыпей постепенно исчезает.

Курганы Псковской земли древнерусского времени бедны вещевым инвентарем. Этнографических особенностей среди женских украшений псковские кривичи не имели. Перстнеобразные височные кольца, шейные ожерелья из немногочисленных стеклянных бус, металлические браслеты и перстни принадлежат к общевосточнославянским типам.

ТУШЕМЛИНСКАЯ КУЛЬТУРА

Как показывает распространение находок провинциально-римского происхождения, одновременно с появлением нового населения в бассейнах озер Псковское и Ильмень крупные массы переселенцев расселяются в землях Верхнего Понеманья, Полоцкого Подвинья, Смоленского Поднепровья и продвигаются далее на восток в междуречье Волги и Оки. В неманско-двинско-днепровских землях пришлое население оседает среди племен балтского этноязыкового массива. Культуры раннего железного века — днепро-двинская и штрихованной керамики (рис. 23) — в условиях мощных миграционных волн эпохи великого переселения народов в конце IV в. прекратили свое существование. Началось становление новой культуры, названной тушемлинской по одному из наиболее полно исследованных памятников — городищу Тушемля в верхнем течении Сожа на Смоленщине¹⁵⁶.

Территория этой культуры включала Смоленское Поднепровье, Полоцко-Витебское Подвинье и смежные с ним земли верхних течений Вилии, Немана и Березины Днепровской (рис. 24). Основными памятниками ее являются открытые поселения — селища, устраиваемые на песчаных останцах, холмах или склонах коренных берегов близ рек или озер. Это были довольно крупные поселки (большинство их занимало площади в 1—2 га), выделяющиеся размерами среди синхронных селений лесной зоны Восточно-Европейской равнины. Жилищами служили наземные постройки столбовой или срубной конструкции.

О характере жилых строений наибольшее представление дают раскопки селища Дедиловичи. Оно находилось на относительно крутом склоне холма, и его обитатели, чтобы получить горизонтальную площадку для домостроения, вынуждены были врезать свои жилища в грунт. Всего при обследовании памятника зафиксировано не менее трехсот западин от котлованов жилищ. Земля, выброшенная из них, использовалась для устройства террасок, на которых размещались хозяйственные строе-

ния. Дома ставились рядами на небольшом расстоянии друг от друга. Все они были срубными, размеры их от $3 \times 2,7$ до $3,5 \times 3$ м. В тридцати пяти из сорока семи раскопанных жилищ открыты печи-каменки, в четырех — очаги.

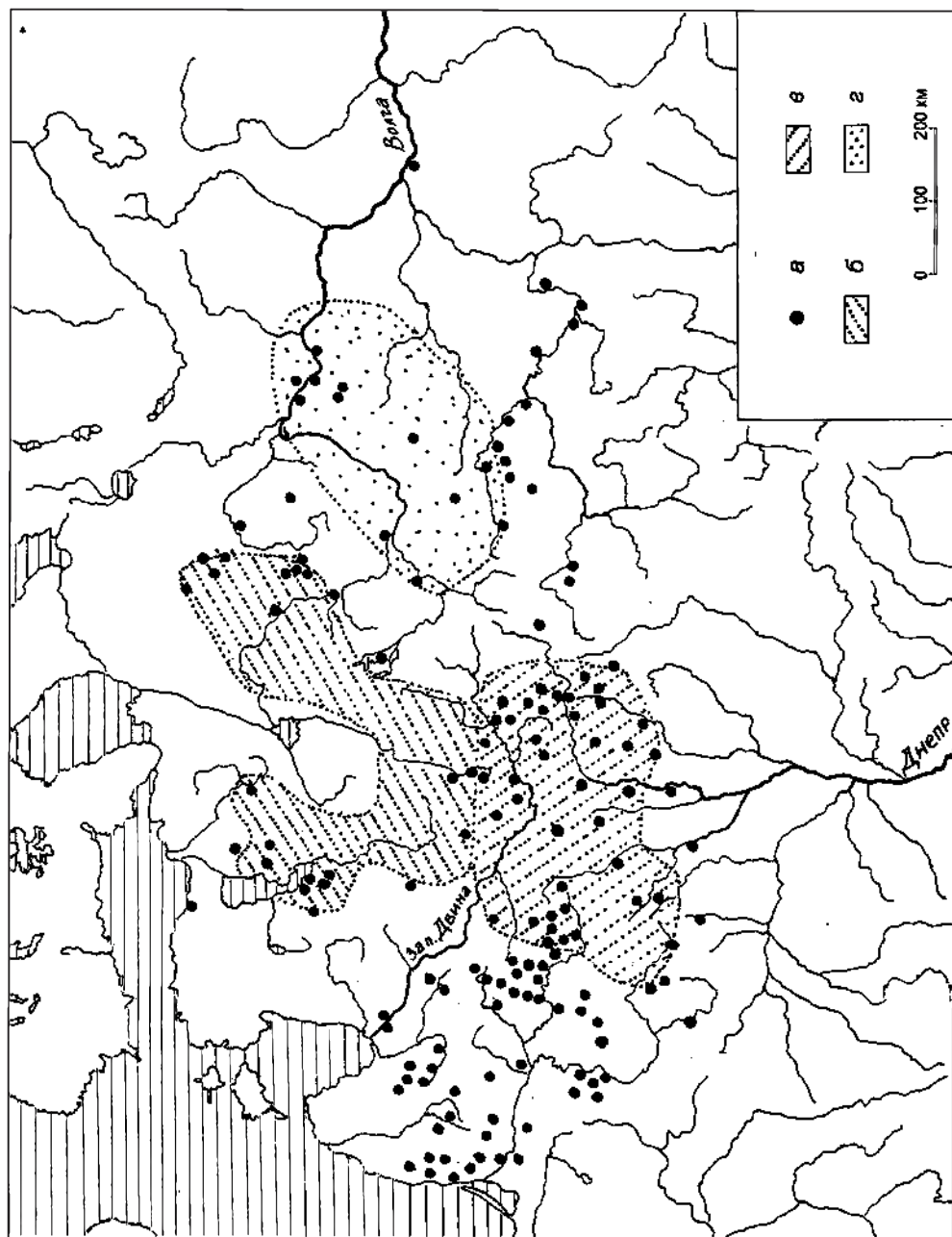
В ареале тушемлинской культуры известно и немало городищ. Большинство селищ расположено в стороне от них. Другие примыкали к городищам, которые не были постоянно заселены, а служили убежищами для окрестного населения. При возведении городищ нередко использовались заброшенные укрепленные селения раннего железного века, на которых строились дополнительные укрепления — земляные валы, кольцеобразно охватывавшие площадки городищ, и еще два-три вала на склонах их.

Одним из таких городищ-убежищ является Тушемля. Оно размещалось на продолговатом мысе между двумя оврагами. Овальная площадка в 800 кв. м была обнесена по периметру двумя земляными валами с деревянными оградами на вершинах. На площадке впритык к валу находилась замкнутая постройка шириной 4—4,5 м со стенами столбовой конструкции. Поперечными стенками она подразделялась на помещения размерами 6×4 м. Семь или восемь из них имели в середине очаги, остальные использовались для хозяйственных нужд. Перекрытие постройки было двускатным. С восточной стороны был устроен вход на поселение шириной 1,25 м. От него дорожка шла ко второму рву, по которому, обогнув городище, можно было выйти за пределы убежища.

Внутри городища, в его мысовой части находилось языческое святилище в виде круглой утрамбованной площадки диаметром 6 м, по краю которой с интервалами стояли столбы, возможно изображавшие языческих богов. В центре возвышался более массивный столб — по всей вероятности, изображение главного божества.

Погребальными памятниками тушемлинской культуры являются грунтовые могильники. Безраздельно господствовал обряд трупосожжения. Кремация умерших совершалась на стороне. Остатки ее, собранные с погребального костра, помещались в неглубокие округлые ямки в могильниках, располагавшихся обычно на естественных возвышениях поблизости от поселений. Наиболее изученными являются могильники Акатово на Смоленщине, где раскопано двадцать захоронений, и Узмень на юге Псковской обл. с тридцатью четырьмя исследованными могилами. Большинство погребений были безынвентарными, единичные урновыми. В немногих захоронениях встречены вещевые находки — бронзовые колечки, спиральки, фрагменты браслетов и слитки сплавов, синяя стеклянная бусина и стеклянные сплавы, железная булавка и глиняное пряслице.

Одним из характерных элементов тушемлинской культуры является керамика, которая изготавливалась исключительно домашним способом,



без применения гончарного круга. Самыми распространенными были горшкообразные сосуды тюльпановидной, биконической и усеченно-конической форм, лишенные орнаментации. Внешняя поверхность их имела шероховатость от выступающих зерен дресвы. Вторую, менее многочисленную группу посуды образуют миски и мископодобные горшки. Они выделяются и по характеру обработки поверхности — лощеной или подлощенной.

Материалы раскопок свидетельствуют о развитии на поселениях железообрабатывающего ремесла. Ассортимент изделий довольно разнообразен — топоры, серпы, косы, рыболовные крючки, ножи, шилья и др. На многих селищах найдены глиняные льячки, обломки тиглей с подтеками бронзы и литейные формочки. Среди предметов из цветных металлов встречены браслетообразные височные кольца, о которых речь пойдет ниже, браслеты, спиральки, трапециевидные привески, пряжки, фрагменты шейных гривн и др.

В хозяйственной деятельности населения тушемлинской культуры ведущая роль принадлежала земледелию, о чем говорят находки на поселениях зернового материала (ячмень двурядный и многорядный, мягкая пшеница, рожь, просо, овес, горох, бобы) и орудий труда (серпы, топоры, зернотерки, жернова). Споро-пыльцевые исследования культурных напластований и грунтов из-под насыпей валов на городищах-убежищах указывают на господство подсечного земледелия. Это относится, по-видимому, к ранней фазе тушемлинской культуры. Распространение совершенных по форме серпов и находки жерновов говорят о том, что наряду с подсекой функционировало и пашенное земледелие. Судя по остеологическим материалам, развито было и животноводство. Охота и рыбная ловля имели второстепенное значение¹⁵⁷.

На основании вещевых находок П. Н. Третьяков датировал селища и городища тушемлинской культуры серединой и третьей четвертью I тыс. н. э.¹⁵⁸ Согласно А. Г. Митрофанову, эта культура функционировала в V—VIII в.¹⁵⁹ Важные материалы для датировки тушемлинских древностей получены раскопками городища Демидовка. Здесь была найдена бронзовая подвеска-лунница, украшенная красной эмалью, которая по аналогиям датируется V — началом VI в. Гончарный серолощенный кубок имеет дунайские параллели V в. Фрагмент бронзовой двупластинчатой фибулы датируется VI — началом VII в. В целом комплекс вещей

Рис. 24

Культурные новообразования в связи с расселением среднеевропейского населения

а — памятники с находками среднеевропейских провинциально-римских типов;
б — ареал культуры псковских длинных курганов; в — тушемлинской культуры;
г — мерянской культуры

из Демидовского городища определяется V—VII вв.¹⁶⁰ Этими столетиями следует датировать тушемлинскую культуру в целом. Начало же процесса ее формирования следует отнести к последним десятилетиям IV в., когда в лесных областях Восточной Европы появились первые группы средневропейского населения. Отдельные поселения тушемлинской культуры, судя по встречаемости керамики тушемлинского облика среди древностей культуры смоленско-полоцких длинных курганов, видимо, продолжали функционировать и VIII в.

П. Н. Третьяков, вводя в научный оборот материалы раскопок памятников рассматриваемой культуры на Смоленщине, полагал, что она сложилась в результате эволюции днепро-двинской культуры раннего железного века в условиях миграции в Смоленское Поднепровье племен зарубинецкой культуры с юга. Первым этапом взаимодействия местного населения с пришлыми группами, согласно построениям этого исследователя, стало формирование древностей типа среднего слоя Тушемли с явными позднезарубинецкими чертами, которые на следующей стадии трансформировались в тушемлинскую культуру¹⁶¹. Подобной точки зрения в 70—80-х годах придерживались и другие исследователи, в том числе и автор настоящей книги¹⁶².

А. Г. Митрофанов, раскопками которого были значительно пополнены коллекции тушемлинской культуры в западной части ее распространения, утверждал, что эта культура в исследуемом им регионе формировалась на основе местных древностей культуры штрихованной керамики при участии племен днепро-двинской культуры и продвинувшихся сюда носителей культуры типа Адаменки, которая ведет свое начало из позднезарубинецкой среды. Серьезной аргументации в пользу этой точки зрения он не привел. Это были поиски решения, а не само решение вопроса о происхождении тушемлинской культуры. Наиболее ранние селища этой культуры в белорусском регионе А. Г. Митрофанов датировал V—VI вв., и следовательно, начало процесса ее становления должно быть отнесено к IV—V вв.¹⁶³

Согласно представлениям В. Б. Перхавко рассматриваемая культура сложилась как результат расселения племен киевской культуры среди населения Северной Белоруссии, представленного древностями раннего железного века. Начало формирования тушемлинской культуры этот исследователь определял V веком¹⁶⁴.

Мысль о становлении тушемлинской культуры в условиях взаимодействия местных культур раннего железа с древностями позднезарубинецкого и киевского круга, привнесенными переселенцами, двигавшимися вверх по течению Днепра, и ныне нередко бытует в археологической литературе¹⁶⁵. В последние годы некоторые археологи стали выделять промежуточную стадию в трансформации местных древностей в тушемлинские — памятники типа Заозерье, характеризующиеся присутствием керамики с расчесами. Так, Н. В. Лопатин и А. Г. Фурасев полагают,

что эволюция шла от позднезарубинецких (киевских) древностей к памятникам типа Заозерье и далее к тушемлинской культуре. Керамику с расчесами, по их мнению, следует относить к III—V вв., поскольку на появляющихся в V—VI вв. тушемлинских городищах-убежищах фрагменты такой посуды составляют уже большую редкость. Со временем функционирования поселений типа Заозерье связано, отмечают эти исследователи, появление в Смоленском Поднепровье и Полоцком Подвинье ранее не известных здесь предметов — железных ножей с прямыми спинками и уступом при переходе от черенка к лезвию, серпов с загнутой пяткой, железных стамескообразных изделий, биконических глиняных пряслиц с широким отверстием и лощеной или тщательно заглаженной поверхностью. Эти предметы стали основой вещевого набора тушемлинской культуры, а во второй четверти I тыс. н. э. они были типичны для ряда культур, в том числе для киевской¹⁶⁶.

В настоящее время представляется несомненным, что формирование тушемлинской культуры не было простой эволюцией местных древностей раннего железного века. Кроме существенных изменений материальной культуры становление тушемлинской культуры сопровождалось коренной перестройкой поселенческой структуры. Жизнь на городищах раннего железного века полностью затухает, все население теперь концентрируется на открытых поселениях, возникают убежища с мощными фортификационными сооружениями. Поэтому без привлечения фактора внешнего импульса объяснить формирование тушемлинской культуры просто невозможно.

Субстратом ее были две довольно различные культуры — днепровская, оставленная одним из крупных племенных образований днепровских балтов, и культура штрихованной керамики, носители которой составляли ядро срединных балтов — основных предков раннесредневековых летто-литовских племен. При этом стоит подчеркнуть, что тушемлинская культура сформировалась только на части ареалов этих культур. В этой связи нужно полагать, что определяющую роль в ее становлении играли какие-то пришлые группы населения, осевшие на части территории названных культур раннего железного века.

Ныне невозможно согласиться с утверждением о южном происхождении переселенцев. Племена киевской культуры и носители позднезарубинецких древностей никак не могли оказать существенного воздействия на трансформацию культур раннего железного века в тушемлинскую на обширной территории Подвинья и Смоленского Поднепровья. Если такая инфильтрация и имела место, то она была незначительной. Переселенцы из киевско-позднезарубинецкого ареала никак не могли принести в ареал становления тушемлинской культуры наборы многочисленных провинциально-римских вещей среднеевропейских типов, поскольку не были знакомы с таковыми. Находки керамики с расчесами в Смоленском Поднепровье и Полоцком Подвинье не могут рассматриваться как

показатель расселения племен киевской культуры (рис. 25). Такая посуда не была ее характерным маркером. Она встречена на поселениях киевской культуры в весьма небольшом количестве и в основном в составе раннего керамического комплекса, преимущественно в западной части ареала этой культуры.

В Смоленском Поднепровье и Полоцком Подвинье фрагменты керамики с расчесами встречены единично на сравнительно небольшом числе памятников и далеко не на всей территории формирования тушемлинской культуры. К V в. эта керамика повсеместно выходит из употребления.

Общий ареал находок глиняной посуды с расчесами позволяет рассматривать ее как реликт штрихованной керамики. Расчесы на сосудах, как показал Н. В. Лопатин, в большинстве случаев наносились обломками костяных гребней римского времени¹⁶⁷. И весьма вероятно, что такая орнаментация получила хождение среди потомков племен культуры штрихованной керамики. «Штриховка» поверхности глиняных сосудов, наносимая в раннем железном веке гребнеобразными орудиями или просто пучком соломы, теперь, с распространением костяных гребней, стала наноситься ими. Интересно, что в Смоленском регионе расчесы фиксируются преимущественно на сосудах местных форм¹⁶⁸. По наблюдениям Е. А. Шмидта, керамика с расчесами встречена в тех регионах позднезарубинецкой и днепро-двинской культур, где выявляется инфильтрация носителей культуры штрихованной керамики¹⁶⁹.

Стоит подчеркнуть, что тушемлинская культура сформировалась только в тех регионах распространения культуры штрихованной керамики и днепро-двинской, где находками провинциально-римских типов фиксируется расселение среднеевропейского населения. Последнее, нужно полагать, и было основателем новой культуры, становление которой протекало при взаимодействии с местными племенами. На это указывают некоторые элементы преемственности тушемлинской керамики с днепро-двинской глиняной посудой.

Параллели в керамических материалах культур псковских длинных курганов и тушемлинской, о чем говорилось выше, обусловлены родственностью их носителей. Последние вышли из единого провинциально-римского ареала Средней Европы. К этому можно добавить, что тушемлинская керамика имеет еще некоторые черты сходства с синхронной глиняной посудой суковско-дзедзицкого типа Мекленбурга, поморских и срединных земель Польши¹⁷⁰. Поэтому допустимо предположение, что славяне, представленные суковско-дзедзицкими древностями, и славяне, заселившие лесные области Восточной Европы и заложившие основы культур псковских длинных курганов и тушемлинской, составляли какую-то общность в римское время.

Полагая, что тушемлинская культура сложилась в основном на базе местных древностей предшествующего времени, исследователи рассмат-

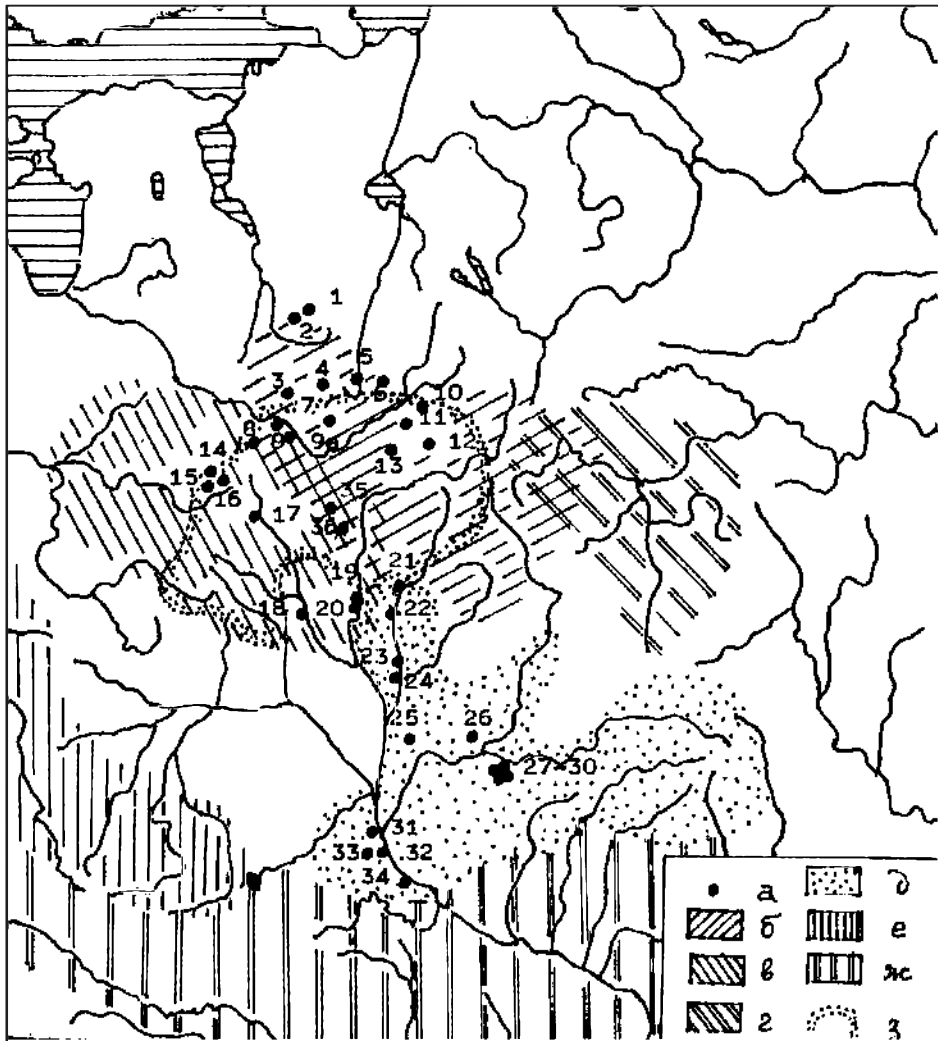
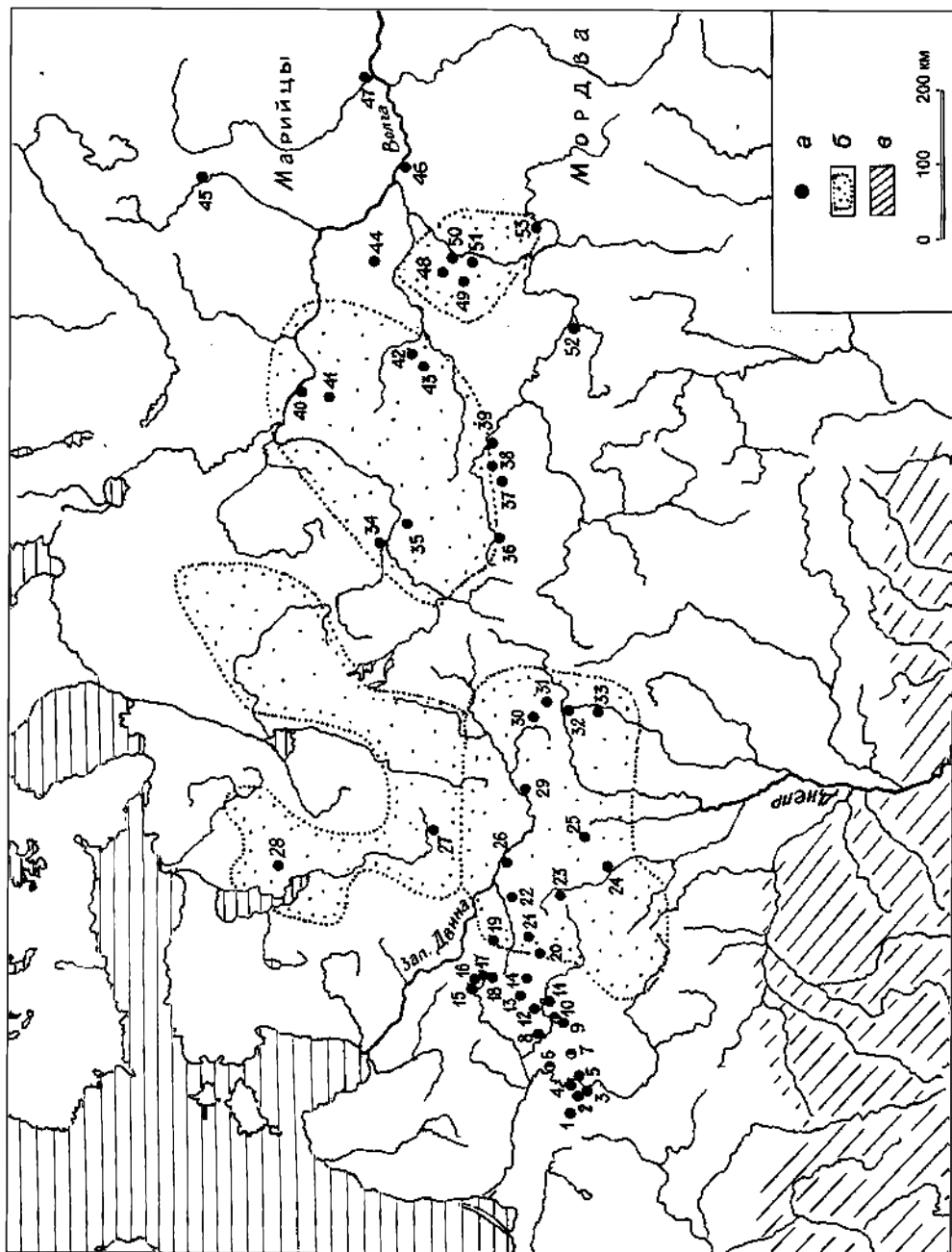


Рис. 25. Распространение керамики с расчесами

а — памятники с находками керамики с расчесами; б — ареал днепровской культуры; в — штрихованной керамики; г — мощинской; д — киевской; е — вельбарской; ж — черняховской; з — тушемлинской.

- 1 — Свиухи; 2 — Ястребово; 3 — Повалишино; 4 — Ермошино; 5 — Фролы;
 6 — Каменная Лава; 7 — Городок; 8 — Рудня; 9 — Бельчица; 9а — Загацце;
 10 — Подосинки; 11 — Шугайлово; 12 — Холм; 13 — Заозерье; 14 — Некасецк;
 15 — Городище; 16 — Ревячка; 17 — Дедиловичи; 18 — Щатково; 19 — Тайманово;
 20 — Адаменка; 21 — Барсуки; 22 — Новый Млын; 23 — Шерстин;
 24 — Гомель; 25 — Сибереж; 26 — Мена; 27 — Хибаловка; 28 — Вересочь-1;
 29 — Вересочь-3; 30 — Вересочь-Лозы-1; 31 — Козаровичи; 32 — Кись;
 33 — Белогорка; 34 — Юшки; 35 — Задровье; 36 — Лемница



ривали ее носителей как часть восточнобалтской языковой и культурной общности. В свете изложенного выше вопрос об этнической принадлежности населения тушемлинской культуры должен быть пересмотрен. Если сложение этой культуры было результатом взаимодействия расселившегося в Неманско-Двинско-Днепровском крае средневропейского населения с местными балтами, то в составе носителей тушемлинских древностей на первых порах должны присутствовать по крайней мере два этноса. Одним из них несомненно были балты. Этническим индикатором второго компонента являются браслетообразные височные кольца, получившие распространение в лесной зоне Восточной Европы в самом начале эпохи средневековья (рис. 26).

Они представляют собой проволочные височные украшения большого или среднего диаметров, в том числе и весьма крупные, с сомкнутыми или заходящими концами. Найдены они на многих памятниках тушемлинской культуры, и можно говорить о характерности этих колец для ее носителей или значительной части их. Серия таких колец обнаружена при раскопках городища Демидовка на Смоленщине. Среди них имеются бронзовые, серебряные и железные, диаметры их различны — от 4 до 8 см. Концы колец сходящиеся, тупые или имеют легкое коническое утолщение¹⁷¹. Подобные височные украшения встречены на селищах тушемлинской культуры Микольцы близ оз. Мястра¹⁷², Бельчица под Полоцком¹⁷³, Прудники на р. Вятке в Миерском р-не¹⁷⁴, Дедиловичи в Борисовском р-не и близ д. Городище в Мядельском р-не¹⁷⁵, на городищах Аздзятичи в Борисовском р-не¹⁷⁶, Бароники в Витебском р-не¹⁷⁷, Близ-

Рис. 26

Распространение браслетообразных незамкнутых височных колец около середины и в третьей четверти I тысячелетия н. э.

а — памятники с находками браслетообразных височных колец с сомкнутыми концами (полузалитым кружком обозначены находки подобных колец с завитком на конце); б — ареалы культурных новообразований периода великого переселения народов и начала средневековья (культуры псковских длинных курганов, тушемлинской, мерянской и муромской)

1 — Радастай-Алекнонис; 2 — Луксенай; 3 — Сейлюнай; 4 — Бакшяй; 5 — Слабаделе (Аловеле); 6 — Мигонис; 7 — Аукштадварис; 8 — Кернавес; 9 — Квирбяй; 10 — Кайренай; 11 — Варапнишкес; 12 — Пакрауглу; 13 — Граужиняй; 14 — Межонис; 15 — Дусетос; 16 — Эйкотишкис; 17 — Жадавайняй; 18 — Рокенай; 19 — Прудники; 20 — Микольцы; 21 — Городище; 22 — Свила; 23 — Васильковка; 24 — Аздзятичи; 25 — Дедиловичи; 26 — Бельчица; 27 — Казиха; 28 — Городня; 29 — Бароники; 30 — Акатово; 31 — Близнаки; 32 — Демидовка; 33 — Тушемля; 34 — Отмичи; 35 — Топорок; 36 — Троицкое; 37 — Луковня; 38 — Щербинка; 39 — Боршева; 40 — Попадьянское; 41 — Сарское; 42 — Малодавыдовское; 43 — Выжегша; 44 — Кочкино; 45 — Попово; 46 — Безводное; 47 — Младший Ахмыловский; 48 — Максимова; 49 — Мальшево; 50 — Тумовское; 51 — Подболотня; 52 — Борки; 53 — Старокадомский

наки и Тушемля на Смоленщине¹⁷⁸. Фрагменты браслетообразных колец найдены при раскопках городища Васильковка в Логойском р-не¹⁷⁹. Такие же фрагменты с несколько утолщенными концами встречены в погребениях грунтового могильника у д. Акатово на Смоленщине¹⁸⁰. На городище Свила в Полоцком Подвинье два браслетообразных височных кольца обнаружены среди кальцинированных костей одного из обнаруженных здесь захоронений¹⁸¹.

Как известно, височные кольца были излюбленным женским украшением значительной части раннесредневековых славян. Они подвешивались к головной повязке или ленте или попросту вплетались в волосы и свешивались у висков обычно с обеих сторон головы. Височные кольца славян подразделяются на несколько типов, но в целом они являются надежным индикатором для выделения славянских древностей из массы материалов соседних этносов. Это обстоятельство было подмечено исследователями еще в середине прошлого столетия¹⁸² и впоследствии подтверждено многими фактами. В частности, Л. Нидерле рассматривал височные кольца как один из важнейших культурных признаков славян раннего средневековья¹⁸³, а А. А. Спицын продемонстрировал, что они являются существеннейшим маркером в изучении расселения различных восточнославянских племенных образований, названных в летописях¹⁸⁴. Эти наблюдения стали основой многих построений в археологии и истории восточного славянства.

Средневековые древности финно-угорских и летто-литовских племен, заселявших лесную зону Восточной Европы, ныне достаточно хорошо изучены¹⁸⁵. Ни одному из племенных образований балтов и финно-угров, не затронутых славянским влиянием, ношение височных колец не было свойственно. Женское головное убранство прибалтийских и волжско-камских финнов, как и летто-литовских племен, было весьма своеобразным и не могло еще включать височные кольца. Единичные височные украшения славянских типов, изредка встречаемые в древностях Прибалтики, Волго-Камья и Приуралья, отражают культурные или этнические контакты местного населения со славянским миром.

Появившиеся в тушемлинской культуре браслетообразные височные украшения без каких-либо перерывов продолжали бытовать в лесной зоне Восточно-Европейской равнины до X—XIII вв. включительно, когда их славянская принадлежность достоверна и не вызывает никаких сомнений¹⁸⁶.

В этой связи часть населения тушемлинской культуры следует отнести к славянскому этносу, во всяком случае тех жителей ее ареала, которые носили браслетообразные височные кольца. Можно полагать, что этот этнический компонент в составе носителей тушемлинской культуры был довольно многочисленным. Правда, памятников с находками браслетообразных височных украшений на рассматриваемой территории несравненно меньше, чем позднее, в X—XII вв. Однако в поздний

период эти украшения происходят в основном из курганов, число же поселений X—XII вв. с находками браслетообразных височных колец меньше, чем количество тушемлинских памятников с подобными вещами.

Вместе с тем, это не исключает наличия в составе тушемлинского населения значительного процента балтского этнического компонента. Местные балты, как можно судить по археологическим данным, в основной массе не покинули мест своего обитания в процессе миграции средневропейского населения. В отличие от Ильменско-Псковского региона, земли балтов в Смоленском Поднепровье и Полоцком Подвинье до этого были сравнительно плотно заселены. Вычленить балтский этнический элемент в тушемлинских древностях не представляется возможным. По-видимому, в рассматриваемом ареале сложился единый культурный славяно-балтский симбиоз с общим домостроительством, керамическим материалом и погребальной обрядностью. Весьма предположительно можно говорить о том, что тушемлинская культура была начальным этапом славянизации местного населения, но конкретными данными это подтвердить пока не удается.

Браслетообразные височные кольца не были характерны для славян — создателей культуры псковских длинных курганов¹⁸⁷. Это — серьезное основание для отнесения славян тушемлинского ареала и славян культуры длинных курганов к разным племенным образованиям.

В восточном направлении ареал браслетообразных височных украшений в середине и третьей четверти I тыс. н. э. простирался далеко за пределы ареала тушемлинской культуры. Аналогичные украшения обнаруживаются также в памятниках междуречья Волги и Оки. Рассмотрение этих древностей сделано ниже, в отдельном разделе.

Выходит ареал браслетообразных височных колец за границы тушемлинской территории и на западе. В конце IV — начале V в. н. э. в юго-восточной части современной Литвы археология фиксирует появление нового населения, расселившегося среди племен культуры штрихованной керамики. Переселенцами привнесен был не известный здесь прежде курганный обряд погребения. К V—VI вв. относятся округлые в плане курганы высотой от 0,5 до 1,2 м, сложенные целиком из камней или имеющие в основаниях венцы из валунов. Умерших хоронили по обряду ингумации в подкурганных ямах. Погребальный инвентарь представлен украшениями, металлическими деталями одежды, изредка встречаются орудия труда и фрагменты керамики¹⁸⁸.

В этих курганах неоднократно встречены височные кольца, сделанные из проволоки круглого, иногда ромбического сечения. Диаметры их колеблются от 3—4 до 8—10 см. Концы колец обычно заходят друг на друга и нередко, как и тушемлинские, утолщены. Женщины носили их на висках по одному или несколько с обеих сторон головы¹⁸⁹. Р. К. Куликаускаене полагает, что некоторые кольца прикреплялись к головным уборам¹⁹⁰.

Обряд сооружения каменных или каменно-земляных курганов был привнесен в Юго-Восточную Литву из ятвяжского региона Сувалкии, где такие насыпи хорошо известны в римское время¹⁹¹. Появление на территории Литвы западнобалтского населения совпадает с концом существования культуры штрихованной керамики и распространением качественно новой — шероховатой (или ошершавленной) глиняной посуды и предметов провинциально-римских среднеевропейских типов. Меняется и структура поселений.

Данные палеоантропологии свидетельствуют, что население, оставшее в Литве каменно-земляные курганы конца IV—V вв., было неоднородным в племенном отношении — мужчины и женщины принадлежали к различным антропологическим типам. Мужской части населения свойственна узколицесть и грацильность, их антропологический тип сопоставим с краниологическим строением раннесредневековых ятвягов Сувалкии. Женщины принадлежали к умеренно массивному широколицему типу¹⁹².

Очевидно, основу мужского населения составляли пришлые ятвяги, которые и принесли в Юго-Восточную Литву курганный обряд. Эти мужчины вступали в брачные связи с женщинами иного происхождения. Последние, судя по браслетообразным височным кольцам, были родственны славянской части носителей тушемлинской культуры. К сожалению, из-за широкого распространения обряда трупосожжения как в Литве (и в раннем железном веке, и в VI—XII вв.), так и в тушемлинской культуре на основе антропологических материалов решить вопрос о происхождении женского населения, погребенного в каменных курганах Юго-Восточной Литвы, пока не представляется возможным.

В VI в. эти области Литвы были затронуты новой волной миграции, которая привела к становлению культуры восточнолитовских курганов. Последняя уже достаточно определенно связывается с летописной Литвой¹⁹³. Население, оставившее в этом регионе каменные и каменно-земляные курганы конца IV—V в., очевидно растворилось в новой этнической среде. Обычай ношения браслетообразных височных колец здесь в VI в. исчезает.

ФОРМИРОВАНИЕ СМОЛЕНСКО-ПОЛОЦКИХ КРИВИЧЕЙ

На рубеже VII и VIII вв. в Полоцко-Витебском Подвинье и Смоленском Поднепровье получают распространение длинные и удлиненные курганы (рис. 27), именуемые в литературе смоленско-полоцкими. Они заметно отличаются от псковских длинных курганов, поэтому выделяются в особую группу, а учитывая своеобразие вещевого инвентаря — в отдельную археологическую культуру¹⁹⁴.

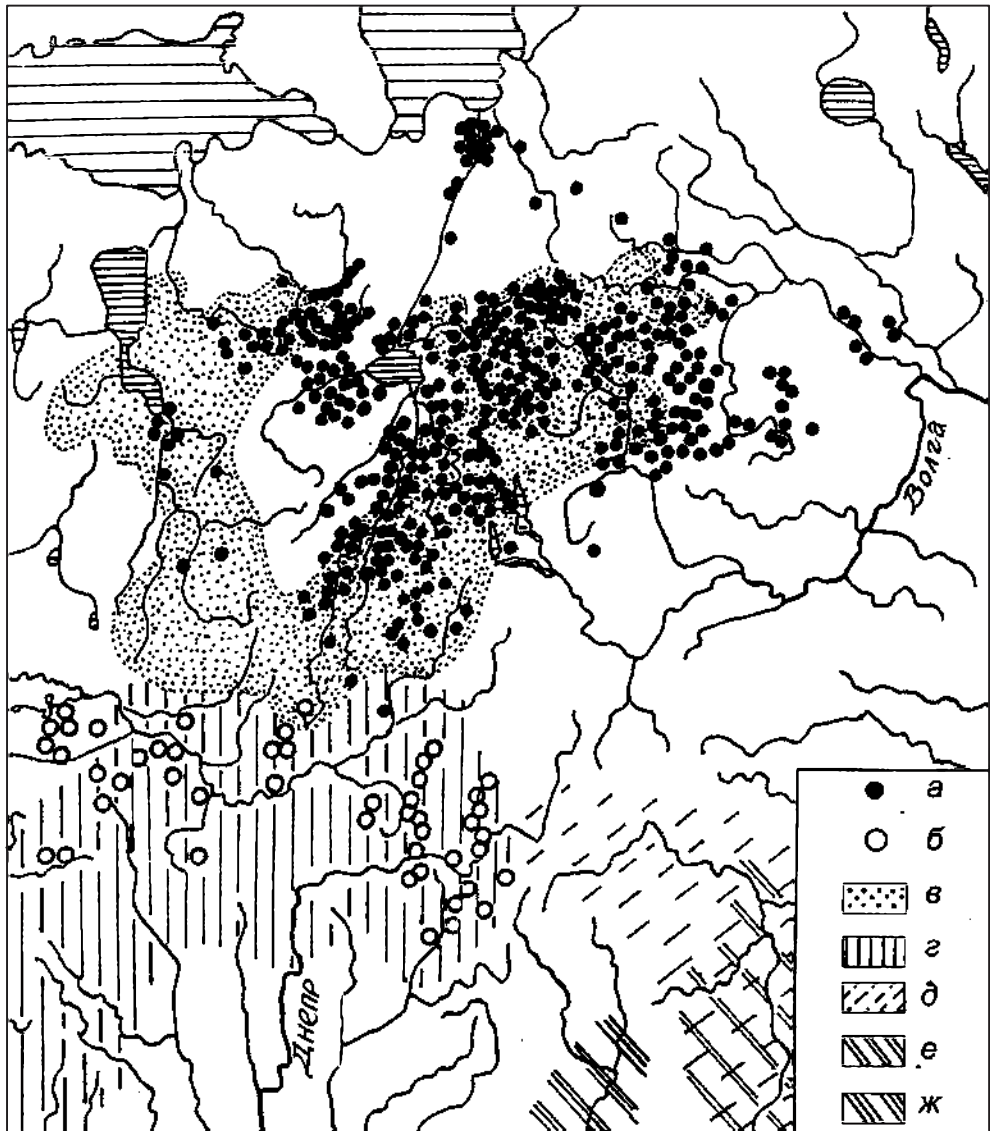


Рис. 27

Распространение длинных курганов смоленско-полоцкого типа
и новгородских сопок

а — могильники с сопками; б — могильники со смоленско-полоцкими длинными курганами; в — ареал культуры псковских длинных курганов; г — тушемлинской культуры; д — мощинской культуры; е — вятичей (VIII в.); ж — роменской культуры

Смоленско-полоцкие курганы не имеют в основаниях зольно-угольных прослоек, образуемых от предварительного очищения огнем площадки, выбранных для погребальной насыпи. Это вполне объяснимо, поскольку такая обрядность была наследием прибалтийско-финского населения, а в Смоленско-Полоцком регионе дославянским населением были балты. Отличаются смоленско-полоцкие курганы и по размерам: их длина не превышает 30 м, а большинство насыпей вытянуты всего на 12—20 м. Но наиболее существенным различием является своеобразие вещевого инвентаря, в состав которого входят металлические остатки женских головных уборов типа летто-литовских вайнаг, полусферические бляхи, проволочные бизовидные украшения, трапециевидные и грибовидные привески, костяные привески-уточки.

Эти украшения имеют аналогии в древностях Литвы и Латвии. В этой связи Е. А. Шмидт полагает, что группа населения, оставившая их в смоленско-полоцких длинных курганах VIII—IX вв., была пришлой из летто-литовских земель¹⁹⁵. Однако некоторые из этих украшений встречаются и в погребениях тушемлинской культуры. Поэтому присутствие летто-литовских предметов в смоленско-полоцких длинных курганах, скорее всего, следует объяснять участием местных балтов в генезисе населения, оставившего эти памятники. Вероятно, процесс включения в генезис восточного славянства в VIII—IX вв. затронул более широко местное балтское население, что и отразилось в увеличении числа находок летто-литовского облика. Впрочем, такие вещи встречаются в сравнительно небольшом числе захоронений, большинство же погребений смоленско-полоцких длинных курганов принадлежит к безынвентарным, что свойственно славянскому языческому ритуалу.

Украшения балтских типов встречаются в Смоленско-Полоцком регионе и в круглых курганах с трупосожжениями IX—X вв., которые сменили длинные. Есть они и в курганах с труположениями XI—XII вв. Процент курганных погребений с такими украшениями постепенно уменьшается, отражая завершение процесса славянизации местного балтского населения.

Существенных различий в погребальной обрядности смоленско-полоцких и псковских длинных курганов не выявляется. Некоторые различия имеются, но они не принципиального характера и объяснимы, учитывая формирование культур псковских и смоленско-полоцких длинных курганов на базе разных субстратов.

Псковские и смоленско-полоцкие длинные курганы образуют единый ареал. Становление культуры смоленско-полоцких длинных курганов в настоящее время можно объяснить какими-то перемещениями населения с территории псковских длинных курганов. В пользу этого свидетельствует распространение в Смоленско-Полоцком регионе курганной обрядности с севера на юг. В ареал длинных курганов оказалась включенной не вся территория тушемлинской культуры, а лишь ее зем-

ли, вплотную примыкающие к области распространения псковских длинных курганов.

Инфильтрация носителей культуры псковских длинных курганов в полоцко-смоленские земли, возможно, была обусловлена активизацией словен ильменских. Именно в это время племена, представленные культурой сопок, распространяются на значительной части Ильменского бассейна.

Общий ареал длинных курганов, подразделяемый на две культурные группы, соответствует трем историческим землям Древней Руси — Псковской, Полоцкой и Смоленской, — принадлежащих кривичам.

Псковскую землю со Смоленской и Полоцкой объединяют и языковые материалы. Ныне псковские говоры принадлежат к переходным, сложившимся в условиях взаимодействия наречия, ставшего северно-белорусским (в эпоху Древней Руси это смоленско-полоцкие говоры), с северновеликорусским¹⁹⁶. При этом языковые особенности, связывающие псковские говоры с говорами других кривичских земель, получили самое последовательное распространение. Следует полагать, что в конце I и начале II тысячелетия отчетливого рубежа между псковскими и смоленско-полоцкими говорами еще не было. Формирование южного рубежа псковских говоров, то есть пучка изоглосс, отделяющих их от северно-белорусского диалекта, специалистами датируется временем Великого Литовского государства¹⁹⁷. Недавно кривичские говоры, включающие «псковский диалект» и «смоленский диалект», обстоятельно исследованы С. Л. Николаевым¹⁹⁸.

Думается, есть все основания рассматривать ареал длинных курганов как территорию кривичей, которые уже на ранней стадии разделились на две этнографические группы — псковскую и смоленско-полоцкую. Позднее наметилось и диалектное различие этих кривичских групп.

В Смоленско-Полоцком регионе, как уже отмечалось, в середине I тысячелетия получили распространение браслетообразные височные кольца. В VIII—IX вв. на их основе в культуре смоленско-полоцких длинных курганов формируются оригинальные височные украшения — проволочные, диаметром от 5 до 10 см, с пластинчатыми расширениями на заходящих друг на друга незамкнутых концах. Один конец их, а иногда и оба завершались крючкообразно. Плоские части этих колец орнаментировались нарезными зигзагообразными линиями. В немногих случаях на пластинчатых частях колец делались небольшие отверстия, через которые продевались тонкие проволочные колечки с трапециевидными пластинчатыми привесками (рис. 28).

Такие височные украшения многократно встречены в захоронениях длинных курганов смоленско-полоцкой группы, и можно говорить о характерности их для рассматриваемой культуры. Помимо того, они разбросанно найдены в единичных памятниках более северных территорий

(городища Камно под Псковом, Псковское, Городище близ Великих Лук, Ржева Пустая и Старая Ладога).

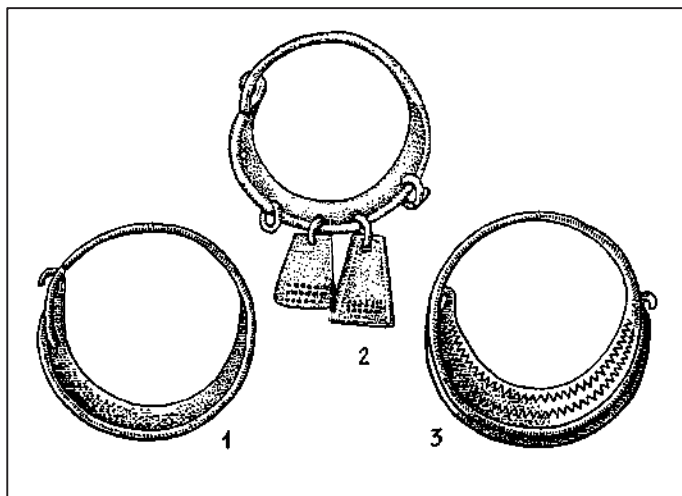


Рис. 28

Височные украшения культуры смоленско-полоцких длинных курганов

1 — Заозерье; 2 — Цурковка; 3 — Дроково

Прямых аналогий этим височным кольцам в синхронных или более ранних материалах Восточноевропейского региона не обнаруживается. Высказывалась догадка о том, что они восходят к летто-литовским дровово-пластинчатым шейным гривнам с заходящими концами. Однако последние никак не могли быть прототипами рассматриваемых височных колец, поскольку они получили широкое распространение только в X—XI вв., а наиболее древние из них датируются временем не ранее конца VIII в., когда височные кольца в культуре смоленско-полоцких курганов уже бытовали. К тому же эти украшения обнаруживают существенные отличия от летто-литовских шейных гривен, которые не имеют проволочной основы, характерной для височных колец. Нет на них и крючкообразных завершений, отсутствует и штихельная зигзагообразная орнаментация.

Основу смоленско-полоцких височных украшений, безусловно, образуют проволочные (браслетообразные) височные кольца, распространенные в Смоленско-Полоцком регионе в тушемлинское время. Об этом достаточно определенно говорят утолщения, круглые в разрезе, присут-

ствующие на височных кольцах VIII—IX вв. Другим слагаемым элементом в оформлении этих колец были лунничные украшения, с которыми рассматриваемые височные кольца роднят и зигзагообразные штихельные узоры, и крючкообразные завершения на концах. Серповидные пластинчатые расширения, появившиеся на смоленско-полоцких проволочных кольцах, не что иное, как подражания лунничным украшениям, широко бытовавшим в Дунайских землях¹⁹⁹.

Появление лунничных височных колец в лесной зоне Восточной Европы, о чем подробнее будет сказано ниже, отражает широкую инфильтрацию славянского населения из Дунайского региона, которая датируется VIII—IX вв. Одним из колец, явно привнесенных из Среднедунайских земель, является находка в могильнике с длинными курганами в Арефино на Смоленщине²⁰⁰. Фрагмент лунничного височного кольца найден еще при раскопках жилища 38 в отложениях тушемлинской культуры на селище близ д. Городище в Мядельском р-не Белоруссии²⁰¹. Нужно полагать, что появление в Смоленско-Полоцком регионе, где бытовали браслетообразные височные кольца, лунничных среднедунайских височных украшений и породило гибридные — проволочно-пластинчатые. Они и стали характерными для культуры смоленско-полоцких длинных курганов. При этом полного вытеснения браслетообразных височных колец не произошло. Они продолжали бытовать, о чем можно судить по фрагментарным находкам в захоронениях смоленско-полоцких курганов Слободы-Глушицы, Пнева, Слободы, Ярцева и других²⁰², параллельно с проволочно-пластинчатыми и в конце концов вытеснили их.

В X—XIII вв. на территории смоленско-полоцких кривичей получают повсеместное распространение браслетообразные височные кольца с завязанными концами, ставшие этнографическим маркером этого восточнославянского племенного образования.

ПЕРВЫЕ СЛАВЯНЕ В РОСТОВО-СУЗДАЛЬСКОЙ ЗЕМЛЕ

Вещевые находки провинциально-римских среднеевропейских типов, фиксируемые в междуречье Волги и Оки, свидетельствуют о том, что миграционные волны середины I тыс. н. э. затронули и эти земли. До этого западные области междуречья принадлежали балтским племенам, в некоторой степени родственным племенам днепро-двинской культуры (поздндьяковские древности Москворечья и Верхневолжья), восточную часть его заселяли поволжские финны²⁰³. Расселение среднеевропейского населения полностью нарушило культурную жизнь и быт местных племен.

Дьяковская культура, сформировавшаяся в VIII—VII вв. до н. э., продолжала свое развитие до середины I тыс. н. э. Еще в 40-х годах XX в. в археологической литературе сложилось представление, что жизнь

на дьяковских памятниках в V—VI вв. прекращается. П. Н. Третьяков и О. Н. Бадер высказали мысль, что в это время в связи с изменением социально-экономического уклада население покинуло прежние укрепленные поселения и стало осваивать селища²⁰⁴.

Заново проанализировавший вещевые комплексы дьяковских городищ К. А. Смирнов также пришел к заключению о завершении развития дьяковской культуры в V—VI вв. Встречаемые на городищах более поздние вещи исследователь объяснял посещением селений уже после запустения²⁰⁵. Так же определяли конечную дату дьяковской культуры А. Ф. Дубынин, Х. И. Крис и некоторые другие исследователи. Попытка И. Г. Розенфельдт на основе отдельных вещевых находок пролонгировать существование этой культуры до IX в.²⁰⁶ не встретила поддержки среди исследователей дьяковских древностей. Некоторые предметы, обнаруживаемые на памятниках дьяковской культуры, могли бытовать и тогда, когда эта культура уже не функционировала.

Для понимания исторической ситуации, сложившейся в Волго-Окском междуречье в середине I тыс. н. э., многое могут дать региональные изыскания. К таковым, выполненным в последние годы, принадлежат диссертационные работы Н. А. Кренке и В. И. Вишневого. В первом труде сделан анализ культуры населения бассейна Москвы-реки, во втором исследована культура Верхнего Поволжья²⁰⁷.

Н. А. Кренке выделил в развитии культуры раннего железного века Москворечья пять периодов. Для настоящего исследования представляют интерес два последних этапа (четвертый и пятый), составляющих позднедьяковскую культуру. Четвертый период, датируемый II—V вв., был временем расцвета этой культуры, когда складывалась культурная обособленность населения верхнего и среднего течений Москвы-реки и бассейна р. Протвы. Население проживало в это время и на городищах, и на селищах. В пятом периоде (VI—VII вв.) фиксируется общий упадок развития поселений, завершившийся полным исчезновением дьяковской культуры. Дьяковских памятников позднее VII в. на исследуемой Н. А. Кренке территории уже нет вовсе.

В Верхневолжье расцвет дьяковской культуры датируется В. И. Вишневым V в. до н. э. — III в. н. э. Позднее наблюдается существенная трансформация культурного развития — очень быстро исчезает сетчатая керамика, ее вытесняет гладкостенная посуда без орнамента или с орнаментом по краю венчика. Появляется лощеная керамика. Исследователь выделяет своеобразный позднедьяковский вещевой комплекс, датирующийся V—VI вв. и включающий серпы с петлей, ножи с уступом на горбинке, пластинчатые кресала с завернутым или кольцевидным верхом, костяные гребни и др. В поздний период (IV—VII вв.) на поселениях (Березняки, Попадьянское, Устье) появляются и первые наземные срубные постройки. На некоторых поселениях найдены предметы VIII—IX вв., но определить их связи с поздними слоями дьяковской

культуры или с напластованиями древнерусского периода не представляется возможным.

В. И. Вишнеvский не выявляет причин культурных изменений, происшедших на верхней Волге в период великого переселения народов. Теперь трансформацию и последующее затухание местной культуры следует связывать с вторжением в эти земли средневропейского населения. Правда, поселения последующего периода здесь очень слабо изучены, погребальные памятники ещё не выявлены. Поэтому многое в истории Верхневолжья пока остается туманным, в частности, выяснить детально, как протекали здесь этногенетические процессы в VII—VIII вв., пока не удастся.

Несколько отчетливее картина вырисовывается в более восточных землях — в междуречье Волги и Клязьмы. Работами А. Е. Леонтьева установлено, что прямая преемственность между местными дьяковскими древностями раннего железного века и культурой второй половины I тыс. н. э. в этом регионе отсутствует. В третьей четверти этого тысячелетия здесь в условиях расселения пришлого населения формируется совершенно новая культура. Миграционный процесс привел к коренной перестройке системы расселения. Прежние небольшие поселения, приуроченные к пойменным лугам, в основной массе забрасываются. Получают распространение поселения более крупных размеров, которые тяготеют уже к участкам с наиболее плодородными почвами. Ведущую роль в экономике населения теперь стало играть земледелие. Археологические материалы позволяют говорить о развитии пашенного земледелия при возможной специализации отдельных поселений на животноводстве, охоте и рыболовстве. Существенно увеличилась численность населения²⁰⁸.

А. Е. Леонтьев полагает, что пришлое население было финноязычным. Культуру населения междуречья Волги и Клязьмы исследователь относит к летописной мере и именует ее мерянской. Вопрос о происхождении пришлого населения остался в работе А. Е. Леонтьева нерешенным. Лишь мимоходом он высказывает мысль о возможном переселении пришельцев из региона рязанско-окских могильников. Однако подтвердить эту догадку какими-либо материалами исследователь даже не пытается. Между тем сопоставительный анализ особенностей культуры рязанско-окских могильников и древностей второй половины I тыс. н. э. Волго-Клязьминского междуречья достаточно определенно демонстрирует невозможность генезиса последних из рязанско-окских. Совершенно различны и погребальная обрядность, и комплексы женских украшений, и керамические материалы. Можно указать, правда, на отдельные однотипные украшения, предметы труда и быта, встречаемые на Средней Оке и в междуречье Волги и Клязьмы. Однако все находки не являются характерными ни для культуры рязанско-окских могильников, ни для древностей второй половины I тыс. н. э. междуречья. Они получили

распространение в древностях нескольких культур Волжского региона, не являясь культурно определяющими.

Вещи провинциально-римского происхождения, появившиеся в междуречье Волги и Клязьмы, могли быть привнесены сюда только пришлым населением из Средней Европы. Вопрос о формировании новой (мерянской) культуры невозможно решать без учета миграционных потоков периода великого переселения народов. Становление этой культуры во второй половине I тыс. н. э. безусловно было результатом взаимодействия среднеевропейских переселенцев с финноязычными аборигенами. В какой-то степени она родственна культурам тушемлинской и псковских длинных курганов, сформировавшимся в это же время в западных регионах лесной полосы Восточно-Европейской равнины.

Большинство селищ второй половины I тыс. н. э. в Волго-Клязьминском междуречье расположено в одинаковых топографических условиях, занимая пологие склоны возвышенностей коренных берегов рек и озер. Площади поселений — от 1 до 6 га. Жилищами служили преимущественно наземные срубные постройки, которые отапливались печами-каменками. На некоторых поселениях выявлены и полуземляночные строения.

Известны и укрепленные поселения, среди которых выделяется Сарское городище на берегу оз. Неро, которое, по-видимому, было племенным центром. Оно устроено на всхолмлении среди заливных лугов. Его срединная часть площадью свыше 8000 кв. м, обнесенная валами, является древнейшим поселком, к которому постепенно прирастали неукрепленные участки. Общая застроенная площадь поселения к X в. достигла 2,7 га. Раскопками выявлены в основном остатки построек последнего периода его жизни.

Около Сарского городища исследован грунтовой могильник, в погребальном обряде которого сосуществовали кремация и ингумация. Наиболее ранние погребения датируются VI—VII вв. Подобные могильники известны и в других местах Волго-Клязьминского междуречья.

Керамические материалы рассматриваемой культуры неоднородны. Вся посуда лепная. По характеру обработки поверхности выделяется две группы керамики: 1) с шероховатой и бугристой поверхностью; 2) лощеная и с заглаженной поверхностью. Довольно много горшкообразных сосудов с максимальным расширением в верхней половине, несколько напоминающих синхронную славянскую керамику других регионов. Но нередки и приземистые «кубовастые» сосуды, которые исследователи связывают с местным финским этносом. Значительно реже встречаются банковидные сосуды. Орнаментация не характерна. На Сарском городище обнаружены и глиняные сковородки.

Собранный при раскопках поселений и могильников вещевой материал включает железные орудия труда, предметы вооружения и бытовые находки, различные украшения из цветных металлов, изделия из

кости и свидетельствует о поступательном развитии материальной культуры рассматриваемого региона вплоть до древнерусского времени²⁰⁹.

Разнохарактерность керамики и вещевых коллекций мерянской культуры второй половины I тыс. н. э. свидетельствует о некоторой неоднородности этнического состава ее населения. Присутствие местного финского этнического компонента в составе населения Сарского поселения представляется бесспорным. На это указывают и керамика, и украшения финно-угорского облика. Да и пласт древней финской гидронимии определенно подтверждает участие финноязычных аборигенов в генезисе раннесредневекового населения Волго-Клязьминского междуречья. Вместе с тем, культуру Сарского городища, как и подобных ему памятников рассматриваемого региона, целиком никак нельзя относить исключительно к финскому этносу.

Основными создателями культуры второй половины I тыс. н. э. Волго-Клязьминья были все же среднеевропейские переселенцы. Только под их воздействием здесь могла сложиться новая поселенческая структура и мог возобладать земледельческий облик экономики. Заслуживает внимания то, что тип расселения, сформировавшийся в третьей четверти I тыс. н. э., оставался неизменным позднее и сохранился в период Древнерусского государства. Каких-либо трансформаций в развитии культуры, быта и экономики в последующее время здесь не наблюдается.

Очевидно, что основы культуры и быта древнерусского населения Волго-Клязьминского междуречья были заложены во второй половине I тыс. н. э. и ведущая роль в их развитии принадлежала среднеевропейским переселенцам и их потомкам.

Судьба племен дьяковской культуры этого региона после оседания среднеевропейского населения была двоякой.

На первых порах часть его, по-видимому, не была затронута воздействием культуры пришлого населения и продолжала обитать в небольших неукрепленных селениях, сохраняя прежний хозяйственный уклад. Археологически такие поселения трудноуловимы, поэтому остаются пока неизученными. Они, по-видимому, имели тот же облик, что и позднее известные по историческим материалам «мерские станы». Со временем, нужно полагать, число таких станов постепенно уменьшалось, они сохранялись лишь в отдаленных залесенных микрорегионах, в местностях, не пригодных для пашенного земледелия.

В основных местах оседания среднеевропейского населения финноязычные аборигены сразу же вступали в контакты с пришельцами. Такая ситуация, в частности, наблюдается в округе озера Неро, в регионах концентрации пришлого населения, с которым довольно быстро смешалась финская меря. В результате сформировались единые поселения и могильники с общей культурой второй половины I тыс. н. э. Постепенно она распространилась по всему междуречью Волги и Клязьмы.

Аборигенная мера все более и более втягивалась в единый этногенетический процесс, который вел к формированию древнерусского населения Ростово-Суздальской земли.

Ассимиляционный процесс продолжался в течение второй половины I тыс. н. э. и завершился лишь в первых веках II тыс. н. э. О длительном сожителстве местного и пришлого населения в рассматриваемом регионе говорят и данные ойконимии²¹⁰, и материалы археологии — мерянские культурные элементы отчетливо проявляются еще в курганах XI—XIII вв.²¹¹

В условиях продолжительного славяно-мерянского симбиоза этноним местного поволжско-финского племени — *меря*, по всей вероятности, распространился, как это нередко было в древней истории, на все население междуречья Волги и Клязьмы, и в период становления Древнерусского государства все жители Ростовского края назывались мерей. В Повести временных лет сообщается, что первыми жителями были «в Ростове меря», «...на Ростовском озере меря, а на Клещине озере меря же»²¹².

Меря упоминается в летописях среди участников похода Олега 882 г. на Киев и похода 907 г. на Константинополь. Это было уже, нужно полагать, не поволжско-финское племя, а воины из среды населения Ростовской земли, сформировавшегося в условиях славяно-мерянского симбиоза.

Называется меря еще в известном летописном Сказании о призвании варягов в числе племен (словене, кривичи и меря), пригласивших на княжение трех братьев из Скандинавии²¹³.

Славянский этнический элемент в составе средневропейского населения, колонизовавшего междуречье Волги и Оки, фиксируется прежде всего находками браслетообразных височных колец с незавязанными (сомкнутыми или заходящими) концами. Они появляются в этих землях в V—VI вв. и идентичны тушемлинским. Такие украшения встречаются и в Москворечье (Боршева, Дьяково, Луковня, Троицкое, Щербинка), и на верхней Волге (Отмичи, Топорок). Жизнь на Троицком городище прекратилась в V или начале VI в.²¹⁴, что дает основание датировать встреченные в верхних напластованиях этого памятника браслетообразные височные кольца не позднее этого времени.

В Волго-Клязьминском междуречье аналогичные височные кольца обнаружены на Сарском городище и в ранних погребениях Сарского могильника, на городищах Выжегша и Мало-Давыдовское, на селищах Пеньково, Шурскол III и Новотроицкое²¹⁵. Судя по находке браслетообразных височных колец на Попадьянском селище, они бытовали в Ярославском Поволжье уже в VI в.²¹⁶

В ареале мери наряду с характеризуемыми браслетообразными кольцами получают распространение специфические браслетообразные височные украшения — втульчатые. Один конец их завершался втулкой,

другой был заострен. Такие кольца в сравнительно небольшом количестве встречены разбросанно по всему ареалу мери²¹⁷. Скорее всего, они принадлежат местному населению, включившемуся в процесс славянизации.

Массив славянского населения в Волго-Окском регионе, нужно полагать, был весьма многочисленным и довольно активным. Уже в VII в. славяне — носители браслетообразных височных колец с сомкнутыми концами появились в области расселения финского племени муромы. Так, в Малышевском могильнике муромы такие украшения известны в единичных захоронениях стадии «А». Носились они по одному или по два с каждой стороны головы²¹⁸. В Кочкинском могильнике, также принадлежащем муроме и датируемом второй половиной VII — первой половиной VIII в., браслетообразные кольца с сомкнутыми концами обнаружены в десяти погребениях: в двух по обряду трупосожжения, остальные при труположениях, преимущественно с нехарактерной для финно-угорского мира западной ориентировкой²¹⁹.

Такие же височные украшения встречены и в других могильниках муромы — Подболотьевском²²⁰, Максимовском²²¹ и Чулковском²²². Известны браслетообразные кольца того же типа и на поселениях этого племени²²³.

Находки браслетообразных височных украшений в памятниках муромы можно рассматривать как свидетельство инфильтрации славянского населения в среду этого племени. Вскоре традиция ношения височных колец переносится на часть местного населения. Вырабатывается своеобразный тип щитковоконечных браслетообразных колец: один конец их оформлялся в виде овально-округлого щитка с отверстием, другой завершался крючкообразно. Такие украшения распространяются среди муромских женщин²²⁴, и они сосуществуют в одних и тех же могильниках вместе с браслетообразными сомкнутыми кольцами.

Судя по материалам Малышевского могильника, браслетообразные щитковоконечные украшения появляются на завершающем этапе стадии «А» и получают широкое бытование лишь в IX—XI вв. Подобная картина выявляется и при анализе материалов других могильников. Муромские женщины носили по четыре-пять таких колец с каждой стороны головы²²⁵. По подсчетам А. Ф. Дубынина в Малышевском могильнике щитковоконечные кольца составляют 74% всех браслетообразных височных украшений, в Подболотьевском — около 80%. Поэтому подобные могильники VIII—XI вв. следует считать не собственно муромскими, а памятниками уже смешанного муромско-славянского населения.

Для VIII—IX вв. были характерны браслетообразные кольца с крупным щитком округлой или овальной формы. Они нередко дополнялись шумящими привесками или спиральными перстнями, нанизанными на их стержни. Это явный признак того, что носились они финским населением. Во второй половине IX — X в. щиток уменьшается и утрачивает

правильную форму, привески постепенно выходят из употребления. Последние щитковоконечные височные кольца датируются первой половиной XI в. К середине этого столетия процесс славянизации основной массы муромы, по-видимому, завершился.

В исторических событиях, отраженных русскими летописями, мурома не упоминается. Она названа лишь во вводной части Повести временных лет и под 862 г., где сообщается, что древним населением города Муромы была мурома²²⁶.

Славянское расселение раннего средневековья, как свидетельствуют материалы археологии, протекало порой скачкообразно. Более или менее крупные группы славян, оторвавшись от основного массива, иногда продвигались довольно далеко и какое-то время проживали изолированно. Такая картина наблюдается при изучении процесса славянского освоения Балканского полуострова и Пелопоннеса. В Среднем Поволжье памятниками подобного расселения являются Безводнинский могильник и поселение с могильником у с. Попово на р. Унже.

Расположенный в Нижегородской обл. на берегу р. Кудьмы, близ ее впадения в Волгу, Безводнинский могильник был раскопан Ю. А. Красновым²²⁷. Описывая находки браслетообразных височных колец с сомкнутыми концами, обнаруженные в погребениях могильника, исследователь считал их характерными для населения, оставившего памятник. Дополнительный анализ материалов приводит к иному выводу. Выясняется, что эти височные украшения бытовали только у части населения и преимущественно на ранних стадиях функционирования некрополя. Постепенно эти украшения выходят из употребления.

В захоронениях первой стадии (V — начало VI в.) погребения с браслетообразными височными кольцами составляют 46,2% от общего числа могил этого периода. При этом следует обратить внимание и на то, что все женские труположения этой стадии ориентированы головой на ССЗ, в то время как синхронные мужские погребения имели преимущественно северную ориентировку.

На второй стадии (VI—VII вв.) количество погребений с браслетообразными кольцами уменьшается до 35%. По-прежнему большинство женщин помещалось в могилы головой на ССЗ или СЗ, но теперь появляется и меридиональная ориентация. Мужчины, как и раньше, погребались головой на север.

Среди погребений третьей стадии браслетообразных колец уже не встречено. Правда, они есть в захоронениях четвертой стадии (конец VII — первая половина VIII в.), такие могилы составляют всего 9% от общего числа женских погребений этого этапа.

Эти наблюдения можно интерпретировать только следующим образом. Носители браслетообразных височных колец появились в этом регионе Поволжья около VI в., влились в местную среду и постепенно растворились в ней.

Комплекс памятников у д. Попово на Унже отнесен его исследователями к позднедьяковской культуре. Браслетообразные височные кольца встречены здесь в яме 19, датируемой VI—VII вв., при раскопках городища²²⁸ и в погребениях 7 и 10, расположенного поблизости могильника, относимого к тому же времени²²⁹.

Несколько браслетообразных височных колец рассматриваемого типа обнаружено в Младшем Ахмыловском могильнике V—VII вв., расположенном на юго-западной окраине территории мари²³⁰. Эти находки, по всей вероятности, отражают проникновение небольшой группы славян в окраинный регион марийского региона. Исследователь памятника Г. А. Архипов выявлял этническую неоднородность погребенных по иным материалам.

Носители браслетообразных височных колец, нужно полагать, подверглись ассимиляции местным населением. В марийских памятниках VIII—IX вв. таких украшений уже нет. Подобные височные украшения вновь встречаются в ареале мари в древностях X—XIII вв. Они найдены в единичных погребениях двух могильников X—XI вв. — Дубовского²³¹ и «Нижняя Стрелка» близ с. Починки²³² и двух кладбищ XII—XIII вв. — Выжумского и Руткинского²³³, а также на Чертовом городище. Эти находки свидетельствуют об инфильтрации древнерусского населения Северо-Восточной Руси в окраинный регион марийцев (низовья Ветлуги близ ее впадения в Волгу с прилегающим поречьем Волги).

Славянское влияние на культуру марийцев, по-видимому, было значительным. В результате среди части марийского населения распространился обычай ношения браслетообразных височных колец особого типа. Они напоминали местные шейные гривны. Концы височных колец отгибались под прямым углом и иногда завершались утолщением или многогранником. Такие височные украшения зафиксированы в пяти марийских могильниках — Веселовском, Дубовском, Лопъяльском, «Черемисском кладбище» и Юмском²³⁴. В XII в. они выходят из употребления.

Проникли носители браслетообразных сомкнутых височных колец и в Рязанское Поочье. Находки этих украшений зафиксированы в Шатрищенском, Борковском и Старокадомском могильниках — памятниках культуры рязанско-окских могильников. В Шатрищенском могильнике бронзовые и серебряные проволочные кольца (диаметрами 4,8—5,5 см) с сомкнутыми концами появляются в VII — начале VIII в.²³⁵ Они встречены в девяти захоронениях, относящихся к последней стадии функционирования кладбища. Из них шесть труположений имели не свойственную финно-угорскому миру широтную ориентацию. Носились браслетообразные кольца как обычно, по два или по одному у висков с каждой стороны головы.

В Борковском могильнике аналогичные височные украшения обнаружены только в одном погребении, ориентированном головой к юго-западу²³⁶. Согласно хронологическим изысканиям А. К. Амброза, это за-

хоронение относится к третьему этапу эволюции окских древностей, то есть к VII в.²³⁷ В Старокадомском могильнике два браслетообразных височных кольца с сомкнутыми концами встречены в захоронении 36. Кроме того, в могиле 51 у височных костей погребенной находились проволочные браслеты. Один из них, диаметром 5,2 см, имел несколько утолщенные концы и был сделан из круглого в сечении дрота, другой — из четырехгранного дрота. Очевидно, они использовались умершей как височные кольца. Могильник датируется VI—VII вв., а названные погребения относятся к VII в.²³⁸

В составе населения Рязанского Поочья по материалам рязанско-окских могильников выделяются две этнокультурные группы. Одну из них составляет местное поволжско-финское население, вторую — переселенцы из Верхнеокского региона²³⁹. Находки браслетообразных колец в погребениях трех рязанско-окских могильников принадлежат к поздней фазе, и их следует рассматривать как свидетельство дополнительной славянской инфильтрации в этот регион Оки.

Завершая обзор распространения браслетообразных сомкнутых височных колец третьей четверти I тыс. н. э., нельзя не сказать об их находках в Среднем Поднепровье. Восемь таких колец имеется в кладе VI в., найденном в 1947 г. в окрестностях г. Суджа в Курской обл. Они изготовлены из толстой проволоки, концы их имеют утолщения²⁴⁰. Из кладов VI в., обнаруженных в селах Мартыновка и Малый Ржавец в Каневском р-не Киевщины, происходят браслетообразные височные кольца диаметрами 12 см, один конец их закручен в спираль, обращенную вовнутрь²⁴¹. Браслетообразные кольца со спиральным окончанием есть еще среди случайных находок в Княжей Горе и Сахновке на р. Рось²⁴². Аналогии им обнаруживаются среди украшений того же времени Юго-Восточной Литвы²⁴³. Правда, спиральные завитки последних имеют меньшее число оборотов. Поскольку браслетообразные височные кольца в Среднем Поднепровье — явление весьма кратковременное и находки их малочисленны, можно думать, что они были привнесены сюда с севера из основного ареала этих украшений.

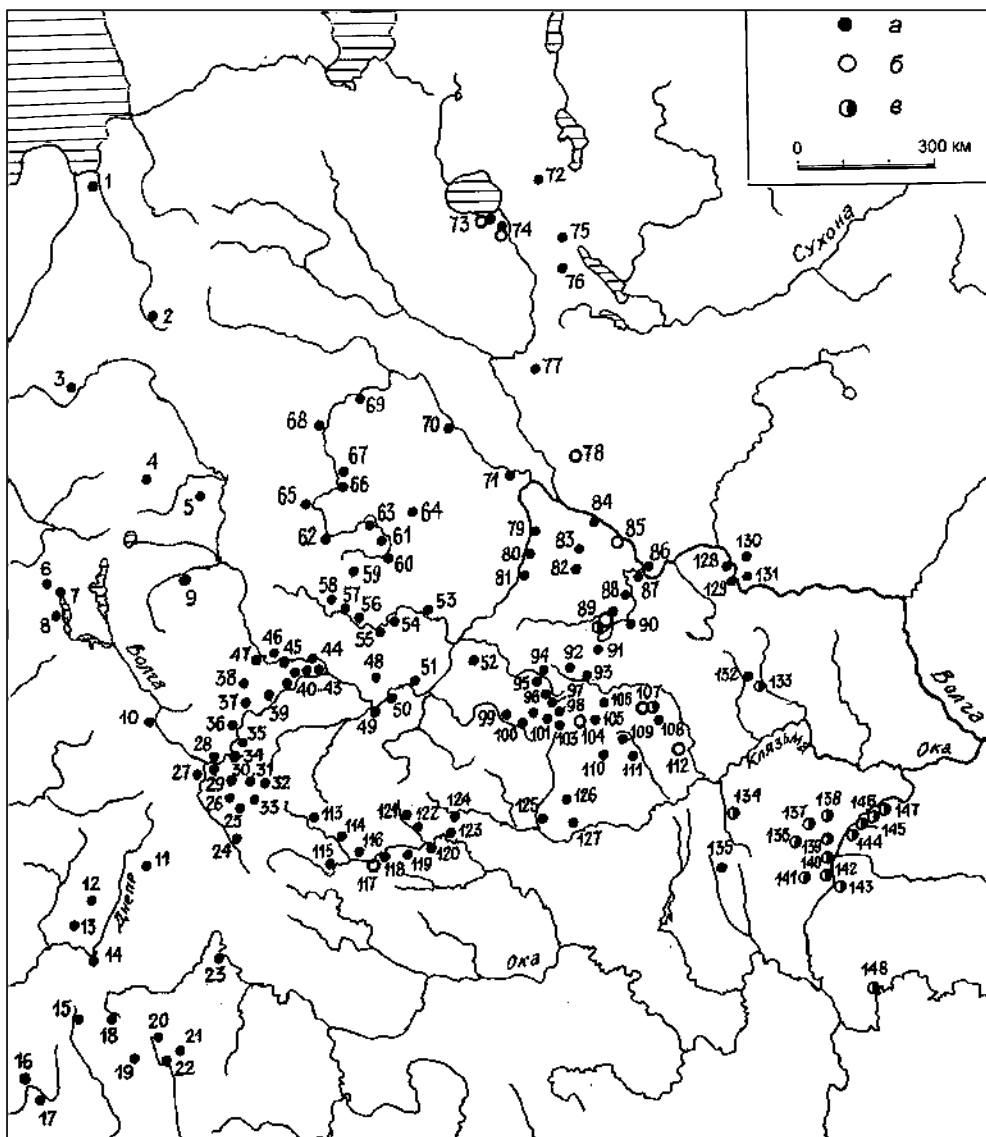
Славяне — носители браслетообразных височных колец с сомкнутыми или заходящими концами, осевшие в середине I тыс. н. э. в западных районах Волго-Окского междуречья и в междуречье Волги и Клязьмы, в течение нескольких столетий ассимилировали проживавшие здесь балтские и финноязычные племена и стали ядром-основой древнерусского населения Северо-Восточной Руси. Браслетообразные височные кольца бытовали непрерывно в этом регионе до XII—XIII вв. включительно и были одним из важнейших этнографических признаков сформировавшейся здесь племенной группировки славян. В IX—X вв. носители этих украшений распространились в северном направлении, достигнув Белозерья (рис. 29).

Погребальными памятниками рассматриваемой группировки славян во второй половине I тыс. н. э., очевидно, были грунтовые могильники с захоронениями по обряду трупосожжения, подобные Сарскому. Как и в других регионах раннесредневекового славянского мира, в Волго-Окском регионе доминировали погребения безурновые и безынвентарные, поэтому обнаружение и выделение таких памятников затруднительно.

Курганный обряд в эти земли был привнесен словенами ильменскими из Новгородской земли и кривичами из Смоленской и Полоцкой земель позднее. Прослеживаемые по курганным материалам, миграции осуществлялись уже на освоенных славянами территориях. Они в той или иной степени лишь дополнили древнерусское население Ростово-Суздальской земли. Грунтовые могильники X—XIII вв. (уже с захоронениями по обряду ингумации), функционировавшие в ареале браслетообразных незамкнутых височных колец параллельно с курганными, следует рассматривать как реликтовые некрополи славян первой миграционной волны. Таковы Федовский бескурганный могильник в Верхнем Поволжье, в погребениях которого встречено большое количество браслетообразных сомкнутых височных колец²⁴⁴, могильники в с. Великое в Ярославском р-не²⁴⁵, Купанский на берегу Плещеева озера²⁴⁶, Кресты на р. Мологе²⁴⁷ и ряд менее известных. Какая-то часть их зафиксирована на археологической карте Е. И. Горюновой²⁴⁸. Древнерусские грунтовые могильники известны также в Белозерье и Прионежье. Н. А. Макаров, исследовавший их, отмечал, что курганный обряд не был единственной формой погребального ритуала в Северной Руси, поскольку на Русском Севере выявляются регионы, занятые древнерусским населением, которое не знало курганной обрядности²⁴⁹.

В XI—XIII вв. древнерусское население Северо-Восточной Руси, как и ряда других регионов, было метисным по происхождению. Поэтому отнесение грунтовых могильников к славянам ранней миграционной волне, а курганных кладбищ к более поздним этапам славянской колонизации не представляется правомерным. В это время носители браслетообразных незамкнутых височных колец могли хоронить умерших как в бескурганных могильниках, так и в курганах.

Предлагаемое решение вопроса о формировании ядра-основы древнерусского населения Ростово-Суздальской земли дает возможность объяснить выявленный по материалам краниометрии «парадоксальный факт» — отсутствие преемственности между антропологическим строением средневекового населения Северо-Восточной Руси, восстанавливаемым по скелетным остаткам в курганах, и современным русским населением тех же территорий. Различия эти касаются весьма существенных деталей как черепной коробки, так и лицевого скелета²⁵⁰. Для объяснения этого антропологами высказана догадка о возможных мощных притоках славянского населения в этот край в послемонгольский период.



Однако она не находит каких-либо подтверждений в исторических материалах. «Парадоксальный факт» находит объяснение в изложенных материалах — ядром великорусов Северо-Восточной Руси было славянское население, расселившееся здесь в середине I тыс. н. э. Его антропологическое строение, нужно полагать, и послужило началом формирования антропологического типа современного русского населения Волго-Клязьминского междуречья. Принесшие в этот край курганный

Рис. 29

Распространение браслетообразных незамкнутых височных колец
X—XII вв.

а — памятники с находками браслетообразных височных колец с сомкнутыми и заходящими концами; б — с находками колец с втульчатыми концами;

в — с находками щитковоконечных колец.

1 — Белый Крест; 2 — Дрегли; 3 — Полище; 4 — Бор; 5 — Федово; 6 — Боково; 7 — Малый Бохот; 8 — Хвошня; 9 — Михаил Архангел; 10 — Песочня; 11 — Относосо; 12 — Ивановская; 13 — Новоселки; 14 — Березовка; 15 — Богдановка; 16 — Колпеницы; 17 — Блинные Кучи; 18 — Доброселье; 19 — Курганье; 20 — Погост; 21 — Войлово; 22 — Меренище; 23 — Климово; 24 — Полениново; 25 — Жела; 26 — Юркино; 27 — Высокино; 28 — Титовка; 29 — Горбуново; 30 — Ягодино; 31 — Гостомля; 32 — Хилово; 33 — Сильменево; 34 — Сеславье; 35 — Старица; 36 — Иверовское; 37 — Козлово; 38 — Сенчаево; 39, 40 — Кошево; 41 — Андреевское; 42 — Избрижье; 43 — Мельниково; 44 — Дуденево; 45 — Тухино; 46 — Мокрые Пожни; 47 — Савинские Горки; 48 — Глиники; 49 — Башево; 50 — Заборье; 51 — Устье; 52 — Мещрево; 53 — Посады; 54 — Воробьево; 55 — Сутоки; 56 — Кидомля; 57 — Селищи; 58 — Михайлово-Прядово; 59 — Святое; 60 — Васильки; 61, 63 — Бежецы; 62 — Воронцово; 64 — Васильки Дальние; 65 — Усть-Кеза; 66 — Сарогожское; 67 — Бустрыгино; 68 — Новинка; 69 — Пестово; 70 — Николо-Реня; 71 — Таирово; 72 — Погостище; 73 — Белоозеро; 74 — Крутик; 75 — Нефедьево; 76 — Усть-Ситское-6; 77 — Ммино; 78 — Зубарево; 79 — Нестерово; 80 — Кирьяново; 81 — Вороново; 82 — Жуково; 83 — Баскачи; 84 — Евчаково; 85 — Попадьинское; 86 — Михайловское; 87 — Тимерево; 88 — Белогостье; 89 — Сарское; 90 — Кустера; 91 — Семенково; 92 — Вепрева Пустынь; 93 — Буково; 94 — Купанское; 95 — Шустино; 96 — Звездочка; 97 — Кузнецовка; 98 — Вельсково; 99 — Каргашино; 100 — Болшево; 101 — Городище; 102 — Кабанское; 103 — Кубаево; 104 — Кичер; 105 — Шелебово; 106 — Шокшово; 107 — Малодавыдовское; 108 — Ненашевское; 109 — Косинское; 110 — Исаково; 111 — Матвейчиково; 112 — Васильки; 113 — Жилые Горы; 114 — Никита Великий; 115 — Воронцово; 116 — Семенково; 117 — Бородинское; 118 — Красный Стан; 119 — Одинцово; 120 — Мякинино; 121 — Соколово; 122 — Санниково; 123 — Кожухово; 124 — Черкизово; 125 — Черниково; 126 — Путилово; 127 — Муромцево; 128 — Полянково; 129 — Погорелка; 130 — Татариново; 131 — Боровиково; 132 — Иваново; 133 — Кочкино; 134 — Новленский; 135 — Заколпье; 136 — Малышево; 137 — Максимово; 138 — Молотицы; 139 — Тумовка; 140 — Муромский; 141 — Подболотня; 142 — Пятницкий; 143 — Нижняя Верея; 144 — Корниловка; 145 — Перемиловский; 146 — Звягино; 147 — Чулково; 148 — Шокшино

обряд словене ильменские и кривичи смоленско-полоцкие были менее многочисленны и со временем растворились в славянской среде первой волны колонизации Ростово-Суздальской земли.

Восточно-великорусские говоры междуречья Волги и Оки, согласно акцентологическим изысканиям, составляют особую (четвертую) группу. «Диалекты этой группы ввиду сугубой архаичности их акцентной системы не могут быть объяснены как результат вторичного развития какой-либо из известных акцентологических систем, а должны рассматриваться как наиболее раннее ответвление от праславянского; этнос носителей этого диалекта представляет, по-видимому, наиболее ранний восточный колонизационный поток славян»²⁵¹. Достаточно ранняя изоляция этого диалекта, как считают его исследователи, препятствовала распространению «долготной» и «краткостной» оттяжек, свойственных другим первоначальным диалектным группам праславянского языка.

Таким образом, результаты, полученные на археологических материалах, достаточно полно коррелируют с выводами лингвистов. Нельзя не обратить внимания в этой связи на то, что распространение браслетообразных сомкнутых височных колец XI—XIII вв. в значительной степени соответствует региону говорів четвертой акцентологической группы²⁵².

Этноним славянской группировки, колонизовавшей около середины I тыс. н. э. территории будущей Ростово-Суздальской земли, неизвестен. В период становления Древнерусского государства население этой земли, как уже говорилось, называлось мерей. По-видимому, летописец, отмечая, что «первѣи насельници ... в Ростове меря», имел в виду не финноязычное племя, а древнерусское население, проживавшее в землях мери, активно включенной в ассимиляционный процесс.

Археологические работы в Ростове показали, что основателями его были славяне. С середины X в. культура и быт города носят явно славянский облик²⁵³. Название города кажется прозрачно славянским. Селение, предшествующее городу, характеризуется древностями, типичными для культуры последних веков I тыс. н. э. этого региона.

СЛОВЕНЕ ИЛЬМЕНСКИЕ

Во второй половине I тыс. н. э. в бассейне Ильменя складывается культура новгородских сопок (рис. 27).

Сопки — высокие крутобокие насыпи с несколько уплощенной вершиной, обнесенные в основаниях кольцеобразно выложенными валунами. Среди них, правда, есть и насыпи с полусферическими и коническими вершинами, и насыпи без видимой каменной обкладки. По своим размерам сопки довольно различны — от небольших, высотой 2—3 м и диаметром 12—14 м, до грандиозных, достигающих 10 м в высоту при

диаметре основания около 40 м. Обычно сопки группируются в небольшие могильники от 2—3 до 12 насыпей, но нередки и одиночные сопки. Свыше четверти известных могильников с сопками включают также обычные курганы или жальничные могилы²⁵⁴.

Основным регионом распространения сопок является бассейн Ильменя, где сосредоточено более 70% могильников с этими памятниками. Остальная часть сопок расположена в смежных землях Поильменя — верховьях рек Луга и Плюсса, а также в бассейне Мологи. За пределами этой территории немногочисленные сопки известны в бассейнах рек Великая и Западная Двина.

Одним из элементов сопок является кольцевая обкладка их оснований. Сооружалась она из крупных валунов в один или два-три яруса. В нижнем течении Волхова исследованы сопки со сложными каменными обкладками. Сопки нередко насыпались не одновременно, а в несколько приемов. Система возведения насыпей была различной, но схематично она сводится к следующему. Сначала выкладывалось кольцо из валунов, примерно равное по диаметру основанию насыпи. Оно, по-видимому, имело какой-то ритуальный смысл. В подошве некоторых сопок прослежены темные зольные прослойки — следы костров, очевидно разжигавшихся с целью освящения площадки, выбранной для погребальной насыпи. Сразу же после сооружения кольца из камней насыпалась нижняя часть сопки, и в течение какого-то времени в этой насыпи совершались захоронения. Затем насыпь увеличивали в высоту еще на 1,5—3 м, и снова в верхней части ее в течение некоторого времени совершались погребения. Затем сопку подсыпали в третий раз и опять-таки на ее поверхности хоронили остатки умерших. Есть и сопки, сооруженные в четыре приема. Среди дошедших до нас сопок есть и такие, которые сооружены в два-четыре приема, имеются и насыпи без подсыпок. В ряде сопок выявляются индивидуальные особенности, не вписывающиеся в изложенную схему²⁵⁵.

В основаниях некоторых сопок и в их насыпях на разной высоте зафиксированы разнообразные сооружения из камней. Иногда устанавливается их связь с захоронениями, в других случаях таковая не обнаруживается. Наибольшее распространение получили кладки-помосты, сложенные из валунов в один, реже — в два-три яруса. Форма их в плане различна: известны кладки четырехугольные, треугольные, негеометрических очертаний. Иногда в сопках присутствуют небольшие кучки, сложенные из камней. Все сооружения из камней находят аналогии среди погребальных древностей прибалтийско-финских племен, поэтому их появление в сопках можно рассматривать как местную традицию. Нужно полагать, часть финноязычных обитателей Ильменского региона вошла в состав носителей культуры новгородских сопок, привнеся элементы своей обрядности.

Только в нижнем течении Волхова в некоторых сопках открыты стенки и каменные выкладки треугольной формы, сложенные из валунов. Подобные сооружения из камней характерны для курганных насыпей эпохи викингов Скандинавии. Сопки с такими кладками относятся к поздней фазе, и появление их в погребальных насыпях, очевидно, отражает норманнское проникновение в Приладожье.

Умерших в сопках хоронили по обряду трупосожжения. Кремация совершалась, как правило, на стороне, в насыпи помещались остатки сожжений, собранные с погребальных костров. Кальцинированные кости ссыпались или в неглубокие ямки, или непосредственно на поверхности кучкой или разбросанно. Часть кальцинированных костей бросалась прямо в насыпь, видимо при ее сооружении. Абсолютное большинство погребений было безурновыми и безынвентарными. Безусловно, довольно значительная часть их не сохранилась до нашего времени. Только этим обусловлена малочисленность обнаруженных в сопках погребений. Все другие объяснения, в том числе о социальном расслоении общества и сакральном характере сопки, принадлежат к гипотезам, не подтверждаемым фактологическими данными.

В очень немногих захоронениях встречены единичные, порой мало-выразительные вещи. Среди них имеются стеклянные, пастовые и сердоликовые бусы, бронзовые спиральки, трапециевидные привески, бубенчики, перстни, бляхи и бляшки конского убранства. Коллекцию предметов из железа составляют ножи, пряжки, наконечники стрел, удила и другие вещи. Единично представлены костяные трубочки с узором, рукоятки ножей, гребень.

Керамика культуры сопки лепная и представлена двумя основными типами. Более распространенными были слабопрофилированные приземистые (низкие, но широкие) горшки с прямым или слегка отогнутым наружу венчиком. Прямые аналоги этой посуде есть в материалах нижних горизонтов Старой Ладоги. Сопоставимы они также с лепной посудой из славянских курганов IX—X вв. Второй тип керамики из сопки образуют широкогорлые биконические сосуды с отчетливым переломом в плечиках и чуть отогнутым верхним краем. Такие сосуды широко представлены в нижнем горизонте напластований Ладоги и на многих поселениях, синхронных сопкам. Это так называемая керамика ладожского типа.

Анализ вещевых инвентарей из сопки позволяет датировать эти памятники VIII—IX вв., но отдельные захоронения совершались и в X в.

Поселения культуры сопки исследованы пока слабо. Это были преимущественно селища. Небольшие раскопки были проведены на одном из них, расположенном близ сопки у д. Золотое Колено на р. Мсте и относящемся к сравнительно позднему времени — IX—X вв. Выявлены следы наземных срубных домов площадью 18—24 кв. м с печами-каменками в углах. Керамика представлена ребристыми горшками, иден-

тичными посуде из сопок²⁵⁶. Поселение IX в. с керамикой ладожского типа исследуется на р. Прость, недалеко от Новгорода²⁵⁷.

Селища культуры сопок выявлены еще в Удомельском поозерье. Среди них наибольший интерес представляет поселение Бережок на берегу оз. Наволок близ д. Белохово. В ста метрах от него имеется одиночная сопка высотой 4 м, а в четырехстах метрах — еще две погребальные насыпи высотой 5 и 6,5 м. На поселении в раскопе площадью около 350 кв. м зафиксированы остатки наземных построек — жилых, размерами от 4,4 × 4,8 до 5,5 × 5 м, с отопительными устройствами из камня, и хозяйственных, меньших размеров. Кроме керамики найдены разнотипные стеклянные бусы, бронзовые перстни и браслеты, железные пряжки и ножи, глиняные пряслица и некоторые другие вещи. Поселение датируется IX—X вв., возникновение же его, по-видимому, следует отнести к концу VIII в.²⁵⁸

Небольшие раскопки производились еще на селищах Новые Дубовики в нижнем течении Волхова, Нестеровичи в бассейне Мсты и др.²⁵⁹ Отложения культуры сопок имеются и на городищах. Таковы Холопий Городок близ Новгорода, Новые Дубовики, Ладога и др.

Керамический материал поселений культуры сопок более разнообразен по сравнению с глиняной посудой из погребальных памятников. Основную часть его образуют сосуды, принадлежащие к двум охарактеризованным выше типам. Кроме того, на селище Бережок имеются банковидные сосуды, хорошо профилированные горшки, миски и мисковидные сосуды.

Достаточно очевидно, что культура новгородских сопок не была эволюционным продолжением местной культуры прибалтийско-финского населения раннего железного века. Создателями ее могло быть только пришлое население. Ареал культуры сопок в значительной части перекрывает восточные области территории псковских длинных курганов. При этом выясняется, что на той же территории население, оставившее длинные курганы псковского типа, и носители культуры сопок какое-то время проживали чересполосно. Однако скоро начался процесс интеграции этих культур. Носители культуры псковских длинных курганов оказались включенными в единый этногенетический процесс и восприняли культуру сопок.

Ранее мною было высказано предположение о том, что распространение культуры сопок в Приильменье было результатом второй крупной миграционной волны на северо-запад Восточно-Европейской равнины, датируемой VII в. и исходившей из Висленского бассейна. Продвигаясь в Поильменье, переселенцы пересекли земли балтов, увлекли часть последних в миграционный поток и от них восприняли обычай сооружения погребальных курганов²⁶⁰.

Однако в археологических материалах Повисленья и Неманского бассейна каких-либо следов этой предполагаемой миграции не обнару-

живается. В этой связи более вероятной ныне представляется мысль о расселении племенной группировки, создавшей культуру сопок, в большом миграционном потоке средневропейского населения, имевшем место в период великого переселения народов. На первых порах эти переселенцы, скорее всего, отдельными островками проживали среди носителей культуры псковских длинных курганов. Один из таких островков, возможно, зафиксирован в Удомельском поозерье, где И. В. Ислановой вычленен так называемый удомельский тип древностей третьей четверти I тыс. н. э.²⁶¹

Селище Юрьвская Горка занимало узкую полосу берега р. Съежи близ оз. Удомля, его размеры $150 \times 30-40$ м²⁶². Раскопками зафиксированы следы наземных жилищ с очагами или печами, сложенными из камней. Реконструировать их затруднительно. Судя по отсутствию столбовых ямок, это были срубные постройки. Только некоторые хозяйственные строения имели столбовую конструкцию стен.

Среди керамического материала этого поселения наиболее значительную часть составляли горшки с округлым, плавно сужающимся к днищу туловом, с наибольшим расширением в верхней трети. Ближайшие аналогии им обнаруживаются в синхронных памятниках Северо-Запада (Михайловское в верховьях Западной Двины, Псковское городище и др.), несколько отдаленные — в керамике корчакских поселений Правобережной Украины. В Удомельском поозерье это явно привнесенная посуда. Кроме того, в материалах селища имеются банковидные сосуды, которые находят параллели в местных древностях раннего железа и могут рассматриваться как культурное наследие аборигенного населения. С последним связываются и некоторые другие малочисленные типы керамики. Сравнительно небольшой процент глиняной посуды памятника составляют горшки со сглаженным ребром в верхней трети, которые стали основой керамики ладожского типа. Отдельные сосуды селища сопоставимы с керамикой культур псковских длинных курганов и тушемлинской.

В коллекции вещевых находок поселения довольно многочисленны пастовые и стеклянные бусы разных типов, позволяющие надежно датировать памятник серединой и третьей четвертью I тыс. н. э. Среди других находок имеются бронзовые спиральки, обоймица, подвески, фрагменты браслетов. Найдено три железных пряжки, из которых две определенно датируются V—VII вв. Кроме того, обнаружены железные ножи, трехчастные удила, топоры, пинцет, крючки, наконечник стрелы и фитильные трубочки, глиняные пряслица и каменные литейные формочки.

В могильнике, расположенном при поселении, исследовано восемь захоронений. Остатки трупосожжений помещались в неглубоких округло-овальных ямках. В двух случаях основную массу кальцинированных костей перекрывал слой обожженной глины, в одном глиной были обмазаны стенки и дно ямы, которая была обожжена. Часть исследованных

погребений не содержала вещевых находок, в других найдены фрагменты глиняной посуды, пряслице, браслет с утолщенными концами, боевой нож и наконечники копья и дротика.

Отмечая культурное своеобразие поселения и могильника Юрьевская Горка, И. В. Исланова высказала предположение, что этот комплекс и, очевидно, ему подобные, пока неисследованные, были основой развития культуры новгородских сопок, которая формировалась при взаимодействии с населением, представленным культурой псковских длинных курганов восточных земель Ильменского бассейна²⁶³. С этим положением на современном этапе следует согласиться.

В пользу такого решения вопроса свидетельствует прежде всего преемственность элементов культуры Юрьевской Горки и древностей поселения Бережок, принадлежащего к культуре сопок. Это проявляется и в керамических материалах, и в домостроительстве, и в погребальной обрядности. Поселения удомельского типа расположены в тех ландшафтных условиях, которые занимают памятники культуры сопок.

Активизация населения, представленного удомельскими и им подобными древностями, и включение носителей культуры псковских длинных курганов Ильменского региона в процесс становления новой культуры — культуры новгородских сопок, по всей вероятности обусловлены природно-климатическими изменениями, имевшими место в конце VI—VII вв. В это время в Европе, в том числе и в лесной зоне Восточно-Европейской равнины, наступило потепление. Повышаются среднегодовые температуры, наблюдается значительное уменьшение увлажненности. Количество осадков в VII в. было на уровне современности, а к началу VIII в. даже на 50 см меньше. Опускаются уровни озер и рек и их стока. Понижение зеркала Балтийского моря привело к падению уровней грунтовых вод, усыханию и сокращению болот.

Период VIII—X вв. характеризуется теплым, умеренно влажным и малоизменчивым климатом. Это было время интенсивного почвообразования, особенно в поймах рек. Пойменные участки активно осваивались земледельцами. Создаются весьма благоприятные условия для развития земледелия и животноводства.

География и топография памятников культуры сопок показывают, что население в VIII—IX вв. обживало местности, наиболее целесообразные для пашенного земледелия. Уже обращалось внимание на то, что сопки тяготеют преимущественно к дерново-карбонатным почвам, наиболее плодородным в Северо-Западном регионе. Многие памятники культуры сопок приурочены также к плодородным аллювиальным участкам речных и озерных долин²⁶⁴.

Земледельческий уклад населения культуры сопок представляется несомненным. Доминировало, очевидно, пашенное земледелие, поскольку подсека на дерново-карбонатных почвах из-за особенностей их химического состава вообще невозможна²⁶⁵. Непосредственные следы древней

пахоты зафиксированы при исследованиях культового сооружения культуры сопок у д. Коломно в Юго-Западном Приильменье²⁶⁶. О пашенном земледелии говорят и находки железных наральных в древнейших слоях Ладоги и Новгорода.

Ландшафтная приуроченность к местностям, наиболее пригодным для пашенного земледелия, характерна также для памятников удомельского типа. Население же культуры псковских длинных курганов в третьей четверти I тыс. н. э., как отмечалось выше, предпочитало подсечно-огневую форму земледелия. Улучшение природных условий стало импульсом активизации пашенного земледелия, что способствовало единению разнокультурных группировок и становлению культуры сопок. При этом не исключено, что какие-то группы племен культуры длинных курганов некоторое время сохраняли свой прежний уклад. Допустимо также предположение об отливе в это время части носителей псковских длинных курганов на юг, где именно в этот период формируется культура смоленско-полоцких длинных курганов.

В VIII в. в Ильменском регионе складывается новая погребальная обрядность. На смену грунтовым могильникам с захоронениями остатков трупосожжения в неглубоких ямках (или прямо на поверхности) приходят курганные насыпи — сопки с совершенно такими же погребениями.

Вопрос о конкретных условиях становления сопок остается нерешенным. Высказывалось предположение, что начало сооружения их обусловлено миграцией в Новгородские земли славянского населения из Верхнеокского региона и соседних земель Смоленщины, где известны курганы мощинской культуры (типа Шаньково—Почепок), которые по размерам (высотой до 5 м) сопоставимы с сопками²⁶⁷. Однако это мнение должно быть отвергнуто, поскольку особенности строения погребальных насыпей, деталей обрядности, характера вещевых инвентарей и керамического материала новгородских сопок и верхнеокских курганов мощинской культуры весьма и весьма различны. Ни о какой преемственности между ними не может быть речи. Не подкрепляется эта догадка и другими археологическими данными. Не находит она подтверждения и в материалах лингвистики, топонимики и антропологии.

География памятников культуры сопок и последующая история ее носителей дают полные основания связывать эти древности со словенами ильменскими (новгородскими), о которых в летописи сообщается: «Словени же седоша около езера Илмеря, и прозвашася своимъ имянемъ»²⁶⁸.

Культура сопок в IX—X вв. постепенно трансформируется в древнерусскую культуру Новгородской земли. Каких-либо нарушений в эволюционном развитии культуры Ильменского региона в это время не наблюдается. Эволюция достаточно отчетливо прослеживается и в керамических материалах, и в домостроительстве, и в топографии поселений.

Между сопками и сменившими их курганами также выявляются связующие элементы, свидетельствующие о спокойном развитии культуры населения Приильменя в последних столетиях I тыс. н. э. Многие могильники с сопками продолжали функционировать и в X—XIII вв. В сопках и курганах IX—X вв. с захоронениями по обряду кремации тождественны все детали погребальной обрядности, однороден и состав вещевых находок. Курганы ильменских словен X—XII вв. нередко имеют в основаниях кольцевую обкладку из камней, в отдельных насыпях фиксируются и кладки из камней как наследие обрядности культуры сопкок. Какого-либо притока новых групп населения в IX—X вв. в Ильменском бассейне по данным археологии не отмечено.

Таким образом, устанавливается, что предки словен ильменских появились в Поильмень в середине I тыс. н. э. Какое-то время они проживали островками в восточных районах ареала культуры псковских длинных курганов. В хозяйственном укладе кривичей доминировало подсечное земледелие, среди ильменских словен в какой-то степени сохранялась пашенная обработка почв под посевы. Около рубежа VII и VIII вв. в связи с улучшением природно-климатической ситуации в экономике края больший вес приобретает пашенное земледелие. Носители культуры псковских длинных курганов включаются в единый этногенетический процесс формирования словен ильменских и, позднее, древнерусского населения Новгородской земли.

Примечания

¹ Очерки по археологии Белоруссии. Ч. 1. Мн., 1970. С. 196. Рис. 71: 23.

² *Поболь Л. Д.* Поселение железного века около д. Щатково Бобруйского района // Белорусские древности. Мн., 1967. С. 226. Рис. 23: 9; *Митрофанов А. Г.* Селище VI—VII вв. близ дер. Городище // Древности Белоруссии. Мн., 1969. С. 253. Рис. 4: 6; *Его же.* Железный век Средней Белоруссии. Мн., 1978. С. 108. Рис. 52: 19; 54: 6; 58: 27—29; *Шмидт Е. А.* О культуре городищ-убежищ левобережной Смоленщины // Древние славяне и их соседи. М., 1970. С. 68. Рис. 3: 26.

³ *Штыхаў Г. В.* Крывічы. Па матэрыялах раскопак курганаў ў Паўночнай Беларусі. Мінск, 1992. С. 29. Мал. 17: 6.

⁴ Очерки по археологии Белоруссии... С. 196. Рис. 71: 23.

⁵ *Поболь Л. Д.* Поселение железного века... С. 239.

⁶ *Митрофанов А. Г.* Железный век... С. 108. Рис. 52: 19; 58: 27—29.

⁷ *Kazakevičius V.* Plinkaigalio kapinynas // Lietuvos archeologija. № 10. Vilnius, 1993. P. 80. 136: 1 pav.

⁸ *Vaitkunskienė L.* Pargibio kapinynas // Lietuvos archeologija. № 13. Vilnius, 1995. P. 135. 198: 1 pav.

⁹ *Merkevičius A.* Sauginių plokštinis kapinynas // Lietuvos archeologija. № 3. Vilnius, 1984. P. 58—59. 21: 2 pav.

¹⁰ *Grigalavičienė E.* Sokiškių piliakalnis // Lietuvos archeologija. № 5. Vilnius, 1986. P. 123. 26: 5 pav.

¹¹ *Holubovičiai E. ir V.* Gedemino Kalno Vilniuje 1940 metų kasėjimu pranešimas. Kaunas, 1941. P. 6. 2: 6 pav.

¹² *Stubavs A.* Ķentes pilskalns up apmetne. Riga, 1976. 577—578 lpp. Tabl. XI: 11.

¹³ *Gaerte W.* Urgeschichte Ostpreussens. Königsberg, 1929. S. 296. Abb. 243d; *Petersen E.* Der ostelbische Raum als germanisches Kraftfeld im Lichte der Bodenkunde des 6—9. Jahrhunderts. Leipzig, 1939. S. 187. Abb. 169g.

¹⁴ *Usarowiczowa A.* Wyniki badań sondażowych na osadzie wczesnośredniowiecznej w Wołajowicach, pow. Hrubieszów // Wiadomości archeologiczne. T. XX. Warszawa, 1964. S. 412. Ryc. 10a.

Еще одна шпора с крючкообразно загнутыми концами обнаружена на поселении Ревне в верховьях р. Прут (*Михайлина Л. П.* Населення Верхнього Попруття VIII—X ст. Чернівці, 1997. С. 93. Рис. 47: 3). Такая же находка происходит из поселения киевской культуры Александровка на Черниговщине.

¹⁵ *Jahn M.* Der Reitersporn seine Entstehung und früheste Entwicklung. Leipzig, 1921. S. 68—70.

¹⁶ *Żak J.* Ostrogi z zaczepami hachykowato otgietyimi na zewnątrz // Przegląd archeologiczny. T. XI. Poznań, 1959. S. 88—105.

¹⁷ *Перхавко В. В.* Появление и распространение шпор на территории Восточной Европы // СА. 1978. № 3. С. 132—133.

¹⁸ *Moora H.* Die Eisenzeit in Lettland bis etwa 500. n. Chr. Bd. I. Dorpat, 1929. S. 127. Tabl. XXXII: 6; Bd. II. Tartu, 1938. S. 526—537.

¹⁹ Славяне Юго-Восточной Европы в предгосударственный период. Киев, 1990. Рис. 34: 11.

²⁰ *Godłowski K.* Chronologia okresu późnorzymskiego i wczesnego okresu wędrówek ludów w Polsce północno-wschodniej // Rocznik białostocki. T. XII. Warszawa, 1974. S. 45—46. Tabl. IV: 16.

²¹ *Седов В. В.* Длинные курганы кривичей // САИ. Вып. Е1—8. М., 1974. С. 33. Табл. 28: 1, 2.

²² *Шмидт Е. А.* Вооружение и снаряжение воинов-всадников тушемлинских племен Поднепровья // Гістарычна-археалагічны зборнік. Вип. 6. Мінск, 1992. С. 110—111.

²³ *Козак Д. Н.* Пшеворська культура у Верхньому Подністров'ї і Західному Побужжі. Київ, 1984. С. 27—28. Рис. 15: 6, 7, 12, 15; 36: 21.

²⁴ *Тиханова М. А.* О локальных вариантах черняховской культуры // СА. 1957. № 4. С. 191. Рис. 17: 4.

²⁵ *Баран В. Д.* Черняхівська культура: За матеріалами Верхнього Дністра і Західного Бугу. Київ, 1981. С. 214; Славяне Юго-Восточной Европы... С. 172; *Терпиловский Р. В., Абашина Н. С.* Памятники киевской культуры. Киев, 1992. С. 22.

²⁶ *Шмидт Е. А.* Вооружение и снаряжение воинов-всадников... С. 113

²⁷ *Смирнов К. А.* Дьяковская культура (материальная культура городищ междуречья Оки и Волги) // Дьяковская культура. М., 1974. С. 62.

²⁸ *Исланова И. В.* Удомельское Поозерье в эпоху железа и раннего средневековья. М., 1997. С. 12, 83. Рис. 19: 20; 140: 14.

²⁹ *Седов В. В.* Длинные курганы... С. 33. Табл. 28: 3, 4.

³⁰ *Исланова И. В.* Удомельское Поозерье... С. 67, 83. Рис. 79: 8, 9; 140: 13.

³¹ *Спицын А. А.* Курганы Санкт-Петербургской губернии в раскопках Л. К. Ивановского // МАР. 1896. № 20. С. 5. Табл. XVIII: 7.

³² *Okulicz J.* Pradzieje ziem pruskich od późnego paleolitu do VII w. n. e. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1973. S. 385—388, 405; *Michelbertas M.* Senasis geležies amžius Lietuvoje. I—IV amžius. Vilnius, 1986. P. 177—178.

³³ *Kulikauskas P., Kulikauskienė R., Tautavičius A.* Lietuvos archeologijos bruožai. Vilnius, 1961. P. 298, 204 pav.; Latvijas PSR archeologija. Rīga, 1974. 155 lpp. Tabl. 37: 1.

³⁴ *Митрофанов А. Г.* Железный век... Рис. 20: 24; *Очерки по археологии Белоруссии...* С. 196. Рис. 71: 20; *Шадыро В. И.* Ранний железный век Северной Белоруссии. Мн., 1985. Рис. 40: 8, 9; *Шмидт Е. А.* Вооружение и снаряжение воинов-всадников... С. 85. Табл. 29: 7—12; *Короткевич В. С.* Верхнее Подвинье в раннем железном веке // Памятники железного века и средневековья на верхней Волге и Верхнем Подвинье. Калинин, 1989. С. 12. Рис. 1: 23.

³⁵ Latvijas PSR archeologija. Rīga, 1974. 154 lpp. 37: 33 tab.

³⁶ *Шмидехельм М. Х.* Археологические памятники периода разложения родового строя на северо-востоке Эстонии. Таллин, 1955. Рис. 26: 7.

³⁷ *Kostrzewski J.* Die ostgermanische Kultur der Spätlatenzeit. Leipzig, 1919. S. 149.

³⁸ *Терпиловский Р. В.* Ранние славяне Подесенья III—V вв. Киев, 1984. С. 28. Табл. 16: 2.

³⁹ Славяне Юго-Восточной Европы... С. 166.

⁴⁰ *Gaerte W.* Urgeschichte Ostpreussens... S. 196. Abb. 146a: 6; *Antoniewicz J.* Badania kurganów z okresu rzymskiego dokonane w 1957 roku w miejscowości Szwałczaria pow. Suwałki // Wiadomości archeologiczne. T. XXVII—1. 1961. S. Ryc. 66; *Kaczyński M.* Materiały z cmentarzyska kurhanowego badanego w 1934 w miejscowości Mieczany, pow. Świeciany, na Wilenszczyźnie // Wiadomości archeologiczne. T. XXIX—2. 1963. S. 133—134.

⁴¹ *Шмидт Е. А.* Длинные курганы у д. Слобода-Глушица // *Третьяков П. Н., Шмидт Е. А.* Древние городища Смоленщины. М.; Л., 1963. С. 180. Рис. 59: 2; *Его же.* Некоторые результаты изучения археологических памятников третьей четверти I тысячелетия н. э. в Смоленском Поднепровье // Древности Белоруссии. Мн., 1966. С. 193—204. Рис. 2: 13; *Его же.* О культуре городищ-убежищ левобережной Смоленщины // Древние славяне и их соседи. М., 1970. Рис. 3: 4; *Сизов В. И.* Дьяково городище близ Москвы // Труды IX Археологического съезда. Т. II. М., 1897. С. 256—267. Табл. XXVIIIa: 13; *Спицын А. А.* Городища дьякова типа // ЗОРСА. Т. V. Вып. 1. 1903. Рис. 129: 11; *Булычев Н. И.* Журнал раскопок по части водораздела верхних притоков Волги и Днепра. М., 1899. С. 6. Табл. II: 8; *Третьяков П. Н.* К истории племен Верхнего Поволжья в I тысячелетии н. э. // МИА. 1941. № 5. С. 135. Рис. 71: 3; *Горюнова Е. И.* Этническая история Волго-Окского междуречья // МИА. 1961. № 94. С. 87. Рис. 33: 1, 2; *Смирнов К. А.* Дьяковская культура... С. 60—61. Табл. VIII: 2, 3; *Дубынин А. Ф.* Щербинское городище // Дьяковская культура. М., 1974. С. 230. Табл. VIII: 24; *Его же.* Троицкое городище // Древние поселения в Подмосковье. М., 1970. С. 31. Табл. 14: 2; *Его же.* Городище Кузнечики в Подмосковье // СА. 1979. № 1. Рис. 7: 19, 22; *Розенфельдт И. Г.* Керамика дьяковской культуры // Дьяковская культура... С. 104, 107, 108. Рис. 5: 22; *Ее же.* Древности западной части Волго-Окского междуречья. М., 1982. С. 144—145; *Успенская А. В.* Городища XI—XIII вв. на юге Новгородской земли // Экспедиции Государственного исторического музея. М., 1969. С. 207. Рис. 2: 4; *Вишневский В. И.* Раскопки Кикинского городища // КСИА. Вып. 197. 1990. С. 90. Рис. 4: 8; *Леонтьев А. Е.* Археология мери: К предыстории Северо-Восточной Руси. М., 1996. С. 142. Рис. 34: 6; 59: 6—8.

⁴² *Розенфельдт И. Г.* Древности западной части... С. 145.

⁴³ *Исланова И. В.* Удомельское поозерье... С. 19. Рис. 77: 20; 92: 4—7; 140: 17; 142: 3.

⁴⁵ *Stubavs A.* Ķentes pilskalns... Tabl. XI: 20. *Шноре Э. Д., Цимермане И.* Поселение и могильник **Кивты** // Pronksiajast varase feudalismīni. Uurimusi Baltimaade ja naaberlāde arheoloogist. Tallinn, 1966. С. 178. Рис. 10: 1.

⁴⁶ *Kazakevičius V.* Plinkaigalio kapinynas... P. 71—72. Pav. 57: 2; 127; *Tautavičius A.* Vidurinis geležies amžius Lietuvoje (V—IX a.). Vilnius, 1996. P. 121. Pav. 37: 1.

⁴⁷ *Salo U.* Fire striking implement of iron and Finnish myths relating to the birth of Fire // Suomen Muinaismuistoyhdistys. Helsinki, 1990. S. 54.

⁴⁸ *Голубева Л. А.* К истории пластинчатых огнив Восточной Европы // Новое в советской археологии. М., 1965. С. 254—269; *Кочкуркина С. И.* Памятники Юго-Восточного Приладожья и Прионежья. Петрозаводск, 1989. С. 268.

⁴⁹ *Карнунс А. М.* К вопросу о народномедицинских инструментах эпохи металлов на территории Латвийской ССР // Из истории медицины. Т. 10. Рига, 1975. С. 44.

⁵⁰ *Gaerte W.* Urgeschichte Ostpreussens... Abb. 104: c; 146A: a; 191: k; *Moora H.* Die Eisenzeit in Lettland... T. I. Tabl. XXX: 15; T. II. S. 479—480; *Kivikoski E.* Die Eisenzeit in Finnlands. Bildwerk und Text. Helsinki, 1973. Abb. 363, 364; *Michelbertas M.* Senasis geležies amžius... P. 167.

⁵¹ Славяне Юго-Восточной Европы... С. 170. Рис. 33: 11.

⁵² *Шмидт Е. А.* О культуре городищ-убежищ... С. 68. Рис. 3: 10; *Штыхау Г. В.* Крывічы... С. 33. Мал. 20: 4; *Зверуго Я. Г.* Верхнее Понеманье в IX—XIII вв. Мн., 1989. С. 50—54, 56. Рис. 25: 12, 15; 26: 3, 4.

⁵³ *Дубынин А. Ф.* Щербинское городище... С. 239. Табл. XIII: 23; *Его же.* Троицкое городище... С. 32. Табл. 19: 12; *Леонтьев А. Е.* Археология мери... Рис. 34: 5;

⁵⁴ *Станкевич Я. В.* К истории населения Верхнего Подвинья в I и начале II тысячелетия н. э. // МИА. 1960. № 76. С. 113. Рис. 77: 5.

⁵⁵ *Исланова И. В.* Удомельское поозерье... С. 49—50. Рис. 77: 17; 138: 16.

⁵⁶ *Поболь Л. Д.* Древности Белоруссии в музеях Польши. Мн., 1979. С. 136—137. Рис. 87: 7.

⁵⁷ *Розенфельдт И. Г.* Древности западной части... С. 145.

⁵⁸ *Моора Х. А.* Археологические работы в Эстоской ССР в 1951 и 1954 гг. // КСИИМК. Вып. 55. 1954. С. 59. Рис. 15: 1.

⁵⁹ *Аун М.* Археологические памятники второй половины I-го тысячелетия н. э. на юго-востоке Эстонии. Таллинн, 1992. С. 59, 125. Рис. 50: 6, 7. Табл. XXV: 3, 5.

⁶⁰ *Jaanits L., Laul S., Lõugas V., Tõnisson E.* Eesti esiajalugu. Tallinn, 1982. Joon 169: 10.

⁶¹ *Шмидехельм М. Х.* Археологические памятники периода разложения родового строя... С. 83. Рис. 19: 14; 23: 25.

⁶² *Вашенькин А. Н.* Культурно-исторические процессы в Молого-Шекснинском междуречье в конце I тыс. до н. э. — I тыс. н. э. // Проблемы истории Северо-Запада Руси. (Славяно-русские древности. Вып. 3). СПб., 1995. С. 25, 27. Рис. 8: 17.

⁶³ *Шмидт Е. А.* Археологические памятники второй половины I тысячелетия н. э. на территории Смоленской области // Материалы по изучению Смоленской области. Вып. V. Смоленск, 1963. Рис. 7: 26.

⁶⁴ *Moora H.* Die Eisenzeit in Lettland... T. I. S. 147—148. Tabl. XXX: 15; *Latvijas PSR arheologija*... 154 lpp. 37: 45 att; *Stubavs A.* Ķentes pilskalns... Tabl. X: 5; *Tautavičius A.* Vidurinis geležies amžius... P. 274—275. Pav. 133.

⁶⁵ *Szymański W.* Szeligi pod Płockiem na początku wczesnego średniowiecza. Zespół osadniczy z VI—VII w. Wrocław, 1967. S. 256—257. Rys. 11: 11; *Ауліх В. В.* Зимнівське городище — слов'янська пам'ятка VI—VII ст. н. е. в Західній Волині. Київ, 1972. С. 71—72. Табл. XII: 15.

⁶⁶ *Werner J.* Bemerkungen zum nordwestlichen Siedlungsgebiet der Slawen im 4—6. Jahrhundert // Beiträge zur Ur- und Frühgeschichte. Bd. I. Berlin, 1981. S. 700.

⁶⁷ *Бажан И. А., Каргопольцев С. Ю.* Хронология «В»-образных рифленых пряжек в Европе (к проблеме нижней датировки длинных курганов) // Финно-угры и славяне: Проблемы историко-культурных контактов. Сыктывкар, 1986. С. 129—135; *Их же.* В-образные рифленые пряжки в Европе как хронологический индикатор синхронизации // КСИА. Вып. 198. 1988. С. 28—35.

⁶⁸ *Tautavičius A.* Vidurinis geležies amžius... P. 258. Pav. 125: 1, 4, 7, 8.

⁶⁹ *Станкевич Я. В.* Курганы у деревни Полибино на реке Ловати // КСИА. Вып. 87. 1962. С. 34. Рис. 11: 2.

Эта пряжка наиболее близка к находке из погребения 252 могильника Притцир в Мекленбурге, которое надежно датировано Э. Шульдтом серединой IV в., а наиболее поздние захоронения этого памятника не выходят за пределы первой половины V в. (*Schuldt E.* Pritzier. Ein Urnenfriedhof der späten römischen Kaiserzeit in Mecklenburg. Berlin, 1955. S. 71—73).

⁷⁰ *Schmiedehelm M.* Kāābaskalnistud Lindoras je mujal Kagu-Eestis // Slāāvi-laanemeresoome suhete ajaloost. Tallinn, 1965. Lk. 43. Joon 8: 5; *Аун М.* Об исследовании курганного могильника Рысна-Сааре II // Изв. АН Эстонской ССР. Общественные науки. 1980. № 4. С. 370—371. Табл. IX: 12.

⁷¹ *Башенькин А. Н.* Культурно-исторические процессы... С. 24—25. Рис. 8: 19.

⁷² *Мальм В. А., Фехнер М. В.* Об этническом составе населения Верхнего Поволжья во 2-ой половине I-го тысячелетия н. э. // Экспедиции Государственно-Исторического музея. М., 1969. С. 182. Рис. 5: 1.

⁷³ *Бажан И. А., Каргопольцев С. Ю.* Хронология «В»-образных рифленых пряжек... С. 129—138.

⁷⁴ *Исланова И. В.* Удомельское поозерье... С. 22. Рис. 19: 22; *Леонтьев А. Е.* Древнерусские поселения верхней Мологи // Археологические памятники в Верхневолжье. Калинин, 1993. С. 68. Рис. 3: 2.

⁷⁵ *Аун М.* Археологические памятники... С. 126—127. Рис. 51: 11; *Башенькин А. Н.* Культурно-исторические процессы... С. 25. Рис. 8: 1, 2; *Спицын А. А.* Археологический альбом // ЗОРСА. Т. XI. 1915. С. 238. Рис. 34.

⁷⁶ *Каргопольцев С. Ю., Бажан И. А.* К вопросу об эволюции трехрогих пельтовидных лунниц в Европе (III—VI вв.) // Петербургский археологический вестник. Вып. 7. СПб., 1993. С. 113—122. Рис. 6: 19, 20.

⁷⁷ *Спицын А. А.* Курганы Санкт-Петербургской губернии... С. 5, 109. Табл. XVIII: 16.

⁷⁸ *Kazanski M.* Quelques objets baltes trouvés en Gaule, dates entre la fin du IV-e siècle et le VIII-e siècle. A propos des contacts entre l'Occident et le rivage oriental de la mer Baltique // Archéologie Médiévale. T. XXI. Paris, 1991. P. 8. Fig. 8: 10—12.

⁷⁹ *Kostrzewski J., Chmielewski W., Jażdżewski K.* Pradzieje Polski. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1965. S. 262. Ryc. 91: 18; *Kostrzewski J.* Pradzieje Śląska. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1970. S. 168. Ryc. 110: b; *Kostrzewski B.* Cmentarzyska z okresu rzymskiego w Czacu i w Kokozynie w pow. koscianskim i w Pieczkowie w pow. sredzkiem // Fontes archaeologici posnanienses. T. VI. Poznań, 1956. S. 78—80; *Okulicz J.* Cmentarzysko z okresu późnolateńskiego i rzymskiego w miejscowości Dobrzankowo, pow. Przasnysz // Materiały starożytne i wczesnośredniowieczne. T. I. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdansk, 1971. S. 158. Ryc. 47: d.

⁸⁰ *Шмидт Е. А.* Вооружение и снаряжение воинов-всадников... С. 106. Рис. 1: 2.

⁸¹ *Moora H.* Die Eisenzeit in Lettland... Bd. II. S. 518—519. Abb. 78: 3, 4. Tabl. 38: 6, 7; *Tallgren A.* Zur Archäologie Eestis. Dorpat, 1925. S. 8. Abb. 19; *Latvijas PSR arheologija*... P. 157. Tabl. 39: 12, 21; *Казакавичюс В.* Оружие балтских племен II—VIII веков на территории Литвы. Вильнюс, 1988. С. 36—41.

- ⁸² *Казакевичюс В.* Оружие балтских племен... С. 42—45.
- ⁸³ *Jahn M.* Die Bewaffnung der Germanen in älteren Eisenzeit etwa von 700 v. Chr. bis 200 n. Chr. Würzburg, 1916. S. 53, 74, 75. Abb. 62; *Elantkowska J.* Uzbrojenia ludności kultury pszeworskiej w okresie rzymskim na Śląsku // *Zeszyty naukowe Uniwersytetu im. A. Mickiewicza w Poznaniu. № 32 (Archeologia i etnografia. T. 2).* 1961. S. 78—81. Ryc. 19; *Prahistoria ziem polskich. T. 5. Późny okres lateński i okres rzymski.* Wrocław; Warszawa; Kraków, 1981. S. 78. Tabl. IX: 8; XI: 8.
- ⁸⁴ *Elantkowska J.* Uzbrojenia ludności kultury pszeworskiej... S. 89—92. Ryc. 36—39.
- ⁸⁵ *Казакевичюс В.* Оружие балтских племен... С. 55—57.
- ⁸⁶ *Kulikauskas P., Kulikauskienė R., Tautavičius A.* Lietuvos archeologijos braužai... P. 312. Pav. 214: 5.
- ⁸⁷ *Митрофанов А. Г.* Банцеровское городище... С. 253. Рис. 2: 1; *Его же.* Железный век... С. 37—38, 73. Рис. 22: 2; *Очерки по археологии Белоруссии...* Рис. 71: 5; *Медведев А. М.* Белорусское Понеманье в раннем железном веке. Мн., 1996. С. 73—74.
- ⁸⁸ *Шмидт Е. А.* Вооружение и снаряжение воинов-всадников... С. 106—108. Рис. 1: 3.
- ⁸⁹ *Аун М.* Археологические памятники второй половины I-го тысячелетия н. э. в Юго-Восточной Эстонии. Таллинн, 1992. С. 51. Рис. 23: 1.
- ⁹⁰ *Розенфельдт И. Г.* Древности западной части... С. 128—134.
- ⁹¹ *Кирпичников А. Н.* Древнерусское оружие. Вып. 2 // САИ. Вып. Е1—36. Л., 1966. С. 17. Табл. X: 3—6.
- ⁹² *Шмидт Е. А.* Вооружение и снаряжение воинов-всадников... С. 109. Рис. 1: 10; *Башенькин А. Н.* Культурно-исторические процессы... С. 12—14. Рис. 5: 18.
- ⁹³ *Godłowski K.* Problemy chronologii okresu rzymskiego // *Scripta archeologica Varia.* T. CCXXXI. 1988. S. 43—44.
- ⁹⁴ *Медведев А. М.* Белорусское Понеманье... С. 29.
- ⁹⁵ *Егорейченко А. А.* Находки римского времени из Слободки // *Гістарычна-археалагічны зборнік.* 6. Мінск, 1995. С. 52—55.
- ⁹⁶ *Краснов Ю. А.* Из истории железных серпов в лесной полосе Европейской части СССР // *КСИА. Вып. 107.* 1966. С. 17—23.
- О находках серпов в западных районах Волго-Окского междуречья см. также: *Розенфельдт И. Г.* Древности западной части... С. 148—149.
- ⁹⁷ *Минасян Р. С.* Классификация серпов Восточной Европы железного века и раннего средневековья // *Археологический сборник Гос. Эрмитажа. Вып. 19.* Л., 1978. С. 74—85.
- ⁹⁸ *Медведев А. М.* Белорусское Понеманье... С. 32—33.
- ⁹⁹ *Кирьянова Н. А.* Сельскохозяйственные культуры и системы земледелия в лесной зоне Руси XI—XV вв. М., 1992. Табл. 2.
- ¹⁰⁰ *Расиньш А. П.* Культурные и сорные растения в материалах археологических раскопок на территории Латвийской ССР // *Вопросы этнической истории народов Прибалтики.* М., 1959. С. 316—339.
- ¹⁰¹ *Коробушкина Т. Н.* Земледелие на территории Белоруссии в X—XIII вв. Мн., 1979. С. 71—73.
- ¹⁰² *Udolph J.* Die landnahme der Ostslaven in Lichte der Namenforschung // *Jahrbucher für Geschichte Osteuropas.* Bd. 29. Wiesbaden, 1981. S. 321—336; *Idem.* Kritisches und Antikritisches zur Bedeutung slavischer Gewässernamen für die Ethnogenese der Slaven // *Zeitschrift für slavische Philologie.* Bd. XLV. H. 1. Heidelberg, 1985. S. 33—57.
- ¹⁰³ Несколько подробнее со ссылками на соответствующую литературу о климатической ситуации в Европе, вызвавшей отлив значительных масс населения из ареала провинциально-римских культур, см.: *Седов В. В.* Славяне в

древности. М., 1994. С. 296—298; *Его же*. Славяне в раннем средневековье... С. 209—211.

¹⁰⁴ *Седов В. В.* Происхождение и ранняя история славян. М., 1979. С. 62—74; *Его же*. Славяне в древности... С. 166—200.

¹⁰⁵ *Седов В. В.* Славяне в древности... С. 222—232.

¹⁰⁶ *Vasmer M.* Beiträge zur historischen Völkerkunde Osteuropas: 2. Die ehemalige Ausbreitung der Westfinnen in den heitigen slavischen Ländern // Sitzungsberichte der Preussischen Akademie der Wissenschaften. Philosophische-historische Klasse. Berlin, 1934. S. 351—440.

¹⁰⁷ *Станкевич Я. В.* К истории племен Верхнего Подвинья... С. 7—151; *Гуркина Н. Н.* Древняя история северо-запада Европейской части СССР // МИА. 1961. № 87. С. 113—137, 326—329, 507—513; *Орлов С. Н.* Городище эпохи раннего металла в низовьях реки Ловати // КСИА. Вып. 87. 1992. С. 42—45; *Его же*. Памятники эпохи металла в окрестностях Новгорода // СА. 1967. № 2. С. 233—236.

¹⁰⁸ *Седов В. В.* Прибалтийские финны // Финны в Европе в VI—XV веках. Прибалтийско-финские народы: Историко-археологические исследования. Вып. 1. М., 1990. С. 20.

¹⁰⁹ *Башенькин А. Н.* Культурно-исторические процессы... С. 9—12.

¹¹⁰ Более полную характеристику длинных курганов псковской группы см.: *Седов В. В.* Длинные курганы кривичей // САИ. Вып. Е1—8. М., 1974; *Его же*. Восточные славяне в VI—XIII вв. М., 1982. С. 46—58; *Его же*. Славяне в раннем средневековье... С. 211—217; *Носов Е. Н.* Некоторые общие вопросы изучения погребальных памятников второй половины I тыс. н. э. // СА. 1981. № 1. С. 42—56.

¹¹¹ *Седов В. В.* Древнерусское языческое святилище в Перыни // КСИИМК. Вып. 50. 1953. С. 92—103.

¹¹² *Шмидехельм М. Х.* Каменные могилы в северо-восточной Эстонии // КСИИМК. Вып. XLII. 1952. С. 80; *Ее же*. Археологические памятники периода разложения родового строя... С. 238.

¹¹³ *Nordman C. A.* Karelska jamäldersstudier // Suomen muinaismuistoyhdistyksen aikakaukirja. XXXIV. Helsinki, 1924. S. 100; *Седов В. В.* Этнический состав населения северо-западных земель Великого Новгорода // СА. Т. XVIII. 1953. С. 202—203.

¹¹⁴ Например, керамика поселения Шелиги под Плоцком (*Szymanski W.* Szeligi pod Plockiem...).

¹¹⁵ *Носов Е. Н.* Поселение и могильник культуры длинных курганов на оз. Съезжее // КСИА. Вып. 166. 1981. С. 66—68.

¹¹⁶ *Башенькин А. Н.* Сопки и длинные курганы в Юго-Западном Белозерье // Славянская археология. 1990. Этногенез, расселение и духовная культура. (Материалы по археологии России. Вып. 1). М., 1992. С. 136.

¹¹⁷ *Торопов С. Е.* Поселение культуры длинных курганов на озере Крюково // Прошлое Новгорода и Новгородской земли: Материалы научной конференции 11—13 ноября 1997 г. Новгород, 1997. С. 11—15.

¹¹⁸ *Фурасьев А. Г.* Городища-убежища Псковщины второй половины I тысячелетия н. э. // Петербургский археологический вестник. № 9. СПб., 1995. С. 143—150.

¹¹⁹ *Носов Е. Н.* Поселение и могильник... С. 65—66.

¹²⁰ *Орлов С. Н.* Археологические исследования в низовьях реки Мсты // СА. 1968. № 2. С. 166—167.

¹²¹ *Гроздилов Г. П.* Археологические памятники Старого Изборска // Археологический сборник Гос. Эрмитажа. Вып. 7. 1965. С. 81.

¹²² *Аун М.* Курганные могильники Восточной Эстонии во второй половине I тыс. н. э. Таллин, 1980. С. 99.

¹²³ Носов Е. Н. К вопросу о сложении погребального обряда длинных курганов // КСИА. Вып. 179. 1984. С. 11—17.

¹²⁴ Е. Р. Михайлова считает, что погребения, совершенные на площадках, определять как более ранние по сравнению с курганными из-за отсутствия датирующих находок нельзя. Погребальные площадки, окруженные ровиками, были, утверждает исследовательница, начальной стадией сооружения любого кургана. Большинство площадок было перекрыто насыпями, а немногие в силу каких-то причин остались в первоначальном виде и могут относиться к разным периодам культуры псковских длинных курганов (Михайлова Е. Р. О так называемых погребальных площадках в культуре длинных курганов // Новгород и Новгородская земля: История и археология. Вып. 7. Новгород, 1993. С. 70—78).

¹²⁵ Седов В. В. Длинные курганы... С. 41; *Его же*. Восточные славяне ... С. 53.

¹²⁶ Лаул С. К. Погребальные памятники прибалтийских финнов в I тысячелетии н. э. // Вопросы финно-угроведения. Вып. VI. Саранск, 1975. С. 378—384; *Ее же*. Об этнической принадлежности курганов Юго-Восточной Эстонии // Изв. АН Эстонской ССР. Общественные науки. Таллин, 1979. № 3. С. 319—329.

¹²⁷ Лебедев Г. С. Начало Верхней Руси по данным археологии // Проблемы истории и культуры северо-запада РСФСР. Л., 1977. С. 90—95; *Его же*. О времени появления славян на Северо-Западе // Северная Русь и ее соседи в эпоху раннего средневековья. Л., 1982. С. 33.

¹²⁸ Jaanits L., Laul S., Lougas V., Tõnisson E. Eesti esiajalugu ... Lk. 277—279; Башенькин А. Н. Сопки и длинные курганы на востоке Новгородской земли // История и археология Новгородской земли: (Тезисы научно-практической конференции). Новгород, 1987. С. 12—14; *Его же*. Исследование памятников I тыс. н. э. в бассейне Мологи // Новгород и Новгородская земля: История и археология. Новгород, 1992. С. 25—29; Конецкий В. Я. Население Приильменья в этнических процессах на Северо-Западе в VIII—XIII вв.: (К постановке проблемы) // История и археология Новгородской земли: (Тезисы научно-практической конференции). Новгород, 1987. С. 18—19.

Все эти работы носят региональный характер и уже поэтому не могут претендовать на решение вопроса этнической принадлежности населения культуры псковских длинных курганов в целом. В крайних регионах территории этой культуры могли происходить этнопроцессы, отличные от ее коренного ареала.

¹²⁹ Седов В. В. Об этнической принадлежности псковских длинных курганов // КСИА. Вып. 166. 1981. С. 5—11.

¹³⁰ Микляев А. М. Новые данные о культуре длинных курганов на юге Псковской области // Археология и история Пскова и Псковской земли. 1987. Псков, 1987. С. 51; Короткевич Б. С., Мазуркевич А. Н., Микляев А. М. Двинско-Ловатское междуречье в каменном — железном веках (опыт археолого-палеогеографической периодизации) // Новгород и Новгородская земля: История и археология. Новгород, 1992. С. 33.

¹³¹ Аун М. Археологические памятники... С. 134—137.

¹³² Моора Х. А. Вопросы сложения эстонского народа и некоторых соседних народов в свете данных археологии // Вопросы этнической истории эстонского народа. Таллин, 1956. С. 128—131.

¹³³ Setälä E. N. Suomensukuisten kansojen esihistoria // Suomen suku. Helsinki, 1926. № 1. С. 160.

¹³⁴ Лопатин Н. В. Параллели в керамике культуры длинных курганов и древностей типа Тушемли-Банцеровщины // Археология и история Пскова и Псковской земли. 1987. Псков, 1987. С. 52—53.

¹³⁵ *Минасян Р. С.* Поселение и могильник на берегу оз. Узмень // Труды Гос. Эрмитажа. Т. XX. Л., 1979. С. 183—184.

¹³⁶ *Носов Е. Н.* Проблема изучения погребальных памятников Новгородской земли (к вопросу о славянском расселении) // Новгородский исторический сборник. Вып. 1 (11). Л., 1982. С. 62—63.

¹³⁷ *Белецкий С. В.* Керамика Псковской земли второй половины I — начала II тыс. н. э. как исторический источник (культурная стратиграфия района): Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1979. С. 10.

¹³⁸ *Лопатин Н. В., Фурасьев А. Г.* О роли памятников III—V вв. н. э. в формировании культур псковских длинных курганов и Тушемли-Банцеровщины // Петербургский археологический вестник. № 9. Л., 1994. С. 136—142.

К точке зрения этих исследователей близок В. Я. Конецкий, излагающий свое мнение довольно поверхностно, без привлечения конкретных археологических материалов (*Конецкий В. Я.* К вопросу о формировании культуры длинных курганов // Новгород и Новгородская земля: История и археология. Вып. 11. Новгород, 1997. С. 213—225). Исследователь считает, что в основе рассматриваемых культур лежат древности типа среднего слоя Тушемли.

¹³⁹ *Седов В. В.* Первый этап славянского расселения в бассейнах озер Ильменя и Псковского // Новгородские археологические чтения. Новгород, 1994. С. 132. Карты на рис. 1—3.

¹⁴⁰ Там же. С. 135. Рис. 4.

¹⁴¹ *Смолицкая Г. П.* Некоторые лексические ареалы. По данным гидронимии // Вопросы исторической лексикологии и лексикографии восточнославянских языков. М., 1974. С. 171—179.

¹⁴² *Агеева Р. А.* Гидронимия Русского Северо-Запада как источник культурно-исторической информации. М., 1974. С. 158—160, 182—184.

¹⁴³ *Мжельская О. С.* О лексических связях псковских говоров с западными славянскими языками // Вестник ЛГУ. 1963. № 14. Сер. истории, языка и литературы. Вып. 3. С. 89—100.

¹⁴⁴ *Sedov V.* Die erste Welle slawischer Ansiedlung im Nordwesten Osteuropas und die Ostseefinnen // Cultural Heritage of the Finno-Ugrians and Slavs. Tallinn, 1992. S. 62—77; *Седов В. В.* Прибалтийско-финская этноязыковая общность и ее дифференциация // Финно-угроведение. 1997. № 2. С. 3—16.

¹⁴⁵ *Седов В. В.* Длинные курганы кривичей... С. 36—41. См. также: *Буров В. А.* К проблеме этнической принадлежности культуры длинных курганов // СА. 1996. № 1. С. 122—131; *Его же.* К проблеме этнической принадлежности носителей культуры длинных курганов (псковско-новгородская группа) // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Вып. 1. Тверь, 1996. С. 6—10.

¹⁴⁶ *Лопатин Н. В.* Днепро-двинская культура как компонент культуры длинных курганов // Этногенез и этнокультурные контакты славян: (Труды VI Международного Конгресса славянской археологии. Т. 3). М., 1997. С. 166—176.

¹⁴⁷ *Агеева Р. А.* Гидронимия Русского Северо-Запада... С. 185—201.

¹⁴⁸ Там же. С. 199.

¹⁴⁹ *Зализняк А. А.* Древненовгородский диалект и проблемы диалектного членения позднего праславянского языка // Славянское языкознание: X Международный съезд славистов: Доклады советской делегации. М., 1988. С. 164—177; *Его же.* Древненовгородский диалект. М., 1995.

¹⁵⁰ *Агеева Р. А.* Гидронимия Русского Северо-Запада... С. 153—185.

¹⁵¹ *Šnore E.* Latvijas PSR arheologu piedalisanas Baltijas kompleksa arheologiska, etnografiska un antropologiska ekspedicija // Latvijas PSR zinatņu Akademijas vestis. 1957. № 4. Lpp. 169—

172; *Urtāns V. Latvijas iedzīvotāju sakari ar slaviem I g. t. otrajā pusē // Arheologija un etnografija. VIII. Rīga, 1968. Lpp. 65—70.*

Тесный контакт Полоцка с латышской территорией устанавливается только с XII в., когда племенное название *кривичи* вышло из обихода. Восточнославянское население именовалось *русью*, а жители Полоцкой земли дополнительно *полочанами*.

¹⁵² Повесть временных лет... С. 18.

¹⁵³ *Шахматов А. А.* К вопросу об образовании русских наречий и русских народностей // *ЖМНП. 1899. № IV. С. 336.*

¹⁵⁴ *Седов В. В.* Восточные славяне... С. 56—57; *Его же.* Изборск в 8—10 веках // Новое в археологии Прибалтики и соседних территорий. Таллинн, 1985. С. 119—128.

¹⁵⁵ Характеристику древностей псковских кривичей IX—XII вв. см.: *Седов В. В.* Восточные славяне... С. 166—169.

¹⁵⁶ *Третьяков П. Н., Шмидт Е. А.* Древние городища Смоленщины. М.; Л., 1963. С. 3—129.

В белорусской археологической литературе эта культура именуется нередко банцеровской по городищу Банцеровщина близ Минска, раскопанному С. А. Дубинским в 1926 г. (*Дубінскі С. А.* Раскопки Банцароускага гарадзішча каля Менску у 1926 г. // *Гістарычна-археалагічны зборнік. Вып. 1. Менск, 1927. С. 360—367*). Предпринимались попытки выделения особой банцеровской культуры, которые оказались безуспешными.

¹⁵⁷ Более подробную характеристику тушемлинских древностей см.: *Седов В. В.* Восточные славяне... С. 34—41.

¹⁵⁸ *Третьяков П. Н.* Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М.; Л., 1966. С. 273—279.

¹⁵⁹ *Митрофанов А. Г.* О происхождении культуры типа верхнего слоя Банцеровщины (V—VIII вв.) // *Беларускія старажытнасці. Менск, 1972. С. 150—163.*

¹⁶⁰ *Шмидт Е. А.* О культуре городищ-убежищ левобережной Смоленщины // *Древние славяне и их соседи. М., 1970. С. 69.*

¹⁶¹ *Третьяков П. Н., Шмидт Е. А.* Древние городища... С. 3—129.

¹⁶² *Седов В. В.* Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья. М., 1970. С. 25—30; *Его же.* Восточные славяне... С. 39.

¹⁶³ *Митрофанов А. Г.* О происхождении культуры... С. 155—162; *Его же.* Археологические памятники восточных балтов на территории Белоруссии в эпоху железа (VIII в. до н. э. — IX в. н. э.) // Из древнейшей истории балтских народов по данным археологии и антропологии. Рига, 1980. С. 103—108.

¹⁶⁴ *Перхавко В. Б.* Раннесредневековые древности междуречья Днепра и Немана: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1978. С. 19.

¹⁶⁵ *Лопатин Н. В.* Проблемы и перспективы изучения древностей типа Тушемли-Банцеровщины // Памятники железного века и средневековья на верхней Волге и Верхнем Подвинье. Калинин, 1989. С. 17—18.

¹⁶⁶ *Лопатин Н. В., Фурасьев А. Г.* О роли памятников III—IV вв. ... С. 136—142.

¹⁶⁷ *Лопатин Н. В.* Южные традиции в керамике Смоленского Поднепровья и Северной Белоруссии в первой половине I тыс. н. э. // Археология и история Юго-Востока Руси. Курск, 1991. С. 52.

¹⁶⁸ *Медведев А. М.* К вопросу о северной границе позднезарубинецкой и киевской культур в Верхнем Поднепровье // *Гістарычна-археалагічны зборнік. Вып. 7. Мінск, 1996. С. 169.*

- ¹⁶⁹ Шмидт Е. А. Племена верховьев Днепра до образования Древнерусского государства. Ч. 1. Днепро-двинские племена (VIII в. до н. э. — III в. н. э.). М., 1992. Карта на с. 205.
- ¹⁷⁰ Седов В. В. Славяне в раннем средневековье... С. 40—67.
- ¹⁷¹ Шмидт Е. А. Некоторые результаты изучения памятников третьей четверти I тыс. н. э. в Смоленском Поднепровье // Древности Белоруссии: Материалы конференции по археологии Белоруссии и смежных территорий (1966). Мн., 1969. С. 196—198. Рис. 2: 11, 12; *Его же*. О культуре городищ-убежищ... С. 68, 69. Рис. 3: 19, 20.
- ¹⁷² Зверуго Я. Г. Верхнее Понеманье в IX—XIII вв. Мн., 1989. С. 54. Рис. 25: 5, 7.
- ¹⁷³ Штыхов Г. В. Сравнительное изучение древнейших городов Полоцкой земли и памятников их окрестностей // Древности Белоруссии: Материалы конференции по археологии Белоруссии и смежных территорий. Мн., 1969. С. 243. Рис. 5: 8.
- ¹⁷⁴ Шадыро В. И. Раскопки селища в Витебской области // Археологические открытия 1985 года. М., 1987. С. 473.
- ¹⁷⁵ Митрофанов А. Г. Железный век Средней Белоруссии... Рис. 53: 18; 55: 4.
- ¹⁷⁶ Археалогія, нумізматыка і геральдыка Беларусі. Мінск, 1979. С. 15, 17.
- ¹⁷⁷ Штыхов Г. В. Сравнительное изучение... С. 247. Рис. 3: 2; Археалогія, нумізматыка... С. 31, 32.
- ¹⁷⁸ Шмидт Е. А. Археологические памятники Смоленской области с древнейших времен до VIII в. н. э. Смоленск, 1976. С. 192, 193. Рис. 49: 15; *Третьяков П. Н., Шмидт Е. А.* Древние городища... 179; Археалогія, нумізматыка... С. 43.
- ¹⁸⁰ Шмидт Е. А. Поле погребений и курганы у дер. Акатово Смоленской области // СА. 1962. № 4. С. 193. Рис. 5: 4.
- ¹⁸¹ Штыхаў Г. В. Крывічы... С. 55. Мал. 36: 3.
- ¹⁸² *Vocel J. E.* Archäologische Parallelen // Sitzungberichte der Wiener Akademie der Wissenschaften. Bd. XVI. 1855. S. 197; *Müller S.* Über slavische Schläfenringe // Schlesien. Vorzeit in Bild und Schrift. Bd. III. Berlin, 1877. S. 189.
- ¹⁸³ *Нидерле Л.* Славянские древности. М., 1956. С. 591—603.
- ¹⁸⁴ *Спицын А. А.* Расселение древнерусских племен по археологическим данным // ЖМНП. 1899. № VIII. С. 301—340.
- ¹⁸⁵ Финно-угры и балты в эпоху средневековья. М., 1987.
- ¹⁸⁶ Седов В. В. Из этнической истории населения средней полосы Восточной Европы во второй половине I тысячелетия н. э. // РА. 1994. № 2. С. 56—68.
- ¹⁸⁷ Находки браслетообразных колец в Казихе в Себежском поозерье и Гордоне на восточном побережье Псковского озера (*Седов В. В.* Длинные курганы... С. 43, 49. Табл. 26: 6, 9, 10) следует рассматривать как следы проникновения небольших групп туземлинского населения в ареал культуры псковских длинных курганов.
- ¹⁸⁸ *Лухтан А., Ушинская В.* К проблеме становления Литовской земли в свете археологических данных // Древности Литвы и Белоруссии. Мн., 1988. С. 93—96.
- ¹⁸⁹ Lietuvos TSR archeologijos atlasas. IV. Vilnius, 1978. P. 6—8. Zem. 2.
- ¹⁹⁰ *Volkaitė-Kulikauskienė R.* Senoves lietuvių moterų galvos dangai ir jos papuošalai // Iš lietuvių kultūros istorijos. II. Vilnius, 1959. 41—42 Psl. Pav. 13, 14.
- ¹⁹¹ *Таутавичюс А.* Балтские племена на территории Литвы в I тыс. н. э. // Из древнейшей истории балтских народов (по данным археологии и антропологии. Рига, 1980. С. 84; *Michelbertas M.* Senasis geležies amžius Lietuvoje. Vilnius, 1986. P. 239—240.

- ¹⁹² *Cesnys G., Urbanavičius V. M.* e. I tukstantmečio vidurio rytu Lietuvos gyventojų antropologija // Lietuvos TSR mokslų Akademijos darbai. «А» serija. № 3 (88). Vilnius, 1984. P. 56—67; *Денисова Р. Я.* География антропологических типов балтских племен и этногенетические процессы в I — начале II тыс. н. э. на территории Литвы и Латвии // Балты, славяне и прибалтийские финны: Этногенетические процессы. Рига, 1990. С. 38—40.
- ¹⁹³ *Таутавичюс А. З.* Восточнолитовские курганы // Вопросы этнической истории народов Прибалтики. М., 1959. С. 128—153; Финно-угры и балты... С. 390—395.
- ¹⁹⁴ Подробнее о культуре смоленско-полоцких длинных курганов см.: *Седов В. В.* Славяне Верхнего Поднепровья... С. 92—104; *Его же.* Длинные курганы кривичей... С. 32.
- ¹⁹⁵ *Шмидт Е. А.* К вопросу об этнической принадлежности женского инвентаря из смоленских длинных курганов // Материалы по изучению Смоленской области. Вып. 7. Смоленск, 1970. С. 219—235.
- ¹⁹⁶ *Аванесов Р. И.* Очерки русской диалектологии. М., 1949. С. 230—234.
- ¹⁹⁷ *Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров.* М., 1970. С. 445—452.
- ¹⁹⁸ *Николаев С. Л.* Следы особенностей восточнославянских племенных диалектов в современных великорусских говорах. 1. Кривичи // Балто-славянские исследования. 1986. М., 1988. С. 115—153; 1987. М., 1989. С. 187—224.
- ¹⁹⁹ *Korošec P.* Zgodnjesrednjeveška arheološka slika karantanskih slovanov. T. I—II. Ljubljana, 1979.
- ²⁰⁰ *Левашова В. П.* Височные кольца // Очерки по истории русской деревни X—XIII вв.: (Труды ГИМ. Вып. 43). М., 1967. С. 20. Рис. 4: 4.
- ²⁰¹ *Митрофанов А. Г.* Железный век средней Белоруссии... Рис. 53: 28.
- ²⁰² *Седов В. В.* Длинные курганы кривичей... С. 32. Табл. 26: 1, 6, 7, 9, 10.
- ²⁰³ Об этнической ситуации в Волго-Окском междуречье в раннем железном веке см.: *Третьяков П. Н.* Финно-угры, балты и славяне на Днестре и Волге. М.; Л., 1966. С. 113—163, 234—239, 285—300.
- ²⁰⁴ *Третьяков П. Н.* К истории племен Верхнего Поволжья в I тысячелетии н. э. // МИА. 1941. № 5; *Бадер О. Н.* Древние городища на верхней Волге // МИА. 1950 № 13.
- ²⁰⁵ *Смирнов К. А.* Дьяковская культура... С. 77, 78.
- ²⁰⁶ *Розенфельдт И. Г.* Древности западной части...
- ²⁰⁷ *Кренке Н. А.* Культура населения бассейна Москвы-реки в железном веке и раннем средневековье: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1987; *Вишневский В. И.* Дьяковская культура в Верхнем Поволжье (VIII—VII вв. до н. э. — VII—VIII вв. н. э.): Автореф. дисс. ...канд. ист. наук. М., 1991.
- ²⁰⁸ *Леонтьев А. Е.* Археология мери: К предыстории Северо-Восточной Руси. М., 1996.
- ²⁰⁹ Подробную характеристику культуры второй половины I тыс. н. э. Волго-Клязьминского междуречья см. в вышеназванной книге А. Е. Леонтьева.
- ²¹⁰ *Альквист А.* Наблюдения над финно-угорским субстратом в топонимии Ярославского края на материалах гидронимических формантов -(v)га и -(v)нга, -(v)ньга, -(v)нда // *Studia Slavica Finlandensia.* Т. XV. Helsinki, 1992. С. 1—50; *Ее же.* Мерянская проблема на фоне многослойности топонимии // *Вопр. языкознания.* 1997. № 6. С. 22—36; *Ее же.* Субстратная лексика финно-угорского происхождения в говорах Ярославско-Костромского Поволжья // *Studia Slavica...* Т. XV. 1998. С. 5—38.
- ²¹¹ *Леонтьев А. Е., Рябинин Е. А.* Этапы и формы ассимиляции летописной мери // *СА.* 1980. № 2. С. 67—79; *Рябинин Е. А.* Финно-угорские племена в

составе Древней Руси: К истории славяно-финских этнокультурных связей: Историко-археологические очерки. СПб., 1997. С. 197—214.

²¹² Повесть временных лет... С. 13.

²¹³ Новгородская Первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950. С. 106—107.

²¹⁴ Дубынин А. Ф. Троицкое городище // Древнее поселение Подмосковья. М., 1970. Рис. 16: 1, 21, 24—26; 17: 26.

²¹⁵ Леонтьев А. Е. Археология мери... С. 159—164. Рис. 67: 5—10, 12, 15; 70: 6, 7; 90: 6; 103: 6.

²¹⁶ Горюнова Е. И. Этническая история Волго-Окского междуречья // МИА. 1961. № 94. С. 82—91.

²¹⁷ Генинг В. Ф. Некоторые проблемы этнической истории марийского народа (о мерянской этнической общности) // Происхождение марийского народа. Йошкар-Ола, 1967. С. 65—66; *Sedov V. Schläfenringe der wolgafinnischen Stämme // Congresus Septimus Internationalis Fenno-Ugristarum. Sectionum. Dissertationes. Historica, archaeologica et anthropologica. Debrecen, 1990. S. 117—122; Финно-угры и балты... С. 78; Леонтьев А. Е. Археология мери... С. 159—163.*

²¹⁸ Дубынин А. Ф. Раскопки Малышевского могильника // КСИИМК. Вып. XXVI. 1949. С. 93.

²¹⁹ Ерофеева Е. Н., Травкин П. Н., Уткин А. В. Кочкинский грунтовой могильник // Археология и этнография Марийского края. Вып. 14. Йошкар-Ола, 1988. С. 99—125. Рис. 2: 2, 3, 5.

²²⁰ Городцов В. А. Археологические исследования в окрестностях г. Муром // Древности: Труды Московского археологического общества. Т. XXIV. М., 1914. С. 58.

²²¹ Спицын А. А. Древности бассейнов рек Оки и Камы // МАР. 1901. № 25. С. 45—51, 105—113.

²²² Гришаков В. В. К истории населения правобережья нижней Оки в конце I тыс. н. э. // Материалы по археологии Мордовии: (Труды Института языка, литературы, истории и экономики Мордовской АССР. Вып. 85). Саранск, 1988. С. 53. Табл. VI: 16.

²²³ Горюнова Е. И. Этническая история... С. 177. Рис. 78: 28—30.

²²⁴ Финно-угры и балты... С. 88; *Sedov V. Schläfenringe... S. 117—122.*

²²⁵ Дубынин А. Ф. Раскопки Малышевского могильника... С. 91—96.

²²⁶ Повесть временных лет. Ч. 1. М.; Л., 1950. С. 13, 18.

²²⁷ Краснов Ю. А. Безводнинский могильник: (К истории Горьковского Поволжья в эпоху раннего средневековья). М., 1980.

²²⁸ Леонтьев А. Е. Поповское городище (результаты раскопок 1980—1984 гг.) // Раннесредневековые древности Верхнего Поволжья. М., 1989. С. 79. Рис. 23: 1.

²²⁹ Рябинин Е. А. Могильник и селище у д. Попово на р. Унже // Раннесредневековые древности Верхнего Поволжья. М., 1989. С. 148—153. Рис. 6: 8, 10, 11.

²³⁰ Архипов Г. А. Марийцы IX—XI вв.: К вопросу о происхождении народа. Йошкар-Ола, 1973. С. 92, 104. Рис. 85; 93: 2.

²³¹ Архипов Г. А. Дубовский могильник // АЭМК. Вып. 8. 1984. С. 119. Рис. 8: 26.

²³² Никитина Т. Б. Инвентарь могильника «Нижняя Стрелка» // АЭМК. Вып. 17. 1990. С. 81—118.

²³³ Архипов Г. А. Марийцы XII—XIII вв.: (К этнокультурной истории Поволжья). Йошкар-Ола, 1986. С. 19. Рис. 14: 3, 4; 15: 6, 11.

²³⁴ Архипов Г. А. Марийцы IX—XI вв. ... С. 19. Рис. 16: 1—6; 90; *Его же. Дубовский могильник... С. 119. Рис. 8: 19—25, 27, 28.*

- ²³⁵ *Кравченко Т. А.* Шатрищенский могильник (по раскопкам 1966—1969 гг.) // Археология Рязанской земли. М., 1974. С. 134.
- ²³⁶ *Спицын А. А.* Древности бассейнов рек Оки и Камы... С. 34.
- ²³⁷ *Амброз А. К.* Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы // СА. 1971. № 3. С. 113.
- ²³⁸ *Шитов В. Н.* Старокадомский могильник // Материалы по археологии Мордовии: (Труды ИЯЛИЭ Мордовской АССР. Вып. 85). Саранск, 1988. С. 23—43.
- ²³⁹ *Седов В. В.* Рязанско-окские могильники // СА. 1966. № 4. С. 86—104; Финно-угры и балты... С. 93—97.
- ²⁴⁰ *Рыбаков Б. А.* Новый Суджанский клад антского времени // КСИИМК. Вып. XXVII. 1949. С. 77. Рис. 31а; 32а.
- ²⁴¹ *Рыбаков Б. А.* Древние русы // СА. Т. XVII. 1953. С. 74—76, 82, 83. Рис. 16; 18.
- ²⁴² *Нидерле Л.* Славянские древности. М., 1956. Рис. 34: 2.
- ²⁴³ *Lietuvių liaudies menas. Senovės lietuvių papuošalai.* Kn. I. Vilnius, 1958. Pav. 256, 257; *Volkaitė-Kulikauskienė R.* Senovės lietuvių moterų galvos dangala... P. 38—39. Pav. 11.
- ²⁴⁴ *Спицын А. А.* Старейшие русские могильники в Новгородской области // Известия Археологической комиссии. Вып. 15. СПб., 1905. С. 1—5.
- ²⁴⁵ Отчет Археологической комиссии за 1896 год. СПб., 1898. С. 93.
- ²⁴⁶ *Куза А. В., Никитин А. Л.* Славянский могильник в пос. Купанском близ Переяславля Залесского // КСИА. Вып. 104. 1965. С. 117—120; *Комаров К. И.* Новые раскопки Купанского могильника // КСИА. Вып. 144. 1975. С. 91—94.
- ²⁴⁷ *Никитин А. В.* Городище и могильник у д. Кресты // КСИА. Вып. 139. 1974. С. 104—105.
- ²⁴⁸ *Горюнова Е. И.* Этническая история... С. 253—264. Карты 3 и 4.
- ²⁴⁹ *Макаров Н. А.* Население Русского Севера в XI—XIII вв.: По материалам могильников Восточного Прионежья. М., 1990. С. 17—32.
- ²⁵⁰ *Алексеев В. П.* Происхождение народов Восточной Европы (краниологическое исследование). М., 1969. С. 202—204.
- ²⁵¹ *Дыбо В. А., Замятина Г. И., Николаев С. Л.* Основы славянской акцентологии. М., 1990. С. 157—158; *Булатова Р. В., Дыбо В. А., Николаев С. Л.* Проблемы акцентологических диалектизмов в праславянском // Славянское языкознание: X Международный съезд славистов: Доклады советской делегации. М., 1988. С. 31—65.
- ²⁵² *Дыбо В. А., Замятина Г. И., Николаев С. Л.* Основы славянской акцентологии. М., 1990. С. 156—159.
- ²⁵³ Повесть временных лет... С. 18.
- ²⁵⁴ Подробнее о культуре новгородских сопки см.: *Седов В. В.* Новгородские сопки // САИ. Вып. Е1—8. М., 1970; *Его же.* Восточные славяне... С. 58—66; *Петренко В. П.* Погребальный обряд населения Северной Руси VIII—X вв.: Сопки Северного Поволжья. СПб., 1994.
- ²⁵⁵ Например, раскопанная недавно сопка у бывш. дер. Мерлугино (*Исланова И. В.* Удомельское поозерье... С. 100—113).
- ²⁵⁶ *Носов Е. Н., Плохов А. В.* Поселение Золотое Колено на Средней Мсте // Материалы по археологии Новгородской земли. М., 1991. С. 117—149.
- ²⁵⁷ *Орлов С. Н.* Славянское поселение на берегу р. Прость, около Новгорода // СА. 1972. № 2. С. 127—139; *Носов Е. Н., Ершевский Б. Д., Плохов А. В.* О работе на поселении Прость в 1997 году // Новгород и Новгородская земля: История и археология. Вып. 12. Новгород, 1998. С. 25—31.
- ²⁵⁸ *Исланова И. В.* Удомельское поозерье... С. 57—88.

²⁵⁹ *Носов Е. Н.* Поселение у волховских порогов // КСИА. Вып. 146. 1976. С. 76—81; *Концевий В. Я.* Комплекс памятников у д. Нестеровичи (к вопросу о сложении локальных центров конца I — начала II тыс. н. э. в бассейне р. Мсты // Материалы по археологии Новгородской земли. М., 1991. С. 89—116.

²⁶⁰ *Седов В. В.* Восточные славяне... С. 65—66; *Его же.* Первый этап славянского расселения в бассейнах озер Ильменя и Псковского // Новгородские археологические чтения. Новгород, 1994. С. 135—136.

²⁶¹ *Исланова И. В.* Удомельское поозерье... С. 22—56.

²⁶² Там же.

²⁶³ Там же. С. 126—129.

²⁶⁴ *Седов В. В.* Новгородские сопки... С. 9 и карта III.

²⁶⁵ *Концевий В. Я.* Некоторые вопросы исторической географии Новгородской земли в эпоху средневековья // Новгородский исторический сборник. Вып. 3 (13). Л., 1989. С. 11—12.

²⁶⁶ *Концевий В. Я.* О «каменных кругах» юго-западного Приильменя // Новое в археологии Северо-Запада. Л., 1985. С. 37—44.

²⁶⁷ *Третьяков П. Н.* Финно-угры, балты и славяне... С. 284—285; *Носов Е. Н.* Источники по славянской колонизации Новгородской земли // Вспомогательные исторические дисциплины. Вып. VI. Л., 1974. С. 231—134.

²⁶⁸ Повесть временных лет... С. 11.

СТАНОВЛЕНИЕ ДРЕВНЕРУССКОЙ НАРОДНОСТИ

ИСТОРИКО-ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА О ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКОЙ ЭТНОЯЗЫКОВОЙ ОБЩНОСТИ

Наиболее полное представление об единстве славянского населения, расселившегося на широких пространствах Восточно-Европейской равнины и именуемого русью, выражено в Повести временных лет, во вводной ее части. Русь, Русская земля XI — начала XII вв. здесь в этнографическом, языковом, политическом плане противопоставляется полякам, чехам, грекам-византийцам, венграм, половцам и другим этносам того времени. Пределы Русской земли определяются по географии данников руси: «А се суть инии языци, иже дань дають Руси: чюдь, меря, весь, мурома, черемись, мръдва, пермь, печера, ямь, литва, зимигола, корсь, норома, либь...»¹ Нанесение их на карту показывает, что русь в XI—XII вв. занимала территорию от Ладоги до Черного («Русского») моря и от Карпат до Дона. Русь составляли восходящие к более раннему времени славянские племенные группы словен ильменских, кривичей, полян, северян, вятичей, радимичей, древлян, дреговичей, волынян, хорватов, тиверцев и уличей. В пределы Русской земли входили также области мери и веси. Очевидно, процесс обрусения их в это время достиг финальной стадии.

Летописи освещают историю всей Русской земли, всего славянства Восточной Европы как целостного образования раннего средневековья.

Понятие о руси в широком смысле и убежденность в единстве всей Русской земли содержится во многих дошедших до нас древнерусских письменных памятниках. Среди них наиболее ранним является «Слово о Законе и Благодати», принадлежащее киевскому церковному деятелю Илариону. Датируется памятник временем между 1037 и 1050 гг.² Для Илариона Русская земля — это вся государственная территория времени князя Владимира Святославича с единым владычеством князя, единой верой, где есть «наш язык русский». Следовательно, славяне Восточной Европы составляли и языковое единство.

Сознанием единства Русской земли в широком смысле и единства древнерусского народа проникнуто другое произведение XI в. — «Память и похвала князю Русскому Владимиру» Мниха Иакова³. В нем говорится, что Владимир «крести же всю землю Рускую отъ коньца и до коньца», «всю Рускую землю приведе къ Богу», «всю Рускую землю и грады вся украси святыми церквами».

Аналогично по смыслу и понятие Русской земли в памятниках Борисоглебского цикла, которые были созданы во второй половине XI — начале XII в. «Страна Руская» в этих памятниках — территория, где

проживают «сыны русские», «правоверные люди русские»⁴. Игумен Даниил во время посещения «Святой земли» (1106—1108 гг.) поставил в Иерусалиме лампаду «от вся Руськыя земля».

На основе анализа письменных источников А. В. Соловьев показал, что в течение двух столетий (911—1132 гг.) понятия «Русь» и «Русская земля» означали все восточное славянство, всю страну, заселенную им. В области внешней политики и в сфере церковной жизни эти понятия бытовали более продолжительное время и сохранялись в период политической раздробленности Древней Руси⁵.

Во второй половине XII — первой трети XIII в., когда Русь распалась на несколько феодальных княжеств, проводивших или пытавшихся проводить самостоятельную политику, единство русской народности продолжало хорошо осознаваться: вся Русская земля противопоставлялась обособившимся региональным вотчинам, князья которых нередко враждовали между собой.

Идеей единства Руси проникнуты многие художественные произведения того времени. К числу таковых несомненно принадлежит и «Слово о полку Игореве». В поэтическом произведении «Слово о погибели Русской земли», написанном в связи с татаро-монгольским нашествием, Русская земля простирается от Литвы, Польши и Венгрии до Волжской Болгарии и мордвы и от корелы и «дышючего моря» (Ледовитого океана) до половцев.

В былинах Русь — это единая Русская земля с единым народом, единой верой и единым государством.

Достаточно определенное представление о территории Русской земли дает карта русских городов X — начала XIII в., упоминаемых в летописях в связи с различными историческими событиями, а также систематический перечень их «А се имена всѣм градом Рускым, далним и ближним», датированный концом XIV в.⁶ Этот список был составлен уже во время полной государственной и территориальной раздробленности Руси. В то время вокруг Москвы сосредоточилась лишь шестая часть древнерусских земель, на остальные претендовали литовские князья, польские и венгерские короли; Новгород и Псков были самостоятельными республиками. Однако в список были включены все русские города независимо от их политической принадлежности. Очевидно, в конце XIV в. единство древнерусского этноса — руси отчетливо сохранялось.

Наряду с понятием Руси и Русской земли как совокупности всех восточнославянских территорий в древнерусских летописях, как уже говорилось выше, реликтивно встречается более узкое определение Руси. Это ареал русов — праславянского диалектно-племенного образования, занимавшего в VIII—IX вв. области между Днестром и Доном и создавшего первое в Восточной Европе славянское государство. Киевская Русь, образовавшаяся после овладения Олегом Киева, очевидно, была наслед-

ницей Русского каганата. Русы составили наиболее активную и многочисленную часть жителей Южной Руси, и этноним их довольно быстро распространился на все славянское население этого государства, которое и само называлось Русью.

В договорах с иностранцами все жители Древней Руси, в том числе новгородцы, смоляне и другие, назывались русами или русинами.

Важнейшим признаком этнического образования, дающим возможность говорить о нем как о народности, является язык. Славяне Русской земли в широком смысле составляли именно языковое образование. В современной науке оно именуется древнерусской (или восточнославянской) народностью, а ее язык — древнерусским.

В древнерусском языке на протяжении веков происходит ряд процессов, характерных для восточнославянского ареала⁷.

Наиболее характерной особенностью, четко выделившей древнерусскую языковую область, является так называемое первое полногласие. В древнерусском языке произошло превращение общеславянских сочетаний *ort, *olt с нисходящей интонацией в *po* и *lo* (*робота, робѣ, рост, роля, лодья* и т. п.). Вместо начальных звуков *je* и *ju* в древнерусской языковой области развились *o* и *y* (**jezero* > *озеро*, **jesen* > *осень*, **jedin* > *один*, **jug* > *уг* и т. п.).

Характерные для праславянского языка взрывные согласные в группах *tl, dl* в древнерусском языке были утрачены (*рало, гърло, ель* и т. п. Ср. польск. *radło, gardło, jodła*).

Зубные согласные **tj, *dj* у славян Восточноевропейского ареала изменились в аффрикату *ч* и согласный *ж* (например, праслав. *swetia* > *свеча*, *media* > *межа*).

В прежних сочетаниях губных согласных с *j* в восточнославянской языковой среде появляется *л* (*земля, люблю, куплю* и др.).

Общеславянские сочетания *kv, gv* перед *e (oi)* в древнерусском языке превращаются в *цв* и *зв* (*květ* > *цвет*, *gvezda* > *звезда* и т. п.).

В восточнославянской области происходит утрата носовых гласных, которые заменяются неносовыми.

В грамматическом строе древнерусского языка изменений наблюдается меньше, чем в фонетике. Специфическими для восточнославянского ареала являются утрата двойственного числа и связки в перфекте, падение простых прошедших времен (аориста и имперфекта), тенденции в эволюции именного и местоименного склонений и спряжения.

Словарный состав древнерусского языка сохранил несколько тысяч слов, восходящих к праславянской этноязыковой общности. Вместе с тем в лексиконе восточнославянского ареала появилось немало слов, отсутствовавших в общеславянском языке. К ним, в частности, принадлежат *белка, хомяк, собака, утка, корова, птица, лог, куст, осока, груздь, радуга, погост, лапоть, сапог, кнут, жемчуг, ковер, коврига,*

каравай, ковш, коромысло, кровать, ларь, бурый, сизый, хороший, дешевый, сорок, девяносто, семья и немало других.

Утверждение о едином языковом развитии славянского населения Восточной Европы не исключает диалектных особенностей в отдельных регионах.

Современные археологические данные исключают гипотезу о существовании внутри позднепраславянского языкового состояния «пра-русского» диалекта, который бы стал основой древнерусского языка. Какого-либо диалектно-племенного образования внутри праславянского мира, которое могло бы быть ядром-основой древнерусской народности, никогда не существовало. Всякие поиски прародины древнерусской народности представляются абсолютно бесперспективными. Древнерусский этнос, как и многие другие раннесредневековые этноязыковые образования, был сложным формированием, включавшим в себя несколько различных праславянских группировок. К тому же славянское население, освоившее широкие пространства Восточной Европы, застало в лесной зоне различные финноязычные и балтские племена и славянизировало их. В лесостепной полосе славяне длительное время контактировали с иранскими и тюркскими племенами. В такой ситуации становление единой древнерусской народности стало возможным только в результате активных интеграционных явлений, которым способствовали и имевшие место передвижения населения. Материалы современной археологии представляют возможности для выявления, изучения и обстоятельной характеристики этих процессов.

МИГРАЦИЯ СЛАВЯН ИЗ ДУНАЙСКОГО РЕГИОНА

В VIII—IX вв., когда земли Восточной Европы в значительной степени были уже освоены славянским населением, в различных регионах их наблюдается приток довольно многочисленных групп славянских переселенцев из Подунавья. Документируется процесс инфильтрации дунайских славян в восточноевропейские области прежде всего появлением и распространением большого числа различных вещевых находок дунайского происхождения.

Ниже рассматриваются предметы как привнесенные из Дунайских земель, так и изготовленные мастерами в Восточной Европе по дунайским прототипам. Дифференцировать их в большинстве случаев не представляется возможным. Тем более, что в числе переселенцев было немало ремесленников, принесших в восточнославянские области традиции дунайского ювелирного и иных производств.

Появление дунайских переселенцев в южных регионах Восточной Европы фиксируется на рубеже VII—VIII вв. Наиболее ярким отражением миграции славян из Подунавья являются находки металлических

изделий на Пастырском городище (рис. 30: 9), художественный стиль большинства которых, как показали изыскания О. М. Приходнюка, обнаруживает явные дунайские истоки. Анализ этих находок свидетельствует, что первые мастера-ювелиры, работавшие на этом поселении, безусловно пришли из Подунавья. Только ремесленники, пришедшие оттуда, могли принести в Среднее Поднепровье передовые для того времени провинциально-византийские технологии. Следы подобных переселений небольших групп дунайского населения фиксируются также в материалах производственных комплексов, выявленных на городище Зимно на Волини и поселении Бернашевка на среднем Днестре, среди находок на селищах на острове Мытковском и в Гайвороне на Южном Буге, Малых Будках на Сумщине, а также среди предметов, находящихся в составе кладов Днепровского левобережья (рис. 31). О. М. Приходнюк полагает, что толчком к отселению части славянского населения из Дунайских земель стал приход в 680 г. болгарских орд Аспаруха, которые на первых порах недружелюбно отнеслись к местным обитателям⁸.



Рис. 30

Серьги и височные кольца дунайских типов

- 1, 4 — Харьевка; 2, 3 — Екимауцы; 5, 8 — Новотроицкое; 6 — Семенки;
7 — Хотомель; 9 — Пастырское

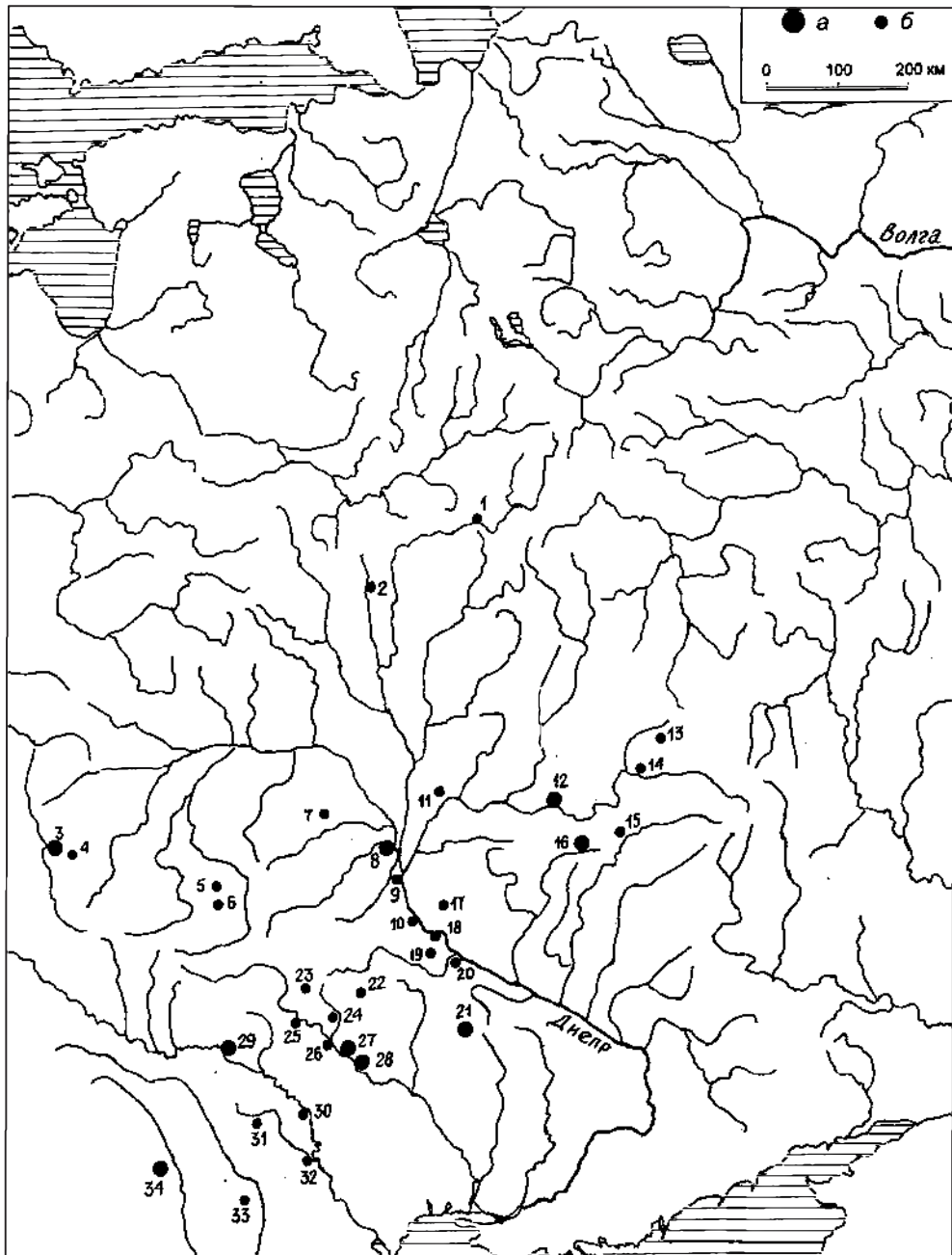
С оседанием в восточноевропейских землях многочисленных групп славянского населения из Среднего Подунавья связано появление и распространение в середине VIII в. яркого дунайского набора украшений, изготовленных в технике тиснения и обильно декорированных зернью. Он включает серьги, лунницы, бусы, круглые медальоны и перстни с полусферическими щитками. Исследователи этих украшений первоначально полагали, что они восточного происхождения⁹. Однако последующие изыскания опровергли такое мнение. Шведский археолог В. Дучко, всесторонне исследовавший подобные украшения, обнаруженные в Скандинавии, убедительно доказал их среднедунайское (моравское) происхождение¹⁰. Аналогичные украшения встречены в ряде кладов Среднего Поднепровья, которые О. А. Щегловой были выделены во вторую группу так называемых «кладов антов»¹¹. В итоге исследовательница утверждает, что появление в середине VIII в. в среднеднепровских землях дунайского набора украшений, а также последующее его распространение обусловлено приходом в этот регион населения из Среднего Подунавья.

Одним из ярких и достаточно надежных показателей появления дунайских славян в восточноевропейских землях являются провололочные височные кольца (или серьги) со свисающей подвеской в виде виноградной грозди, отделанные узорами из скани и зерни (рис. 30: 2, 3). Наиболее ранними на восточнославянской территории являются серьги пастырского типа. Они найдены на Пастырском городище, на поселениях в Григоровке и Зеленках, а также в составе Харьевского клада (рис. 30: 1, 4)¹².

А. И. Айбабин подразделил серьги пастырского типа с полой подвеской на три подтипа, имеющих различное происхождение¹³. Серьги с подвесками из полых шариков, украшенных зернью, как утверждал исследователь, производны от местных сармато-аланских. Серьги двух других подтипов (с подвеской в виде полого шара, украшенного псевдозернью, и с полой «каплевидной подвеской») имеют несомненно дунайское начало.

О крупной волне миграции, исходившей из Среднего Подунавья в IX—X вв., свидетельствуют находки в южных регионах Восточной Европы серебряных и бронзовых украшений — провололочных колец с подвеской из полых шариков в виде грозди винограда и расположенных симметрично розеточек, составленных также из шариков зерни.

Такие украшения неоднократно встречены и на поселениях, и в погребениях IX — начала XI в. славянского населения различных регионов Восточно-Европейской равнины. Так, при раскопках городища Екимауцы в Молдавии обнаружено свыше трех десятков подобных зерненных колец, отличающихся тонкой и сложной работой¹⁴. Они имеют гладкую дужку диаметром 2—3 см с большой привеской, составленной из крупных и мелких шариков зерни и сканных колечек. На дужке ук-



реплены еще 3—4 бусинки, образованные из мелкой зерни. На городище выявлены и следы их изготовления местными ремесленниками.

Аналогичные головные украшения встречены при раскопках городища Алчедар и могильника Бранешты в Поднестровье, имеются они и среди древностей Румынской Молдовы¹⁵. Серьги с «виноградной гроздью» найдены также под Каневом на Княжей Горе и на поселении Монастырек на Днепре¹⁶, в Киеве они встречены в курганных могильниках: две находки обнаружены в погребении, выявленном в 90-х годах XIX в. на Кирилловой улице, три — в срубном захоронении, раскопанном в 1936 г. близ Десятинной церкви¹⁷.

На Волыни подобные украшения обнаружены в курганах с трупоположениями X в. в Пересопницах и Новоселках¹⁸. В земле древлян такие серьги встречены в ряде курганов Речицкого могильника¹⁹, в регионе расселения дреговичей — в Малых Эсьмонах²⁰, найдены они и на Гнездовском селище²¹.

Довольно много украшений рассматриваемого типа происходит из кладов X в. Эти находки, искусно отделанные зернью и сканью, в полном смысле могут быть отнесены к лучшим произведениям художественного ремесла того времени. В кладе, найденном в Борщевке на Волыни, наряду с другими предметами содержалось восемь серег²², в Копиевском кладе на Винничине — двадцать семь²³. Кроме того, они имеются в составе кладов, найденных в Гуцино близ Чернигова, Денис в окрестностях Переяславля Южного, Шабельницах и Юрковицах в южных районах Киевщины, а также в Елизаветградском и Херсонском уездах Северного Причерноморья²⁴.

Коренной территорией колец с привеской в виде виноградной грозди являются Среднее Подунавье и Адриатика²⁵. Здесь они получили распространение около середины VIII в. и бытовали до конца IX в., а в некоторых регионах встречены и в древностях первой половины X в.²⁶ Восточноевропейские находки подобных украшений (называются они по-разному: «серьгами волынского типа», «екимауцкими» или «грозде-

Рис. 31

Распространение украшений дунайских типов

а — памятники с находками украшений пастырского облика; б — с находками серег с «привесками» звездообразной формы и в виде виноградной грозди.
1 — Гнездово; 2 — Эсьмоны Малые; 3 — Зимно; 4 — Новоселки; 5 — Пересопница; 6 — Борщевка; 7 — Речица; 8 — Залесье; 9 — Киев; 10 — Григоровка; 11 — Гуцино; 12 — Харьевка; 13 — Фатеж; 14 — Коробнино; 15 — Шпилевка; 16 — Будки Малые; 17 — Денис; 18 — Монастырек; 19 — Зеленки; 20 — Княжая Гора; 21 — Пастырское; 22 — Копиевка; 23 — Червоне; 24 — Юрковцы; 25 — Семенки; 26 — Сологутов; 27 — Мытковский; 28 — Гайворон; 29 — Бернашевка; 30 — Алчедар; 31 — Екимауцы; 32 — Бранешты-1; 33 — Рэдукэнень; 34 — Костишти-Яссы

видными») рассматривались в ряде работ. В последнее время им были посвящены две статьи — Е. Ю. Новиковой и написанной совместно Р. А. Рабиновичем и С. С. Рябцевой²⁷. Они достаточно определенно подтвердили мнение о появлении этих украшений в Восточноевропейских землях в результате переселения групп среднедунайского населения.

Дунайское происхождение имеют и ранние лучевые височные кольца (рис. 30: 5, 7, 8), ставшие прототипами семилучевых и семилопастных головных украшений радимичей и вятичей. Это, прежде всего, кольца Зарайского клада IX в., среди которых есть и пятилучевые с ложной зернью на щитке и тремя шариками на концах каждого луча, и семилучевые с одним шариком на концах лучей²⁸. К этой же группе височных украшений принадлежат семилучевые кольца Полтавского клада, очень близкие к зарайским, также относящиеся к IX в.²⁹ Близко к зарайским и височное кольцо с семью острыми лучами, найденное на Новотроицком городище. Здесь же обнаружено еще пятилучевое кольцо с ложной зернью на щитке. Дата этих находок также IX в.³⁰ Новотроицкие кольца отлиты, очевидно, на месте из низкопробного серебра, копируя дорогие украшения, привнесенные из Подунавья. К более раннему времени относится семилучевое височное кольцо, происходящее из культурного слоя VIII—IX вв. городища Хотомель в Припятском Полесье³¹. Лучевые височные кольца того же облика найдены еще на городище роменской культуры Горналь, на городище боршевской культуры Титчиха в Воронежском Подонье, в Кветуни под Трубчевском, а также на поселениях в Гнездово под Смоленском и Супрутах в Верхнем Поочье³². Датируются они в целом IX—X вв., гнездовский экземпляр относится к рубежу IX и X вв.

О происхождении названных лучевых колец из Подунавья, где широко были распространены золотые и серебряные височные подвески, основу которых составляли проволочные кольца, имевшие в нижней части треугольные отростки-лучи, составленные из зерни, писали многие исследователи³³. По своему облику рассматриваемые восточноевропейские украшения вполне сопоставимы с дунайскими. Последние, занесенные дунайскими переселенцами в южные регионы Восточной Европы, очевидно и послужили прототипами рассматриваемых лучевых височных колец, среди которых имеются экземпляры с деградирующей псевдозернью, что обусловлено многократным копированием находящихся в обиходе украшений. Наиболее вероятной представляется мысль об изготовлении лучевых височных колец в восточноевропейских землях местными ремесленниками по образцам украшений, привнесенных переселенцами из Дунайского региона. Иного объяснения появления в VIII—X вв. в Восточной Европе лучевых украшений найти не удастся.

Одним из ярких и достаточно надежных показателей миграции новых групп славян в лесную зону Русской равнины являются лунничные височные кольца (рис. 32; 33).

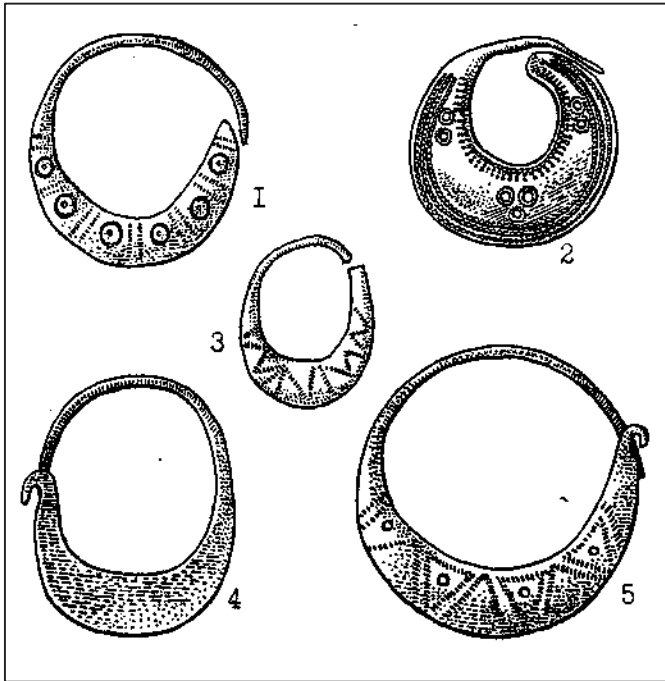


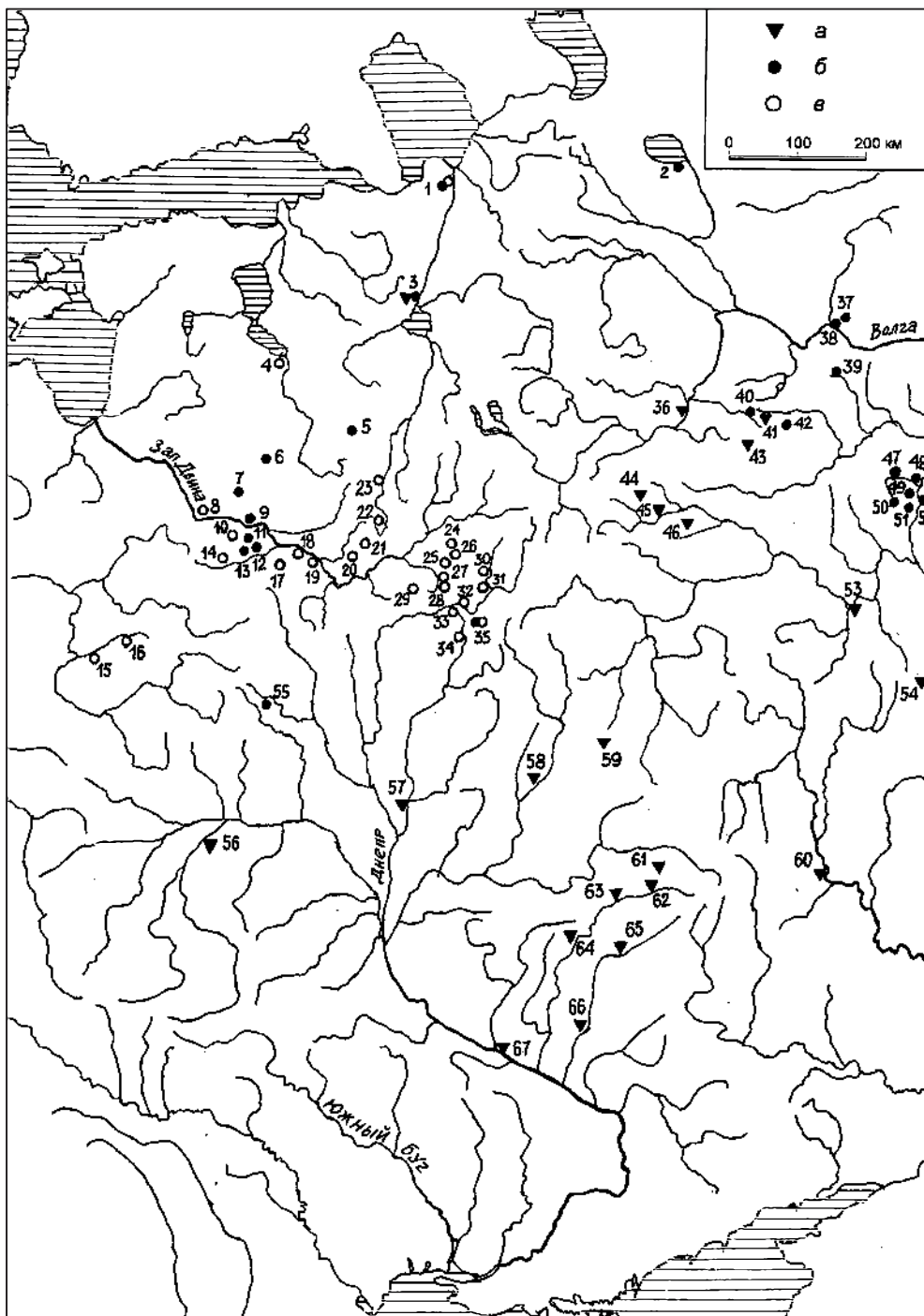
Рис. 32

Лунничные височные кольца

1 — Жминья; 2 — Старая Ладога; 3 — Юдовская Вас; 4 — Флашберг; 5 — Арефино (1, 3 и 4 — Среднее Подунавье; 2 и 5 — Восточная Европа)

К числу ранних находок принадлежит височное кольцо из курганного могильника VIII—IX вв., расположенного около д. Арефино на Смоленщине³⁴. Оно имеет луновидное пластинчатое основание (лопасть), орнаментированное зигзагообразным узором, нанесенным зубчатым колесиком. Сверху лопасть с одной стороны переходит в проволочную дужку, с другой завершается крючкообразно. Эта находка уже упоминалась в связи с вопросом о происхождении проволочно-пластинчатых височных колец культуры смоленско-полоцких длинных курганов.

Каких-либо прототипов арефинскому лунничному украшению в лесной зоне восточнославянского расселения и среди древностей соседних племен обнаружить не удастся. Ближайшие аналогии выявляются в материалах Среднего Подунавья, где лунничные височные кольца были весьма характерны для славянского населения последней четверти I тыс. н. э.³⁵ Среди них есть и украшения, совершенно идентичные по форме и орнаментации арефинской находке³⁶.



Лунничное височное кольцо арфинского типа обнаружено в горизонте Е2 культурных напластований Старой Ладogi, которые датируются второй четвертью IX в.³⁷ Его луновидная лопасть по краям орнаментирована пунктирным узором и в середине группами кружков с точкой в центре. С ладожской находкой сопоставимы лунничные украшения, обнаруженные на городище Ржева Пустая в Псковской земле, где имеется мощный культурный слой с лепной керамикой последних столетий I тыс. н. э., и на селище Прудники с напластованиями тушемлинской культуры и IX—X вв., расположенном около Браславля в Полоцкой земле³⁸.

Из региона полоцких кривичей происходит еще несколько лунничных височных колец того же типа. Некоторые из них отличаются чуть более широкой лопастью, орнаментированной обычно по краям зубчатым штампом и в середине — кружками. Такие украшения найдены на городищах Масковичи и Прудники³⁹ и в курганных могильниках у д. Лесная⁴⁰ и близ с. Гребень⁴¹. Встречены они также в соседних районах Латвии — на поселениях Зилупе, Мадалане и Саулекалнс⁴². Точно датировать эти находки не представляется возможным. Городища Масковичи и Прудники доживают до XII—XIII вв., Мадаланское городище sporadически использовалось как убежище в течение всего I тыс. н. э. и было заселено в XII—XIII вв. Курганы в Лесной и Гребени содержали захоронения по обряду ингумации на горизонте и могут быть датированы второй половиной X — XI в.

Рис. 33

Распространение височных украшений дунайских типов и височных колец, имеющих дунайские прототипы

а — памятники с находками ранних лучевых височных колец; б — с находками лунничных височных колец; в — с находками височных колец, включающих в себе элементы лунничных и браслетообразных украшений

1 — Старая Ладога; 2 — Белоозеро; 3 — Новгород; 4 — Камно; 5 — Ржева Пустая; 6 — Зилупе; 7 — Мадалане; 8 — Айзкраукле; 9 — Саулекалнс; 10 — Бельмонт; 11 — Прудники; 12 — Лесная; 13 — Масковичи; 14 — Богин; 15 — Стакай; 16 — Пирчюпай; 17 — Черневичи; 18 — Рудня; 19 — Глинице; 20 — Бескатово; 21 — Выжедки; 22 — Дорохи; 23 — Городок на Ловати; 24 — Слобода; 25 — Шиловка; 26 — Шугайлово; 27 — Дроково; 28 — Акатово; 29 — Заозерье; 30 — Хотынь; 31 — Ярцево; 32 — Колодня; 33 — Цурковка; 34 — Слобода-Глушица; 35 — Арфино; 36 — Пекуново; 37 — Татариново; 38 — Боровиково; 39 — Семухино; 40 — Переяславский уезд; 41 — Купанское; 42 — Юрьев-Польский уезд; 43 — Кубаево; 44 — Шейки; 45 — Звенигород; 46 — Деснинское; 47 — Малышево; 48 — Максимово; 49 — Муромский; 50 — Пустошенский; 51 — Подболотня; 52 — Нижняя Веря; 53 — Старая Рязань; 54 — Крюково-Кужновский; 55 — Гребень; 56 — Хотомель; 57 — Гомель; 58 — Кветунь; 59 — Слободка; 60 — Титчиха; 61 — Воробьевка; 62 — Гочево; 63 — Горналь; 64 — Новотроицкое; 65 — Ницахи; 66 — Полтава; 67 — Жовнин

Три лунничных височных кольца арефинского типа найдены при раскопках в Новгороде. Лицевые стороны их орнаментированы выпуклыми полушариями, перемежающимися с линиями ложной зерни. М. В. Седова справедливо сопоставила эти украшения с лунничными кольцами последних столетий I тыс. н. э. Однако в Новгороде эти кольца обнаружены были в слоях XIV в.⁴³ Мало вероятно, что лунничные височные кольца бытовали в столь позднее время. Нужно полагать, они попали в отложения XIV в. в результате потревоженности более ранних слоев.

Представляется несомненным, что в земли смоленско-полоцких кривичей лунничные височные украшения занесены переселенцами из Дунайского региона. Судя по разбросанности этих находок, это была инфильтрация сравнительно небольших групп дунайских славян, которые не образовывали своих селений, а селились на уже существующих. Учитывая то, что лунничные кольца оказали влияние на эволюцию височных украшений славянского населения, ранее колонизовавшего Смоленско-Полоцкие земли, можно говорить о значительном приливе дунайских славян в этот регион.

Среди находок из Гнездова и с городища Монастырек имеются лунничные кольца «нитранского типа» — украшения в виде лунниц с гроздевидными отростками. Принимая во внимание широкое распространение подобных украшений в восточно-моравском регионе и изолированность днепровских находок, можно было бы со всей определенностью утверждать среднедунайское начало восточноевропейских лунничных колец. Между тем на Гнездовском городище была найдена литейная формочка из кремнистого камня для изготовления колец «нитранского типа». Негатив, воспроизводящий узор из зерни, выполнен на этой форме очень тщательно, свидетельствуя о хорошем знакомстве мастера с техническими приемами изготовления нитранских височных колец. Это дает основание утверждать, что в среде ремесленников-ювелиров Гнездова были мастера, хорошо знакомые с великоморавской ювелирной традицией⁴⁴.

Лунничные височные кольца, близкие к арефинскому типу, встречаются также в Среднем Поволжье. Наиболее ранние происходят из захоронений VIII—IX вв. в грунтовых могильниках Максимовском, Малышевском, Муромском, Нижневерейском, Подболотьевском, Чулковском и Шокшинском. Наряду с местным финским племенем муромой в регионе в это время проживали уже славяне — носители браслетообразных височных колец. Появление здесь лунничных височных колец, бесспорно, отражает приток новых групп славянского населения. Как и в области смоленско-полоцких кривичей, переселенцы из Дунайских земель не создавали самостоятельных поселений, но подселялись на уже функционирующие, а для захоронений пользовались действующими некрополями.

Так, в Максимовском могильнике⁴⁵, где раскопано около 70 захоронений, лунничные височные кольца встречены только в двух могилах. В одной из них два неорнаментированных кольца находились при остатках трупосожжения. В другой могиле обнаружено также два серебряных кольца, которые имели по четыре отверстия с колечками для привешивания трапециевидных подвесок. Еще одно лунничное кольцо происходит из потревоженного захоронения. Датируется Максимовский могильник IX—X вв.

В Чулковском могильнике того же времени одно лунничное височное кольцо, украшенное прочерченным зигзагообразным узором, встречено в захоронении 77 (раскопки В. В. Гришакова 1992 г.). В Корниловском могильнике лунничные украшения найдены в двух могилах⁴⁶. Два серебряных кольца происходят из Молвотицкого могильника⁴⁷. В Малышевском могильнике первые лунничные височные кольца появляются в погребениях второй половины IX в. Здесь они нередко коррелируют с браслетообразными височными кольцами с заходящими концами и щитковоконечными⁴⁸. Несколько лунничных колец с трапециевидными привесками или без таковых найдены в захоронениях Шокшинского могильника⁴⁹. Он функционировал продолжительное время — от второй половины V до XI в., но большинство погребений относится к VIII—X вв. К этому периоду принадлежат и все захоронения с височными кольцами. Преобладали среди них браслетообразные щитковоконечные. Лунничные кольца сопровождали их, реже — составляли самостоятельный набор головных украшений.

Одно лунничное височное кольцо, принадлежащее к рассматриваемому типу, происходит из погребения 63 Дубовского могильника, расположенного на берегу Волги на южной окраине области расселения мари⁵⁰. Самой восточной находкой является лунничное кольцо, обнаруженное в одном из погребений IX—X вв. Танкеевского могильника в Татарии⁵¹.

В среднем течении Оки носители лунничных височных колец, по-видимому, растворились в местной среде. В X в. эти украшения выходят из употребления.

В междуречье Волги и Клязьмы в ряде мест ношение лунничных колец сохранялось и в XI—XII вв. Здесь они встречены в древнерусских подкурганых трупоположениях в окрестностях Юрьева и Переяславля⁵², Семухине на р. Тезе⁵³, Татаринове в Костромском Поволжье⁵⁴. Судя по материалам раскопок Семухинских курганов, носились лунничные кольца так же, как и другие типы височных украшений, — на висках по одному с каждой стороны головы.

Очевидно, из Волго-Окского региона носители лунничных височных колец расселились в Белозерском крае. Одно из таких украшений найдено при раскопках города Белоозера в слое X в. Оно орнаментировано зубчатым штампом в виде двойного зигзагообразного узора и тройно-

го пояска сверху. На лопасти его сделано три отверстия, в которые продеты проволочные костыльки с трапециевидными подвесками⁵⁵. Пара лунничных колец происходит из одного из захоронений XIII в. Пустошинского могильника, расположенного близ Старовской Пустыни на р. Ваге⁵⁶. Лопастей их орнаментированы по краям зубчатым штампом, а в середине — фигурой из четырех выпуклин.

В лесной полосе Восточной Европы никаких прототипов лунничным височным кольцам найти невозможно. Эти украшения могли быть привнесены сюда откуда-то со стороны. Рассматривая лунничные кольца русского Севера, Н. А. Макаров отметил, что по форме и орнаментации они сходны с окскими, а прототипом их орнаментации был узор арефинского кольца⁵⁷.

Исходным регионом восточноевропейских лунничных колец могло быть только Подунавье. Штихельная орнаментация в виде зигзагов и иных узоров на лунничных кольцах из Арефина, Ладоги, Белоозера, Чулково и других мест в деталях повторяет среднедунайскую. До появления лунничных украшений на Восточно-Европейской равнине подобной орнаментации или чем-то напоминающей ее не известно.

Миграционной волной, исходившей из Среднедунайских земель, лунничные височные кольца, по всей вероятности, сначала были занесены в кривичские земли и на среднюю Оку, а уже оттуда на Русский Север.

Кроме единичных лунничных колец арефинского типа на севере Европейской России получили распространение еще два типа таких украшений. Анализ их формы и орнаментации позволяет утверждать, что они являются результатом эволюционного развития занесенных на Русский Север лунничных колец арефинского типа. Изготавливаться они уже могли там же, первоначально по образцам, занесенным в IX—X вв. На городище Крутик в верховьях Шексны была найдена каменная формочка для отливки лунничных колец⁵⁸.

Свидетельством переселения разрозненных групп дунайских славян в средней полосе Восточной Европы являются еще находки трапециевидных подвесок с точечным узором по нижнему краю (рис. 34). Каталогизируя такие предметы, широко представленные в Дунайском регионе, румынская исследовательница М. Комша показала их славянскую атрибуцию⁵⁹. Мною отмечалось, что подобные трапециевидные подвески известны и в Смоленско-Полоцком ареале, где они в ряде захоронений длинных курганов коррелируют с проволочно-пластинчатыми (серповидными) височными кольцами⁶⁰.

И. О. Гавритухин, заново проанализировав находки трапециевидных подвесок, выделил среди них группу малых привесок с орнаментацией по нижнему краю в виде полосы из прессованных точек. Наиболее ранние экземпляры их были сравнительно широко распространены в Подунавье, где по материалам славяно-аварских могильников датируются

VII — началом VIII в. Не позднее рубежа VII—VIII вв. такие подвески получают некоторое бытование среди славянского населения, представленного пражско-корчакской культурой, преимущественно в областях, примыкающих к Карпатскому региону⁶¹.

В VIII—IX вв. аналогичные трапециевидные подвески появляются в Верхнеднепровско-Двинском регионе в памятниках культуры смоленско-полоцких длинных курганов и в бассейне среднего течения Оки, то есть в тех же областях, что и лунничные височные кольца арефинского типа. Их появление здесь может быть объяснено только расселением отдельных групп среднедунайского населения.

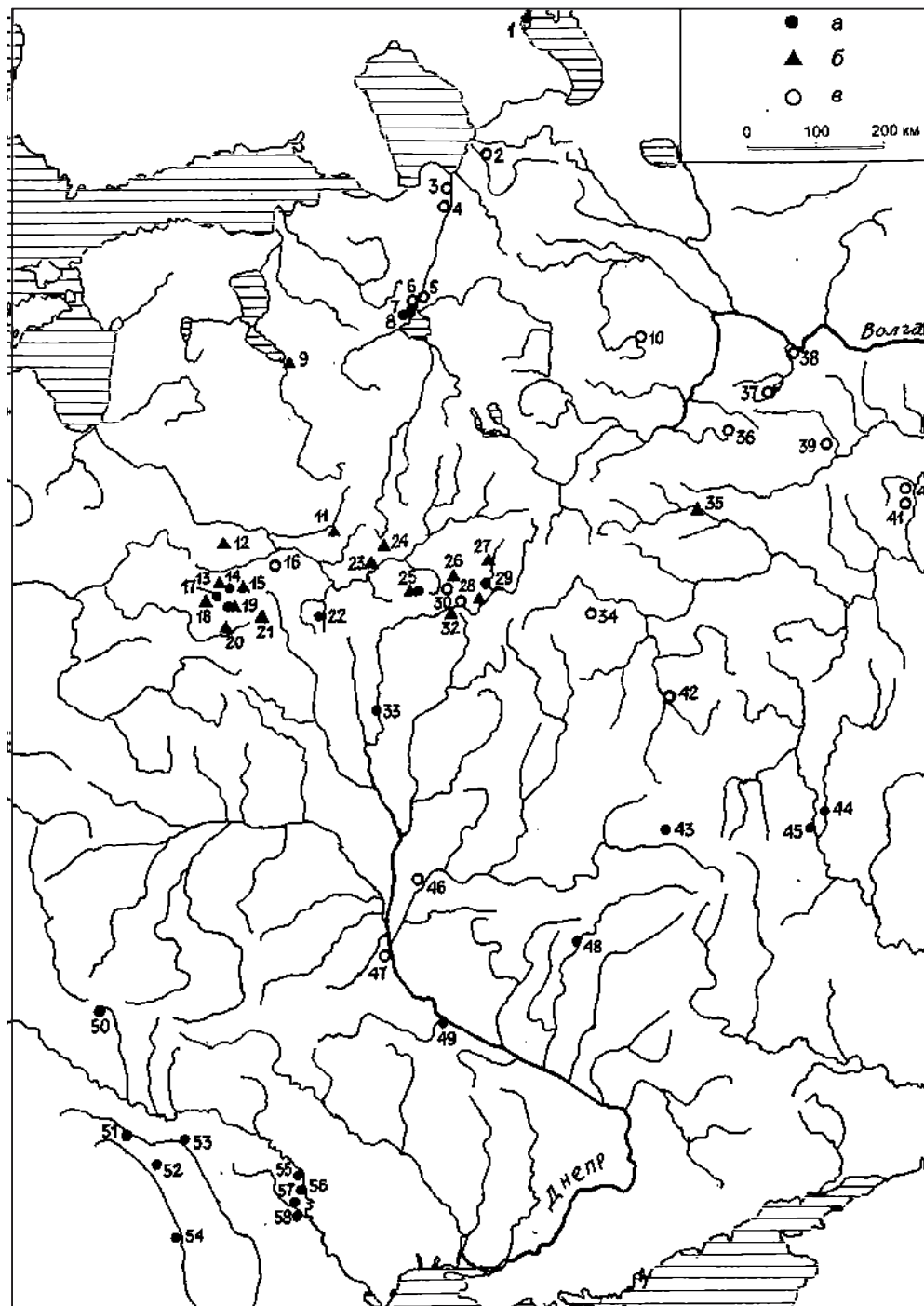
Подобные трапециевидные подвески в небольшом числе известны еще в памятниках VII в. Мазурского поозерья, где приток населения из Подунавья и наличие в его составе славянского этнического компонента устанавливаются целым комплексом данных⁶².

Инфильтрация групп среднедунайских славян в лесные земли Восточно-Европейской равнины документируется также некоторыми другими находками. Так, в одном из длинных курганов у д. Цурковка на Смоленщине обнаружена часть поясного набора достоверно дунайского происхождения⁶³. Найденная ременная гарнитура принадлежит к позднеаварскому кругу древностей, широко представленному в Среднем Подунавье. Среди находок Цурковского кургана есть еще браслет с полыми расширенными концами, который также сопоставим с дунайскими украшениями типа Сент-Эндре⁶⁴.

В статье, посвященной различным височным украшениям Гнездовского археологического комплекса, Т. А. Пушкина достаточно убедительно показала, что немалая часть их связана с кругом дунайских древностей. Кроме упомянутых выше лучевых височных колец и колец с гроздевидной привеской, к изделиям среднедунайского происхождения достоверно принадлежат упомянутые выше три бронзовых кольца в форме обращенной рожками вверх лунницы с гроздевидным отростком в центре нижней кромки. Со Среднедунайским регионом связаны также чекан блучинского типа и золоченая шпора. Ранняя гончарная керамика, появляющаяся в Гнездове в 20—30-х годах X в., также имеет дунайское происхождение. При этом очевидно, что ее распространение было не результатом торговых операций, а следствием миграции в Верхнее Поднепровье групп славянского населения из Дунайских земель⁶⁵.

Из кургана 13, раскопанного в Гнездовском могильнике Д. А. Авдусиным, происходит амфоровидный глиняный сосуд-корчага с процарапанной надписью: «гороуща» или «гороушна». Согласно изысканиям О. Н. Трубачева, эта надпись свидетельствует о проникновении на Русь глаголицы, отражая импульсы из Среднего Подунавья⁶⁶.

В этой связи небезынтересна и мысль этого исследователя о расселении здесь племени смолян, давшем имя городу Смоленску, из Дунайских земель. О. Н. Трубачев отмечает, что в раннем средневековье смо-



ляне известны в трех различных регионах: 1) в правобережной части нижней Эльбы близ устья Эльды проживали смолинцы, названные «Баварским географом» IX в. среди полабских славян; 2) в Западных Родопях на р. Места-Нестос, впадающей в Эгейское море, где находится город Смолян, локализуется племя смолян, в XII в. входившее в состав Болгарского государства; 3) на берегах Днепра (они и дали имя Смоленску). Смоляне Балканского полуострова, смолинцы Полабья и предполагаемые смоляне на верхнем Днестре, по всей вероятности, некогда составляли единое праславянское племя, расчлененное и разбросанное в результате великой славянской миграции по разным местностям⁶⁷. Коренной регион праславянских смолян, скорее всего, находился, как полагает исследователь, где-то в Подунавье. В таком случае часть его, осевшая в кривичском Поднепровье, проделала большой путь из исходного центра, возможно в числе носителей лунничных височных колец.

Показателем расселения разрозненных групп дунайских славян являются и находки на восточнославянской территории железных ножей с рукоятками, оформленными волутообразными завершениями (рис. 35). Они имеют сравнительно большие размеры — от 9 до 19 см, чаще 12—16 см, плоскую железную рукоятку, иногда украшенную насечками, составляющими геометрический узор. Этот орнамент и отсутствие следов заклепок свидетельствуют, что рукояти не закрывались костяными или деревянными пластинами.

Ножи с волутообразными рукоятками неоднократно привлекали внимание исследователей⁶⁸. В результате можно утверждать, что первые ножи этого типа первоначально появились в Дунайско-Прикарпатском

Рис. 34

Распространение некоторых вещей дунайского происхождения

а — памятники с находками ножей с волутообразными рукоятками; б — с находками малых трапецевидных подвесок с орнаментацией из точек; в — с находками удила IX—X вв.

1 — Суна-6; 2 — Вихмес; 3 — Старая Ладога; 4 — Чернавино; 5 — Холопий Городок; 6 — Новгород; 7 — Георгий; 8 — Васильевское; 9 — Псков; 10 — Сарогожское; 11 — Борки; 12 — Рацкий Бор; 13 — Микольцы; 14 — Василиха; 15 — Некасецк; 16 — Черневичи; 17 — Ревячка; 18 — Засвирь; 19 — Городище; 20 — Еленево; 21 — Сосенка; 22 — Лукомль; 23 — Лужесно; 24 — Бескатово; 25 — Заозерье; 26 — Акатово; 27 — Хотынь; 28 — Дроково; 29 — Ярцево; 30 — Гнездово; 31 — Лопино; 32 — Цурковка; 33 — Тайманово; 34 — Мощины; 35 — Дьяково; 36 — Веськово; 37 — Сарское; 38 — Тимерево; 39 — Гнездилово; 40 — Максимова; 41 — Подболтня; 42 — Федяшево; 43 — Шуклинка; 44 — Староживотинное; 45 — Семилукское; 46 — Шестовицы; 47 — Вышгород; 48 — Новотроицкое; 49 — Канев; 50 — Плиснеск (Подгорцы); 51 — Ревне; 52 — Лузна-Стратени; 53 — Перерыта пе Шес; 54 — Извоаре-Бахна; 55 — Алчедар; 56 — Лопатна; 57 — Бранешты-1; 58 — Требужены

регионе. В составе вещевогоклада, найденного в Шилагушомльё (Румыния), имелась золотая цепочка, на которой были закреплены амулеты, и среди них миниатюрный нож с волутообразным окончанием⁶⁹, который следует рассматривать как реликт римского времени. Одни исследователи датировали эту находку концом IV — первой половиной V в., К. Яжджевский относил нож-амулет к VI в. По-видимому, подобные культовые предметы и послужили прототипами рассматриваемых раннесредневековых ножей с волутообразными завершениями на рукоятках.

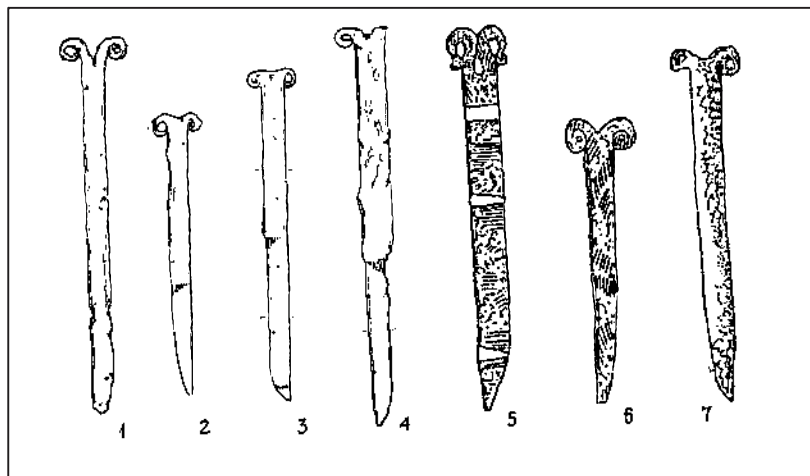


Рис. 35

Железные ножи с волутообразными рукоятками

1 — Ромонья-2; 2 — Нитра; 3 — Гнойне; 4 — Желовце; 5—7 — Ревячка (1—4 — Среднее Подунавье; 5—7 — Белоруссия)

В VI—VIII вв. такие ножи получили распространение в Дунайско-Карпатском регионе. Они найдены на славянских поселениях этого времени в Словакии (Хнойно, Нитра), Молдавии (Алчедар III, Бранешты I, Лопатна, Требужены, Перерыта пе Шес) и Польши (Бониково, Бискупин, Челядж Велько, Новая Гута-Могила, Сандовель, Глезиановск, Бнин, Милч, Жуковице), в могильнике аварского периода Богойево в Югославии, а также в позднеаварских могильниках Среднего Подунавья (Алатьян, Зилингталь, Кестхей, Соб).

Связь ножей с волутообразными рукоятками со славянским этносом не может вызывать серьезных возражений. Наличие на позднеаварских некрополях погребений славянского населения ныне достаточно надежно аргументировано. В чешской и словацкой научной литературе эти могильники справедливо именуют славяно-аварскими. Замечу, что в

могильнике Алаттьян встречены и трапециевидные подвески с точечной орнаментацией, о которых речь шла выше.

Уже В. Шиманьский рассматривал ножи с волутообразными завершениями как предметы жреческого культа, с чем согласилось большинство археологов, публиковавших такие находки. В погребениях они нередко встречаются с богатым инвентарем. Так, в могильнике Алаттьян такой нож обнаружен в женском захоронении 287, в котором еще находились две серьги, ожерелье из разнообразных бус, железная пряжка и глиняное пряслице⁷⁰.

В карпатско-нижнедунайском регионе ножи с волутообразными рукоятками бытовали и в VIII—X вв. К этому времени принадлежат находки в Румынии (Букове, Лозна-Стратени, Извоаре-Бахне, Диногеции), а также в Болгарии (Мадара), описанные недавно И. Митреа и Д. Г. Теодором⁷¹. В Среднедунайских памятниках послеаварского времени подобные ножи уже не встречаются. Вместо этого они широко распространяются по Восточно-Европейской равнине.

В южнорусских землях (рис. 34) ножи с волутообразными навершиями найдены на поселениях Ревно на Буковине, Плиснеск (Подгорцы) на Волыни, Каневском на берегу Днепра и на двух городищах роменской культуры — Новотроицком и Шуклинском⁷². Четыре экземпляра таких ножей обнаружены при раскопках Староживотиновского городища боршевской культуры и еще один — на Семилукском городище с напластованиями той же культуры⁷³.

В средней полосе Восточно-Европейской равнины ножи с волутообразными рукоятками встречены на поселениях Василиха, Городище (Мядельское), Лукомль, Заозерье, Тайманово и в насыпи одного из курганов в Ярцеве⁷⁴. Нож из Ярцева по своему облику абсолютно идентичен подобным находкам в славяно-аварских могильниках Подунавья. На всех названных поселениях имеются напластования тушемлинской культуры, с верхними горизонтами которых, по всей вероятности, и нужно связывать находки культовых ножей. На поселениях Городище, Заозерье и Лукомль встречены также привнесенные из Дунайских земель трапециевидные привески.

Два ножа с рукоятками, завершающимися волутообразно, найдены в Поильменье на селищах Васильевское и Георгий⁷⁵. Еще одна находка сделана на поселении Суна VI на северо-западном побережье Онежского озера⁷⁶.

Дунайское начало имеют также удила типа 1 по классификации А. Н. Кирпичникова (рис. 34). Они с прямыми стержневидными псалиями, продетыми в одну из петель восьмеркообразного окончания грызла. Петли грызла по отношению друг к другу находятся во взаимно перпендикулярных плоскостях. А. Н. Кирпичников отмечает, что такие удила получили распространение в среднеевропейских землях в связи с

продвижением с востока гуннов и аваров. Они широко представлены в славяно-аварских могильниках Среднего Подунавья VII—VIII вв.⁷⁷

Удила, привнесенные в лесные области Восточно-Европейской равнины среднеевропейскими переселенцами в эпоху великого переселения народов, не прижились на новом месте. Только после некоторого перерыва в IX—X вв. удила появляются вновь в лесных землях Восточной Европы. Наиболее ранние находки происходят из сопки в Чернавине близ Старой Ладogi. Некоторые восточноевропейские удила дают полное основание утверждать, что исходным регионом их были Дунайские области. Так, железные удила из Холопьяго городка под Новгородом с эсвидными псалиями, увенчанными зооморфными головками (они инкрустированы латунными пластинами с глазами-вставками из синего стекла), имеют точные аналогии в славяно-аварских могильниках Подунавья, что было отмечено исследователем памятника Е. Н. Носовым⁷⁸.

С инфильтрацией среднедунайских славян, весьма вероятно, следует связывать и распространение на Восточно-Европейской равнине металлических нагрудных крестов с так называемым грубым изображением распятого Христа. Им мною посвящена специальная статья⁷⁹, в которой показано, что истоки этих крестов находятся в Великой Моравии. Из Подунавья они в X в. распространились в Древнерусские земли. Первые находки таких крестов на Руси датируются временем до официального принятия христианства. Так, в Новгороде один из крестов рассматриваемого облика встречен на Неревском раскопе в промежутке между настилами мостовых Великой улицы ярусов 27 и 26, что дает основание датировать находку 70—80-ми годами X в. К концу этого столетия принадлежат аналогичные кресты, найденные на Буяном раскопе в Новгороде и на городище Заречье в Киевском Поднепровье, отождествляемом с летописным городом Новгородом Малым. Другие находки крестов аналогичного типа на Руси относятся к XI в., и определить, какие из них поступили из Дунайских земель, а какие могли быть изготовлены древнерусскими мастерами по дунайским образцам, затруднительно.

Из Древней Руси кресты с грубым изображением распятого Христа проникли в южные области Финляндии, где они датируются XI — первой половиной XII в. В названной работе мною высказано предположение о древнерусском происхождении и подобных крестов, обнаруженных в памятниках Скандинавии. Это не исключает того, что какая-то часть их могла быть изготовлена готландскими ювелирами, которые, как ныне выясняется, в начале XII в. имитировали различные виды древнерусских изделий.

Картография находок дунайского происхождения и их датировки достаточно надежно свидетельствуют, что в VII—X вв. имели место многократные оттоки славянского населения из Дунайского региона. Продвигаясь в восточных направлениях группы дунайских переселенцев оседали в различных местностях Восточно-Европейской равнины, в землях,

уже освоенных славянами. Разнотипность находок дунайского происхождения и их рассеянность по восточнославянской территории указывают на множественность миграционных групп, вышедших из разных регионов Подунавья. Инфильтрация дунайских славян продолжалась, очевидно, около двух-трех столетий.

В этой связи находит объяснение сообщение Повести временных лет о расселении славян с Дуная. Составитель этого летописного свода Нестор утверждает: «По мнзехъ времяхъ сели суть словени по Дунаеви, где есть ныне Угорьска земля и Болгарска. И от техъ словенъ разидошася по земле и прозвашася имены своими, где седоше на которомъ месте»⁸⁰. То есть, по Нестору, земли по нижнему течению Дуная и Паннония были древнейшей территорией славянства после их прихода из Передней Азии, которая, согласно библейскому преданию, была родиной всего человечества.

Летописный рассказ о расселении всех славян с Дуная стал основой так называемой дунайской теории их происхождения, весьма популярной в исторических произведениях средневековья и последующего времени. Однако данные археологии и языкознания в сочетании со сведениями римских авторов надежно показывают, что в I тыс. до н. э. и в первых веках нашей эры Среднее и Нижнее Подунавье занимали не славянские этнические общности и только с III—IV вв. н. э. появляются основания говорить о проникновении первых славян в левобережную часть Нижнего Подунавья. Массовое расселение славян в Дунайском регионе относится уже к V—VI вв.

Рассмотренные выше археологические материалы дают основание полагать, что летописное сообщение о Подунавье как исходном регионе расселения славян, очевидно, связано не с первоначальным освоением славянами Восточно-Европейской равнины, а с миграционными волнами, исходившими из Дунайских земель в VII—X вв. Фиксируемые археологическими материалами отливы славянского населения из Подунавья находят объяснение в исторических событиях этих столетий.

В VI—VII вв. славянское население доминировало в Среднем и Нижнем Подунавье. Достаточно очевидно, что создателями аварской культуры на среднем Дунае были не только собственно авары, но в основном население, которое им удалось подчинить путем завоевания или включения в конгломерат в качестве союзников. Наиболее значительную часть жителей Аварского каганата, как показывают данные археологии и подтверждают свидетельства письменных источников, составляли славяне. Это была та сила, которая способствовала оседлости кочевников, приобщению их к земледелию и ремесленной деятельности⁸¹.

Славянское население Среднего Подунавья вынуждено было терпеть грабежи, гнет и унижения со стороны аваров. Так, в хронике VII в., составленной Фредегаром, сообщается: «Авары (они здесь именуется

гуннами) каждый год шли к славянам, чтобы зимовать у них; тогда они брали женщин и детей славян и пользовались ими. В завершение насилия славяне обязаны были платить аварам дань»⁸². В том же источнике говорится, что, когда авары ратью шли против какого-либо народа, они ставили впереди войско славян. Если последнее одерживало верх, то авары забирали всю добычу и, только если славяне терпели поражение, вступали в сражение сами.

Естественно, что в такой ситуации из Дунайского региона начался отлив славянского населения. В результате постоянных войн могущество Аварского каганата постепенно слабело. В 791 г. авары были побеждены Карлом Великим, а несколько позже его сын Пипин завершил разгром Аварского государства. Франкские войны существенным образом затронули и славянское население Среднего Подунавья. По-видимому, значительные массы славян в условиях франкского нашествия отдельными группами вынуждены были оставить часть Среднедунайских земель и, продвинувшись далеко на восток, осесть в различных местностях Восточно-Европейской равнины. Письменные документы IX в. называют центральные области бывшего Аварского каганата «аварской пустыней» (*solitudines Avarorum*).

В VII—VIII вв. наблюдается активизация романского населения Подунавья, известного под именем *волхи* (в русских летописях — «влахи»). В V—VII вв. земли к северу от нижнего течения Дуная были плотно заселены славянами. К началу VIII в. большая часть их могильников перестала функционировать. Очевидно, что в это время значительные массы славянского населения покинули регион⁸³.

Еще в первой половине XIX в. собиратели русского фольклора обратили внимание на весьма распространенное употребление в песнях и былинах термина *дунай*. В 1876 г. увидела свет работа В. Ягича о Дунае в славянском фольклоре, в которой на основе собранного материала исследователь утверждал, что фольклорный Дунай безусловно своим происхождением связан с реальной рекой Дунай⁸⁴.

Предания о Дунае-батюшке были весьма широко распространены до недавнего времени во многих восточнославянских землях. Образ реки Дунай вошел в мифологию и обрядовую жизнь восточных славян. Дунай включается в круг представлений о землях изобилия и предков, с ним связываются мотивы «водного» и «женского» в языческих верованиях и ритуалах. В ряде случаев предполагается определенная функционально-образная связь между «демоном» Дуная и языческим Велесом. Дунай в разных образах широко представлен в восточнославянских песнях, в текстах свадебных причитаний и т. п.⁸⁵

В этой связи одни исследователи полагали, что все это обусловлено первоначальным проживанием славян в Дунайском регионе и последующим расселением их оттуда на Восточно-Европейской равнине, о чем и рассказывает Повесть временных лет. Другие ученые, отрицавшие ду-

найскую прародину славянства, относили зарождение популярности Дуная в славянской среде ко времени балканских войн.

Выявляемое археологическими данными многоактное расселение разрозненных групп дунайских славян по Восточно-Европейской равнине позволяет отнести зарождение образа Дуная в древнерусском фольклоре и обрядности к периоду этих миграций. Только переселенцы из Дунайского региона могли привнести в восточнославянскую среду яркий образ и культ Дуная, представления о Дунае как земле изобилия, «земле предков», пограничной реке.

С широкой инфильтрацией дунайских славян в славянские области Восточной Европы, по всей вероятности, связано решение двух существенных вопросов. Как известно, славяне, заселявшие лесные земли Восточно-Европейской равнины, умерших хоронили исключительно по обряду трупосожжения, что было обусловлено их языческим миропониманием. Этот ритуал фиксируется в курганных материалах до первой трети XI в. включительно. В этой связи, многие исследователи придерживаются положения о распространении на этих территориях обряда ингумации под влиянием христианской религии.

Между тем ряд данных мешает согласиться с таким решением вопроса. Множество фактов свидетельствует о том, что в кривичско-словенском регионе обряд ингумации получает распространение задолго до крещения Руси. Трупоположения в курганах середины и второй половины X в. известны не только в Гнездовском могильнике, что еще можно было бы объяснить ранним проникновением христианства в среду дружинного сословия Древней Руси, но и в местностях, отдаленных от городов и торговых магистралей того времени. Таковы, например, курганы с трупоположениями в могильниках верхнего течения Луги, в бассейне Мологи и других регионах Новгородской земли. Существенно то, что эти погребения второй половины X в. совершались не на горизонте, а уже в подкурганных ямах. Серединой этого столетия датируются и трупоположения в десятках курганных могильников на территории расселения смоленско-полоцких кривичей⁸⁶. Думается, что столь раннее появление захоронений по обряду ингумации, в особенности трупоположений в могильных ямах, следует поставить в непосредственную зависимость от расселения дунайских славян в лесных областях Восточной Европы. В Среднем Подунавье такая обрядность (правда, бескурганная) была весьма характерна для славянского населения начиная с VII—VIII вв.

С миграцией дунайских славян связано, по всей вероятности, и распространение в лесной зоне Восточно-Европейской равнины гончарной керамики. Выше отмечалось, что ранняя круговая керамика Гнездовского комплекса, появляющаяся в 20—30-х годах X в., была привнесена переселенцами из Моравского Подунавья. То же можно утверждать и относительно появления гончарной керамики в некоторых других ре-

гионах Древней Руси. Так, только привнесением извне можно объяснить распространение в X в. круговой посуды в Рязанском Поочье.

В связи с широкой инфильтрацией дунайских славян в Восточную Европу находит объяснение и присутствие лексем дунайского происхождения в Повести временных лет. Так, восточнославянский термин *князь* (вытеснивший более ранний, *каган*), как показал А. С. Львов, является изустным заимствованием из диалектов моравско-паннонских славян⁸⁷.

Дунайские славяне, расселившиеся в различных местностях Восточной Европы, оказали несомненное воздействие на процесс нивелировки диалектного многообразия, сложившегося на первом этапе в результате освоения этих земель различными праславянскими племенными группировками. Наряду с другими факторами, о которых речь пойдет ниже, заметный прилив славянского населения из Дунайского региона сыграл существенную роль в консолидации славянского населения Восточно-Европейской равнины, которая завершилась формированием древнерусской народности.

ФОРМИРОВАНИЕ ДРЕВНЕРУССКОГО ДРУЖИННОГО СОСЛОВИЯ

Весьма существенным явлением в консолидации славянских племенных образований, расселившихся на Восточно-Европейской равнине, стало формирование древнерусской дружины и военно-дружинного сословия. Военная дружина — организация воинов-профессионалов, противостоящая племенным ополчениям предшествующей поры.

Зарождение дружины в славянской среде Восточной Европы, по-видимому, относится еще к антскому периоду. Но это были дружины, формируемые для выполнения определенных заданий, их еще нельзя причислять к профессиональным образованиям. Начало становления древнерусского дружинного сословия определяется IX в., а наибольшая активность приходится на следующее столетие.

Основными памятниками изучения военной дружины на Руси являются курганные некрополи IX — начала XI вв., в которых преимущественно по языческому обряду хоронились как рядовые воины, так и представители знати. Такие могильники связаны с международными торговыми путями и зарождающимися ранними городами (Киев, Чернигов, Гнездово-Смоленск) или протогородскими торгово-ремесленными поселениями (Шестовицы, Тимерево-Михайловское под Ярославлем, Новоселки близ Смоленска). В Суздальском ополье и Юго-Восточном Приладожье дружинные курганы разбросаны по разным могильникам, оставленным местным в своей основе земледельческим населением.

Наиболее крупным дружинным комплексом является Гнездовский, находящийся на Днепре, недалеко от Смоленска. Это наиболее многочисленное скопление курганов на Руси, состоящее из десяти могильников, в которых насчитывается около 4 тысяч погребальных насыпей. Здесь же известно несколько синхронных поселений⁸⁸.

Немалая часть курганов в Гнездове принадлежит местному населению и по особенностям погребального ритуала и немногочисленному инвентарю не отличается от синхронных кривичских курганов окрестных местностей Смоленского Поднепровья. Дружинные курганы выделяются несколько иным погребальным обрядом. На площадке, избранной для насыпи, устраивался костер и на него клали умершего, одетого в лучшие одежды и в сопровождении вещей, которые, по представлениям современников, могли ему пригодиться в загробном мире: предметы вооружения, быта и пищу. После прогорания костра остатки трупосожжения собирались в глиняный горшок-урну, который помещался в центре кострища, а затем к урне сгребали и остатки костра. В единичных случаях умерший сжигался в ладье. По завершении погребального ритуала насыпался курган. В небольших (высотой от 0,4 до 1,8 м) круглых в плане насыпях, окруженных ровиками, погребались рядовые дружинники.

В составе Гнездовского погребального комплекса выделяются большие курганы такой же формы, но достигающие в высоту 2—7 м и в диаметре 25—35 м. В целом погребальный ритуал в них был таким же, как и в малых насыпях, но в обрядности есть и некоторые особенности. Так, для погребального костра в больших курганах предварительно делалась подсыпка высотой 0,7—1,2 м с горизонтальной поверхностью, на которой и совершалась кремация умерших.

В кургане 7, раскопанном С. И. Сергеевым, кремация была совершена в ладье. Размеры огнища достигали 17 × 10,5 м. Судя по находкам, сожжены были мужчина и женщина. Здесь были найдены топор, конская утварь, ледоходные шипы, весы, гирька, ларец, бусы, нагрудная цепь, привески, овальная фибула, шиферное пряслице, гребень, оселки.

После того как погребальный костер прогорел, на месте кремации был зарезан баран, голову и конечности которого поместили в котел. Последний был поставлен на огнище и рядом установлены три глиняные урны с кальцинированными костями. В жертву была принесена птица и брошены разломанная железная шейная гривна и фрагменты разбитых глиняных сосудов. По выполнении ритуальной церемонии был возведен курган высотой около 2 м. Дата его — вторая половина X в. Близи по строению и обрядности к этой насыпи и другие большие курганы Гнездова.

На поздней стадии функционирования Гнездовского некрополя наряду с захоронениями по обряду кремации умерших появляются и трупоположения.

Раскопки Гнездовских дружинных курганов дали большую коллекцию оружия. В ее составе имеются каролингские мечи, распространенные в это время по всей Европе. Основным центром их изготовления были мастерские на Рейне, о чем говорят клейма на лезвиях, но делались они и на Руси. Весьма распространенным оружием были железные ромбовидные стрелы и ромбовидные и ланцетовидные копья. Неоднократно встречены боевые топоры с характерной полукруглой выемкой в нижней части лезвия. Найдены также кольчужные рубашки и шлемы, нередкими находками являются ледоходные шипы и лодейные заклепки.

Среди других предметов из Гнездовского комплекса можно упомянуть складные весы с коромыслом, 14-гранные или бочонковидные гири, изготовленные из железа и покрытые тонкой бронзовой оболочкой, арабские монеты, бритвы, ножи и другие бытовые вещи. Погребения с находками весов и весовых гирек, очевидно, принадлежат купцам, захоронения с орудиями труда (молотками, напильниками, резцами, долотами и прочим) нужно связывать с мастерами-ремесленниками. Техника обработки железных изделий свидетельствует об обособившемся кузнечном ремесле. Различные поясные бляшки и украшения изготавливались местными ювелирами. В X в. получает развитие и местное гончарное ремесло.

Женские украшения весьма разнообразны: височные кольца (проволочные, трехбусинные и упомянутые выше, дунайского происхождения); стеклянные, сердоликовые, пастовые и металлические бусы, в том числе сканные высокохудожественные, а также плетенные из серебряной канители; лунницы и различные нагрудные привески.

Часть предметов — из Гнездовских курганов скандинавского происхождения. Таковы скорлупообразные фибулы овальной и круглой формы с рельефным узором нордического стиля. Они были непременной деталью скандинавского женского костюма. С их помощью закреплялись на груди бретели женской одежды, поэтому в Скандинавии в захоронениях обычно находятся по две фибулы. В Гнездовском могильнике исследовано свыше двух десятков курганных погребений с такими фибулами. В шестнадцати курганах встречено по одной фибуле, в одном — четыре, в остальных — по две.

К скандинавским предметам принадлежат еще железные шейные гривны с топовидными привесками, называемыми молоточками Тора, а также некоторые привески с типичным нордическим орнаментом или связанные с языческими культами викингов.

К предметам импорта в гнездовской коллекции принадлежат бронзовая лампочка в виде женской головы, изготовленная в Иране, поливное блюдо с изображением иранского божества Сэнмувра, известного на Руси под именем Симаргла. В ряде курганных захоронений встре-

ны поясные бляшки восточного происхождения. Очевидно, из Херсонеса привезен был бронзовый энколпион. О широких торговых контактах свидетельствуют и некоторые другие находки. Среди таковых и упомянутая выше глиняная амфора X в. с надписью, привезенная из Киева или непосредственно из Средиземноморья.

Среди поселений, расположенных при курганных кладбищах Гнездова, одно выделяется своими размерами. Его площадь превышала 15 га. Раскопками исследован участок поселения, где находились ремесленные мастерские и хозяйственные постройки. Найдены тигли, литейные формочки, шлаки и незавершенные изделия. В стороне от этого участка находилась жилая часть поселения с наземными жилищами. С поселением связаны находки нескольких кладов — монетных и вещевых. Среди последних выделяется клад, обнаруженный в 1868 г., в составе которого имелось большое количество серебряных украшений — шейных гривн, бус, привесок со скандинавским орнаментом, лунниц, украшенных узорами из зерни, а также скандинавские фибулы, дирхемы, меч и капторга⁸⁹. Очевидно, клад принадлежал богатому купцу.

Гнездовский археологический комплекс в целом датируется второй половиной IX — началом XI в. Согласно хронологической периодизации В. А. Булкина, среди раскопанных курганов на долю ранних (IX — начало X в.) приходится 6%. Курганные захоронения второй стадии (середина X в.) составляют 57%. В это время появляются описанные выше большие курганы, принадлежащие дружинной знати. Второй половиной X в. датируются также камерные погребения Гнездова. К третьей стадии (последняя четверть X и самое начало XI в.) принадлежит 30% курганов. В отдельную стадию исследователь выделил курганы с трупоположениями (7%), которые датируются последними десятилетиями X и первой половиной XI в.⁹⁰

В общих чертах развитие Гнездова представляется в следующем виде. Во второй половине IX в. в прибрежной части Днепра в устье р. Свинки возникает поселение площадью около 4 га⁹¹ и рядом — небольшая группа курганов. Постепенно поселение разрастается, достигая к середине X в. 15 га. В это время на мысе левого берега р. Свинки сооружается городище площадью около 1 га. Параллельно разрастается курганный некрополь, состоявший из нескольких групп. Около середины X в. возникает еще второй поселенческий комплекс (городище и селище) в устье р. Ольши, а рядом с ним курганный могильник. На рубеже X—XI вв. и в первой половине XI в. поселения в Гнездове приходят в упадок.

Не вызывает сомнения полиэтничность населения, оставившего Гнездовский археологический комплекс. Уже один из первых исследователей курганов В. И. Сизов утверждал, что население здесь было разноплеменным, но доминировали кривичи. О последнем свидетельствуют и абсолютное тождество многих курганов Гнездова и синхронных досто-

верно кривичских погребальных насыпей Смоленского Поднепровья, и распространенность в Гнездовских курганах исключительно славянской глиняной посуды. Смоленские кривичи, согласно археологическим данным, сформировались в условиях ассимиляции местного балтского населения, поэтому вполне объяснимы балтские культурные особенности, выявляемые в некоторых Гнездовских курганах. Не исключено, что среди захоронений есть и собственно балтские, так как в IX—X вв. процесс славянизации аборигенов еще не был завершен⁹². Среди населения Гнездова имелись также славянские переселенцы из Дунайского региона.

Отчетливо выявляется и участие скандинавского этнического компонента в генезисе населения Гнездова. Скандинавским ритуалом было погребение умершего в ладье, помещение железной гривны с молоточками Тора на остатки погребального костра или на урну с остатками трупосожжения, а также захоронение в убранных с парой скорлупообразных фибул. Согласно Д. А. Авдусину, среди девятисот пятидесяти курганных погребений, раскопанных в Гнездове, надежно скандинавскими можно считать примерно пятьдесят.

Элементы разноэтничности гнездовского населения выявляются в основном в курганах двух первых стадий. Постепенно культурные различия нивелируются. Это довольно отчетливо наблюдается по стиранию норманнских этнических признаков в больших курганах. Наиболее ранние такие курганы характеризуются трупосожжением в ладьях, ориентировкой их по линии север — юг, железными гривнами с молоточками Тора и набором скандинавских фибул. На следующей стадии от норманнского обряда в больших курганах остаются сожжение в ладье и набор женских украшений. Ориентированы эти захоронения уже с запада на восток. На поздней стадии сожжение в ладье становится не обязательным, господствует широтная ориентировка, скандинавские украшения отсутствуют.

Согласно изысканиям В. А. Булкина, во второй половине X в. обряд трупосожжения в ладье из этнического (скандинавского) превращается в социальный — он становится привилегией верхнего слоя гнездовского населения и не зависит от племенного происхождения погребенных. Параллельно протекал процесс смешения разноэтнических признаков и в обрядности, и в погребальных инвентарях, получают распространение так называемые вещи-гибриды, сочетающие в себе скандинавские и местные элементы. Все это делает неразличимыми индивидуальные племенные черты погребенных в курганах. Формируется единое древнерусское дружинное сословие.

Аналогичная картина наблюдается и по материалам других дружинных курганных кладбищ IX—X вв. В Ростовской земле подобным Гнездовскому является Тимеревский археологический комплекс, включающий поселения, курганные могильники и клады⁹³. Курганы Тимеревского могильника, давшие основные материалы для характеристики

древнерусской дружины, датируются IX—X вв. К IX столетию принадлежит около 15% исследованных насыпей. Все захоронения этого времени совершены по обряду кремации умерших, они бедны вещевыми находками (железные ножи, костяные гребни, металлические детали поясов, скорлупообразные фибулы). В некоторых курганах отмечены конструкции в виде круга, сложенного из камней, что имеет параллели в Скандинавии.

Основная часть погребальных комплексов Тимеревского и соседних с ним Михайловского и Петровского курганных могильников относится к X в. В это время по-прежнему господствовал обряд трупосожжения, кремация совершалась на месте насыпания кургана. Размеры насыпей увеличиваются по сравнению с курганами IX в. В большинстве их зафиксированы остатки сгоревших деревянных конструкций. Характерно обилие вещевого инвентаря — фибулы, мечи, стрелы, ледоходные шипы, поясные наборы, гребни, стеклянные и хрустальные бусы, копоушки, привески из астрагалов. В конце X в. получает распространение обряд трупоположения, который в начале XI в. теснит прежний погребальный ритуал. Теперь умерших хоронили обычно на материке в основаниях курганных насыпей, но имеются также и курганы с трупоположениями в подкурганных ямах. Набор инвентаря скудный — ножи, топоры, оселки, остатки поясов и глиняная посуда.

На ранней стадии население, оставившее ярославские могильники — Тимеревский, Михайловский и Петровский, — было разноэтничным. В основном это было славянское и местное финское население. Курганные захоронения отражают сложное переплетение финских и славянских культурных элементов. Несомненно в этих памятниках и скандинавский этнический компонент. Вещи северноевропейского происхождения встречены и в курганах, и в культурном слое Тимеревского поселения. Единичные собственно скандинавские захоронения с характерными особенностями погребального ритуала и набором вещей относятся лишь ко второй половине IX в. В погребениях X в. скандинавские вещи нередки, но норманнские черты обрядности в большинстве случаев оказываются стертими.

Попытки распределения отдельных курганных захоронений рассматриваемых могильников на славянские, финские и скандинавские, предпринятые авторами упомянутой выше книги «Ярославское Поволжье IX—X вв.», встретили существенные возражения со стороны ряда археологов. Действительно, курганная культура, как она вырисовывается по материалам ярославских могильников X в., а к этому столетию принадлежит основная масса их курганных захоронений, была уже в значительной степени единообразной. Скандинавы, появившиеся на Волге во второй половине IX в., как и славяне и финское население, в X в. уже утратили свои этнические черты и образовали единую культуру древнерусской дружины. Присутствие в том или ином кургане находок скан-

динавского происхождения теперь не является свидетельством того, что здесь погребен выходец из Скандинавии. Ярославские курганы, как и Гнездовский комплекс памятников, характеризуют древнерусскую дружинную культуру, которая всюду формировалась на полиэтничной основе. Частности, выявляемые в отдельных курганах ярославских могильников, отражают не этническую принадлежность погребенных в них, а неоднородность слагаемых дружинной культуры.

Из южнорусских дружинных некрополей IX—X вв. наибольший интерес представляют курганы в окрестностях Чернигова и поселение и некрополь Шестовицы.

Черниговские курганы IX—X вв. образуют несколько отдельных групп, рассредоточенных на обширном пространстве. В каждом таком могильнике имеется множество обычных, невысоких насыпей и несколько крупных, принадлежащих воинам-дружинникам. В числе последних особенно выделяются большие курганы с богатым инвентарем, в которых погребены бояре-военачальники. В распоряжении черниговских князей были, очевидно, сотни дружинников.

Среди больших черниговских курганов самым интересным является Черная Могила — погребальная насыпь высотой около 11 м и диаметром основания около 40 м. Она была раскопана в 70-х годах прошлого столетия Д. Я. Самоквасовым. На основании находки золотой византийской монеты и других предметов курган датируется второй половиной X в. обстоятельный научный анализ его строения и деталей обрядности выполнен Б. А. Рыбаковым⁹⁴.

Первой стадией сооружения кургана было возведение песчаного основания в виде усеченного конуса высотой 1—1,5 м и диаметром 10—15 м. Сожжение на подобной подсыпке было обычным для Черниговской округи: подсыпка давала свободный доступ воздуху и тем самым способствовала горению погребального костра. В Черной Могиле на подсыпке была сооружена деревянная домовина, в которой были помещены тела трех покойников: двух воинов — взрослого, юноши — и женщины. Домовина была обложена хворостом и зажжена. Когда костер догорел, из него изъяли останки умерших с доспехами. Затем была сооружена огромная насыпь высотой до 7 м с несколько уплощенной вершиной, на которой и были уложены остатки кремации умерших с доспехами. Здесь же была совершена тризна, после чего насыпь была досыпана до высоты 11 м.

Среди предметов, обнаруженных на пепелище погребального костра, находились два меча, два шлема, две кольчуги, сабля, десять наконечников копий, топор, пять ножей, некоторые с костяными рукоятками; оселки, остатки щитов, вероятно деревянных, обшитых бронзовым листом при помощи железных заклепок; стремяна, поясные кольца и наконечники пояса, серебряная фибула для плаща. Остатками вещей, при-

надлежащих женщине, были височные кольца, слитки серебра, золота и стекла от расплавившихся украшений, обломки костяных гребней, пряслице и проколки. Кроме того, на кострище найдены десять железных серпов, долота, скобель, остатки деревянных ведер и два глиняных горшка. Большой интерес представляют находки более сотни бабок, бронзовой битки и полусферических костяных фигурок, служивших для какой-то игры.

На остатки погребального костра был поставлен большой железный котел, наполненный бараными и птичьими костями и клочьями шерсти, поверх которых лежала голова барана. Около котла находились два жертвенных ножа — скрамасакса. Вместе с котлом на кострище были положены бронзовый идолчик и два турьих рога — ритона, окованные вокруг устья серебром и украшенные квадратными накладками в средних частях. Рога-ритоны имели ритуальное значение и использовались на пирах. Они связаны со славянским языческим культом и были атрибутами языческих богов.

Оковка меньшего рога орнаментирована растительным узором. Другой ритон украшен сложнее: на оковке вычеканен фриз из разнообразных чудовищ, птиц и людей. Б. А. Рыбаков сопоставил это изображение с черниговской былиной об Иване Годиновиче и показал, что оно является иллюстрацией былинного сюжета. Впрочем, в литературе высказаны и иные толкования композиции на большом ритоне⁹⁵.

Еще Н. П. Кондаков обратил внимание на совмещение восточных (постсасанидских) и византийских мотивов в орнаментальном стиле турьих рогов из Черной Могилы. Позднее об этом писали Б. А. Рыбаков и Л. А. Лелеков. Венгерский археолог Д. Ласло видел в тератологическом мотиве переплетения чудовищ элемент скандинавского искусства⁹⁶. Р. С. Орлов считает, что орнаментальные мотивы оковок ритонов указывают на принадлежность этих вещей к «среднеднепровской школе», мастера которой продолжали степные традиции, в том числе хазарские⁹⁷. Очевидно, дружинное искусство Руси было таким же сложным образованием, как и сама древнерусская дружина.

Все попытки определить этнос погребенных в Черной Могиле обречены на неудачу. В X в. дружинное сословие Руси было новообразованием, культура которого синтезировала в себе и славянские, и скандинавские, и финские, и степные (хазарско-венгерские) элементы. Комплекс, состоящий из котла, турьих ритонов, идолчика и связанный с погребальным пиром, сопоставим с скандинавскими ритуалами. Однако другие особенности обрядности — предметы вооружения и конского снаряжения на кострище были сложены грудой, остатки кремации с доспехами были собраны с погребального костра и помещены в верхней части кургана — не свойственны скандинавам, но и имеют аналогии в других дружинных курганах Черниговской земли. Обычай складывания ору-

жия грудой сопоставим и с ритуалом, восстанавливаемым по салтовским и более ранним древностям типа Вознесенки.

Согласно Б. А. Рыбакову, в кургане Черная Могила был похоронен не просто знатный и богатый человек, а князь, поскольку среди сопровождающего инвентаря были не только оружие и доспехи, но и предметы, связанные с языческим культом. Сочетать обязанности воина и жреца мог только князь.

В другом черниговском кургане, известном под названием Гульбище, был погребен, по всей вероятности, один из дружинников-военачальников. На остатках погребального костра в беспорядочном состоянии были найдены меч, шлем, щит, два копья, стрела, обломок топора, две пары стремян и другое. Вместе с воином была сожжена женщина. После ее кремации сохранилось несколько стеклянных бус. Кроме того, обнаружены около двух сотен слитков стекла, серебра и золота. Предположительно, у ног погребенной лежали зерна ржи, пшеницы и ячменя. На кострище найден дирхем конца IX в., поэтому курган датирован исследователями началом X в.

В восемнадцати километрах от Чернигова ниже по Десне находится еще одно крупное дружинное кладбище X — начала XI в. — Шестовицы⁹⁸. Часть его образуют небогатые захоронения. Заметно выделяются курганы с погребениями, сопровождаемые предметами вооружения и богатым инвентарем. В обряде погребения и вещевых находках выявляются следы имущественной и социальной дифференциации дружинного сословия, отражающей в какой-то степени иерархию феодального общества Руси. Предметы скандинавских типов, встречаемые в Шестовицких курганах, срубные гробницы и погребения с конем говорят о сложном этническом составе древнерусского дружинного сословия рассматриваемой поры. Безусловно, в составе дружины были славяне — выходцы из разных племен и какое-то число варягов, а возможно, и представители иных восточноевропейских этносов. Однако дружинная культура, судя по материалам Шестовицкого некрополя, нивелировала этническое разнообразие.

Курганные погребения дружинников имеются и в других местностях славянского расселения, в том числе в некрополях Киева, Пскова и других ранних древнерусских городов. Известны и небольшие курганные могильники, в составе которых имеются захоронения дружинников. Чаще всего они приурочены к магистральным водным путям IX—X вв., которые в это время имели не только торговое, но и военно-политическое значение. Но есть дружинные кладбища и в стороне от таких путей. Нужно полагать, что это показатель земельных пожалований верхним слоям общества, которые вместе со своими дружинниками оседали в селах.

В заключение следует еще раз подчеркнуть, что древнерусское дружинное сословие в X в. создало собственную единообразную культуру,

во многом отличную от культур земледельческого населения Руси. Это сословие объединило разные по происхождению этнические компоненты: выходцев из разных этноплеменных образований славян Восточной Европы, представителей разных финских и тюркских (на юге, возможно, и ираноязычных) племен, а также выходцев из Скандинавии — варягов русских летописей. Дружинная культура впитала в себя как славянское наследие, так и восточные, нордические и византийские элементы. Оружие, конская сбруя и украшения дружинной культуры носили не этническую окраску, а межэтнический характер. Таковыми в условиях становления дружинной культуры оказывались и украшения, и предметы быта.

Древнерусская дружина была первым крупным надплеменным образованием, сформировавшимся из разноэтничного населения. Это был первый шаг, импульсировавший этноязыковое объединение разноплеменного славянского населения, расселившегося на широких просторах Восточной Европы.

Формирование единой дружинной культуры на Восточно-Европейской равнине стало мощным консолидирующим явлением в постепенном создании общности культуры и языка среди славянского населения Древней Руси. Древнерусская дружина требовала постоянного пополнения и пополнялась выходцами из регионов различных племенных образований восточноевропейских славян. Прослужив по несколько лет в единой культурной среде, дружинники возвращались в свои родные места уже не кривичами, северянами, хорватами, словенами или мерей, а русами. Судя по письменным источникам, в военных походах вместе со сформировавшейся русской дружиной участвовали племенные ополчения, что в некоторой степени также способствовало стиранию этноплеменных различий славянства Восточной Европы.

Великокняжеская дружина в X — первой половине XI в. была основным элементом государственного управления на Руси. Дружина активно включалась в различные социально-политические системы, создавая структуру государственного управления и заменяя княжеской администрацией прежние органы самоуправления племенных княжений. Дружина участвовала в сборах подати и осуществляла местную судебную власть. Все это несомненно сыграло активную роль в интеграционных процессах в условиях становления древнерусской народности.

Определенная роль в консолидации славянского населения Восточной Европы принадлежит и развивающимся торговым связям. В IX—X вв. доминировала международная торговля, в которой самое активное участие принимали воины-дружинники. Для этого времени характерна фигура купца, который без труда превращался в воина и отправлялся в далекий поход с целью более легкой наживы. Судя по курганным материалам Руси и Скандинавии, основными атрибутами купцов были ми-

ниатюрные складные весы и гирьки для взвешивания серебра. Наряду с ними в таких погребениях нередко мечи, копыя, боевые топоры. По подсчетам В. Б. Перхавко, 34% древнерусских курганных захоронений с торговым инвентарем сопровождалось предметами вооружения⁹⁹.

Захоронения купцов-воинов IX—X вв. обнаружены исключительно в дружинных курганных могильниках. Так, в Гнездове из девятисот двадцати раскопанных курганов в шестидесяти четырех встречены бронзовые весы и гирьки, в Тимеревском могильнике — в тридцати трех курганах из четырехсот шестидесяти шести исследованных. Такое же соотношение купеческих погребений выявляется и по материалам курганов Шестовицкого некрополя. Таким образом, 6—7% обитателей нерегулярных поселений, расположенных в ключевых пунктах на магистральных водных путях — важнейших коммуникациях X в. — было причастно к операциям по взвешиванию. Это, конечно, отчасти могли быть и дружинники — сборщики княжеской дани, но она собиралась преимущественно натурой и не требовала инструментов для взвешивания.

Зарождающееся купеческое сословие формировалось из представителей разных племенных образований славянства Восточной Европы, выходцев из Скандинавии, финно-угорского и балтского мира. Сосредоточенные в ключевых местах международных путей, племенные черты торгового люда активно нивелировались. Формировалась единая этноязыковая среда. Находясь в постоянном перемещении по обширным пространствам Восточно-Европейской равнины, представители купечества, как, впрочем, и сборщики княжеской дани, по мере развития внутренней торговли в немалой степени способствовали объединительной тенденции славянского населения этих земель.

ДРЕВНЕРУССКИЕ ГОРОДА, ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ И ХРИСТИАНСТВО КАК ФАКТОРЫ КОНСОЛИДАЦИИ СЛАВЯНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ВОСТОЧНО-ЕВРОПЕЙСКОЙ РАВНИНЫ

Огромная роль в становлении древнерусской народности принадлежит многочисленным городам и их обитателям — городскому сословию. Начало процесса градообразования на Восточно-Европейской равнине определяется IX—X вв. Уже в VIII в. в различных местностях зарождаются ранние торгово-ремесленные поселения — протогорода. Они стали центрами кристаллизации военно-дружинного и торгового сословий, а также пунктами становления древнерусского ремесла. Протогорода, основу населения которых составляли представители того племени, в ареале которого они возникли, охотно принимали в состав жителей иноплеменников. Почти с момента основания они оказывались

пестрыми в этническом отношении. Так, среди обитателей Ладоги с ранней поры археологически документируются словене ильменские, кривичи, варяги, местная чудь и балты¹⁰⁰.

К числу интереснейших протогородских центров лесной полосы Восточной Европы принадлежит Изборское городище. Оно было основано на рубеже VII и VIII вв. и сразу укреплено. В VIII—X вв. здесь жили и работали бронзолитейщики и ювелиры, косторезы и резчики по камню, развита была и обработка железа. Поселок обеспечивал ремесленной продукцией окрестные, а возможно, и отдаленные селения. Здесь же, как можно судить по находкам арабских монет, скандинавских, этских и летто-литовских предметов, производился торговый обмен с землями Балтийского региона. Население Изборского городища этого времени при доминировании кривичского было разноэтничным¹⁰¹.

В южных землях наиболее яркими протогородскими поселениями являются кратко описанные выше городища Зимно на Волини и Пастырское в антском регионе, в составе населения которого были славяне — выходцы из разных племен — и неоднородные тюрки. Разноплеменность населения была одной их характернейших черт протогородских поселений¹⁰².

Таковыми же неоднородными по этнической структуре стали и древнерусские города¹⁰³. Археологическое изучение Новгорода, Киева, Суздаля, Смоленска, Пскова, Чернигова, Изборска и других городов отчетливо свидетельствует, что городское население Руси формировалось из жителей разных регионов Восточной Европы. Так, материалы раскопок Новгорода Великого показывают, что его население складывалось не только из среды словен ильменских, в земле которых он был основан, но также из кривичей (псковских и смоленских), переселенцев из регионов вятичей и радимичей, а также варягов и прибалтийских финнов из окраин Новгородской земли¹⁰⁴.

Древняя Русь накануне татаро-монгольского нашествия имела большое количество крупных, средних и малых городов. По подсчетам М. Н. Тихомирова, уже в X в. на Руси было не менее двадцати пяти городов, в XII в. их число достигает двухсот двадцати четырех, а к 30-м годам XIII в. существовало не менее трехсот городов¹⁰⁵. В реальности их было больше, так как не все города упомянуты в летописях.

Для строительства и пополнения населения новых городов привлекались жители разных регионов Руси. Так, уже в конце X в., когда по велению киевского князя Владимира Святославича для защиты южных рубежей Руси «...нача ставити городы по Десне, и по Востри, и по Трубежеви, и по Суле, и по Стугне», были собраны для их строительства и проживания в них жители многих областей Руси: «И поча нарубати муже лучшие от словенъ, и от кривичъ, и от чюди, и от вятичъ, и от сихъ насели грады»¹⁰⁶. Безусловно, в возведении и обживании этих городов участвовало также и местное население — северяне и поляне.

С ростом числа городов и в связи с их бурным развитием вырастает новая общественная сила Древней Руси — горожане. Можно достаточно определенно утверждать, что городское население было новообразованием. Оно формировалось из представителей разных славянских, а отчасти и неславянских племенных групп. В условиях городской жизни прежние региональные различия довольно быстро стирались.

Городское население, не связанное с местными племенными традициями или слабо связанное с ними, стало мощной движущей силой в создании и распространении единой материальной и духовной культуры на всей территории Руси, в нивелировке племенного разнообразия, в интеграции восточнославянской этноязыковой общности.

Раскопчные изыскания в городах свидетельствуют о весьма активном развитии городской жизни и культуры. Городская культура домонгольской Руси была единообразной на всей ее территории. Ее целостность прежде всего была обусловлена высоким уровнем городского ремесла. Повсеместное распространение гончарного круга и глиняной посуды, изготовленной на нем, привело к определенному единству древнерусского керамического инвентаря — одинаковому ассортименту изделий, в основном однотипной их орнаментации, однонаправленности эволюции гончарного дела. О сложении единства древнерусской городской культуры говорят и изделия железообрабатывающего ремесла, и общность технологических приемов, и одинаковость вооружения, продукции косторезного ремесла, и — особенно ярко — бронзолитейного и ювелирного дела. Городская культура с первых шагов своего развития разрывает пределы племенной замкнутости. Металлическое убранство костюма горожанок не обнаруживает каких-либо региональных различий. Трехбусинные височные кольца, изготавливаемые городскими ремесленниками в разных стилях и технике, получают широкое распространение во всех городах территории Древней Руси и из городов нередко поступают в сельские округа. Бронзовые и билоновые браслеты и перстни из древнерусских городов составляют несколько разных типов, но все они в равной степени имели хождение по всему восточнославянскому ареалу. Излюбленным украшением горожанок Древней Руси стали стеклянные браслеты, и опять-таки каких-либо региональных различий в их бытовании не наблюдается. Ювелирные изделия, выполненные в сложной технике (зернь, скань, чернь, эмаль), также распространялись по всей Русской земле.

Несомненным катализатором восточного славянства была торговля, которая в результате активизации городской жизни Руси приобретает все более и более широкий размах. По всей древнерусской территории получили широкое хождение пряслица из волынского шифера. В многочисленные малые города из крупных ремесленных центров поставлялись стеклянные браслеты и бусы, различные ювелирные украшения,

крестики-тельники и энколпионы, костяные и самшитовые гребни. В пригородные сельские местности коробейниками доставлялись самые различные изделия городских ремесленников. Вырабатывается целый ряд вещей общедревнерусского характера.

В городах создавалась каменная архитектура, развивались связанные с ней производства строительных материалов. Города импульсировали развитие общевосточнославянского фортификационного дела.

Города оказывали существенное влияние на сельскую округу. Постепенно элементы городской культуры в той или иной степени проникали в среду земледельческого населения.

Города были не только создателями, носителями и распространителями единой древнерусской культуры, но и оказывали активное воздействие на многие стороны духовной жизни восточного славянства. Города стали центрами просвещения и грамотности. В крупных городах велось общерусское летописание, составлялись грамоты, акты и уставы, велась деловая переписка. Грамоты на бересте, обнаруженные уже в восьми древнерусских городах, а также бронзовые, железные и костяные писала-стило, встреченные в десятках городских поселений, говорят о сравнительно широкой распространенности грамотности на Руси. Все это не могло не способствовать культурному и языковому сближению славянского населения Восточно-Европейской равнины.

А. А. Шахматов отмечал, что некоторые памятники письменности, созданные в Киеве, не содержат ярких диалектных особенностей. Это позволило ему говорить о сложении в этом городе такого наречия (диалектного койне), которое утратило или сгладило диалектные черты, присущие разным местностям Древней Руси¹⁰⁷. Подобные койне могли формироваться и в других крупных городах, и они играли активную роль в нивелировке диалектного многообразия восточного славянства.

В цементации древнерусской народности большое значение имело распространение среди славянского населения Восточной Европы христианской религии. Последняя прямо или косвенно способствовала единению культуры и языка древнерусской народности. Церковь сыграла положительную роль в развитии просвещения, создании литературных ценностей и произведений искусства и архитектуры. Несомненна и роль церкви в приобщении Руси к культурным богатствам Византии и всего христианского мира. Христианская идеология, искусство и просветительская деятельность оказались мощными объединительными стимулами восточного славянства. Монастыри, наряду с городами, были общедревнерусскими центрами просвещения и культуры.

Для отправления христианских обрядов необходим был слой людей, владеющих грамотой и основами средневековой образованности. Уже Владимир Святославич сразу же после крещения Руси «нача поминати у нарочитые чади дети и даяти нача на ученье книжное»¹⁰⁸. Один из важнейших результатов бурного развития культурной жизни восточ-

ных славян — становление литературного языка, который имел хождение на всей территории Древней Руси. Население, принявшее христианскую религию, в той или иной мере соприкасалось с получившим бытование на Руси старославянским языком, на котором была написана богословская литература и совершалось отправление церковных обрядов. При этом несомненно имело место сложное взаимодействие между письменным языком и разговорной речью. Постепенно разговорный язык, нужно полагать, впитывал в себя некоторые элементы письменного языка, что в той или иной степени способствовало процессу формирования языкового единства древнерусской народности.

Определяющим в становлении древнерусской народности было также создание и упрочение единого государства. Ведь недаром начало формирования древнерусского этноса по времени совпадает с процессом образования единой государственности. Древнерусская держава политически объединила все области Восточно-Европейской равнины, освоенные славянским населением. Государственная власть стала мощной консолидирующей силой в единении разноплеменного славянства, незаметно активизировала славянизацию остатков финского и балтского населения.

Государственная власть осуществляла административные и судебные функции на всей территории Руси, не считаясь с прежним племенным строением восточного славянства. Создаваемые ею воинские формирования из представителей различных земель вели к активному стиранию территориальных различий как в диалектном, так и в культурном отношении.

Определяющую роль Древнерусского государства в развитии единого языка подчеркивал А. А. Шахматов. Складывающаяся в пределах этого политического образования «общерусская жизнь», безусловно, стирала языковую дифференциацию и активизировала языковую интеграцию¹⁰⁹.

Государственная деятельность по консолидации славянского населения Восточно-Европейской равнины протекала по нескольким направлениям. Прежде всего, это привлечение населения из разных уголков Руси к решению общегосударственных проблем. Так, для укрепления южных рубежей государства и борьбы с кочевниками киевские князья активно переселяли жителей из северных восточнославянских земель. Активизации процесса единения восточного славянства способствовала и княжеская деятельность в области права и религии.

Все названные интеграционные явления не следует рассматривать изолированно. Они действовали комплексно, в самом тесном взаимодействии. Так, государственная власть способствовала развитию городов и строительству крепостей, а они в свою очередь становились активными очагами упрочнения государственности и единения восточного славянства в этноязыковую общность. Государство и города были заинтересо-

ваны в развитии внутренней и международной торговли, и вместе они размывали элементы региональной обособленности, относящейся к времени освоения славянами Восточно-Европейской равнины. Распространение христианской религии вело к упрочению государственной власти, и они становились мощной объединительной силой, направленной на формирование единого этноса.

Единство территории, единство материальной и духовной культуры и единство языка — наиболее существенные характеристики этноса. Рассмотренное выше позволяет утверждать, что в X—XII вв. в пределах территории Древнерусского государства протекал довольно активный процесс этноязыковой интеграции разноплеменного славянского населения (в его составе были и славянизированные финские, и летто-литовские племена). В результате формировался единый этнос — древнерусская народность.

ОБ ЭТНИЧЕСКОМ САМОСОЗНАНИИ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКОЙ ОБЩНОСТИ

Несколько слов необходимо сказать об этническом самосознании восточных славян в эпоху Древней Руси — существенном моменте в определении этноса¹¹⁰.

Территориальное, культурное и политическое единство восточного славянства создали основу для принципиальных сдвигов в области самосознания. Этноним *русь* из Днепровско-Донского междуречья постепенно распространяется на всех славян территории Древнерусского государства.

Аналогичные процессы наблюдаются и в других регионах средневекового славянского мира. Так, в Висло-Одерском междуречье название одного из ляхских племен — *поляне* — постепенно стало этнонимом всего населения Древнепольского государства, которое, так же как и русь, складывалось из нескольких племенных образований раннего славянства. *Чехи* первоначально — название одного из славянских племен (они в ранний период заселяли сравнительно небольшой регион по обоим берегам Влтавы близ устья Лабы). С созданием государственности этот этноним распространился на все население Древнечешского государства, которое включало множество различных племен.

Летописи и памятники агиографии XI—XII вв. свидетельствуют, что на первых порах русами именовали себя военно-служилое и церковное сословия, но очень скоро русью, русскими людьми стали считать себя и более широкие слои восточнославянского населения, сначала, как можно полагать, горожане, а потом и сельские жители.

Уже в упомянутом выше «Слове о Законе и Благодати» митрополита Илариона, произнесенном до 1050 г., под «Русской землей» пони-

мается вся территория Древнерусского государства, где проживают «русские люди». Иларион употребляет также понятие «язык русский», свидетельствуя о наличии в то время представления о «русских людях» как особой этноязыковой общности.

Аналогичное понимание руси красной нитью проходит через другой названный выше памятник XI в. — «Память и похвала князю Русскому Владимиру» Мниха Иакова.

Представление о Русской земле как о едином государстве и о населении его как о русских людях широко отразилось и в ряде других агиографических памятников второй половины XI—XII вв., а также в летописных текстах. Из летописных текстов после XI в. окончательно исчезают племенные этнонимы восточных славян. Их заменили названия жителей Древней Руси, производные от наименований городов — административных центров исторических земель или княжеств, а в целом восточнославянское население стало называться русью, русскими людьми, «сыновьями русскими».

Уже в первой половине XI в. этноним *русь* получил распространение среди славянского населения Новгородской земли. Об этом говорит летописная запись под 1060 годом, сообщая о сражении новгородцев и псковичей с сысолой: «И паде Руси 1000, а Сосол бещисла»¹¹¹. Здесь явно русь — славяне Новгородско-Псковского региона. Вместе с тем славянское население этого края именовалось новгородцами и псковичами, что представляется вполне правомерным и не исключает этноязыковой общности восточного славянства.

В этнографическом введении Повести временных лет Русь — особая этническая общность, которая объединяла все проживавшие на территории Восточной Европы славянские племенные группы. Летописец сообщает: «Афетово бо и то колено: Варязи, Свеи, Урмане, Русь, Агняне, Галичане, Волхва, Римляне, Немци...» и далее: «В Афетове же части седять Русь, Чюдь и все языци»¹¹². Достаточно очевидно, что здесь *Русь* — этноним, равный другим этносам — шведам, немцам, итальянцам, англам и др. По представлениям Нестора, все славянские племенные группы, расселившиеся по Восточно-Европейской равнине, пришли из одного региона — с Дуная и, таким образом, связаны между собой единством происхождения, их прошлое является предьсторией Руси. Основные этапы исторического развития сжато изложены в Повести временных лет: сначала родовые отношения, затем племенные княжения и вслед за этим объединение в рамках единой государственности и формирование единого этноса.

Как известно, в XI в. некоторые финноязычные и балтские племена, признавая верховную власть киевских великих князей, входили в состав Древнерусского государства. Однако они не именовались русью. Под этнонимом *русь* Нестор понимал только славянское население Древнерусского государства. Таким образом, одним из критериев выделения

руси является языковой — у всех славянских племен Восточной Европы один общий язык: «се бо токмо словенескъ языкъ в Руси...» («А словенский языкъ и руский одно есть...»), в то время как «мурома языкъ свой, и черемиси свой языкъ, моръдва свой языкъ»¹¹³. В целом русь в Повести временных лет выступает как общность, обусловленная единством происхождения, характеризующаясь своим языком, своей территорией и своей политической организацией. Русь Нестора — древнерусская народность в современном понимании. Одновременно и Повесть временных лет, и другие летописные своды Русью именовали и всю Русскую землю — Древнерусское государство.

Таким образом, *русь* в X—XIII вв. одновременно и этноним, и политоним.

На вопрос, все ли славянское население Древней Руси именовало себя русами, русичами, ответить невозможно. Можно полагать, что в ряде регионов восточнославянского ареала население (например, в местностях по соседству или в окружении финского или летто-литовского) именовало себя славянами, иногда — по принадлежности к тем или иным землям Руси — ростовцами, новгородцами и т. п. Это никак нельзя считать признаком отсутствия сознания принадлежности к древнерусскому этносу у восточнославянского населения.

Древнерусская народность, по-видимому, была достаточно сформировавшейся этноязыковой общностью. Она сохранялась и пережила период политической раздробленности Древней Руси. В «Повести о разорении Рязани Батыем» содержится целый ряд свидетельств о целостности древнерусского этноса, о наличии у русской народности сознания единства¹¹⁴.

Несомненный интерес представляют известия иностранных документов, в которых названия *Русь*, *Руссия* употребляются для обозначения всей территории, населенной древнерусским этносом.

Так, Генрих Латвийский в «Хронике Ливонии» (XIII в.), упоминая о битве на Калке, пишет: «И прошел по всей Руссии призыв биться с татарами, и выступили короли со всей Руссии против татар»¹¹⁵. В числе этих «королей» названы князья киевский, галицкий, смоленский и другие. Описывая события в Новгородской и Псковской землях, Генрих Латвийский именует их Руссией, пишет о русских из Пскова¹¹⁶.

В сочинении де Плано-Карпини «История монгалов» (XIII в.) страна Руссия включает и Киев (назван ее столицей) с Черниговом, и Волынь (владимирско-волынский князь Василько именуется князем «в Руссии»), и Галицкая земля (галицкий князь Даниил назван «королем русским»), и Владимиро-Суздальская земля (о великом владимирском князе Ярославе Всеволодовиче пишется как о князе «в некоей части Руссии, которая называется Суздаль»)¹¹⁷. Здесь «Руссия» соответствует всей территории Древней Руси, всем землям, населенным древнерусским этносом.

В границах расселения древнерусской народности понимали «Руссию» также посланник римского папы и французского короля Людовика IX в Золотую Орду и Монголию (1252 г.) Вильгельм де Рубрук, который сообщает, что страна эта тянется от Пруссии, Польши и Венгрии¹¹⁸, и венецианский путешественник последней четверти XIII в. Марко Поло: «Россия — очень большая страна на север. Живут тут христиане греческого исповедания. Тут много королей и свой собственный язык»¹¹⁹.

Во второй половине XIII — XV в. древнерусская территория оказалась политически расчлененной. Отдельные части восточного славянства в этот период развивались уже самостоятельно — начался процесс становления отдельных языковых образований (русского, украинского и белорусского). Вместе с тем мысль о единстве восточного славянства, об общности русского (древнерусского) этноса сохранялась еще некоторое время.

Выше уже говорилось, что в конце XIV в. был составлен список русских городов, в котором названо триста пятьдесят семь городов, располагавшихся на всей территории восточного славянства, включая ареалы складывающихся в то время белорусского и украинского языков. М. Н. Тихомиров справедливо отмечает, что критерием причисления городов к русским был язык. Следовательно, единство древнерусского этноса, несмотря на государственную разобщенность его территории, проявлялось еще в XIV в.

В соборной грамоте 1415 г. епископы полоцкий, смоленский, черниговский, туровский, луцкий, холмский и перемышльский называют себя «епискупи русских стран»¹²⁰. В папских грамотах XIII—XIV вв.¹²¹ королями русскими называются и владими́ро-суздальский князь Юрий Всеволодович, и галицкий князь Даниил Романович, и великий литовский князь Гедемин, значительную часть владений которого составляли области, заселенные наследниками древнерусского этноса.

В галицко-волинских грамотах XIV в. употребляется титул «князь всей Русской земли, Галицкой и Владимирской», «князь Владимирский и господарь Русской земли», «князь и господарь Руси»¹²². Очевидно, население Волинской земли и Галичины этого времени осознавало, что оно принадлежало к Руси, вышло из среды древнерусского этноса и сохраняло свое этническое имя.

Примечания

- ¹ Повесть временных лет. Ч. 1. М.; Л., 1950. С. 13.
- ² Розов Н. Н. Синодальный список сочинений Илариона — русского писателя XI в. // *Slavia*. XXXII—2. Praha, 1963. S. 140—179; Молдован А. М. «Слово о законе и благодати» Илариона. Киев, 1984.
- ³ Голубинский Е. Е. История русской церкви. Т. 1. М., 1902. С. 239—242.
- ⁴ Абрамович Д. И. Жития святых мучеников Бориса и Глеба и службы им. М., 1916. С. 6, 11.
- ⁵ Soloviev A. Der Begriff «Russland» im Mittelalter // *Studien zur älteren Geschichte Osteuropas*. Teil I. Graz; Köln, 1956. S. 149—150.
- ⁶ Новгородская Первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950. С. 475—477. Исследование см.: Тихомиров М. Н. «Список русских городов дальних и ближних» // *Исторические записки*. Т. 40. М., 1952. С. 214—259. (Переизд. в кн.: Тихомиров М. Н. Русское летописание. М., 1979. С. 83—137).
- ⁷ О древнерусском языке см.: Шахматов А. А. Введение в курс истории русского языка. Ч. 1. Пг., 1916; Дурново Н. Н. Введение в историю русского языка. М.; Л., 1924; Якубинский Л. П. История древнерусского языка. М., 1953; Филлин Ф. П. Образование языка восточных славян. М.; Л., 1962. Кузнецов П. С. Историческая грамматика русского языка. М., 1965; Иванов В. В. Историческая грамматика русского языка. М., 1983.
- ⁸ Приходнюк О. М. Технологія, виробництва та витоки ювелірного стилю металевих прикрас Пастырського городища // *Археологія*. Київ, 1994. № 3. С. 61—77.
- ⁹ Корзухина Г. Ф. О технике тиснения и перегородчатой эмали в Древней Руси X—XII вв. // *КСИИМК*. Вып. XIII. 1946. С. 45—52.
- ¹⁰ Duczko W. The filigree and granulation work of the Viking period. Stockholm, 1985; Дучко В. Славянские ювелирные изделия с зернью и филигранью в Скандинавии эпохи викингов // *Труды V Международного Конгресса славянской археологии*. Т. III. Вып. 1а. М., 1987. С. 77—88.
- ¹¹ Щеглова О. А. Среднее Поднепровье конца VII — первой половины VIII вв.: причины смены культур // *Социогенез и культурогенез в историческом аспекте: Материалы методологического семинара ИИМК*. Л., 1991. С. 42—50.
- ¹² Ханенко Б. И. и В. Н. Древности Поднепровья. Т. IV. Киев, 1901. Табл. XIII; Березовець Д. Т. Харівський скарб // *Археологія*. Т. VI. Київ, 1952. Табл. II: 1, 2; III: 1, 2; Брайчевский М. Ю. Новые находки VI—VIII вв. н. э. на Пастырском городище // *КСИАУ*. Вып. 10. Киев, 1960. С. 106—107.
- ¹³ Айбабин А. И. К вопросу о происхождении серег пастырского типа // *СА*. 1973. № 3. С. 70—72.
- ¹⁴ Федоров Г. Б. Славяне Поднепровья // *По следам древних культур: Древняя Русь*. М., 1953. С. 150—151.
- ¹⁵ Федоров Г. Б., Чеботаренко Г. Ф. Памятники древних славян (VI—XIII вв.). Кишинев, 1974. С. 82. Рис. 14.

- ¹⁶ *Мезенцева Г. Г.* Древньоруське місто Родень. Княжа гора. Київ, 1968. С. 76—77. Табл. XIа; XII; *Максимов Е. В., Петрашенко В. А.* Славянские памятники у с. Монастырек на среднем Днепре. Киев, 1988. С. 90. Рис. 11, 6; 31: 5.
- ¹⁷ *Каргер М. К.* Древний Киев. Т. I. М.; Л., 1958. С. 180, 209. Табл. XXVIII; XX: 2.
- ¹⁸ *Мельник Е. Н.* Раскопки в земле лучан // Труды XI Археологического съезда. Т. I. Киев, 1901. С. 535, 536, 542. Табл. VI: 1.
- ¹⁹ *Яроцкий Я. В.* Краткий отчет о раскопках курганов Речицкого могильника // Труды Общества исследователей Волыни. Т. I. Житомир, 1902. С. 92—117. Табл. I: 5.
- ²⁰ Отчет археологической комиссии за 1889 год. СПб., 1891. С. 48. Рис. 14.
- ²¹ *Пушкина Т. А.* Височные кольца Гнездовского комплекса // Труды V Международного конгресса славянской археологии. Т. III. Вып. 16. М., 1987. С. 55. Рис. 1: 6, 7.
- ²² *Гуцин А. С.* Памятники художественного ремесла древней Руси X—XIII вв. М.; Л., 1936. Табл. XI: 1—3, 5, 6, 8—10.
- ²³ *Линка Н. В.* Копиївський скарб // Археологія. Т. II. Київ, 1948. С. 182—190. Табл. I: 8—12; II: 1—3; III: 14; IV: 1—18.
- ²⁴ Отчет археологической комиссии за 1914 год. М., 1916. С. 10. Рис. 4—6; *Корзухина Г. Ф.* Русские клады IX—XII вв. М.; Л., 1954. Табл. VI: 6—11, 18; VII: 1, 3; VIII: 9, 15, 21, 28, 30.
- ²⁵ *Hampel J.* Altertümer der frühen Mittelalter in Ungarn. II. Braunschweig, 1905. S. 489—494; *Hrubý V.* Staré Město. Velkomoravské pohřebiště «Na Valach». Praha, 1955. S. 229. Obr. 41; *Dostál B.* Slavanska pohřebiště na středni doby hradištni na Moravě. Praha, 1966. S. 35—44; *Belošević J.* Materijalna kultura Hrvata od VII do IX stoljeća. Zagreb, 1980. S. 86—90.
- ²⁶ *Jurić R.* Srednioviekovni nakit Istre i Dalmacije. (Izdanja Hrvatskog arheoloskog društva, II). Т. 2. Zagreb, 1986. S. 245—289.
- ²⁷ *Новикова Е. Ю.* О серьгах «екимауцкого типа» // Проблемы археологии Евразии: (Труды ГИМ. Вып. 74). М., 1990. С. 107—117; *Рабинович Р. А., Рябцева С. С.* Ювелирные украшения с зернью из Карпато-Поднестровья в контексте культурно-исторических процессов X—XI вв. // Stratum + Петербургский археологический вестник. СПб.; Кишинев, 1997. С. 236—245.
- ²⁸ *Рыбаков Б. А.* Ремесло Древней Руси. М.; Л., 1948. С. 106—107. Рис. 14; 15; *Корзухина Г. Ф.* Русские клады... С. 81;
- ²⁹ *Макаренко Н. Е.* Материалы по археологии Полтавской губ.: Находка 1905 г. в Полтаве // Труды Полтавской ученой археологической комиссии. Вып. V. Полтава, 1908. С. 5—9. Рис. I: 2; *Рыбаков Б. А.* Ремесло Древней Руси... С. 108—110; *Корзухина Г. Ф.* Русские клады... С. 79.
- ³⁰ *Ляпушкин И. И.* Городище Новотроицкое // МИА. № 74. 1958. С. 24—26. Табл. ХСI, ХСII.
- ³¹ *Кухаренко Ю. В.* Средневековые памятники Полесья // САИ. Вып. Е1—57. 1961. С. 24. Табл. 8: 21.
- ³² *Москаленко А. Н.* Городище Титчиха. Воронеж, 1965. С. 119—122; *Изюмова С. А.* Ранние типы лучевых колец Супрутского городища // Вестник Моск. гос. университета. Сер. истории. 1978. № 6. С. 102; *Соловьева Г. Ф.* Семилучевые височные кольца // Древняя Русь и славяне. М., 1978. С. 176. Рис. 3: 5; *Пушкина Т. А.* Височные кольца... С. 52.

- ³³ Ляпушкин И. И. Городище Новотроицкое... С. 26; Левашова В. П. Височные кольца // Очерки по истории русской деревни X—XIII вв.: (Труды ГИМ. Вып. 43). М., 1967. С. 25—26; Соловьева Г. Ф. Семилучевые височные кольца... С. 176—177; Шинаков Е. А. Классификация и культурная атрибуция лучевых височных колец // СА. 1980. № 3. С. 115—116.
- ³⁴ Указатель памятников Российского Исторического музея. М., 1893. С. 113—114; Седов В. В. Длинные курганы кривичей // САИ. Вып. Е1—8. С. 26—35.
- ³⁵ Korošec P. Zgodnjesrednjeveška arheološka slika karantanskih slovanov. T. I—III. Ljubljana, 1979.
- ³⁶ Marušić R. Starohrvatska nekropola u Zminju // Histria archaeologica. T. 17—18. Pula, 1987. Tabl. XVII: 5.
- ³⁷ Давидан О. И. Этнокультурные контакты Старой Ладogi VIII—IX вв. // Археологический сборник Гос. Эрмитажа. Вып. 27. 1986. С. 101—103. Рис. 2: 10.
- ³⁸ Шадыра В. I. Селішча Пруднікі на беларуска-латышскім парубежжы (матэрыяльная культура, датыроўка) // Гістарычна-археалагічны зборнік. Вып. 2. Мінск, 1993. С. 170—182. Мал. 3: 26.
- ³⁹ Археалогія, нумізматыка і геральдыка Беларусі. Мінск, 1979. С. 146—147.
- ⁴⁰ Дучыц Л. Ё. Браслаўскае Паазер'е ў IX—XIV ст. ст. Мінск, 1991. С. 61. Мал. 7: 11.
- ⁴¹ Указатель памятников... С. 135; Известия Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете. Т. XXXV. 1880. С. 11—12.
- ⁴² Музуревич Э. С. Восточная Латвия и соседние земли в X—XIII вв. Рига, 1965. С. 92. Рис. 40; Urtāns V. Madalānu pilskalna un Madalānu kapulauka petījumi 1980. un 1981. gada // Zinātniskās atskaites sesijas materiāli par arheologu un etnografu 1980. un 1981. gada petījumu rezultātiem. Rīga, 1982. Lpp. 129. Att. 20: 4.
- ⁴³ Седова М. В. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X—XV вв.). М., 1981. С. 16. Рис. 2: 4, 6.
- ⁴⁴ Ениосова Н. В. Химический состав и техника изготовления височных колец из Гнездова // Общество, экономика, культура и искусство славян: (Труды VI Международного Конгресса славянской археологии. Т. 4). М., 1998. С. 260—261.
- ⁴⁵ Спицын А. А. Древности бассейнов рек Оки и Камы // МАР. 1901. № 25. С. 45, 112, 113. Табл. XXVI: 3, 10.
- ⁴⁶ Селезнев Ф. Я. Археологические исследования в окрестностях Муром. Культура финнов средней Оки. Владимир, 1925. С. 7. Табл. IV: 12.
- ⁴⁷ Розенфельдт Р. Л. Муромский могильник у с. Молотицы // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. М., 1978. С. 180—184. Рис. 2: 6.
- ⁴⁸ Дубынин А. Ф. Раскопки Малышевского могильника // КСИИМК. Вып. XXVII. 1949. С. 94—95.
- ⁴⁹ Циркин А. В. Шокшинский могильник // СА. 1972. № 1. С. 164. Рис. 3: 7.
- ⁵⁰ Архипов Г. А. Дубовский могильник // Новые памятники археологии Волго-Камья: (АЭМК. Вып. 8). Йошкар-Ола, 1984. С. 119. Рис. 8: 32.
- ⁵¹ Казаков Е. П. Погребальный инвентарь Танкеевского могильника // Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья. Казань, 1971. С. 142. Табл. XVII: 14

- ⁵² *Aspelin J. R.* Antiquités du Nord Finno-Ougrien. T. III. Helsingfors; St.-Petersbourg; Paris, 1878. № 1058, 1389; *Спицын А. А.* Владимирские курганы // ИАК. Вып. 15. 1905. С. 128. Рис. 463.
- ⁵³ *Ерофеева Е. И.* Курганный могильник у д. Семухино на р. Тезе // Восточная Европа в эпоху камня и бронзы. М., 1976. С. 217. Рис. 1: 13.
- ⁵⁴ *Рябинин Е. А.* Костромское Поволжье в эпоху средневековья. Л., 1986. С. 58—59. Табл. 1: 15.
- ⁵⁵ *Голубева Л. А.* Вещь и славяне на Белом озере X—XIII вв. М., 1973. С. 138. Рис. 51: 15.
- ⁵⁶ *Черницын Н. А.* Угро-финские могильники на территории Вологодской области // СА. 1966. №. 4. С. 196—201. Рис. 1: 8.
- ⁵⁷ *Макаров Н. А.* О некоторых пермско-финских элементах в культуре Северной Руси (находки лунничных височных колец на Руси и в Скандинавии) // Новые исследования по этногенезу удмуртов. Ижевск, 1989. С. 58—59.
- Н. А. Макаров в соответствии со сложившейся традицией рассматривает лунничные височные кольца как украшения пермско-финских типов.
- ⁵⁸ *Седов В. В.* Лунничные височные кольца восточнославянского ареала // Культура славян и Русь. М., 1998. С. 249—262.
- ⁵⁹ *Comşa M.* Bemerkunden über die Beziehungen zwischen der Awaren und Slawen im 6—7. Jahrhundert // Interaktionen der mitteleuropäischen Slawen und anderen Ethnika im 6—10. Jahrhundert. Nitra, 1984. S. 63—74.
- ⁶⁰ *Седов В. В.* Очерки по археологии славян. М., 1994. С. 95.
- ⁶¹ *Гавритухин И. О.* Маленькие трапециевидные подвески с полоской из пресованных точек по нижнему краю // Гістарычна-археалагічны зборнік. 12. Мінск, 1997. С. 43—58.
- ⁶² *Седов В. В.* Славяне в раннем средневековье... С. 170—173.
- ⁶³ *Шмидт Е. А.* Длинные курганы у дер. Цурковки в Смоленском районе // СА. 1958. № 3. С. 168; *Седов В. В.* Длинные курганы кривичей... С. 59.
- ⁶⁴ *Седов В. В.* Длинные курганы кривичей... Табл. 26: 21; *Гавритухин И. О.* Маленькие трапециевидные подвески... С. 49.
- ⁶⁵ *Пушкина Т. А.* Височные кольца... С. 50—57.
- ⁶⁶ *Трубачев О. Н.* В поисках единства... С. 168—177.
- ⁶⁷ *Седов В. В.* Славяне в раннем средневековье... С. 154.
- ⁶⁸ *Szymański W.* Przyczynki do zagadnienia chronologii i zasięgu występowania żelaznych noży z rękojeściami zakończonymi wolutami // WA. XXX, 3—4. 1964. S. 221—228; *Idem.* Wczesnośredniowieczne noże z rękojeściami zakończonymi wolutami w świetle nowych badań // WA. XXXI, 2—3. 1965. S. 146—148; *Idem.* Noże z rękojeściami zakończonymi wolutami — zagadkowe komponenty kultury słowiańskiej i awarskiej // Studia nad etnogeneza słowian i kultura Europy wczesnośredniowiecznej. T. II. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdansk; Łódź, 1987; *Šiška St.* Nože s volutovým ukončením rukovati v hradištnej kultúre // Archeologické rozhledy. Praha, 1964. № 3. S. 395—404; *Pleterski A.* Nožoci z zavojkoma z zgodnjem srednjem veku // Arheološki vestnik. XXXIV. Ljubljana, 1983. S. 375—395; *Verony G.* Spätawarenzeitliche Messer mit Volutengriff // Urzeitliche und frühhistorische Besiedlung der Ostslowakei in Bezug zu den Nachbargebieten. Nitra, 1986; *Рафалович И. А.* Славяне VI—IX веков в Молдавии. Кишинев, 1972. С. 182—183. Рис. 29: 5, 7; *Перхавко В. Б.* Классификация орудий труда и предметов вооружения из раннесредневековых памятников междуречья Днестра и Немана // СА. № 1979. 4. С. 47. Рис. 4: 8; *Его же.* Один из компонентов материальной культуры раннесредневекового населения Беларуси // Насельніцтва Беларусі і сумежных тэрыторый у эпоху жалеза: Тэзісы дакладаў канферэнцыі прысвячонай 80-годдзю з дня нараджэння А. Г. Мітрафанавы. Менск, 1992. С. 86—88.
- ⁶⁹ *Hampel J.* Altertümer... III. Taf. 14.

⁷⁰ Kovrig I. Das awarenzeitliche Gräberfeld von Alattyán // *Archaeologia Hungarica*. XL. Budapest, 1963. S. 31, 170. Tabl. XXII: 18.

⁷¹ Mitrea I. Elemente slave in cultura secolelor VIII—X din spațiul carpato-danubiano-pontic. Cuțitele eu volute și semnificația lor // *Din istoria Europei Romane*. Oradea, 1995. P. 295—300; *Teodor Dan Gh. Éléments slaves des VI^e—VIII^e siècles ap. J. C. au nord de bas Danube // Этногенез и этнокультурные контакты славян: (Труды VI Международного Конгресса славянской археологии. Т. 3). М., 1997. P. 304—305. Fig. 2: 1—6.*

⁷² *Ляпушкин И. И. Городище Новотроицкое... С. 24, 188. Рис. 10: 7; Никольская Т. Н. Шуклинское городище // КСИА. Вып. 72. 1958. С. 75. Рис. 19: 12; Кучера М. П. Древний Плиснеск // Археологічні пам'ятки УРСР. Т. 12. Київ, 1962. С. 59. Рис. 15: 16; Мезенцева Г. Г. Канівське поселення полян. Київ, 1965. С. 102. Рис. 53: 7; Михайлина Л. П. Населення Верхнього Попруття VIII—X ст. Чернівці, 1997. С. 96. Рис. 47: 8*

⁷³ *Винников А. З. Славяне лесостепного Дона в раннем средневековье. VIII — начало XI века. Воронеж, 1995. С. 64—65. Рис. 18: 12—14; Пряхин А. Д., Цыбин М. В. Древнерусское Семилукское городище (материалы раскопок 1987—1993 гг.) // На юго-востоке Древней Руси. Воронеж, 1996. С. 37. Рис. 15: 6.*

⁷⁴ *Митрофанов А. Г. Железный век средней Белоруссии. Мн., 1978. С. 107—108. Рис. 35: 1; 52: 17; Штыхов Г. В. Города Полоцкой земли. Мн., 1978. С. 49. Рис. 18; Седов В. В. Восточные славяне в VI—XIII вв. М., 1982. С. 40.*

⁷⁵ *Орлов С. Н. Славянские поселения на берегу р. Прость около Новгорода // СА. 1972. № 2. С. 137; Носов Е. Н. Новгородское (Рюриково) городище. Л., 1990. С. 176. Рис. 65: 4, 5.*

⁷⁶ *Косменко М. Г. Двухслойное поселение в устье р. Суны // Средневековые поселения Карелии и Приладожья. Петрозаводск, 1978. С. 154. Рис. 8: 10; Археология Карелии. Петрозаводск, 1996. С. 279. Рис. 66: 4.*

В Среднем Поволжье в праболгарских памятниках новинковского типа известны булавки с волютообразными навершиями (*Багаутдинов Р. С., Богачев А. В., Zubov С. Э.* Праболгары на средней Волге (у истоков истории татар Волго-Камья). Самара, 1998. С. 102. Рис. 19: 13, 14), одна из которых ошибочно включена в сводку ножей рассматриваемого типа А. Плетерским (*Pleterski A. Nozici z zavojskoma v zgodnjem... S. 379*). Есть ли какая-либо связь ножей и булавок с одинаковыми волютообразными навершиями, пока сказать нельзя.

⁷⁷ *Кирпичников А. Н. Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX—XIII вв. // САИ. Вып. Е1—36. Л., 1973. С. 14.*

⁷⁸ *Носов Е. Н. Новгородское (Рюриково) городище... С. 181. Рис. 69.*

⁷⁹ *Седов В. В. Об одной группе древнерусских крестов // Древности славян и Руси. М., 1988. С. 63—67.*

⁸⁰ *Повесть временных лет... С. 11.*

⁸¹ *Подробнее о славяно-аварском симбиозе в Среднем Подунавье см.: Седов В. В. Славяне в раннем средневековье. М., 1995. С. 109—137.*

⁸² *Chronicarum quae dicuntur Fredegarii Scholastici. Libr IV // Monumenta Germaniae Historica: Scriptorum Rerum Merovingicarum. II. Hannoverae, 1888. S. 48.*

⁸³ *Fiedler U. Studien zu Gräberfeldern des 6. bis 9. Jahrhunderts an der unteren Donau (Universitätsforschungen zur prähistorischen Archäologie. B. 11). Teil 1—2. Bonn, 1992; Рец.: Седов В. В. // СА. 1995. № 2. С. 248—249.*

⁸⁴ *Jagič V. Dunav-Dunaj in der slavischen Volkspoesie // Archiv für slavische Philologie. Bd. 1. 1876. S. 289—333.*

⁸⁵ *Мачинский Д. А. «Дунай» русского фольклора на фоне восточнославянской истории и мифологии // Русский Север: Проблемы этнографии и фольклора. Л., 1981. С. 110—171.*

- ⁸⁶ Седов В. В. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья. М., 1970. С. 11—117; *Его же*. Восточные славяне в VI—XIII вв. М., 1982. С. 172.
- ⁸⁷ Львов А. С. Лексика «Повести временных лет». М., 1975. С. 198—200.
- ⁸⁸ Литература о Гнездове обширна. Обобщающую характеристику см.: Булкин В. А., Дубов И. В., Лебедев Г. С. Археологические памятники древней Руси IX—XI вв. Л., 1978. С. 25—51.
- ⁸⁹ Гуцин А. С. Памятники художественного ремесла древней Руси X—XIII вв. М.; Л., 1936. С. 53—57. Рис. 11—15. Табл. I—IV; Корзухина Г. Ф. Русские клады... С. 87—89.
- ⁹⁰ Булкин В. А., Дубов И. В., Лебедев Г. С. Археологические памятники ... С. 36—40.
- ⁹¹ Шмидт Е. А. К вопросу о древних поселениях в Гнездове // Материалы по изучению Смоленской области. Вып. VIII. Смоленск, 1974. С. 150—164.
- ⁹² Шмидт Е. А. Об этническом составе населения Гнездова // СА. 1970. № 3. С. 102—108.
- ⁹³ Ярославское Поволжье X—XI вв. М., 1963; Дубов И. В. Северо-восточная Русь в эпоху раннего средневековья. Л., 1982. С. 124—187.
- ⁹⁴ Рыбаков Б. А. Древности Чернигова // МИА. 1949. № 11. С. 24—51; *Его же*. Язычество Древней Руси. М., 1988. С. 329—349.
- ⁹⁵ Лелеков Л. А. История некоторых сюжетов древнерусского искусства // Художественное наследие. 1981. № 7. С. 213—225; Молчанов А. А. О сюжете композиции на обкладке турьего рога из Черной могилы // Историко-археологический семинар «Чернигов и его округа в IX—XIII вв.»: Тезисы докладов. Чернигов, 1988. С. 67—69; Чернецов А. В. О языческой дружинной культуре Черниговщины // Там же. С. 143—152; Петрухин В. Я. Начало этнокультурной истории Руси IX—XI веков. Смоленск, 1995. С. 171—194.
- ⁹⁶ László Gy. Steppenvölker und Germanen. Berlin, 1971.
- ⁹⁷ Орлов Р. С. Среднеднепровская традиция художественной металлообработки X—XI вв. // Культура и искусство средневекового города. М., 1984; *Его же*. Развитие ювелирного ремесла Чернигова и его округа в X в. // Историко-археологический семинар «Чернигов и его округа в IX—XIII вв.». Чернигов, 1985.
- ⁹⁸ Бліфельд Д. І. Давньоруські пам'ятки Шестовиці. Київ, 1977.
- ⁹⁹ Перхавко В. Б. Зарождение купечества на Руси // Восточная Европа в древности и средневековье: X Чтения к 80-летию члена-корреспондента АН СССР Владимира Терентьевича Пашуто. М., 1988. С. 87—88.
- ¹⁰⁰ Давидан О. И. Этнокультурные контакты Старой Ладogi VIII—IX веков // Археологический сборник Гос. Эрмитажа. Вып. 27. Л., 1986. С. 99—105.
- ¹⁰¹ Седов В. В. Изборск в 8—10 веках // Новое в археологии Прибалтики и соседних территорий. Таллинн, 1985. С. 119—128.
- ¹⁰² Седов В. В. Начало городов на Руси // Труды V Международного конгресса славянской археологии. Т. I. Вып. 1. М., 1987. С. 12—24.
- ¹⁰³ О становлении ранних городов на Руси см.: Седов В. В. Начало городов... С. 12—24; Толочко П. П. Пути становления древнерусских городов // Проблемы славянской археологии: (Труды VI Международного Конгресса славянской археологии. Т. 1). М., 1997. С. 11—22.
- ¹⁰⁴ Седова М. В. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X—XV вв.). М., 1981. С. 180—193; Носов Е. Н. Финно-угры и Новгород // Финны в Европе. VI—XV века. Вып. 2. М., 1990. С. 47—57.
- ¹⁰⁵ Тихомиров М. Н. Древнерусские города. М., 1956. С. 9—43.
- ¹⁰⁶ Повесть временных лет... С. 83.

- ¹⁰⁷ *Шахматов А. А.* К вопросу об образовании русских наречий и русских народностей // *ЖМНП*. 1899. № IV. С. 345.
- ¹⁰⁸ Новгородская Первая летопись... С. 157.
- ¹⁰⁹ *Шахматов А. А.* Краткий курс истории малорусского (украинского) языка // *Украинский народ в его прошлом и настоящем*. Т. 2. Пг., 1916. С. 680—681.
- ¹¹⁰ На основании памятников древнерусской письменности X—XII вв. эта тема рассматривается в одном из разделов книги: *Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего средневековья*. М., 1982. С. 96—119.
- ¹¹¹ Новгородская Первая летопись... С. 183.
- ¹¹² Повесть временных лет... С. 10.
- ¹¹³ Там же. С. 13.
- ¹¹⁴ *Воинские повести Древней Руси*. М.; Л., 1949. С. 96—115.
- ¹¹⁵ *Генрих Латвийский. Хроника Ливонии*. М.; Л., 1938. С. 222.
- ¹¹⁶ Там же. С. 198.
- ¹¹⁷ *Иоганн де Плано-Карпини. История монгалов*. СПб., 1911. С. 9, 25, 44, 45, 50, 54, 57, 61.
- ¹¹⁸ *Вильгельм де Рубрук. Путешествие в восточные страны*. СПб., 1911. С. 85.
- ¹¹⁹ *Марко Поло. Путешествие*. Л., 1940. С. 262.
- ¹²⁰ *Акты, относящиеся к истории западной Руси*. Т. 1. СПб., 1846. С. 33.
- ¹²¹ *Акты исторические, относящиеся к России, извлеченные из иностранных архивов и библиотек А. И. Тургеневым*. Т. 11. СПб., 1841. С. 30.
- ¹²² *Сборник материалов и исследований*. СПб., 1907. С. 149—153.

ДИАЛЕКТНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ ЧЛЕНЕНИЕ ДРЕВНЕРУССКОЙ ОБЩНОСТИ

ИСТОРИЧЕСКИЕ ЗЕМЛИ ДРЕВНЕЙ РУСИ И ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИЕ ПЛЕМЕННЫЕ ОБРАЗОВАНИЯ

В 30-х годах XII в., после смерти великого князя киевского Мстислава Владимировича, из повиновения Киеву вышли все княжества, ранее образывавшие единое Древнерусское государство. Единая держава раздробилась на несколько политических формирований, которые начали самостоятельную жизнь. «И разъдрася вся Русская земля», — записал летописец по этому поводу под 1132 годом.

В середине XII в. на восточнославянской территории образовалось пятнадцать княжеств, в первой трети XIII в. их стало уже около пятидесяти, а в XIV в. их количество приблизилось к двумстам пятидесяти. Становление и функционирование их связаны с политической, экономической и военной историей Руси и прямого отношения к рассматриваемой в настоящей главе проблематике не имеют. Среди образований начала периода феодальной раздробленности выделяются более или менее крупные историко-географические образования — земли. В XII в. большинство из них стали и крупными государственными единицами — княжествами. Поэтому нередко в исторических трудах *земли* и *княжества* являются взаимозаменяемыми терминами. Между тем это совсем не так, они несут различную нагрузку и их нельзя не разграничивать. Земли — это историко-территориальные образования. Одни сохраняли политическое единство в течение длительного времени, другие неоднократно дробились на более мелкие княжества. В политической истории Руси имеются случаи объединения на какое-то время некрупных земель с частью территории соседней земли. Так, например, Галицко-Волынское княжество объединяло территорию Галицкой земли с Волынщиной. Однако в этой ситуации все же целостность историко-географических образований — древнерусских земель сохранялась. Понятие «Рязанская земля» не исчезает даже тогда, когда Рязанского княжества уже не существовало, когда оно вошло в состав Московского государства.

Подобными единицами Древней Руси были Новгородская, Ростово-Суздальская, Киевская, Черниговская, Полоцкая, Смоленская, Галицкая и Муромо-Рязанская земли. Еще в прошлом столетии увидели свет монографические исследования, посвященные отдельным древнерусским землям, — А. М. Андрияшева, Д. И. Багалея, П. В. Голубовского, М. С. Грушевского, В. Е. Данилевича, П. А. Иванова и В. Ляскоронского¹. В середине и второй половине XX в. работа в этом направлении была продолжена. Н. Н. Воронин попытался монографически осветить историю

Владимирской земли. Рязанская земля стала объектом анализа А. Л. Монгайта, в книгах Л. В. Алексеева нашла отражение история Полоцкой и Смоленской земли, Киевской земле посвятил свой труд П. П. Толочко².

Вопрос о том, что представляли собой земли Древней Руси в историко-этнографическом плане, привлекал внимание многих историков, но пока он далек от решения. В середине прошлого столетия, выполнив большую работу по локализации множества древнерусских поселений, упомянутых в письменных источниках, М. П. Погодин пришел к выводу о наличии в XII—XIII вв. на территории Древней Руси исторических образований — земель-волостей с устойчивыми границами. В XII в. в политическом отношении они стали «полугосударствами с достаточно определенными территориями». В тех же пределах они существовали уже в середине IX в., совпадая с ареалами летописных племен восточно-славянства³.

К «весьма древним временам» относили сложение территорий древнерусских земель-волостей В. С. Сергеевич, М. Ф. Владимирский-Буданов и А. Е. Пресняков. Впрочем, представления этих исследователей о возникновении земель были довольно туманными. Так, согласно В. И. Сергеевичу процесс становления первоначальных волостей начался в древности и протекал медленно и мирно. Своим возникновением они обязаны каким-то «предприимчивым людям», строившим города⁴. М. Ф. Владимирский-Буданов также отводил заметную роль в формировании территориальных образований «старшему городу»⁵. А. Е. Пресняков отмечал, что «переход от племенного быта к строю городских волостей остается неуловимым в сколько-нибудь конкретных чертах». Земли-волости он выводил «из племенного периода, как продукт его органической эволюции». Историк утверждал, что каждая историческая земля Руси создала собственное государство, организующей силой при этом были варяги, оседавшие в их центрах. Наличие в восточнославянском ареале древних земель-волостей, по А. Е. Преснякову, исключает существование общегосударственной территории Киевской Руси⁶. Исследуя историю Ростово-Суздальской земли, А. Е. Пресняков вопрос о сложении ее территории просто опускает⁷.

Касаясь темы распада «племенных союзов» и становления территорий волостей-земель (впоследствии княжеств), С. М. Середонин полагал, что они формировались при воздействии трех основных факторов. Первым из них была колонизация областей определенными племенными группами восточного славянства. Большая роль в образовании земель-волостей принадлежала, по мнению этого историка, развитию торговых связей — ряд областных городов находился на великих водных путях. Наконец, норманны на первых порах оседали в центрах земель, а позднее сыграли ведущую роль в объединении восточнославянской территории в единое государство⁸.

В. О. Ключевский развивал теорию о торговом происхождении древнерусских земель. По его представлениям, в результате развития ремесленной и торговой деятельности формируются города, а более крупные из них, расположенные на главных торговых путях, становились большими торжищами, стягивавшими к себе все окрестные городские рынки, и со временем превращались в центры обширных промышленных округов. Так племенные образования сменялись промышленными округами — древнерусскими землями-волостями. Экономические связи стали основой политических образований. Сложившиеся промышленные округа с центрами, которыми были старейшие русские города, и обусловили областное деление Руси, наблюдаемое в XII—XIII вв.⁹

В монографиях, посвященных отдельным землям Древней Руси, вопрос об исторических условиях их сложения остался неразработанным. Для определения границ земель исследователями использованы были данные о колонизации территорий и географии населенных пунктов, которые согласно письменным источникам можно связывать с той или иной землей. В. Е. Данилевич попытался сопоставить коренной ареал полочан и территорию Полоцкой земли XI—XIII вв., выявив некоторые расхождения между ними¹⁰. М. С. Грушевский утверждал, что Киевская земля сформировалась из племенных регионов полян и древлян¹¹.

В середине и второй половине XX в. в исторической литературе возобладала мысль о том, что дробление Киевского государства в XII в. было неизбежным и закономерным следствием развития феодальных отношений, увеличения роли феодалов в отдельных областях Руси. По мере укрепления феодальных отношений в отдельных землях росли центробежные тенденции, что и привело к феодальной раздробленности. В итоге в пределах Древней Руси формируется ряд феодальных княжеств — земель, которые со временем становятся все более и более самостоятельными. Развивая тезис об исторической закономерности этого явления, исследователи стали оценивать его как прогрессивный этап в исторической эволюции общества, обусловленный трансформацией социально-экономических отношений¹².

Вопрос о сути древнерусских земель эта концепция не конкретизировала, но давала повод для их характеристики как политико-экономических образований периода феодальной раздробленности. Согласно А. Н. Насонову, процесс образования территорий древнерусских земель интенсивно протекал во второй половине XI и в начале XII в. Это был период быстрого распространения феодального землевладения, а формирование земельных территорий было обусловлено политической и военной деятельностью властителей отдельных феодальных полугосударств, которые приблизительно к середине XII в. становятся самостоятельными по отношению к Киеву. Территориальные пределы их стабилизируются — сложение земель-волостей, таким образом, завершается¹³.

Какая-либо связь восточнославянских племенных образований с историко-территориальными периода феодальной раздробленности Руси при этом большинством историков не принималась во внимание. Правда, не исключалось, что ядром населения некоторых земель-волостей могли быть потомки одного из летописных племен, другие же складывались независимо от прежних племенных ареалов, включали представителей разных племенных образований восточного славянства, а некоторые племенные регионы своими частями вошли в разные земли-волости.

Лишь отдельные исследователи допускали некоторую связь племенных регионов с княжествами XII в. Так, Б. А. Рыбаков отмечал, что «Киевская Русь распалась на полтора десятка самостоятельных княжеств, более или менее сходных с полутора десятками древних племенных союзов. Столицы многих крупнейших княжеств были в свое время центрами союзов племен: Киев у Полян, Смоленск у Кривичей, Полоцк у Полочан, Новгород у Словен, Новгород-Северский у Северян. Союзы племен были устойчивой общностью, складывавшейся веками; географические пределы их были обусловлены естественными рубежами»¹⁴.

Ныне представляется очевидным, что без широкого привлечения археологических материалов данные письменных источников не дают возможности в полной мере раскрыть суть исторических формирований — древнерусских земель.

Прежде всего, несколько слов следует сказать о том, что представляли собой восточнославянские племенные образования Повести временных лет, то есть поляне, кривичи, вятичи, северяне и другие. Современная археология свидетельствует о том, что это были неоднозначные единицы¹⁵. Так, поляне, древляне, волыняне и дреговичи были территориальными новообразованиями. Они формировались в VI—IX вв. в результате территориального обособления отдельных групп праславянского племенного образования дулебов. С другой стороны, корни кривичей, словен ильменских и руси уходят в праславянский период истории. Это были этнографические и, скорее всего, диалектные образования раннесредневекового славянства. И оказывается, что территории древнерусских земель-волостей XII в. теснейшим образом связаны не с новообразованиями, а с этнографическими группами восточного славянства, история которых уходит в праславянскую эпоху.

Ниже приводится анализ историко-археологической ситуации каждой исторической земли Древней Руси.

Историческим центром Новгородской земли было Приильменье, накануне образования Древнерусского государства, как свидетельствуют археологические материалы, относительно плотно заселенное словенскими ильменскими (рис. 36). Исторические данные позволили А. Н. Насонову утверждать, что «...новгородская территория выросла из племенной территории, послужившей ее основным ядром.»¹⁶ И это целиком и полностью соответствует данным археологии. Территория расселения сло-

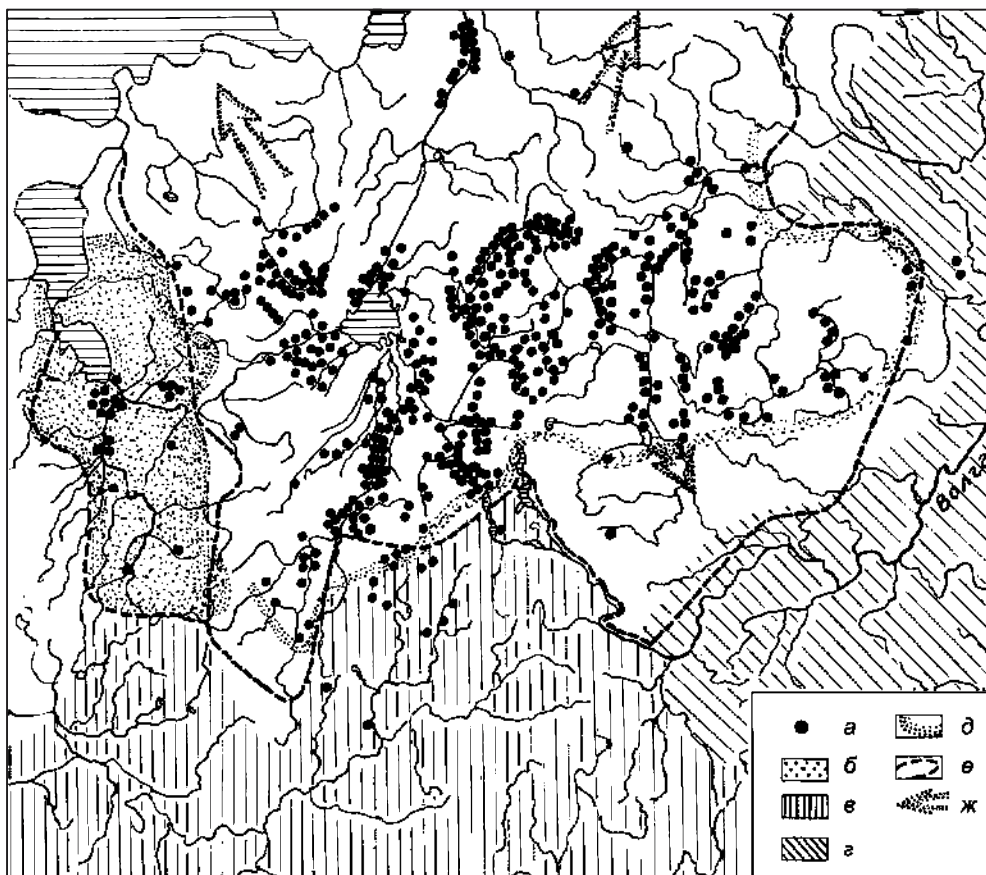


Рис. 36

Новгородская и Псковская земли

а — могильники с сопками; б — ареал кривичей псковских; в — кривичей смоленско-полоцких; г — славян, представленных браслетообразными незавязанными височными кольцами; д — этнографическая граница словен ильменских в последних веках I тыс. н. э.; е — исторические границы Новгородской и Псковской земель; ж — направления расселения словен ильменских

вен ильменских, как она обрисовывается по их погребальным памятникам VIII—IX вв. — сопкам, охватывает Ильменский бассейн с Шелонью, Ловатью и Мстой (рис. 36). На северо-западе в ареал сопкок включается Верхнее Полужье, а на востоке он простирается до верхних течений Мологи и Чагодощи включительно. Весьма плотная концентрация сопкок наблюдается в той части Ильменского Поозерья, где в середине IX в. было основано Новгородское (Рюриково) городище и около столетия спу-

стя — Новгород, а также на нижнем Волхове, где находилась Ладога¹⁷. При сопоставлении исторической карты Новгородской земли, составленной А. Н. Насоновым, обнаруживается, что южная и восточная границы ее соответствуют пределам расселения словен ильменских, как они устанавливаются по погребальным древностям VIII—IX вв. Следовательно, южные и восточные границы Новгородской земли XII—XIII вв., по историческим данным, обрисовывают этнографическую территорию расселения словен ильменских. Далее на юг и восток начинаются области, заселенные другими этнографическими образованиями восточного славянства.

Северную границу Новгородской земли XII—XIII вв. А. Н. Насонов не проводит, что вполне объяснимо — словене ильменские в первые столетия II тыс. н. э. активно колонизовали области води, ижоры, веси, карелы и лопи и достигли Студеного моря.

Западные пределы Новгородской земли определяются А. Н. Насоновым и другими историками пограничьем славян с чудью-эстами и латгалами. Согласно установившемуся мнению, Псковская земля на первых порах была органической частью Новгородской земли и выделлась из нее только в XIV в. Материалы археологии не подтверждают этого. Они свидетельствуют, что территория Псковской земли стала формироваться как отдельная историко-географическая единица Руси уже во второй половине I тыс. н. э. Это был ареал культуры псковских длинных курганов, где в отличие от области расселения словен ильменских сопки не получили распространения. Эта культура непосредственно перерастает в древнерусскую курганную культуру с регионально-племенными особенностями. Ядро населения Псковской земли составили кривичи псковские, как это устанавливается по косвенным сведениям летописей (из летописной легенды о призвании варягов следует, что Изборск стоял в старой кривичской земле, а в Архангелогородском летописце имеется прямое известие об Изборске как кривичском городе) и на основе того, что латыши называют русских *krievs* (*Krievija* — Россия) — этнонимом, явно производным от имени племенного образования славянства, с которым наиболее восточное латышское племя латгалов первоначально и длительное время соседило и контактировало¹⁸.

Данные археологии позволяют полагать, что Псковская земля в начале II тыс. н. э. была отдельной историко-этнографической единицей, равной другим землям Древней Руси (рис. 36). Псковская земля, как она очерчивается по историческим документам в XIV—XV вв., соответствует этнографической территории X—XII вв. кривичей псковских, восстанавливаемой по данным археологии¹⁹. В этой связи достаточно оправданным представляется определение западной границы Новгородской земли этнографическим рубежом, сложившимся между словенскими ильменскими и кривичами псковскими.

Такое решение вопроса, думается, не противоречит историческим материалам. До недавнего времени исследователи полагали, что Псковская земля выделилась в самостоятельное политическое образование только в XIV—XV вв. Недавно В. Л. Янин показал, что начиная с 1137 г., когда псковичи призвали в Псков изгнанного из Новгорода князя Всеволода Мстиславича, Псковская земля не обнаруживает ни малейших признаков политической зависимости от Новгорода. С этого времени в Пскове существует свой княжеский стол, который находился в полном ведении исключительно псковичей. После 1132 г. Новгород никаких посадников в Псков не посылал. Псковская земля в XII—XIII вв. была только частью Новгородской епархии, подчиняясь новгородским властям в церковном отношении. «Болотовский» договор 1348 г., утверждает исследователь, закреплял (подтверждал) договорные отношения Новгорода и Пскова, установившиеся еще в XII в.²⁰

В этой связи становится объяснимым строительство укреплений на Шелони, предпринятое Александром Невским в 1239 г. Новгородская Первая летопись сообщает: «Того же лета князь Александръ с новгородци сруби городци по Шелоне»²¹). Такими городищами в частности были Старое Порховское и Опоки, в которых археологически зафиксированы культурные отложения XIII в. Это были крепости, построенные на пограничье Новгородской и Псковской земель, которые для новгородцев не имели бы никакого смысла, если бы Псковская земля в это время была частью Новгородской.

Ядром населения Ростово-Суздальской земли стали славяне, расселившиеся в этом крае в третьей четверти I тыс. н. э., первоначальный племенной этноним которых не засвидетельствован летописями (рис. 37). Недавно А. Е. Леонтьев достаточно определенно показал, что культура междуречья Волги и Клязьмы второй половины I тыс. н. э. формировалась не на местной основе, а была результатом миграции в этот регион нового населения²². Однако вопрос о происхождении последнего остался нерешенным. Расселение в этих землях пришлого населения фиксируется многими фактами, среди которых наибольший интерес представляют находки браслетообразных височных колец с незамкнутыми концами VI—VII вв.²³ Для древнего и средневекового финно-угорского мира, не затронутого славянским влиянием, ношение височных колец было абсолютно не свойственно. Есть все основания полагать, что население, в состав женских украшений которого входили браслетообразные височные кольца, было славянским. В последующие столетия они становятся характерным украшением одной из восточнославянских племенных группировок и остаются в употреблении вплоть до XIII в. включительно.

С миграцией носителей браслетообразных височных колец в междуречье Волги и Клязьмы происходят принципиальные изменения в системе расселения. Замирает жизнь на большинстве приуроченных к пойменным лугам городищ, которые были характерны для местного

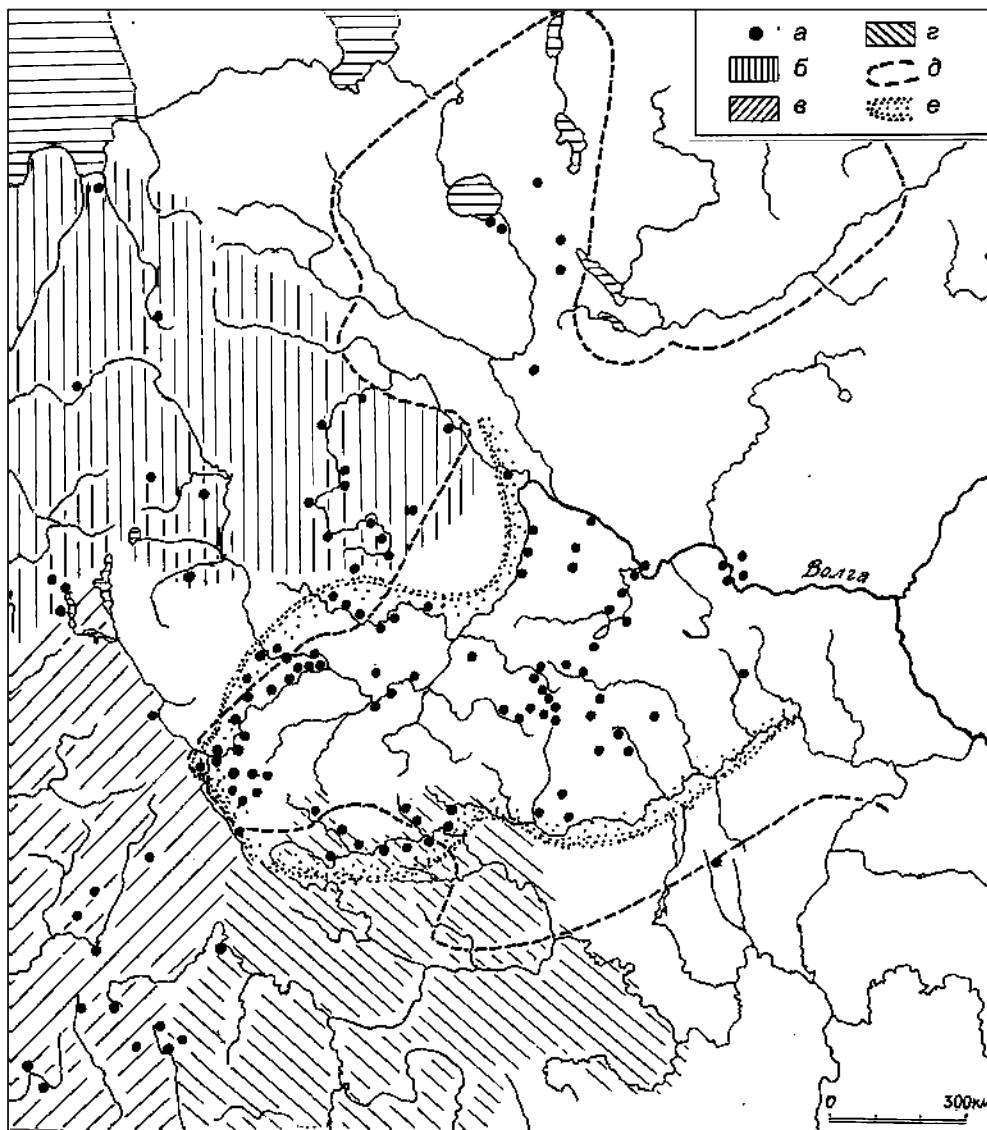


Рис. 37
Ростово-Суздальская земля

а — памятники с находками браслетообразных височных колец с сомкнутыми или заходящими концами; б — ареал новгородских сопок; в — кривичей смоленско-полоцких; г — вятичей (в Подмосковье вятичи расселились на территории, ранее освоенной носителями браслетообразных височных колец); д — граница Ростово-Суздальской земли (по А. Н. Насонову); е — этнографическая граница славянской группы, представленной браслетообразными незавязанными височными кольцами

финноязычного населения. Им на смену приходят неукрепленные поселения более крупных размеров, основная масса которых уже тяготела к участкам наиболее плодородных почв. Возрастает численность и плотность населения. Ведущую роль в экономике теперь стало играть земледелие. Эта система расселения сохранялась в Ростовской земле неизменной и в древнерусское время.

Славянские переселенцы вместе с местными финноязычными племенами Волго-Клязьминского междуречья создали культуру второй половины I тысячелетия н. э., которая обстоятельно была описана А. Е. Леонтьевым в названной выше книге как мерянская²⁴. Такое название культуры, может быть, и оправданно — русские летописи фиксируют, что первыми жителями была «в Ростове меря», «...а на Ростовскомъ озере меря, а на Клещине озере меря же»²⁵. Весьма вероятно, что в период становления Древнерусского государства население Ростовского края называлось мерей. Этноним проживавшего на этой территории поволжско-финского племени, как это нередко наблюдается в древней истории, был перенесен и на пришлое население. Меря называется среди участников похода Олега на Киев в 882 г. и похода 907 г. на Константинополь. Это были уже не собственно поволжские финны, а славянское население Ростовской земли, сформировавшееся в условиях славяно-мерянского симбиоза. В числе городов, которые должны были получить «уклады» после похода 907 г., назван Ростов, основанный и заселенный, судя по археологическим раскопкам, славянами.

Мысль об особом славянском племени, заселившем Ростово-Суздальский край, не является новой в научной литературе. В середине XX в. Б. М. Ляпунов и Ф. П. Филин, разрабатывая проблему диалектного членения восточнославянского ареала, высказывали предположение о том, что Ростово-Суздальская земля была освоена особым славянским племенем, название которого до нас не дошло, а владими́ро-суздальские говоры ведут свое начало от диалекта этого племени²⁶. Новейшие изыскания в области акцентологических диалектизмов в славянских языках показали, что территория Ростово-Суздальского края принадлежит к отдельной четвертой группе, восходящей к первичному диалектному членению праславянского языка. «Диалекты этой группы ввиду сугубой архаичности их акцентной системы не могут быть объяснены как результат вторичного развития какой-либо из известных акцентологических систем, а должны рассматриваться как наиболее раннее ответвление от праславянского; этнос носителей этого диалекта представляет, по-видимому, наиболее ранний восточный колонизационный поток славян»²⁷. Диалект четвертой акцентологической группы территориально соответствует «мерянской» группировке славян — носителям браслетообразных незавязанных височных колец. Ее ранний отрыв от основной массы праславянства по археологическим данным вполне очевиден.

Карта распространения браслетообразных незавязанных височных колец XI—XIII вв. (рис. 29) достаточно определенно свидетельствует о том, что основу населения Ростово-Суздальской земли составили славяне — носители этих украшений. Западная граница этой земли, устанавливаемая по историческим данным, является этнографическим рубежом рассматриваемого образования восточного славянства. Отдельные находки браслетообразных незавязанных колец, изолированно фиксируемые в некоторых регионах Новгородской земли, в частности на Мологе и Ижорском плато, отражают проникновение небольших групп волго-клязьминских славян на территорию, уже освоенную словенами новгородскими. Близка к этнографической и южная историческая граница Ростово-Суздальской земли. Археологические материалы позволяют несколько скорректировать последнюю. Так, поречье реки Москвы, по-видимому, целиком следует включить в Ростово-Суздальскую землю, поскольку первыми славянскими насельниками были здесь племена — носители браслетообразных незамкнутых височных колец. То место в среднем течении р. Москвы, где был основан город с таким же названием, судя по данным археологии было территорией, первоначально освоенной той же славянской группировкой. Укрепление Москвы Юрием Долгоруким следует рассматривать как создание форпоста на южных рубежах Ростово-Суздальской земли, а не как первый шаг к захвату восточных провинций Смоленской земли, как полагали некоторые историки. Только в XI—XII вв. в левобережную часть бассейна верхнего течения р. Москвы проникают смоленские кривичи. Только с этого времени Северное Москворечье оказывается в племенном отношении смешанным — меряно-кривичским. Здесь находилась упомянутая в грамоте смоленского князя Ростислава Мстиславича самая восточная волость Смоленского княжества XII в. — Искона, явно получившая название от р. Исконы (бассейн Рузы). Очевидно, это результат политического присоединения смоленскими князьями небольшой части территории Ростовской земли.

Далее в восточном направлении южная этнографическая граница ростово-суздальских славян проходила по р. Клязьме. Проведение исторической границы земли по правобережью этой реки представляется достаточно оправданным.

Первыми славянами в Белозерье были носители браслетообразных незавязанных височных колец, а не переселенцы из Новгородской земли. Поэтому вхождение этого края в Ростово-Суздальскую землю представляется абсолютно закономерным. Восточная историческая граница этой земли неопределенна: области, принадлежащие черемисе и мордве, постепенно оказывались в сфере интересов ростово-суздальских князей. Этнографическая территория носителей браслетообразных незавязанных височных колец на востоке достигала Костромского Поволжья и р. Тезы — левого притока Клязьмы.

Расселение в Ростово-Суздальской земле словен новгородских и кривичей смоленских, фиксируемое курганными материалами X—XII вв., принадлежит ко второй крупной волне миграции, которая, по-видимому, существенно не изменила этнографический облик края.

Безусловно кривичскими были Смоленская и Полоцкая земли. Сопоставительный анализ археологических и историко-географических материалов Смоленской земли, произведенный мною в специальной статье²⁸, показал, что ее территория в XII—XIII вв. была областью, одновременно политической и этнографической (рис. 38). Государственные границы Смоленской земли определялись в середине XII в. пределами этноплеменной территории — расселением кривичей смоленских. Все смоленские города и волости, упоминаемые в письменных источниках XI—XII вв., лежат в собственно кривичском ареале.

На севере бесспорным рубежом Смоленской и Новгородской земель была граница между кривичами и ильменскими словенами. На юге и юго-востоке Смоленская земля соседствовала с территориями, подвластными Чернигову. Южная и юго-восточная границы Смоленщины здесь надежно определяются пределами кривичского расселения. В левобережной части верхнего течения Десны и на средней Угре на кривичской территории известны и древности вятичей. Исторические материалы надежно позволяют относить эти области к Смоленской земле. Так, в бассейне р. Болвы — левого притока Десны располагалась называемая в грамоте смоленского князя Ростислава Мстиславича волость Оболвь, в междуречье Болвы и Десны — волость Шуйская (в бассейне р. Шуйцы) и в верховьях Десны — волость Дешняне. Вятичи проникли в эти области относительно поздно, когда они уже были освоены кривичским населением.

Юго-западным окраинным городом Смоленской земли был город Лучин, стоявший на Днепре. Археологически здесь выявлено городское поселение древнерусского времени. Поблизости находились крупные курганные могильники, при раскопчном исследовании которых обнаружены украшения, свидетельствующие о кривичской атрибуции жителей Лучина. На противоположном левом берегу Днепра расселились радимичи. На востоке территория Смоленской земли достигала верховьев р. Москвы и соседила с Ростово-Суздальской землей.

На западе Смоленская земля вплотную соприкасалась с Полоцкой землей. Смоленские и полоцкие кривичи — единоплеменники. Вопрос о том, почему кривичская территория членилась на две историко-географические области, в то время как другие древнерусские земли соответствовали этноплеменным территориям восточного славянства, археологически пока не поддается разрешению. Политическая граница между Полоцким и Смоленским княжествами не была стабильной. Орша и Копыс — города, стоявшие на Днепре, в XI в., скорее всего, входили в

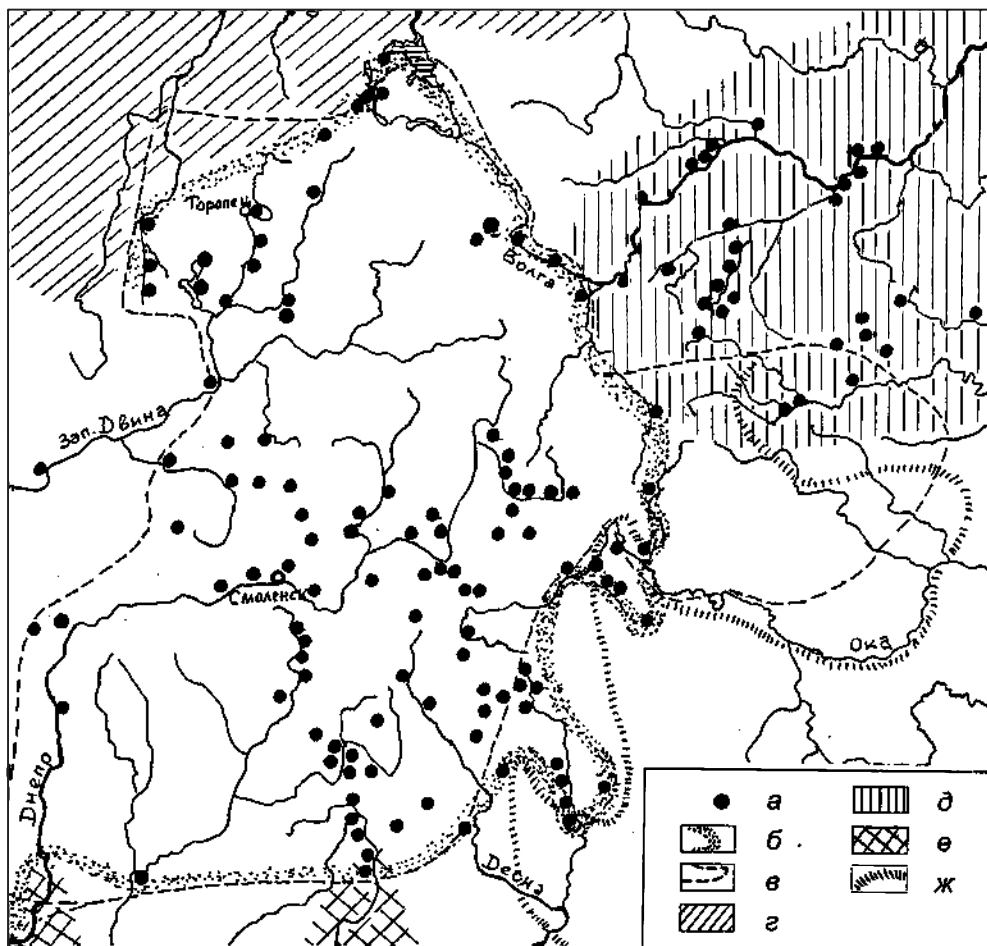


Рис. 38

Смоленская земля

а — памятники X—XII вв. кривичей смоленско-полоцких; б — этнографическая граница их расселения; в — историческая граница Смоленской земли; г — ареал словен ильменских; д — славян — носителей браслетообразных незавязанных височных колец; е — радимичей; ж — западная граница расселения вятичей

состав Полоцкой земли. В начале XII в. они с окрестными селами были уже частью смоленской территории.

Полоцкая земля, как она очерчивается по историческим материалам XII в., полностью соответствует этноплеменной области расселения полоцких кривичей XI—XII вв. (рис. 39). Северная граница последней в деталях соответствует южным рубежам Новгородской и Псковской

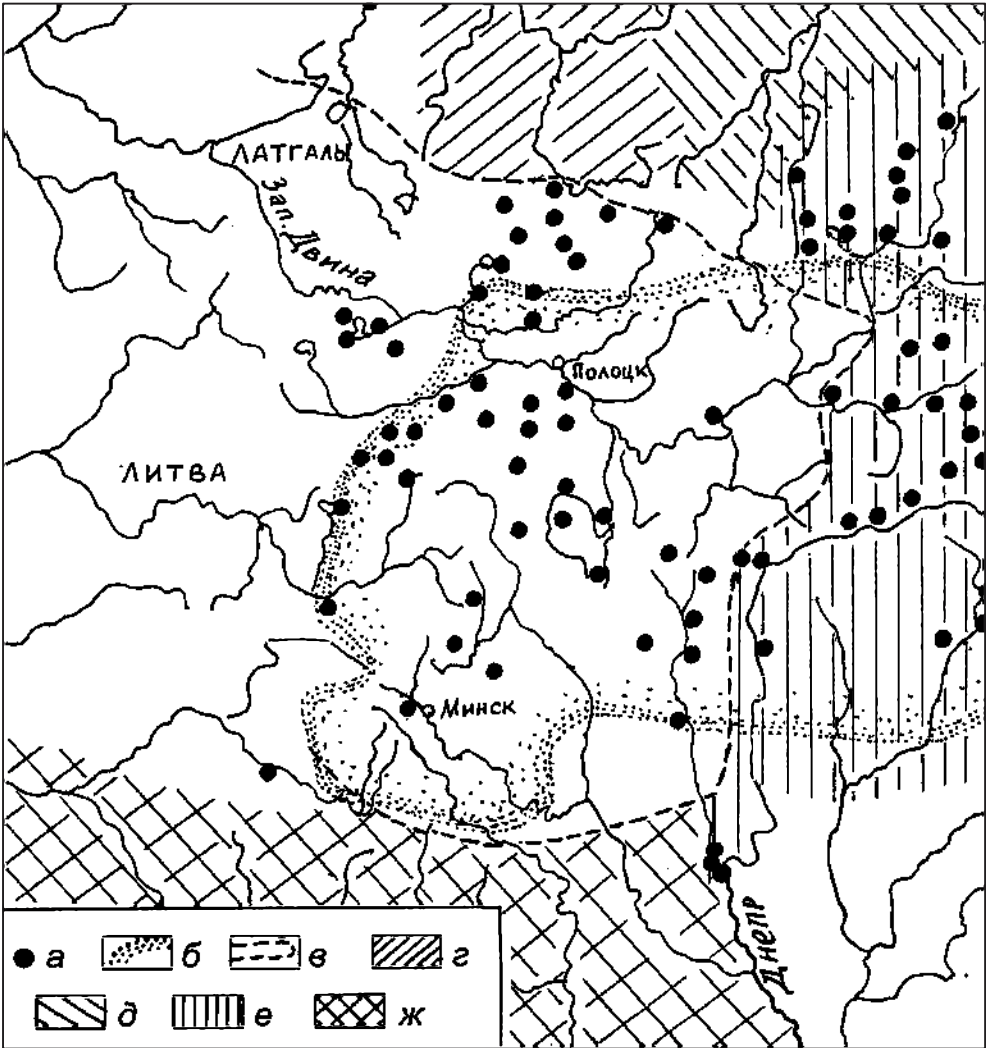


Рис. 39

Полоцкая земля

а — памятники кривичей смоленско-полоцких; б — ареал тушемлинской культуры; в — историческая граница Полоцкой земли; г — ареал кривичей псковских; д — словен ильменских; е — территория Смоленской земли; ж — область расселения дулебской группы восточного славянства

земель. Западную границу Полоцкой земли, очевидно, следует проводить по пограничью кривичского ареала с территориями, заселенными латгалами и литвой. Эти и некоторые другие племена балтов, как свиде-

тельствуют летописи, платили дань Полоцку или Киеву. На территории латгалов в XII — начале XIII в. существовали два города-крепости — Ерсике и Кокнесе, подвластные Полоцку. Однако они находились уже за пределами кривичского ареала, то есть коренной территории Полоцкой земли.

На юге Полоцкая земля, согласно историческим данным, охватывала верхние течения Немана и Птичи, всю Свислочь и Березину Днепровскую выше устья Свислочи, а также верхнее течение Друти. Курганные материалы достоверно свидетельствуют, что все эти области были заселены полоцкими кривичами. Южный этнографический рубеж расселения последних и соответствует исторической границе Полоцкой земли. Более того, формирование этой границы, скорее всего, относится еще к третьей четверти I тысячелетия н. э., когда на территории Северной Белоруссии и в Смоленском Поднепровье сложилась тушемлинская культура, носители которой позднее составили основу смоленско-полоцких кривичей. Как отмечалось выше, браслетообразные незавязанные височные кольца в этом регионе получили распространение еще в середине I тыс. н. э. и бытовали (с X в. наряду с завязанными) непрерывно до XIII в. включительно²⁹. Выявляется почти полное совпадение ареала браслетообразных височных украшений X—XIII вв. с территорией тушемлинской культуры.

Бытующее в исторических трудах представление о Минской волости как дреговичской области Полоцкой земли не совсем справедливо. Исследователями высказана догадка, что дреговичская округа Минска и Заславля была втянута в сферу власти кривичского Полоцка только потому, что последнему удалось опередить киевского ставленника из Турова³⁰. В действительности бассейны Свислочи и среднего течения Березины, как показывают археологические материалы, первоначально были чисто кривичской территорией. И исторические данные несколько не противоречат этому — округа Изяславля, основание которого связано с деятельностью Изяслава Полоцкого, умершего в 1001 г., не позднее начала XI в. была уже достоверно полоцкой территорией³¹. Заметная инфильтрация дреговичского населения на территорию Минской, Свислочской и Борисовской волостей Полоцкой земли началась уже тогда, когда эти области были освоены кривичами. Она относится в основном к XI—XII вв. В итоге население Минского княжества оказалось смешанным — кривичско-дреговичским. Эта особенность отделяет регион Минского княжества от остальной, собственно кривичской, территории Полоцкой земли.

Определяемая по данным археологии этнографическая граница расселения полоцких кривичей конкретизирует рубеж между Полоцкой и Киевской землями, устанавливаемый по письменным памятникам в ряде мест весьма приблизительно.

Правобережные области Среднего Поднепровья, от верхнего течения Западного Буга до поречья Днепра, в начале средневековья были заселены однородным славянским населением, принадлежащим к пражско-корчакской культуре V—VII вв. Это было праславянское диалектно-племенное образование, этническим именем которого было *дулебы*.

Расселившись на широкой территории, дулебы дифференцировались на четыре территориальные группы, разделенные широкими лесными и болотистыми пространствами (рис. 40), о чем подробнее речь шла выше. Некоторая изолированность этих территориальных групп со временем привела к их слабому этнографическому обособлению. Так, из единого дулебского массива формируются в верховьях Буга, Стыри и Горыни воляняне; в бассейнах Тетерева и Ужа — древляне, в киевском поречье Днепра — поляне, а в той части Припятского Полесья, где был основан Туров, — дреговичи. Все эти племена восточного славянства были территориальными новообразованиями.

Воляняне и дреговичи освоили еще Брестское Побужье, где аборигенным было ятвяжское население, не покинувшее в основном мест своего обитания в процессе славянской колонизации. В результате метисации здесь сформировалась особая этнографическая группа древнерусского населения, вышедшего из дулебской среды. Выделяется она археологически по специфическим погребальным сооружениям — каменным курганам XI—XIII вв., унаследованным от ятвягов. Обрядность и материальная культура погребенных в них — типично древнерусская, со всеми особенностями, присущими волянянам и дреговичам³².

Имеются все основания отождествлять этнографическую территорию расселения дулебской (юго-западной) этноплеменной группировки восточного славянства с исторической Киевской землей. Восточной границей как этнографической области, так и этой исторической земли было поречье Днепра. Северный рубеж Киевской земли, определяемый А. Н. Насоновым по историческим материалам³³, полностью совпадает с пределами собственно дреговичьей территории. Северо-восточным пограничным пунктом Киевской земли был город Рогачев, находящийся на правом берегу Днепра при устье р. Друти. В его округе известны дреговичские курганы. Несколько севернее находился упомянутый выше смоленский город Лучин с окрестными кривичскими курганными могильниками, а на левом берегу Днепра начиналась уже Черниговская земля.

Область расселения дреговичей в общих чертах (за исключением тех местностей, которые были прежде уже освоены кривичами) отождествляется с Туровской волостью. Эта территория почти постоянно находилась под непосредственным политическим влиянием Киева. В летописной записи 1142 г. вполне определенно говорится о Туровской волости как о части Киевщины. Главный город дреговичей Туров занимал важное место в истории Киевской земли.

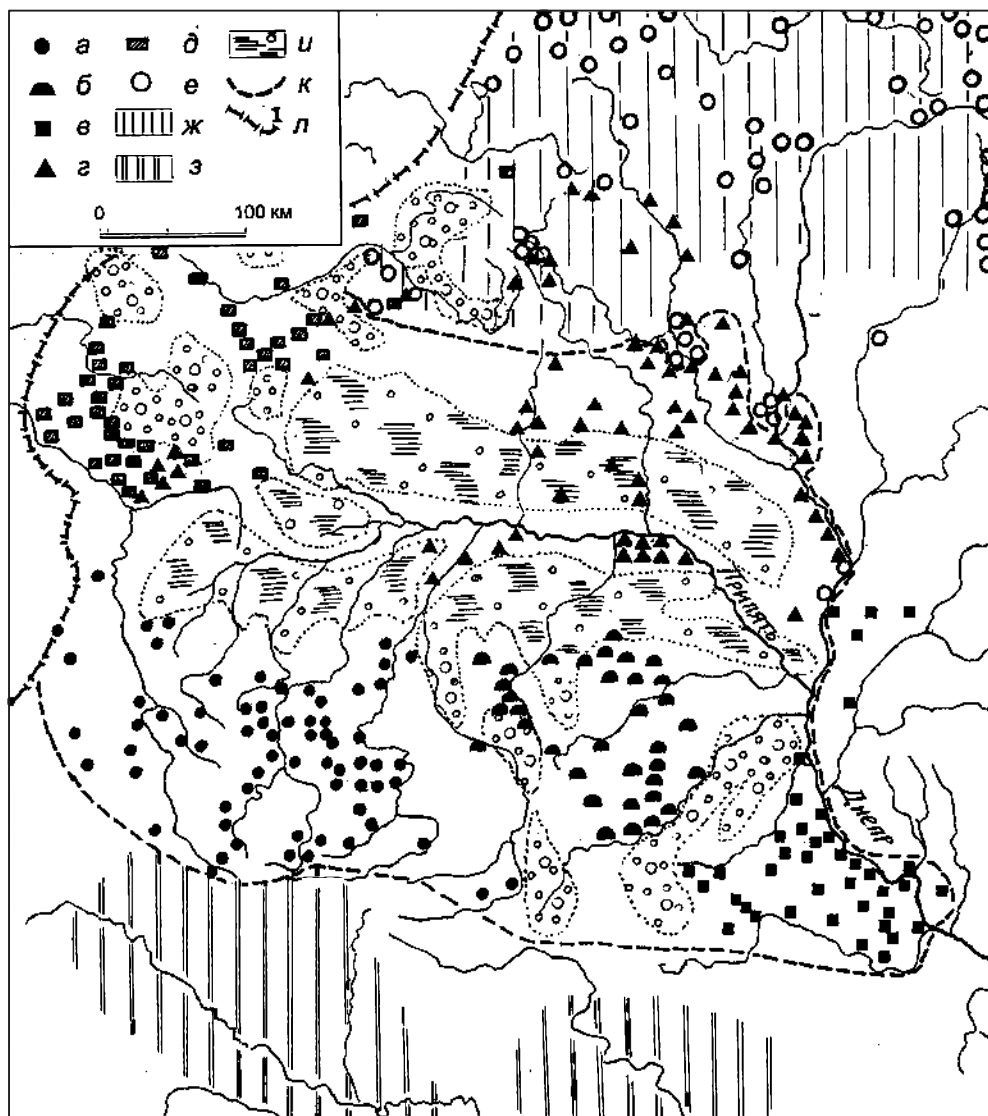


Рис. 40

Киевская земля

а — памятники волян; б — древлян; в — полян; г — дреговичей; д — могильники с каменными курганами; е — памятники с находками браслетообразных височных колец (завязанных и незавязанных); ж — ареал тушемлинской культуры; з — области расселения славян, вышедших из антской среды; и — крупные лесные и болотистые регионы; к — реконструируемая граница Киевской земли; л — западная граница Древнерусского государства

Претензии черниговских князей на дреговичские города Клеческ и Случеск не являются свидетельством вхождения их в состав Черниговской земли. Это результат постепенного захвата части дреговичских земель черниговскими князьями середины XII в.

На северо-западе Киевская земля ограничивалась восточнославянским расселением. Ее пределами здесь было этнографическое порубежье, разграничивавшее области, колонизованные славянами, вышедшими из среды дулебского этноплеменного образования, и регионы, принадлежащие ятвяжским племенам и мазовшанам. Киевские князья уже на рубеже X и XI столетий вышли к среднему течению Западного Буга и включили в состав своей территории Берестейскую волость. Ее прочная зависимость от Киева сохранялась не менее двух веков. Население Берестейской волости состояло, как уже отмечалось, из расселившихся здесь с юга волынян и с юго-востока — дреговичей, а также славянизированных аборигенов этого края — ятвягов.

Историки нередко выделяют Волынь из территории Киевской земли, что вряд ли справедливо. Археологические материалы свидетельствуют, что область Волыни в этнографическом плане входила в единый ареал юго-западной (дулебской) группы восточного славянства. В этой связи область нужно рассматривать как Волынскую волость — составную часть Киевской земли XI—XII вв. Думается, что и исторические данные не препятствуют этому. С 1057 по 1078 гг. Волынское Побужье оставалось без князя, что указывает на полную зависимость этой области от Киева. В 1078 г. Всеволод Киевский посадил во Владимире Волынском Ярополка, придав в его подчинение Туровскую волость. В период феодальной раздробленности Волынь почти всегда тяготела к Киеву. В политической истории Волынская и Туровская волости в равной степени были тесным образом связаны с Киевом.

На юго-западе Киевская земля соприкасалась с Галицкой. Граница между ними проходила в основном по водоразделу Днепровского и Днестровского бассейнов, а он соответствовал рубежу этнографических территорий славянского населения, вышедшего из дулебского племенного образования, и восточнославянских хорватов.

На юге территория Киевской земли ограничивалась лесостепными пространствами, далее в степях обитали кочевые тюркоязычные племена.

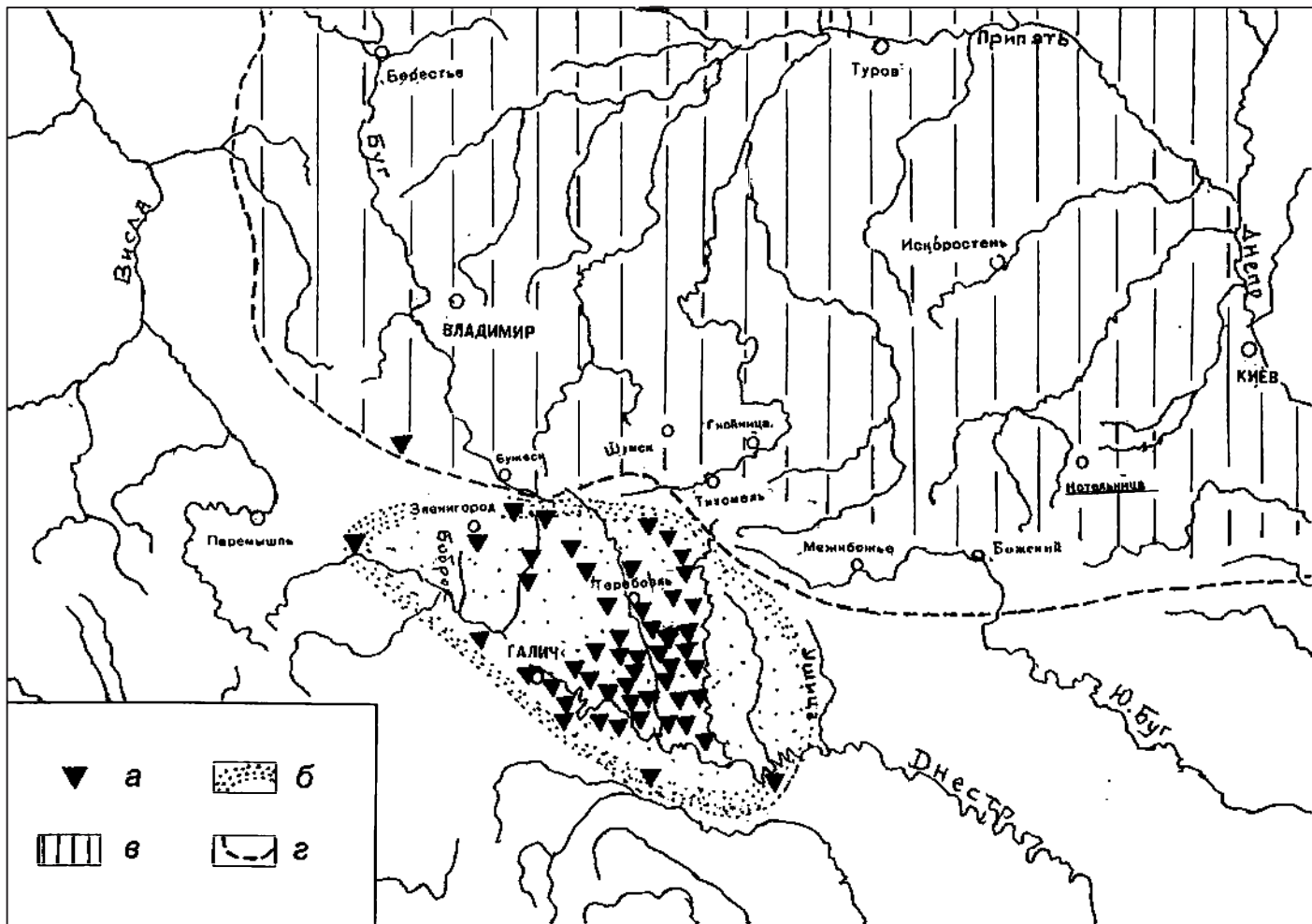
Сравнительно небольшой регион образовывала Галицкая земля (рис. 41). По летописным известиям 1229 г. она определяется пространством «от Боброky, доже и до реки Оушице и Проута». Самые верховья Днестра, судя по этому, относятся к Перемышльской земле, о чем говорит та же летопись под 1226 г.³⁴ Как раз в пределах, ограниченных названными реками, по археологическим данным отчетливо выделяется ареал, отождествляемый с восточнославянскими хорватами³⁵. Таким образом, устанавливается, что историческая Галицкая земля сложилась на этнографической территории одного из восточнославянских

этноплеменных образований и, следовательно, границы этой земли можно определять по археологическим памятникам хорватов — между левыми притоками Боброка и Ущицей, а на юге до поречья Прута. На западе Галичская земля соседила с Перемышльской, на севере — с Киевской землей, на востоке — со степными районами, занятыми кочевниками, на юге — с землями тиверцев, оказавшимися во второй половине X в. во власти печенегов.

Сформировалась Галицкая земля, очевидно, задолго до ее упоминания в летописях в середине XII в. История Галича и его земли до 30—40-х гг. XII в. не отражена в памятниках письменности вовсе. Очень вероятно, что Галичская земля развивалась в XI в. как политическая и территориальная единица, не зависящая от Древнерусского государства. Согласно решению Любечского съезда, один из Ростиславичей — Василько посажен был в Теробовле, который галичане считали своим городом. Однако он не был центром Галичской земли. Первые летописные известия о Галиче свидетельствуют об его ведущей роли в военно-политической жизни рассматриваемой исторической области. Теробовль же находился на окраине расселения восточнославянских хорватов, вплотную примыкая к владениям киевских князей. По-видимому, он рассматривался в Киеве как форпост в стремлениях его князей к овладению землями Верхнего Поднепровья. Сын Василька Иван в 40-х годах XII в. княжил уже в Галиче, который играл главенствующую роль в военных событиях 1144 и 1153 гг.

Левобережную часть Поднепровья с верховьями Оки составляла Черниговская земля (рис. 42). В настоящее время можно утверждать, что основу ее населения составляли потомки крупного диалектно-племенного образования восточноевропейских славян, представленного в VIII—IX вв. волынцевской культурой. Ее ареал включал значительные пространства Днепровского левобережья. На северо-востоке носители этой культуры расселились в бассейне воронежского течения Дона и на верхней Оке. Выше говорилось, что это были русы, зафиксированные «Баварским географом» IX в.

Волынцевская культура постепенно трансформировалась в роменскую, боршевскую и близкие им древности Верхнеокского бассейна (рис. 8). Правобережные области Поднепровья к последним векам I тыс. н. э. были уже освоены славянским населением, поэтому носители роменско-боршевско-окских древностей расселялись в основном в северном направлении, ими была заселена обширная территория бассейна Оки. На территории расселения русов в XI—XII вв. выделяются курганы северян, вятичей и радимичей, которые характеризуются специфическими наборами женских украшений, в том числе височными кольцами. Параллельно с этим на всей прежней территории волынцевской культуры и в землях, освоенных ее носителями и их потомками, бытовали, как уже говорилось, височные кольца особого типа — пятилучевые с ложной



зерню, выделенные Е. А. Шинаковым в четвертую группу лучевых украшений³⁶. Эти украшения — яркое свидетельство общего происхождения северян, вятичей и радимичей. Аналогичная картина наблюдается на северо-западе раннесредневекового славянского мира. Лехитское праславянское образование, представленное в V—VII вв. единой суковско-дзедзицкой культурой, расселившись на широких пространствах междуречья нижней Эльбы и Вислы, дифференцировалось на несколько группировок племенного характера, но в X—XII вв. все они имели одинаковые височные украшения — эвидные кольца поморского типа.

Сопоставление археологических карт с историческими показывает, что границы Черниговской земли формировались на основе этнографических рубежей. Западным пределом ее был Днепр. За этой рекой начинались области, заселенные потомками дулебской группировки восточного славянства. Регион Киевского правобережья первоначально (в V—VII вв.) был освоен полянами, вышедшими из среды дулебов. В VIII—IX вв. в их ареале расселились племена волынцевской культуры, которые, как можно полагать, территориально перемешались со славянскими первопоселенцами — полянами. Последние в основном, как свидетельствуют материалы археологии, сохранили свои этнографические элементы, но восприняли этноним пришлого населения — «поляне, яже ныне зовомая Русь».

Южная граница Черниговской земли соответствовала пограничью Русского государства с кочевым миром. Отдельной Переяславской земли, то есть оформившегося историко-географического образования, равного Новгородской, Ростово-Суздальской или Киевской землям, судя по всему, не было. Сложилось лишь княжество — политическое образование, как и многие другие не соответствующее этнографической дифференциации восточного славянства. Восточный рубеж Черниговской земли остается неотчетливым, он не очерчивался и А. Н. Насоновым. Владения черниговских князей достигали правых притоков Дона³⁷. Значительные массы славян, заселявших в последних веках I тыс. н. э. Воронежское Подонье, покинули места своего обитания и переселились в Рязанское Поочье. Оставшееся здесь население составляло единое этнографическое целое со славянами Черниговской земли и, нужно полагать, первоначаль-

Рис. 41

Галичская земля

а — могильники с подплитовыми погребениями (хорваты восточнославянские);
б — реконструируемая граница Галичской земли; в — ареал дулебской группы восточного славянства; г — юго-западная граница Киевской земли (и Древнерусского государства в XI в.)

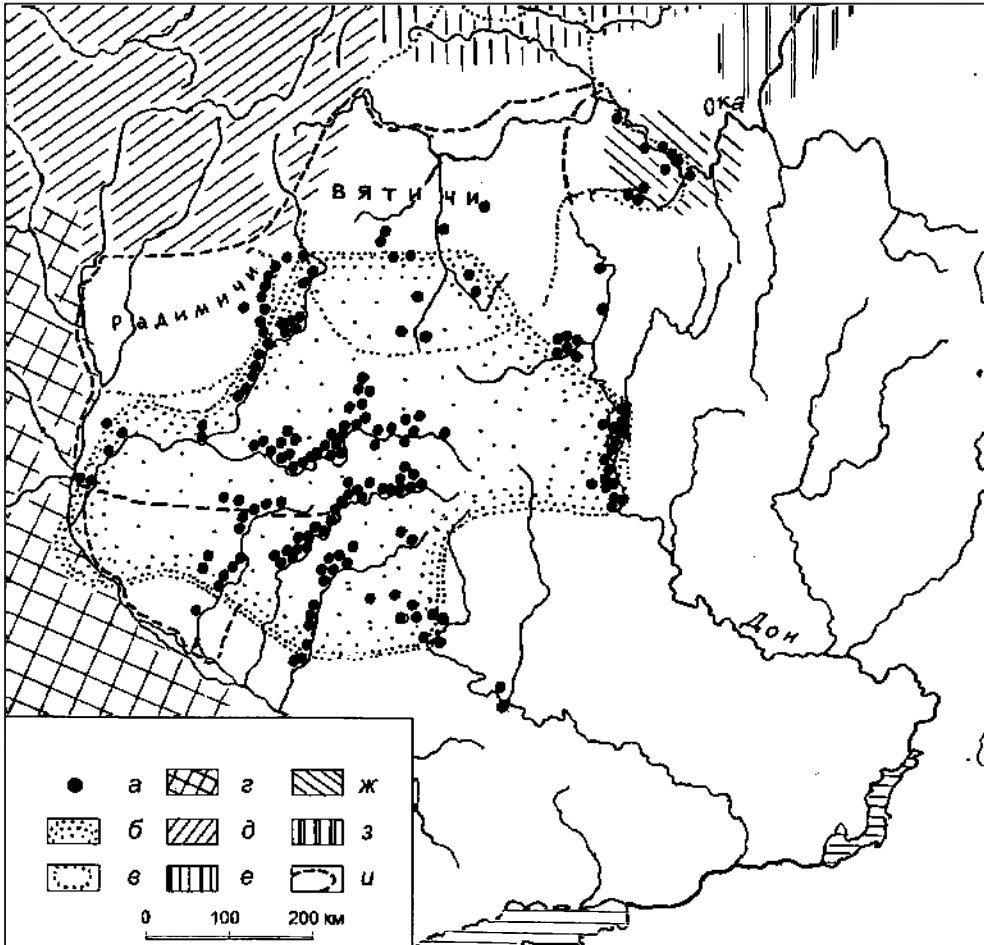


Рис. 42

Черниговская земля

а — памятники роменской и боршевской культуры и аналогичные древности Окского бассейна; б — ареал волынцевской культуры (русов); в — границы регионов расселений радимичей и вятичей к XII в.; г — ареал дулебской и антской групп восточного славянства; д — кривичей смоленско-полоцких; е — славян, представленных браслетообразными незавязанными височными кольцами; ж — рязанско-окских могильников; з — муромы; и — границы Черниговского и Переяславского княжеств (по А. Н. Насонову)

начально было частью ее. Однако позднее Донской регион активно заселялся людьми из Рязанского Поочья и стал неотъемлемой частью Рязанской земли.

На северо-востоке Черниговская земля соприкасалась с Рязанской. Их рубежом в Поочье стала западная граница ареала культуры рязанско-окских могильников³⁸.

Северная граница Черниговской земли определяется этнографическим рубежом, разделяющим территории расселения первоначальной руси с одной стороны и ареалами смоленских кривичей и носителей браслетообразных височных колец, составивших основу славянского населения Ростово-Суздальской земли, с другой.

Подобно рассмотренным историческим землям формировались также Муромская и Рязанская. Основу населения этих исторических образований тоже составили этноплеменные группы. Муромская земля сложилась в области прежнего расселения сравнительно небольшого поволжско-финского племени муромы (рис. 43). Уже в VI в. в эти земли проникли славяне — носители браслетообразных височных колец, принадлежавшие к той же группировке, что и осевшие в ареале мери³⁹. Начался процесс внутрирегионального взаимодействия пришлого и местного населения, завершившийся ассимиляцией аборигенов. Сформировавшаяся особая группа древнерусского населения (именуемая в летописях, по-видимому, муромой) и определила выделение Муромской земли. Ее пределы, как они реконструируются по письменным источникам, соответствуют этноплеменной территории муромы по археологическим данным последних веков I тыс. н. э.

В конце X — начале XI в., судя по летописям, Муром был территориальным центром «на Оце реце», связанным в историческом плане с севернорусскими землями — Новгородом и Ростовской землей, что в какой-то степени обусловлено родственностью славянского населения этих регионов.

По иному видится формирование территории Рязанской земли (рис. 43). Первые славяне в регион Рязанского Поочья проникли около VI—VII вв., о чем свидетельствуют находки браслетообразных височных колец в отдельных захоронениях рязанско-окских могильников⁴⁰. Однако массовое заселение этого края славянами относится к VIII—X вв., когда сюда проникли носители волынцевской культуры, а в X в. население пополнилось переселенцами из Воронежского Подонья. Это были русы и их потомки. В рязанском течении Оки они застали местное финское население и постепенно славянизировали его. В результате здесь образовалась несколько обособленная группа древнерусского населения, что, нужно полагать, и привело к выделению отдельной исторической области — Рязанской земли. В отличие от других древнерусских земель, ее становление относится к сравнительно позднему времени. В конце XI — начале XII в. Рязань была еще мало известна в качестве территориального центра. Интерес черниговских князей к Рязанскому краю оправдан: основная часть населения его, как и Черниговской земли, вышла из этноплеменного образования русь. Черниговские князья в XI в. взи-

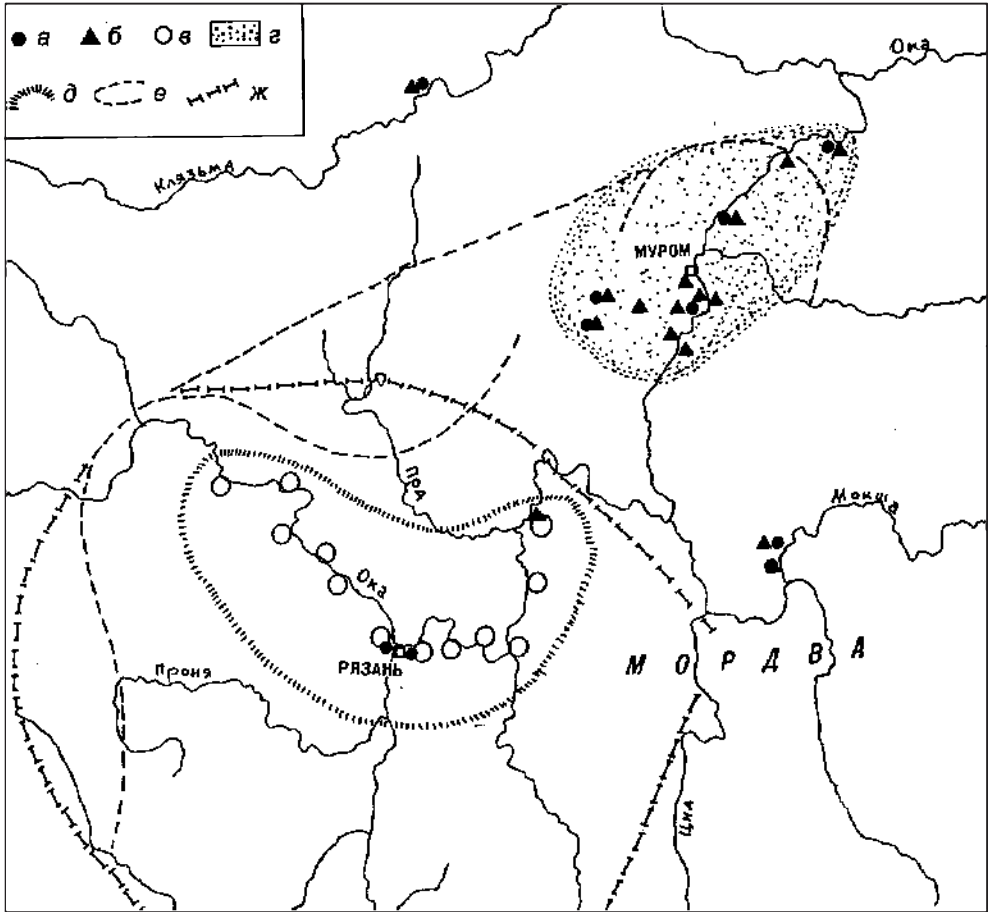


Рис. 43

Рязанская и Муромская земли

- а — памятники с находками браслетообразных незавязанных височных колец;
 б — с находками браслетообразных щитковоконечных височных колец; в —
 рязанско-окие могильники; г — ареал мурома — ядро Муромской земли;
 д — ядро Рязанской земли; е — граница Рязанской земли (по А. Л. Монгайту)

мали дань с этого края, и в 60—70-х годах господство Русской земли над Рязанским Поочьем закрепилось включением его в состав черниговской епископии.

Изложенное позволяет утверждать, что исторические земли Древней Руси формировались на основе этноплеменных образований славян, восходящих к середине I тыс. н. э., в ряде случаев и к более раннему времени. Земли Древней Руси были такими же образованиями, как Сак-

сония, Бавария, Фризия или Тюрингия. В отличие от последних, они именовались не по этнонимам, а по названиям стольных городов. Археологические материалы в ряде случаев позволяют уточнить и детализировать границы каждой из исторических земель, но это уже особая тема.

О ДИАЛЕКТНОМ ЧЛЕНЕНИИ ДРЕВНЕРУССКОГО ЯЗЫКА

Большинство лингвистов XIX и первой половины XX в., анализируя современные диалекты восточнославянских языков и пытаясь реконструировать их историю, исходили из предположения о непосредственной зависимости их от диалектов летописных племенных образований восточного славянства.

Среди историко-диалектологических исследований второй половины XIX в. наибольшее значение имеют труды А. И. Соболевского. Основываясь на собственных изысканиях диалектных особенностей древнерусских памятников XI—XIV вв., этот филолог выявлял некоторые фонетические, грамматические и лексические элементы говоров разных регионов Древней Руси и на этой базе выделял новгородский, псковский, смоленско-полоцкий, киевский и галицко-волынский диалекты. А. И. Соболевский одновременно полагал, что диалектное членение древнерусского языка соответствовало предшествующей племенной дифференциации восточного славянства⁴¹.

Такой же позиции придерживался и А. А. Шахматов, гипотетически определяя диалектную принадлежность каждого из восточнославянских племен⁴². В первой трети XX в. мысль о зависимости современного диалектного членения восточнославянских языков и племенных диалектов восточного славянства проводили в своих работах многие языковеды, в том числе такие крупные филологи, как Д. Н. Ушаков, Н. Н. Дурново и Е. Ф. Карский⁴³. Аналогичных положений придерживались и некоторые исследователи середины XX в.⁴⁴ Ф. П. Филин, реконструируя племенные диалекты восточных славян по данным современной и древнерусской диалектологии, столкнулся с вопросом о племенной принадлежности славянского населения Волго-Клязьминского междуречья и предложил оригинальное решение. «Встает вопрос, каким из древних племен, — писал он в этой связи, — была заселена Владимиро-Суздальская область: кривичами или словенами? Летопись указаний не дает, поэтому мы можем лишь строить предположения, основываясь главным образом на лингвистических данных. Факты языка показывают, что на р. Клязьме не было ни словен, ни кривичей. В районе Владимира и Суздаля сидело самостоятельное восточнославянское племя, название которого до нас не дошло. Этим можно объяснить своеобразие владимиросуздальского диалекта»⁴⁵.

В середине XX в. среди российских лингвистов получила распространение теория позднего происхождения современных диалектов во-

сточнославянских языков. Одним из сторонников этого положения был Р. И. Аванесов⁴⁶. Рассматривая восточнославянские племена, зафиксированные летописями (со ссылкой на работу С. М. Середонина), как чисто территориальные объединения этнически неоднородных групп людей, исследователь утверждал, что они никак не могли иметь устойчивых диалектов. Он относил зарождение современных диалектов восточнославянских языков к периоду феодальной раздробленности Руси и времени Московского и Литовского государств.

Согласно представлениям Р. И. Аванесова, эпоха феодальной раздробленности характеризовалась выработкой единого территориального диалекта внутри каждого государственного образования той поры. В последующем, в силу слабости или полного отсутствия экономических связей между феодальными государствами и усиления областных тенденций, территориальные диалекты все более и более обособлялись. Такие диалектные новообразования, по его мнению, никак не были связаны с племенной эпохой, они формировались не на основе племенных говоров, а независимо, объединяя этнически разнородное население в границах феодальных княжеств. Территориальные диалекты периода феодальной раздробленности и племенные диалекты, как правило, имели различные ареалы. В племенную эпоху диалекты не были устойчивыми, «...они почти не восстановимы, поскольку они никогда не были стабильны и тверды сколько-нибудь продолжительное время, а затем были полностью стерты позднейшими объединительными процессами»⁴⁷.

Современная археология никак не может согласиться с такими представлениями. Мысли В. И. Ключевского, С. М. Середонина и А. Е. Преснякова о расселении славян на Восточно-Европейской равнине сравнительно небольшими группами, часто отдельными семьями, что будто бы нарушило прежние родственные связи и разорвало подлинные племенные образования восточного славянства, о неустойчивости жизни славян и их постоянной подвижности не соответствуют археологическим материалам.

Однако точка зрения о зарождении современных диалектов восточнославянских языков в период феодальной раздробленности и об отсутствии какой-либо зависимости их от племенных групп говоров какое-то время была широко распространена в русской лингвистической литературе. Этому способствовало и то, что попытки возвести те или иные элементы современных восточнославянских диалектов к кривичскому, радимичскому и другим племенным диалектам оказались малоуспешными⁴⁸.

В последние десятилетия лингвисты вновь обратились к мысли о возможной зависимости современных диалектов восточнославянского ареала от племенных диалектов. В новейшее время развитие такого мнения инициируется двумя лингвистическими открытиями. Во-первых, анализ новгородских берестяных грамот и иных памятников письмен-

ности позволил А. А. Зализняку надежно выделить и описать древненовгородский диалект, образовавшийся непосредственно из праславянского до становления восточнославянского языка⁴⁹. Во-вторых, изыскания в области славянской диалектологии вскрыли серию фактов, свидетельствующих о глубоком позднепраславянском диалектном членении, о значительной дифференцированности лингвогеографического ландшафта позднепраславянской эпохи⁵⁰.

Помимо древненовгородского диалекта, восходящего к праславянской эпохе, несомненным продолжателем которого является западная (или новгородская) группа северновеликорусских говоров, лингвистическими изысканиями С. Л. Николаева выявляются кривичские племенные говоры («псковский диалект» и «смоленский диалект»). Он же пытается описать изоглоссы, предположительно связываемые с племенным языком вятичей. А анализ и характеристика восточнорусских говоров Волго-Клязьминского междуречья привели этого исследователя к заключению, что они восходят к местному племенному диалекту⁵¹. Впрочем, наблюдения и выводы А. А. Зализняка и С. Л. Николаева о древненовгородском и кривичском диалектах встретили возражения со стороны ряда филологов⁵².

Анализ географического распределения рефлексов некоторых элементов праславянской фонетики на восточнославянской территории привел Л. Э. Калнынь к заключению, «что становление некоторых структурно значимых диалектных различий в восточнославянском регионе следует относить ко времени до падения редуцированных»⁵³.

Думается, что археология накопила достаточно фактов и в настоящее время может активно подключиться к изучению диалектного членения восточного славянства. Конечно, эта наука не может вмешиваться в собственно лингвистические исследования самих диалектов. Однако археология располагает обширными и надежными материалами по конкретным моментам расселения различных группировок того или иного этноса с определением времени тех или иных процессов, воссоздает историю региональных, иногда изолированных групп этнических общностей, в среде которых не могли не зародиться те или иные диалектные особенности. Современная диалектология, по-видимому, не может не считаться с историческими процессами, восстанавливаемыми археологией.

Так, материалы, накопленные к настоящему времени славяно-русской археологией, являются наиболее авторитетным источником изучения детального освоения славянским населением Восточно-Европейской равнины. А это весьма существенно для познания становления диалектного разнообразия восточного славянства.

Для выяснения диалектного строения древнерусской этноязыковой общности представляется целесообразным прежде всего рассмотреть миграционные процессы, имевшие место в Восточной Европе, на фоне

«диалектологической карты русского языка в Европе», составленной Московской диалектологической комиссией⁵⁴. Как показано ниже, эта карта дает вполне определенное представление о дифференциации восточнославянской территории на основные диалектные макрозоны, формирование которых обусловлено первоначальным освоением Русской равнины разноплеменным славянским населением.

Исследователи уже обращали внимание на то, что крупные восточнославянские диалектные группировки в общих чертах соотносятся с археологическими племенными ареалами⁵⁵. Но лингвистические доказательства «племенного» происхождения тех или иных изоглосс ввиду невозможности определения их хронологии отсутствуют. Усилиями диалектологов удалось показать, что целый ряд изоглосс, характеризующих диалектные группы современных восточнославянских языков, могут быть отнесены к периоду феодальной раздробленности Руси. Но если, как установлено выше, исторические земли Руси не были новообразованиями эпохи феодальной раздробленности, а сформировались на основе этноплеменных образований предшествующего времени, то диалекты исторических земель должны быть в какой-то мере зависимы от диалектов прежних этноплеменных групп восточного славянства. В свою очередь диалектологи более или менее определенно выделяют диалекты исторических земель Руси второй половины XII—XIII вв. — Новгородской, Ростово-Суздальской, Псковской, Смоленско-Полоцкой, Галицкой. Таким образом, реконструируется цепочка связей от современности до догосударственного периода.

Археологические данные позволяют говорить, что в основе восточного славянства находятся четыре больших племенных образования праславянского начала: антское и дулебское на юге, русы на юго-востоке и среднеевропейские переселенцы на севере. Нанесение древностей этих групп на диалектологическую карту показывает, что они ареально соответствуют современным наречиям восточнославянских языков (рис. 44). В этой связи допустима мысль о том, что группировка среднеевропейского населения, расселившаяся около середины I тыс. н. э. в лесной зоне Восточно-Европейской равнины среди финноязычных племен, заложила основы будущего северновеликорусского наречия; носители волынцевских древностей были отдаленными предками восточных славян, образовавших южновеликорусское наречие; основу украинского этноса составили антская и дулебская праславянские группы. Верхнее Поднепровье и смежные с ним земли, как свидетельствуют материалы археологии, до славянского расселения были плотно освоены местными балтами, которые в значительной массе не покинули мест своего обитания и были постепенно славянизированы, что и обусловило формирование в этом регионе особых восточнославянских диалектов, а позднее — белорусской народности.

Проанализирую это наблюдение несколько подробнее.

В период великого переселения народов мощная переселенческая волна забросила крупные массы славян (вероятно, вместе с частью иноплеменников) из средневропейских земель в лесные области Восточной Европы. Миграция охватила Верхнее Подвинье и Смоленское Поднепровье, на севере достигла Псковского озера и большей части Ильменского бассейна, на востоке переселенцами было освоено междуречье Волги и Клязьмы, а отдельные группы переселенцев проникли на Оку.

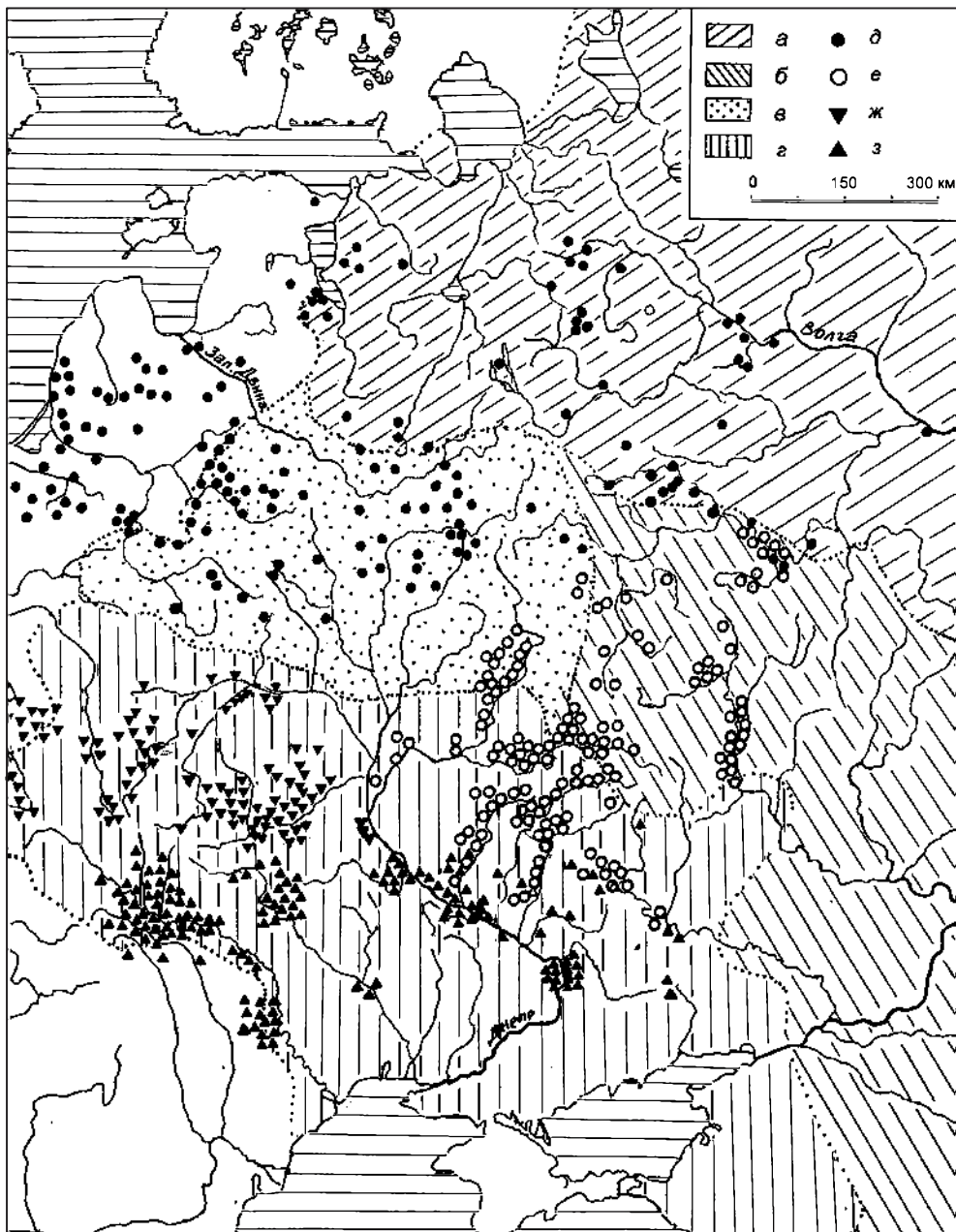
Наступил продолжительный этап изолированного проживания этих групп славян. В конце I и во II тыс. н. э. на этой территории крупных перемещений населения ни археологическими, ни историческими материалами не документируется. Фиксируются лишь внутренние перемещения мелких и крупных групп древнерусского населения. С историко-археологической точки зрения, думается, есть все основания считать, что говоры славянских переселенцев середины I тыс. н. э. заложили основу диалектного своеобразия, которое позднее развилось в северновеликорусское наречие⁵⁶.

Наступившая вслед за расселением средневропейского населения стабилизация привела к формированию в лесной полосе Восточной Европы нескольких археологических культур, которые соответствуют диалектным образованиям внутри северновеликорусского наречия.

Довольно отчетливо видна культурно-племенная группировка славян, расселившаяся в V—VII вв. в бассейнах рек, связанных с Псковским озером, в Южном и Восточном Приильменье (рис. 45). Она представлена культурой псковских длинных курганов. Около рубежа VII—VIII вв. в Ильменском бассейне формируется культура сопков, которую уже можно с уверенностью рассматривать как культуру летописных словен ильменских. Слагаемыми последней стали местная культура псковских длинных курганов и пока слабо изученные древности типа удомельских, принадлежащие также переселенцам из средневропейского ареала и сохранившие в какой-то степени элементы пашенного земледельческого уклада. До VIII в. эти группы славян проживали чересполосно, при этом доминирующими были племена культуры длинных курганов.

Положение резко изменяется с VIII в., когда в результате улучшения климатических условий создались благоприятные условия для развития земледелия, прежде всего пашенного. Топография памятников культуры сопков показывает это довольно ярко — словене ильменские для мест своего расселения выбирали участки, наиболее притягательные для пашенного земледелия. Население культуры псковских курганов в Ильменском бассейне постепенно освоило этот хозяйственный уклад, в итоге произошло слияние двух групп славян и формирование словен ильменских.

В бассейнах р. Великой и Псковского озера не было племен типа удомельских, и культура псковских длинных курганов здесь продолжа-



ла функционировать вплоть до древнерусского времени. Это ареал кривичей псковских, с собственными культурными особенностями.

Такое культурное развитие привело к становлению на северо-западе Русской равнины двух областей диалектов — новгородского и псковского. Поильменье, нужно полагать, стало ядром племенного диалекта словен ильменских, Псковщина — регионом говоров кривичей псковских. Так как никаких перемещений населения в Ильменском бассейне не наблюдается, можно допустить, что в древнерусский период новгородский диалект, фиксируемый берестяными грамотами, был непосредственным продолжением племенных говоров словен ильменских. Его ареал и соответствовал основной территории (ядру) исторической Новгородской земли. Характеристика древненовгородского диалекта, как уже говорилось, сделана А. А. Зализняком. В поздний древнерусский период говоры Новгородской земли, как свидетельствуют данные диалектологии, объединялись общими языковыми переживаниями, которые не достигали смежных областей. И наоборот, далеко не все новообразования южно-русского происхождения проникали на ее территорию. Вряд ли есть основания сомневаться в том, что древненовгородский диалект стал ядром развития западной группы современных северновеликорусских говоров⁵⁷.

На некоторую обособленность псковской группы говоров древнерусского времени исследователи обращали внимание неоднократно, относя их становление к глубокой древности. Даже Р. И. Аванесов, последовательный сторонник гипотезы о происхождении современных диалектов восточнославянских языков из областных говоров периода феодальной раздробленности Руси, делал исключение для псковской группы говоров. «На основании показаний письменных источников, относящихся к территории Пскова, — писал он, — древние псковские говоры выделяются весьма ярко, в особенности по ряду характерных черт узко чисто псковского значения, не соотносительных с чертами диалект-

Рис. 44

Археологические памятники первых этапов славянского освоения Восточно-Европейской равнины на диалектологической карте восточнославянских языков

а — ареал северновеликорусского наречия (включая области средневеликорусских говоров, сложившихся на северновеликорусской основе); б — южновеликорусского наречия; в — белорусского языка; г — украинского языка; д — памятники среднеевропейских переселенцев середины I тыс. н. э.; е — памятники роменской и боршевской культур и окские древности, сформировавшиеся на волынцевской основе; ж — памятники пражско-корчакской культуры (дулебской группы восточного славянства); з — памятники пеньковской культуры (антской группы восточного славянства)

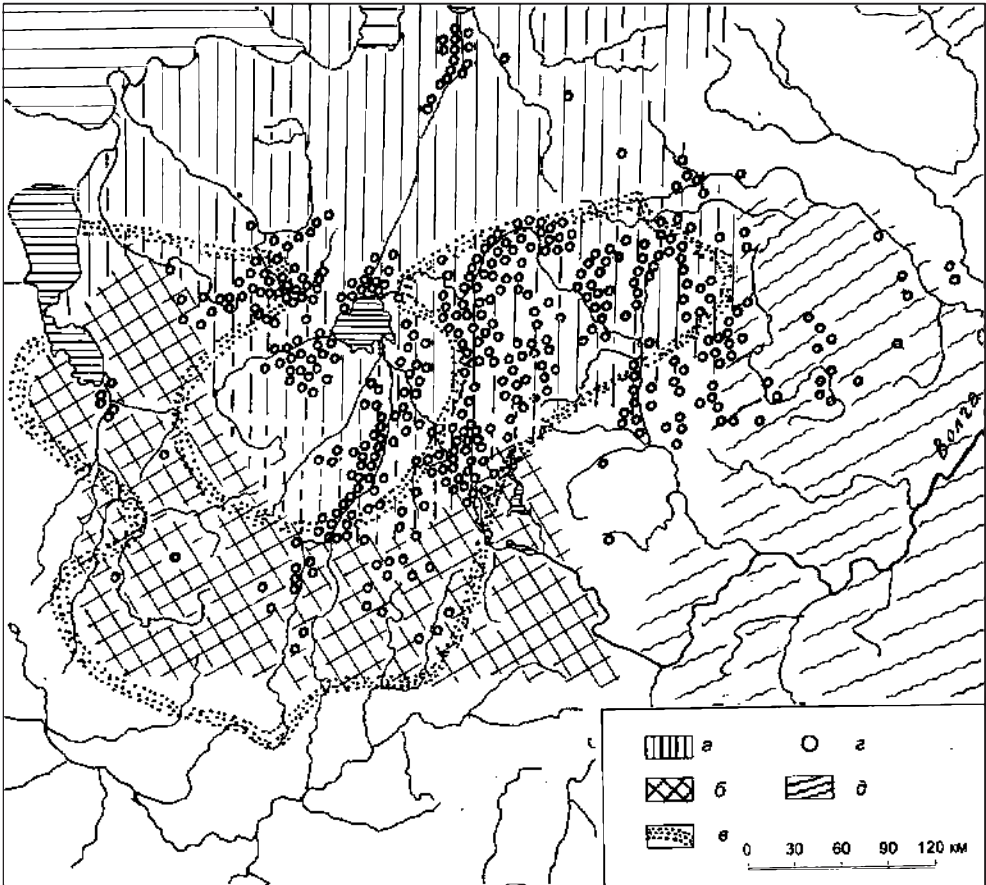


Рис. 45

Новгородские и псковские говоры

а — ареал западной (новгородской) группы северновеликорусского наречия (пунктиром обозначена область средневеликорусских говоров, сложившихся на новгородской основе); б — псковских говоров; в — территория культуры псковских длинных курганов; г — могильники с сопками; д — область расселения славян — носителей браслетообразных незавязанных височных колец

ных различий в общевосточнославянском масштабе... Можно полагать, что специфические особенности древнего псковского говора, отразившиеся в псковских памятниках XIV—XV вв., сформировались в более раннюю эпоху»⁵⁸. Древность и специфичность псковских говоров подчеркивается и в новейших работах⁵⁹.

У нас нет никаких причин сомневаться в том, что основа псковской группы современных северновеликорусских говоров была заложена еще

в племенной период. Это был диалект псковских кривичей, о чем свидетельствует и соответствие их племенного ареала территории псковской группы говоров, как она обрисовывается на диалектологической карте (рис. 45). Населением Псковской земли были главным образом кривичи псковские, и ее территория сформировалась на основе племенной. Лишь юго-восточные регионы псковских кривичей в силу исторических причин оказались в составе Новгородской земли.

Общие элементы, свойственные как новгородским, так и псковским говорам (в том числе и отсутствие второй палатализации), очевидно, принадлежат к языковым особенностям, сформировавшимся в третьей четверти I тыс. н. э., к эпохе культуры псковских длинных курганов, носители которой позднее дифференцировались на словен ильменских и кривичей псковских. К тому же некоторые общие черты новгородских и псковских говоров обусловлены единым прибалтийско-финским субстратом. Таковым, в частности, скорее всего является цоканье (в памятниках письменности это диалектное явление проявляется с конца XI в., но его возникновение должно быть отнесено к более раннему времени). Значительно и общее лексическое проникновение в новгородско-псковские говоры⁶⁰.

Заметные диалектные различия между кривичами псковскими и смоленско-полоцкими с исторической точки зрения абсолютно закономерны. В отличие от Псковской земли, где дославянским населением было прибалтийско-финское⁶¹, в верхнем и среднем течении Западной Двины и в Смоленском Поднепровье до прихода славян довольно плотным массивом проживали балты. Последние не покинули мест своего обитания и вместе с пришлым населением во второй половине I тыс. н. э. образовали славяно-балтский симбиоз, который в результате инфильтрации из ареала культуры псковских длинных курганов с севера и дунайских славян с юга пополнился славянским этническим компонентом. Только после этого и сформировалась смоленско-полоцкая группа кривичей. В диалектном развитии она естественно отчленилась от остального массива северновеликорусов. Смоленско-полоцкий диалект первых веков II тыс. н. э. стал основой севернобелорусского говора. Вместе с тем, смоленско-полоцкие говоры сохранили и элементы северновеликорусского начала. Так, еще А. И. Соболевский отмечал, что данные письменных памятников Смоленска XIII—XV вв. в ряде черт (взаимная мена *ц* и *ч*, оканье) выявляют сходство с новгородскими говорами⁶².

Выше уже отмечалась, что в середине XX в. Б. М. Ляпунов и Ф. П. Филин, разрабатывая проблему диалектного членения славянского населения Восточной Европы, высказали мысль о том, что Ростово-Суздальская земля была заселена особым восточнославянским племенем, название которого до нас не дошло, и владими́ро-суздальские говоры ведут свое начало от диалекта этого племени. Это положение не только не утратило свою силу к настоящему времени, но нашло подтверждение

и в археологических материалах, и в акцентологических изысканиях. Территория исторической Ростово-Суздальской земли, согласно акцентологическим исследованиям, принадлежит к региону отдельной четвертой группы, восходящей к первичному диалектному членению праславянского языка. Ее акцентологические особенности указывают на раннюю изоляцию этой славянской племенной группировки. Нужно полагать, что носители рассматриваемого диалекта представляли собой ранний колонизационный поток славян⁶³. С. Л. Николаев в другой работе обращает внимание также на отсутствие в говорах Волго-Клязьминского междуречья заметного числа финно-угорских лексических заимствований, в отличие от Русского Севера, где такие заимствования весьма многочисленны и широко распространены. Последнее вместе с выявляемыми во владими́ро-поволжских говорах другими архаизмами дополнительно свидетельствует о раннем освоении Ростово-Суздальской земли славянами, некой их особой племенной группировкой⁶⁴.

И вряд ли можно сомневаться в том, что племенной диалект этой группы праславян стал основой говоров исторической Ростово-Суздальской земли, в которых выявляются инновации, не известные в других областях Древней Руси. Ядром населения Ростово-Суздальского региона безусловно были славяне — носители браслетообразных незавязанных височных колец (рис. 46). Со временем ростово-суздальский диалект древнерусского языка, очевидно, эволюционировал во владимирско-поволжскую группу северновеликорусского наречия⁶⁵, несколько более широкое территориальное распространение которой может быть объяснено продвижением носителей этого диалекта в земли Среднего Поволжья уже в сравнительно позднее время.

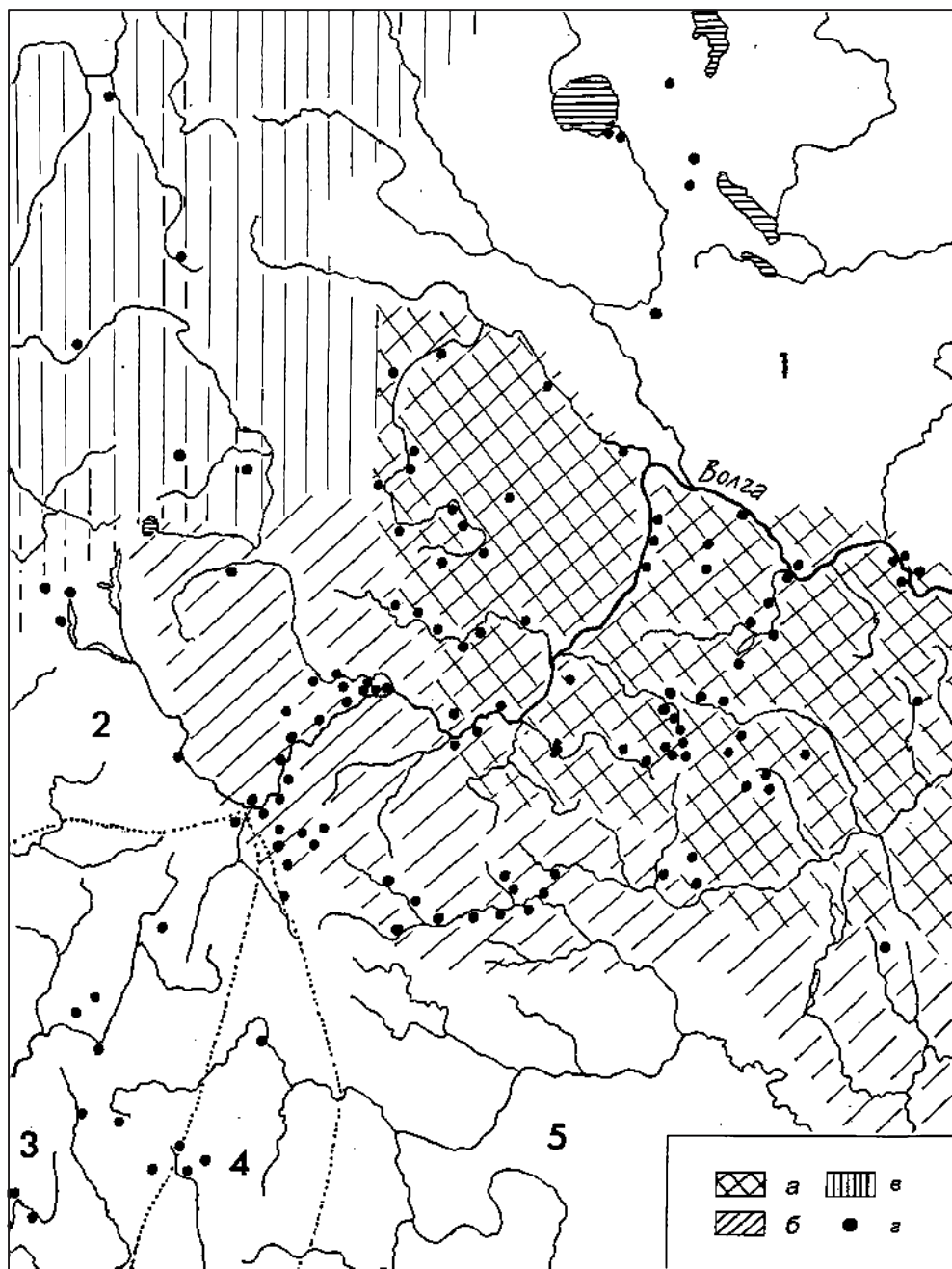
Северное Заволжье, включая Белозерский край, первоначально было заселено, как показывают данные археологии, славянами той же племенной группы. Расселение на этом этапе, нужно полагать, исходило из срединных районов Ростово-Суздальской земли. Позднее, в период активности Великого Новгорода, в Белозерский край и окрестные области имела место инфильтрация населения из Новгородской земли. Ныне эта территория в диалектном отношении является регионом, где фиксируется процесс взаимодействия особенностей ростово-суздальского и новгородского происхождения. По-видимому, это явление и стало причиной формирования волго-вятских говоров севернорусского наречия.

Ареал современных южновеликорусских говоров, который включает бассейны верхнего и среднего течения Дона и верхнюю Оку со смежными районами Посеймья, накануне становления древнерусской народности целиком принадлежал русам — племенной группировке славян, первоначально представленной волынцевской культурой.

Допустима мысль о том, что истоки южновеликорусского наречия восточного славянства восходят именно к этому славянскому образованию. Оно сложилось еще в праславянский период, выйдя из антской

среды черняховского ареала. В течение трех столетий это племенное образование в изоляции от остального славянского мира проживало в Среднем Поволжье, что не могло не способствовать выработке специфических языковых особенностей диалектного характера. В этой связи большой интерес представляют топонимические изыскания О. Н. Трубачева, о которых уже шла речь выше. В левобережной части Днепра и в бассейне верхнего и среднего Дона, включая речную систему верховьев Северского Донца (то есть в ареале волынцевской культуры и в ближайших соседних землях, колонизованных ее носителями или прямыми потомками) выявляется архаическая (реликтовая) группа славянских гидронимов. Как уже говорилось, имеются и иные моменты, указывающие на диалектную обособленность характеризуемого ранне-средневекового славянского образования.

На основе волынцевской культуры, как уже отмечалось, развились очень близкие между собой культуры — роменская в Днепровском левобережье (северяне русских летописей), боршевская на Дону (этноним этих славян нам неизвестен) и окская в бассейне верхней Оки (вятичи, расширившие со временем свои земли, освоив бассейн реки Москвы и западную часть Рязанского Поочья). На рубеже X и XI вв. Воронежское Подонье оказалось в сфере передвижений и грабительских набегов печенегов. Значительные массы славянского населения вынуждены были покинуть эти земли и переместиться в Среднее Поочье. Археологические изыскания последних десятилетий свидетельствуют, что далеко не все земледельческое население покинуло земли Донского бассейна. В XII — начале XIII в. лесные и лесостепные области этого региона оказались вновь плотно заселенными восточнославянским населением. Здесь открыты сотни поселений этого времени. Повторное освоение славянами Донского региона в основном шло из Рязанского Поочья. Это было возвращение славянского населения на места проживания предков, и вполне понятно, почему эта территория вошла в состав Рязанской земли. Южные пределы последней археологически определяются рубежом распространения древнерусских селищ с одной стороны и половецкими каменными «бабами» — с другой. Они включают целиком р. Воронеж и значительные части р. Битюг. На южных окраинах Рязанской земли были основаны города, упоминаемые в летописном «Списке русских городов» конца XIV в., в перечне рязанских городов. Таким образом, можно констатировать, что внутри южновеликорусского диалектологического ареала перемещения населения были, но они исходили из среды потомков ранее расселившейся здесь этноплеменной группы славян. Других крупных миграционных волн вплоть до татаро-монгольского нашествия на этой территории, образующей исторические Черниговскую и Рязанскую земли, не наблюдается. Диалектная специфика этого региона, нужно полагать, сохранялась прежней, не претерпев каких-либо существенных трансформаций. К сожалению, реконструиро-



вать древнерусский диалект этого региона не представляется возможным — от письменности Черниговской и Рязанской земель кроме кратких и немногочисленных надписей на вещах ничего не сохранилось. Впрочем, Р. И. Аванесов на основе современной диалектологии допускает существование во второй половине XII — первой половине XIII в. акающего диалекта верхней и средней Оки и междуречья Оки и Сейма, который рядом особенностей заметно выделялся среди прочих древнерусских говоров⁶⁶.

В период татаро-монгольского ига юго-восточные земли Древней Руси понесли наиболее крупные потери. В значительной части опустело Днепровское лесостепное левобережье. Многочисленные города, располагавшиеся в бассейнах Сулы и Псла, прекратили существование. Постепенное возвращение жизни на этой территории связано было уже не с южно-великорусским массивом.

Между ареалами северновеликорусского и южновеликорусского наречий в относительно позднее время сформировались переходные средневеликорусские говоры. Согласно диалектологической карте Московской диалектологической комиссии, их территория простирается неширокой полосой от Псковского озера через верхнюю Волгу и Подмоскowie к Среднему Поволжью (рис. 47).

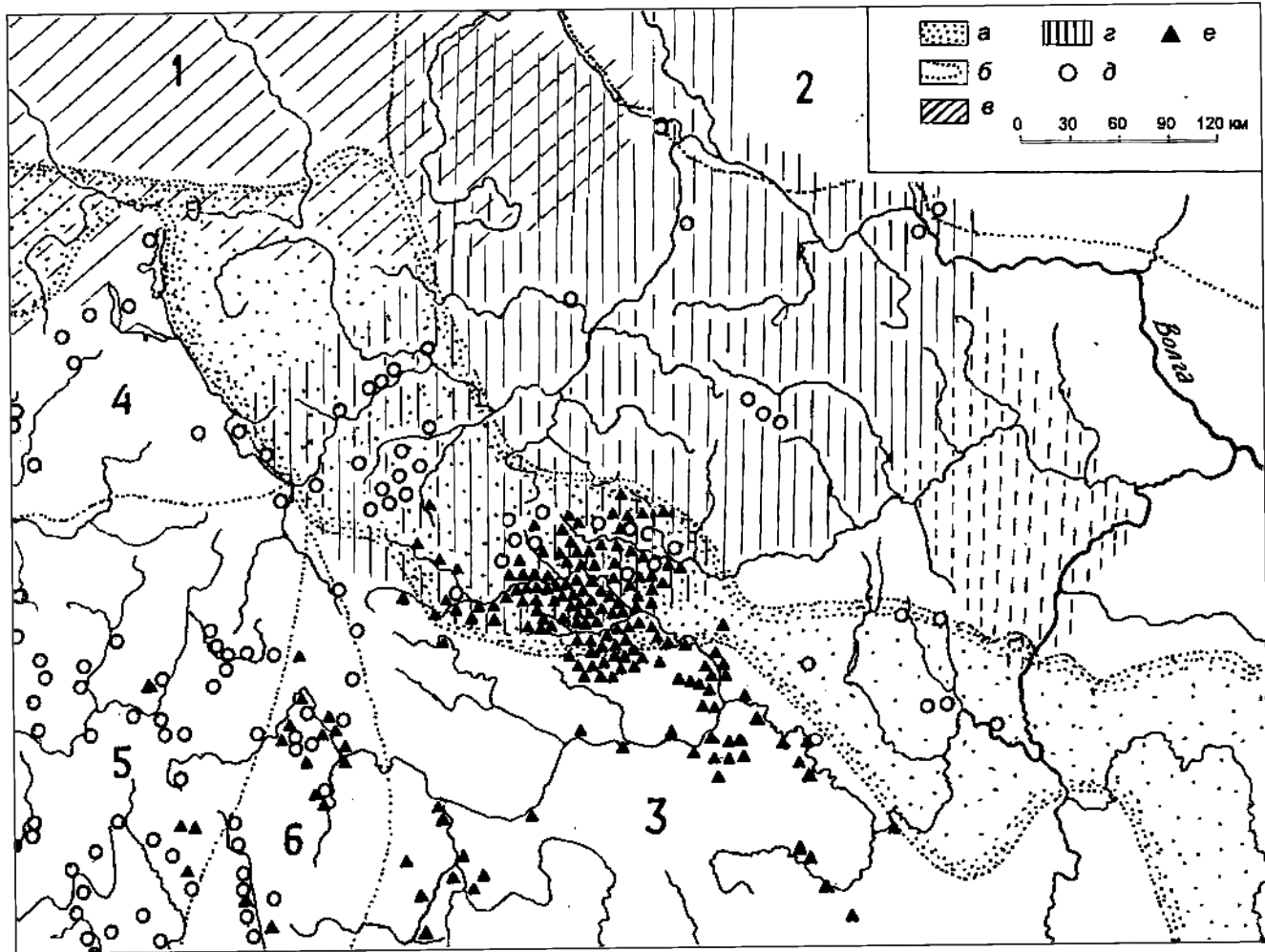
Средневеликорусские говоры явно вторичны по отношению к основным великорусским наречиям. Они не имеют собственных специфических и исконных языковых особенностей, а представляют собой сочетание языковых черт, одни из которых являются по происхождению северно-великорусскими, другие свойственны иным соседним наречиям. Очевидно, что формирование средневеликорусских говоров было результатом территориального смешения и взаимодействия представителей двух разных основных наречий. Археологические материалы полностью подтверждают это.

Средневеликорусские говоры делятся на две подгруппы — западную и восточную. На территории восточной группы, где сформировался московский говор, первые славянские поселенцы, согласно данным археологии, принадлежали к северной ветви восточного славянства (носители браслетообразных сомкнутых височных колец). В X—XI вв. в этот

Рис. 46

Владимирско-поволжская группа северновеликорусского наречия и памятники с находками браслетообразных незавязанных височных колец

- а — ареал владимирско-поволжской группы северновеликорусского наречия;
 б — средневеликорусских говоров; в — западной (новгородской группы северновеликорусского наречия); г — памятники с находками браслетообразных колец с сомкнутыми или заходящими концами



регион с юга проникли вятичи, принадлежащие к славянской группировке, которая стала ядром будущих южновеликорусов. В результате начался процесс внутрирегионального взаимодействия складывающихся северного и южного великорусских наречий. Периодом X—XIII вв., по-видимому, и следует определять начальный этап становления средневеликорусских говоров в Подмосковье.

В области распространения средневеликорусских говоров западной подгруппы археология фиксирует территориальное смещение славян северной ветви (носителей браслетообразных сомкнутых височных колец) с расселившимися здесь в XI—XII вв. смоленско-полоцкими кривичами. Это был регион, где параллельно бытовали браслетообразные височные украшения двух типов — сомкнутые и завязанные. Здесь сложился своеобразный промежуточный тип браслетообразных колец, которые имели завязку наподобие смоленско-полоцких колец, но выпущенные концы, как ростово-суздальские. Очевидно, формирование средневеликорусских говоров западной подгруппы стало результатом взаимодействия представителей северной ветви восточного славянства не с будущими южновеликорусами, а со смоленско-полоцкими кривичами.

В южных землях восточнославянского ареала на «Диалектологической карте русского языка в Европе» выделяются две основных группы говоров — полесская (северноукраинская) и украинская. Между ними находится зона полесско-украинских говоров, занимающих промежуточное (переходное) положение. Кроме того, особые говоры, занимающие небольшие регионы, характеризуют Прикарпатье.

В начале средневековой поры основную часть территории украинской группы говоров, ныне распространенных от Днестра на западе до нижнего Дона на востоке и от верхних течений правых притоков Припяти на севере до побережья Черного и Азовского морей, заселяли анты — носители пеньковской культуры (рис. 48). Это было одно из крупных этноплеменных образований раннесредневекового славянства с некоторым диалектным своеобразием, обусловленным прежде всего славяно-

Рис. 47

Археологическая ситуация в ареале средневеликорусских говоров

а — ареал средневеликорусских говоров; б — границы распространения говоров (1 — западная группа северновеликорусского наречия; 2 — восточная группа того же наречия; 3 — южновеликорусское наречие; 4 — псковская группа; 5 — севернобелорусская группа; 6 — говоры переходные к южновеликорусскому наречию на белорусской основе); в — ареал сопок; г — ареал браслетообразных височных колец с сомкнутыми или заходящими концами (пунктиром обозначен ареал браслетообразных щитковоконечных колец); д — памятники с находками височных украшений (браслетообразных завязанных) кривичей смоленско-полоцких; е — памятники с находками вятичских (семилопастных) височных колец

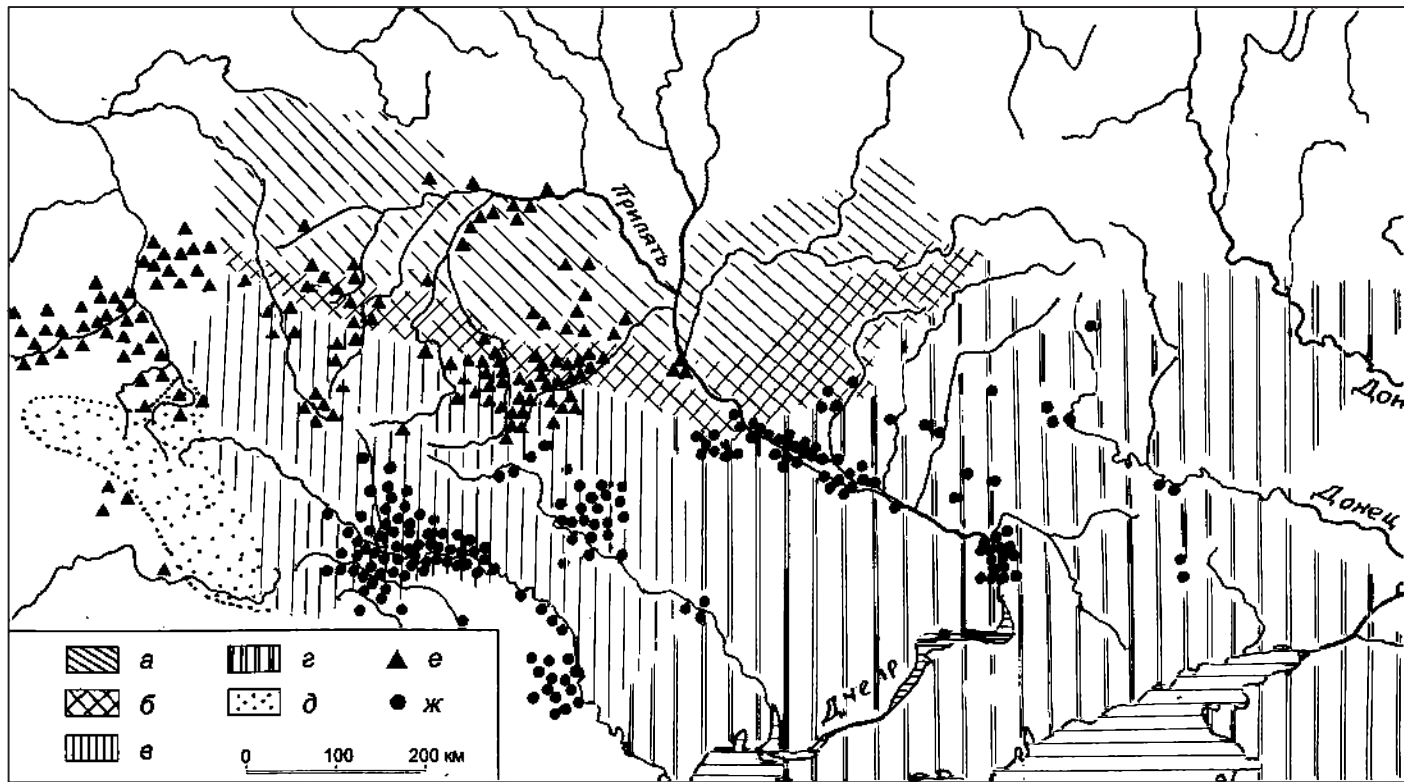


Рис. 48

Диалектологическая карта украинского языка и археологические памятники V—VII вв.

а — ареал полесских говоров; б — полесско-украинских говоров; в — западноукраинских говоров; г — восточноукраинских говоров; д — карпатских говоров; е — памятники пражско-корчакской культуры; ж — памятники пеньковской культуры

иранским взаимодействием. Из антской среды вышли известные по летописям восточнославянские племена — хорваты, занимавшие северо-восточное Прикарпатье, уличи, локализуемые в лесостепной зоне от Днестра до Днепра, и тиверцы в Поднестровье.

Своеобразие культуры потомков антов в древнерусский период проявляется отчетливо, и прежде всего в погребальной обрядности. Восточные славяне, вышедшие из антского этноплеменного образования, как уже отмечалось, не знали курганного обряда. Их погребальными памятниками X—XII вв. являются грунтовые могильники с захоронениями по обряду ингумации, характеристика которых была выполнена А. П. Моцей⁶⁷. Распространены они в основном на той же территории, что антские памятники V—VII вв. пеньковкой культуры (рис. 49). Некоторое смещение ареала грунтовых некрополей X—XII вв. наблюдается лишь в северном направлении. Очевидно, области нижнего Днестра, бассейна Южного Буга и нижнего Днепра (южнее р. Роси), а также устья Сулы под давлением тюркоязычных кочевников в это время были оставлены восточнославянским населением. В связи с этим потомки антов распространились в южные районы прежнего ареала пражско-корчакской культуры, где смешивались с потомками ее носителей.

Каких-либо серьезных массовых передвижений населения на рассматриваемой территории в последующие столетия не проявляется. Поэтому допустимо предположение, что анты Северного Причерноморья и их древнерусские потомки заложили основу нынешних собственно украинских говоров.

Некоторые особенности антской группы говоров древнерусского языка, по-видимому, реконструируются по материалам памятников письменности XII—XIV вв. Галицко-Волынского княжества. Их характерные черты были подмечены еще А. И. Соболевским⁶⁸, а позднее отмечались и другими языковедами⁶⁹. А. И. Соболевский рассматривал диалектные черты галицкого говора как особенности украинского языка, появившиеся в позднедревнерусский период.

Если лингвисты связывают группу говоров, выявляемую по памятникам письменности Галицко-Волынского княжества, с территорией этого политического образования, то археологические материалы дают основание говорить об этих говорах как свойственных более широкому древнему этнографическому ареалу, сформировавшемуся на антской основе.

Истоки становления полесских (северноукраинских) говоров восточного славянства, как можно полагать, восходят к этнографической группе раннесредневекового славянства, представленной в V—VII вв. пражско-корчакской культурой. Это были дулебы, в IX—XI вв. дифференцировавшиеся на волынян, полян, древлян и дреговичей. Пражско-корчакский регион в Днепровском правобережье полностью соответствует распространению северноукраинских говоров, как оно очерчивается на диалектологической карте. Существенных перемеще-

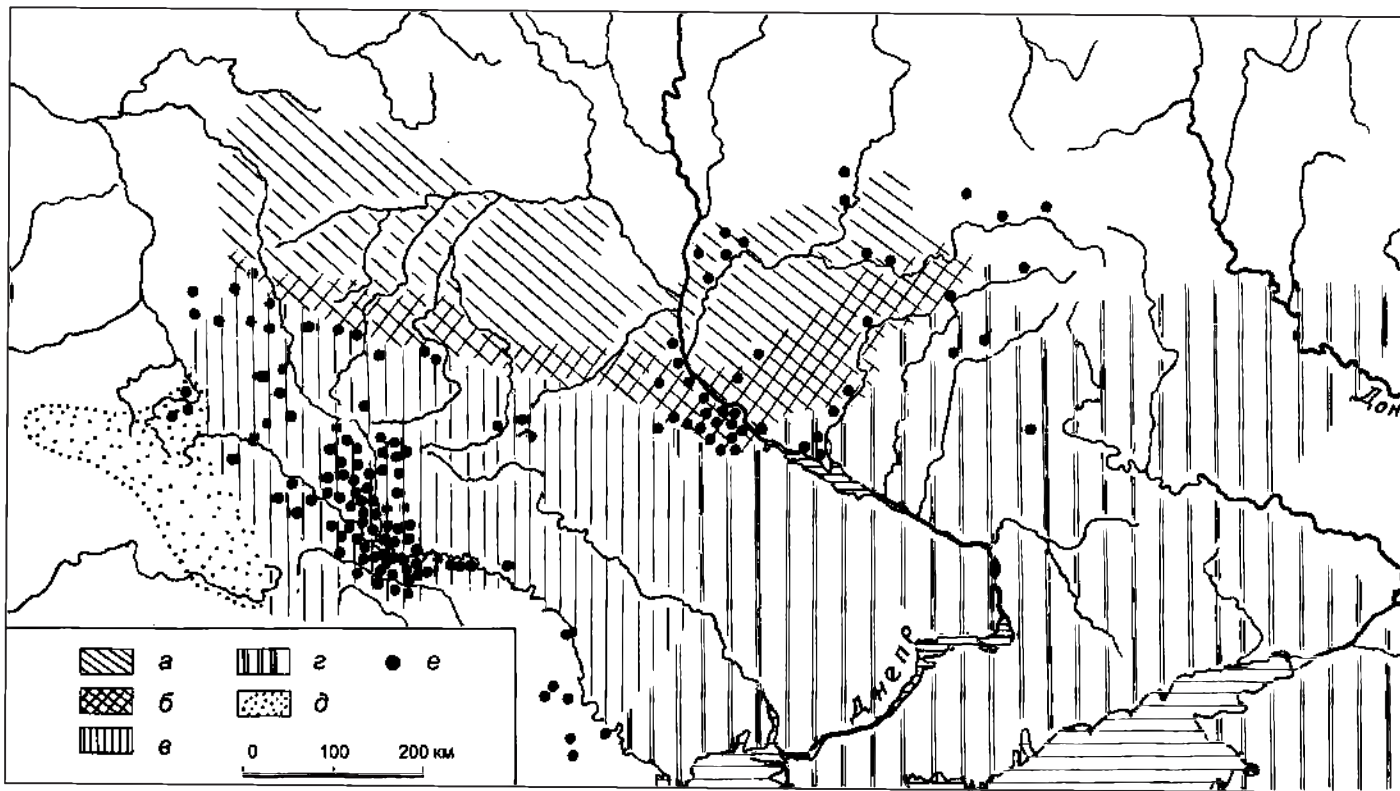


Рис. 49

Диалектологическая карта украинского языка и распространение бескурганных могильников X—XII вв.
 а — ареал полесских говоров; б — полесско-украинских говоров; в — западноукраинских говоров; г — восточнуукраинских говоров; д — карпатских говоров; е — грунтовые могильники древнерусского населения, вышедшего из античной среды

ний населения позднее в этом регионе ни по данным археологии, ни по историческим документам не было. Поэтому ничто не мешает признать, что корни северноукраинских говоров находятся в пражско-корчакской группировке раннесредневекового славянства и в последующем историческом развитии ее.

В X—XII вв. воляняне и дреговичи расширили свои территории в северном направлении, освоив области левых притоков Припяти, нижнего течения Березины, Брестское Побужье и Верхнее Понеманье. Эти земли издревле принадлежали балтам, которые в процессе славянской колонизации не покидали мест своего обитания, смешались с переселенцами и постепенно оказались ассимилированными.

Ныне эти области входят в ареал южнобелорусского наречия. Родственная связь этого наречия с северноукраинским достаточно очевидна⁷⁰. Поэтому предположение о начальном становлении южнобелорусского наречия на основе говоров волянян и дреговичей, расселившихся в среде балтского населения, которое таким образом оказалось включенным в восточнославянский этногенез, представляется достаточно оправданным. В отличие от левобережно-припятских и неманских земель, Брестское Побужье до восточнославянского освоения принадлежало не восточным, а западным балтам. Это была периферия ареала прусско-явяжских племен, в языковом отношении близких к славянам. Видимо, поэтому Берестейская волость стала частью территории северноукраинских говоров.

Распространение северноукраинских говоров на регионы Днепрового левобережья, по всей вероятности, относится уже к XIV—XVI вв. После сильного опустошения татаро-монгольскими ордами население этих земель пополнялось в основном переселенцами из правобережья Среднего Поднепровья.

Между северноукраинскими и собственно украинскими говорами выделяется полоса переходных полесско-украинских говоров. Это зона территориального смешения по происхождению дулебского и антского населения. Южная граница полесско-украинских говоров в Днепровском правобережье координируется с южным рубежом расселения славян, представленных пражско-корчакскими древностями, и с южными пределами ареала древнерусских курганов, оставленных славянами дулебской группировки. Северная граница переходных говоров соответствует распространению древнерусских грунтовых некрополей — памятников потомков антских племен. Таким образом, полесско-украинские говоры в Правобережной Украине занимают полосу, в которой курганный обряд погребения сочетается с бескурганым. На основе данных археологии можно говорить о возможности становления этих говоров в условиях внутрирегионального взаимодействия будущих полесских и собственно украинских говоров, не определяя времени такого процесса.

При этом следует отметить, что оформление переходных украинских говоров имело место не в древнерусское время, а в более поздний период.

Мысль о начальном формировании диалектного разнообразия на современной украинской территории в древности не является новой. В 50—60-х гг. украинский диалектолог Ф. Т. Жилко пытался показать, что современные диалектные ареалы на украинской территории отражают членение говоров восточнославянского населения южных земель Древней Руси. Исследователь выделял две древнерусские диалектные группы — северную и южную (юго-западную), которые дифференцировались им по важным фонетическим и морфологическим особенностям. Подчеркивая несоответствия изоглосс этих групп говоров с какими-либо политическими границами периода феодальной раздробленности Руси, исследователь относил сложение диалектных различий на юге восточного славянства к более раннему времени в предположении, что оно отражает племенную эпоху восточного славянства⁷¹.

Южная диалектная группа, характеризующаяся Ф. Т. Жилко, судя по современным археологическим материалам, оказывается антской по происхождению, впоследствии ставшей основой развития собственно украинских говоров. Северная диалектная группа, связываемая Ф. Т. Жилко по территориальным соображениям с племенными диалектами древлян и северян, ныне сопоставима со славянами, вышедшими из дулебского племенного образования.

Ныне не подлежит сомнению, что белорусский этнос и его язык формировались в условиях взаимодействия славянского населения с местными балтами. Территория становления белорусов начиная с отдаленной древности была довольно плотно заселена населением, принадлежащим балтскому этноязыковому массиву, которое в процессе славянской миграции в основном не покинуло мест своего обитания и, как свидетельствуют данные археологии, гидронимики и антропологии, оказалось ассимилированным и вошло в состав древнерусского населения этого края⁷².

Среди балтского населения современной Белоруссии и Верхнего Поднепровья отчетливо выделяются две древние этнокультурные группы (рис. 50). Одна из них в раннем железном веке представлена культурой штрихованной керамики, занимавшей среднебелорусские земли, современную Литву и часть Латвии. Ее носителями были срединные балты — предки раннесредневековых летто-литовских племен. Вторую группу составляли племена — носители весьма близких между собой культур — днепро-двинской, юхновской и верхнеокской. Это днепровские балты, позднее растворившиеся в восточнославянской среде⁷³. Различия между этими группами древних балтов были достаточно глубокими. Они имеют даже разное начало — культура штрихованной керамики восходит к прибалтийской культуре боевых топоров, культуры днепровских балтов сложились на основе сосницкой культуры⁷⁴. Эти

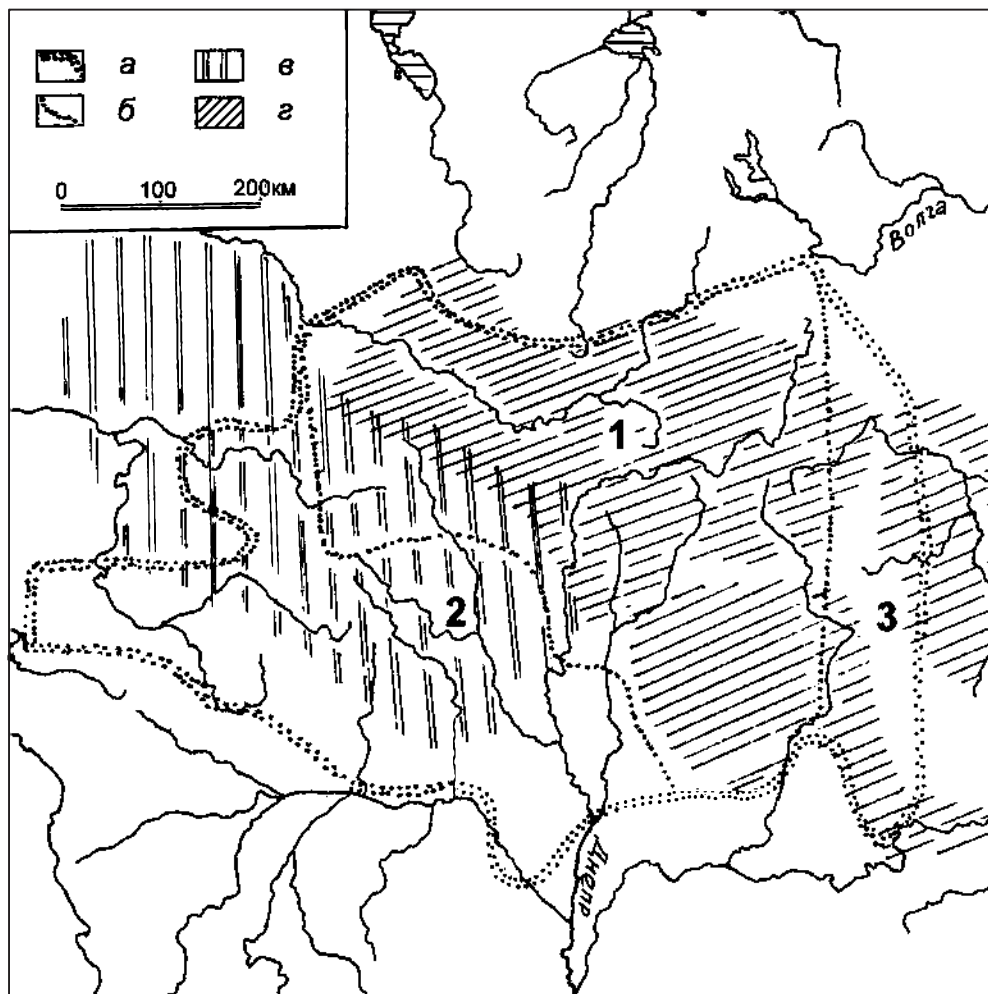


Рис. 50

Диалектологическая карта белорусских говоров

а — общая граница распространения белорусских говоров, включая переходные к южновеликорусскому наречию на белорусской основе; б — границы между отдельными говорами (1 — севернобелорусские; 2 — южнобелорусские; 3 — переходные на белорусской основе); в — ареал культуры штрихованной керамики (предков летто-литовских племен); г — ареал днепровских балтов

различия проявляются и в антропологическом строении средневекового населения рассматриваемого ареала⁷⁵, и в диалектной дифференциации белорусских говоров.

Ареал смоленско-полоцких кривичей составляет только часть, правда значительную, зоны распространения севернобелорусских говоров. Представляется несомненным, что диалекты смоленских и полоцких кривичей, как они реконструируются по письменным памятникам XII—XIV вв., легли в основу севернобелорусского наречия. Однако формирование последнего отражает и более ранние процессы исторического развития. На левобережье Днепра ареал севернобелорусских говоров охватывает не только регион кривичей, но и земли радимичей. Говорить о близкой родственности радимичей и кривичей не приходится. Эти племенные образования вышли из разных праславянских образований. В этой связи следует допустить, что на процесс начального становления севернобелорусских говоров заметное воздействие оказало субстратное население. Нельзя не обратить внимание на то, что территория этих говоров в целом не соответствует какому-либо племенному региону восточного славянства, не коррелирует она и с политическими образованиями периода феодальной раздробленности Руси. Она тождественна древнему ареалу днепровских балтов.

В равной степени территория южнобелорусских говоров никак не сопоставима ни с регионами восточнославянских племен, ни с какими-либо пространствами феодальных княжеств. Это — ареал древней балтской группировки, представленной культурой штрихованной керамики, который был колонизован славянами разных племен.

Предлагаемые решения проблемы зарождения диалектного строения древнерусского, а через него и современных восточнославянских языков никак не противоречат каким-либо лингвистическим данным. Не следует думать, что все то, что характеризует современные диалектные группы восточного славянства восходит к древней поре. Не подлежит сомнению, что диалекты восточного славянства являются продуктом длительного исторического развития. Многие их черты безусловно развились в сравнительно позднее историческое время. Речь идет только об исторической ситуации зарождения диалектного многообразия восточного славянства, а не об условиях появления и развития той или иной особенности того или иного конкретного диалекта. Можно говорить и о древности отдельных фонетических, морфологических и лексических диалектизмов восточнославянских языков, что устанавливается данными языкознания⁷⁶. В этой связи не исключено, что становление наиболее ранних из них было обусловлено особенностями славянского освоения Восточно-Европейской равнины.

Примечания

¹ Голубовский П. В. История Северной земли до половины XIV столетия. Киев, 1981; Багалій Д. І. Історія Северської землі до половини XIV ст. Київ, 1982; Андрияшев А. М. История Волынской земли до конца XIV столетия. Киев, 1887; Грушевский М. История Киевской земли // Университетские известия. № 3. Киев, 1891; Голубовский П. В. История Смоленской земли до начала XV столетия. Киев, 1895; Иванов П. А. Исторические судьбы Волынской земли с древнейших времен до конца XIV в. Одесса, 1895; Данилевич В. Е. Очерк истории Полоцкой земли до конца XIV столетия. Киев, 1896; Ляскоронский В. История Переяславской земли с древнейших времен до половины XIII столетия. Киев, 1903.

² Воронин Н. Н. Владимиро-Суздальская земля // Проблемы истории доклассовых обществ. № 5—6. Л., 1940; Монгайт А. Л. Рязанская земля. М., 1961; Алексеев Л. В. Полоцкая земля. М., 1966; Его же. Смоленская земля в IX—XIII вв. М., 1980; Толочко П. П. Киевская земля в эпоху феодальной раздробленности XII—XIII веков. Киев, 1980.

³ Погодин М. Исследования, замечания и лекции. Т. IV. М., 1850. С. 328—330.

⁴ Сергеевич В. Русские юридические древности. Т. I. СПб., 1902. С. 1—3.

⁵ Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. СПб., 1915. С. 12.

⁶ Пресняков А. Е. Лекции по русской истории. Т. 1. М., 1938. С. 47—155.

⁷ Пресняков А. Е. Образование великорусского государства. Пг., 1918.

⁸ Грушевский М. История Киевской земли... С. 4—10; Грушевський М. Історія України-Руси. Т. I. Київ, 1904. С. 365—384.

⁸ Середонин С. М. Историческая география. Пг., 1916.

⁹ Ключевский В. О. Боярская Дума. М., 1919. С. 22—28.

¹⁰ Данилевич В. Е. Очерк истории Полоцкой земли...

¹¹ Грушевский М. История Киевской земли... С. 4—10; Его же. Історія України-Руси. Т. I. Київ, 1904. С. 365—384.

¹² Очерки истории СССР. IX—XIII вв. М., 1953. С. 275—320; История СССР. Т. I. М., 1961. С. 88—94; История СССР с древнейших времен до наших дней. Т. I. М., 1966. С. 573—583; Рыбаков Б. А. Киевская Русь и русские княжества XII—XIII вв. М., 1982.

¹³ Насонов А. Н. «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. Историко-географическое исследование. М., 1951.

¹⁴ Рыбаков Б. А. Киевская Русь... С. 474.

¹⁵ Седов В. В. Восточные славяне в VI—XIII вв. М., 1982.

¹⁶ Насонов А. Н. «Русская земля»... С. 114.

¹⁷ Седов В. В. Новгородские сопки // САИ. Вып. Е1—8. М., 1970; Его же. Восточные славяне... С. 58—66.

¹⁸ Седов В. В. Об этнической принадлежности псковских длинных курганов // Краткие сообщения Института археологии. Вып. 166. М., 1980. С. 5—10; Его же. Восточные славяне... С. 46—57, 166—169; Его же. Славяне в раннем средневековье... С. 211—217.

¹⁹ В нижнем течении р. Великой известно несколько сопки, свидетельствующих о проживании в ареале псковских кривичей небольших групп словен ильменских и, по всей вероятности, отражающих ситуацию первой половины — середины IX в., когда, как утверждают летописи, «Словене, Кривичи, Меря» (весь —

в Повести временных лет) для отпора варягам образовали межэтническую конфедерацию. Археологических материалов XI—XII вв., говорящих о наличии в Пскове и его окрестностях словен новгородских, нет.

²⁰ Янин В. Л. «Болотовский» договор: О взаимоотношениях Новгорода и Пскова в XII—XIV веках // Отечественная история. 1992. № 6. С. 3—14; Косвенные данные в пользу независимости Пскова от Новгорода в XIII в. выявляются и при анализе внешнеэкономических связей (Королева Э. В. Ювелирное ремесло средневекового Пскова // Славянский средневековый город: (Труды VI Международного Конгресса славянской археологии. Т. 3). М., 1997. С. 175—177.

²¹ Новгородская Первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950. С. 77.

²² Леонтьев А. Е. Археология мери: К предьстории Северо-Восточной Руси. М., 1996.

²³ Седов В. В. Об этнической истории населения средней полосы Восточной Европы во второй половине I тысячелетия н. э. // Российская археология. 1994. № 3. С. 56—69.

²⁴ См. также: Рябинин Е. А. Финно-угорские племена в составе Древней Руси: К истории славяно-финских этнокультурных связей: Историко-археологические очерки. СПб., 1997. С. 197—214.

²⁵ Повесть временных лет. Ч. 1. М.; Л., 1950. С. 13, 18.

²⁶ Филлин Ф. П. Очерк истории русского языка до XIV столетия // Ученые записки Ленингр. пед. ин-та имени А. И. Герцена. Т. XXVII. Л., 1940. С. 86; *Его же*. Происхождение русского, украинского и белорусского языков. М., 1972. С. 58—60.

²⁷ Дыбо В. А., Замятина Г. И., Николаев С. Л. Основы славянской акцентологии. М., 1990. С. 157—158; Булатова Р. В., Дыбо В. А., Николаев С. Л. Проблемы акцентологических диалектизмов в праславянском // Славянское языкознание: X Международный съезд славистов: Доклады советской делегации. М., 1988. С. 31—65.

²⁸ Седов В. В. Смоленская земля // Древнерусские княжества X—XIII вв. М., 1975. С. 240—259.

²⁹ Седов В. В. Об этнической истории... С. 56—69.

³⁰ Насонов А. Н. «Русская земля»... С. 150; Алексеев Л. В. Полоцкая земля // Древнерусские княжества X—XIII вв. М., 1975. С. 219, 225; *Его же*. «Менские дреговичи» и полоцкие князья // Российская археология. 1998. № 2. С. 100—111.

³¹ Насонов А. Н. «Русская земля»... С. 150.

³² Седов В. В. Восточные славяне... С. 119—122.

³³ Насонов А. Н. «Русская земля»... С. 55—57.

³⁴ ПСРЛ. Т. 2. М., 1962. Стб. 759 и 747.

³⁵ Седов В. В. Восточные славяне... С. 123—129.

³⁶ Шинаков Е. А. Классификация и культурная атрибуция лучевых височных колец // СА. 1980. № 3. С. 110—127; *Его же*. Еще раз о лучевых височных кольцах и их культурной принадлежности // Гістарычныя лёсы Верхняга Падняпроўя. Ч. 1. Магілёў, 1995. С. 161—174.

³⁷ Зайцев А. К. Черниговское княжество // Древнерусские княжества X—XIII вв. М., 1975. С. 57—117, карта между с. 80 и 81.

³⁸ Финно-угры и балты в эпоху средневековья. М., 1987. С. 93—97.

³⁹ Седов В. В. Из этнической истории... С. 63—65; *Его же*. Из этнической истории Муромской округи во второй половине I тысячелетия н. э. // Уваровские чтения — II. М., 1994. С. 98—102.

⁴⁰ Седов В. В. Из этнической истории... С. 63—64.

⁴¹ Соболевский А. И. Очерки по истории русского языка. Ч. 1. Киев, 1888; *Его же*. Лекции по истории русского языка. Киев, 1888.

⁴² Шахматов А. А. К вопросу об образовании русских наречий и русских народностей // ЖМНП. 1899. № IV. С. 324—384; *Его же*. Введение в курс истории русского языка. Ч. 1. Исторический процесс образования русских племен и наречий. Пг., 1916.

⁴³ Дурново Н. Н. Очерк истории русского языка. М., 1924; Карский Е. Ф. Русская диалектология. Л., 1924; Ушаков Д. Н. Наречия русского языка и русской народности // Русская история в очерках и статьях / Под ред. М. В. Довнар-Запольского. Т. 1. Без года издания.

⁴⁴ Филлин Ф. П. Очерки истории русского языка до XIV в...; Кузнецов П. С. Русская диалектология. М., 1951.

⁴⁵ Филлин Ф. П. Очерки истории русского языка... С. 86.

⁴⁶ Аванесов Р. И. Вопросы образования русского языка и его говоров // Вестник Моск. гос. университета. 1947. № 9. С. 109—158; *Его же*. Очерки русской диалектологии. М., 1949. С. 34—38; *Его же*. Вопросы истории русского языка в эпоху формирования и дальнейшего развития русской (великорусской) народности // Вопросы формирования русской народности и нации. М., 1958. С. 155—191.

⁴⁷ Аванесов Р. И. Вопросы образования русского языка... С. 124.

⁴⁸ Расторгуев П. А. Северско-белорусский говор: Исследование в области диалектологии и истории белорусских говоров. Л., 1927; *Его же*. Говоры на территории Смоленщины. М., 1960; Гринкова Н. П. Воронежские говоры. Л., 1947.

⁴⁹ Зализняк А. А. Наблюдения над берестяными грамотами // История русского языка в древнейший период. М., 1984. С. 36—153; *Его же*. Древненовгородский диалект и проблемы диалектного членения позднего праславянского // Славянское языкознание: X Международный съезд славистов: Доклады советской делегации. М., 1988. С. 164—177; *Его же*. Древненовгородский диалект. М., 1995.

⁵⁰ Булатова Р. В., Дыбо В. А., Николаев С. Л. Проблемы акцентологических диалектизмов в праславянском // Славянское языкознание: X Международный съезд славистов: Доклады советской делегации. М., 1988. С. 31—65; Дыбо В. А., Замятина Г. И., Николаев С. Л. Основы славянской акцентологии. М., 1990. С. 109—159; *Их же*. Праславянская акцентология и лингвогеография // Славянское языкознание: XI Международный съезд славистов: Доклады российской делегации. М., 1993. С. 65—87.

⁵¹ Николаев С. Л. Следы особенностей восточнославянских племенных диалектов в современных великорусских говорах. 1. Кривичи // Балто-славянские исследования. 1986. М., 1988. С. 115—153; *Его же*. Следы особенностей восточнославянских племенных диалектов в современных великорусских говорах. 1. Кривичи (окончание) // Балто-славянские исследования. 1987. М., 1989. С. 187—224; *Его же*. К истории племенного диалекта кривичей // Советское славяноведение. 1990. № 4. С. 54—63; *Его же*. Раннее диалектное членение и внешние связи восточнославянских диалектов // Вопр. языкознания. 1994. № 3. С. 23—49.

⁵² Крысько В. Б. Заметки о древненовгородском диалекте. (I. Палатализация) // Вопр. языкознания. 1994. № 5. С. 28—45; *Его же*. Заметки о древненовгородском диалекте (II. Varia) // Вопр. языкознания. 1994. № 6. С. 16—30; *Его же*. Кости и племена: к поискам истоков древнего новгородско-псковского диалекта // Псковские говоры: История и диалектология русского языка. Oslo, 1997. С. 110—132; *Его же*. Древний новгородско-псковский диалект на обще-

славянском фоне // Славянское языкознание: XII Международный съезд славистов: Доклады российской делегации. М., 1998. С. 367—380; *Страхов А. Б.* Критические заметки по поводу некоторых черт «кривичского» диалектного наследия в интерпретации С. Л. Николаева // *Paleoslavica*. Т. II. 1994. С. 249—311.

⁵³ *Калнынь Л. Э.* Особенности восточнославянского диалектного континуума в свете современной лингвогеографии // Славянское языкознание: XII Международный съезд славистов: Доклады российской делегации. М., 1998. С. 335—352.

⁵⁴ Опыт диалектологической карты русского языка в Европе, с приложением очерка русской диалектологии / Сост. Н. Н. Дурново, М. Н. Соколов и Д. Н. Ушаков. М., 1915.

⁵⁵ См., напр., *Хабургаев Г. А.* Этнонимия «Повести временных лет». М., 1979. С. 35—68.

⁵⁶ О северновеликорусских говорах см.: Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров: По материалам лингвистической географии. М., 1970; *Горшкова К. В.* Очерки исторической диалектологии Северной Руси (по данным исторической фонологии). М., 1968.

⁵⁷ О западной группе северновеликорусского наречия см.: Образование севернорусского наречия... С. 200—212.

⁵⁸ *Аванесов Р. И.* Вопросы образования русского языка... С. 131, 132.

⁵⁹ Псковские говоры. Вып. I—III. Псков, 1962; 1968; 1973; Псковские говоры. Л., 1973; Псковские говоры в их прошлом и настоящем. Л., 1988; Псковские говоры и их окружение. Псков, 1991; Псковские говоры и их носители. Псков, 1995; Псковские говоры: История и диалектология русского языка. Oslo, 1997.

⁶⁰ *Филин Ф. П.* Происхождение русского, украинского и белорусского языков... С. 256—267; *Мызников С. А.* Лексика прибалтийско-финского происхождения в севернорусских говорах (лингвогеографический аспект) // Славянское языкознание: XII Международный съезд славистов: Доклады российской делегации. М., 1998. С. 430—440.

⁶¹ Прибалтийско-финское воздействие обособляет псковский диалект по фонетическим особенностям (*Śekmonas V.* The problem of the baltic-finnish substratum in the Pskov dialect // XII Międzynarodowy kongres slawistów. Streszczenia referatów i komunikatów. Językoznawstwo. Warszawa, 1998. S. 309—310).

⁶² *Соболевский А. И.* Смоленско-полоцкий говор в XIII—XV вв. // Русский филологический вестник. Т. XV. СПб., 1886.

⁶³ *Дыбо В. А., Замятина Г. И., Николаев С. Л.* Основы славянской акцентологии... С. 109—159.

⁶⁴ *Николаев С. Л.* Раннее диалектное членение... С. 23—49.

⁶⁵ Образование севернорусского наречия... С. 167—183.

⁶⁶ *Аванесов Р. И.* Вопросы истории русского языка... С. 173—175.

⁶⁷ *Моця О. П.* Населення Південно-руських земель IX—XIII ст.: (За матеріалами некрополів). Київ, 1993. С. 6—46.

⁶⁸ *Соболевский А. И.* Очерки из истории русского языка. Ч. 1. Киев, 1884; *Его же.* Лекции по истории русского языка... С. 67—69.

⁶⁹ *Филин Ф. П.* Происхождение русского, украинского и белорусского языков... С. 224—226, 234—236 и др.

⁷⁰ *Дурново Н. Н.* Введение в историю русского языка. М., 1969. С. 183.

⁷¹ *Жилко Ф. Т.* Нариси з діалектології української мови. Київ, 1955; *Его же.* Говори української мови. Київ, 1958; *Его же.* Про виникнення діалектних груп української мови // Діалектологічний бюлетень. Вип. IX. Київ, 1962. С. 3—14; *Его же.* Особенности диалектных групп украинского языка // Вопросы диалектологии восточнославянских языков. М., 1964. С. 26—38.

⁷² Седов В. В. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья. М., 1970. С. 162—190.

К сожалению, в обобщающем труде «Белорусы» (М., 1998. С. 60—64) проблема зарождения этого этноса изложена поверхностно, без учета конкретных материалов современной науки.

⁷³ Седов В. В. Днепровские балты // Проблемы этногенеза и этнической истории балтов. Вильнюс, 1985. С. 20—29.

⁷⁴ Sedovs V. Balti senatne. Riga, 1992. S. 58—70.

⁷⁵ Седов В. В. Славянские курганные черепа Верхнего Поднепровья // Сов. этнография. 1955. № 3. С. 12—18.

⁷⁶ Филин Ф. П. Происхождение русского, украинского и белорусского языков... С. 97—624.

ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ ДРЕВНЕРУССКОЙ НАРОДНОСТИ

Становление современных восточнославянских языков и народностей — русской, украинской и белорусской — является следствием дифференциации древнерусского языка и этноса.

В середине XIII—XV вв. восточнославянский ареал оказался расчлененным в политическом и культурном отношениях. Сначала западнорусские земли были завоеваны Литовским государством, а в XIV в. последнее установило господство над территориями Волыни, Подолья, Киевщины и Переяславщины. Галицкая земля попала под власть Польши. Новгород и Псков стали самостоятельными республиками. Северо-Восточная Русь, расчлененная на множество удельных княжеств, а также не составляющий политической целостности южно-великорусский регион находились под гнетом татаро-монгольских завоевателей.

Процессы интеграции, прежде имевшие место в условиях единства экономики, быта и культурной жизни восточного славянства, были полностью приостановлены. Яркая древнерусская культура, развитие которой во многом определялось высокоразвитым городским ремеслом, прекращает свое функционирование. Многие города Руси оказались разоренными и прекратили существование, в жизни сохранившихся городов наступил застой и упадок.

Историческая ситуация, сложившаяся во второй половине XIII—XIV вв., привела к полному прекращению развития общих для всего древнерусского языка новообразований и к накоплению локальных языковых особенностей. Древнерусский этнос прекратил свое поступательное развитие.

В ареале его на общей языковой основе шаг за шагом стали формироваться локальные языковые различия. В XIV—XV вв., как свидетельствует лингвистика, получают все большее и большее распространение такие особенности, которые со временем стали характерными для отдельных языков — русского, украинского и белорусского. Это касается и словообразования, и синтаксиса, и лексики.

Явления, специфические для каждого из восточнославянских языков, со временем продолжали нарастать, различия между языками постепенно увеличивались. Дифференциация древнерусского языка и становление русского, украинского и белорусского языков — продолжительный процесс, растянувшийся на несколько столетий.

Длительное время начальный этап этногенеза белорусов изучался преимущественно лингвистами. Это представляется достаточно оправданным, поскольку глоттогенез — важнейшая часть всякого этногенетического процесса — целиком находится в ведении языкознания.

Данные лингвистики, в частности изложенные подробно Ф. П. Филиным, свидетельствуют о том, что диалектные изоглоссы древнего происхождения, ныне свойственные белорусскому и украинскому языкам, старше этих языков. Отсюда вовсе не следует, что становление и самих этих этносов нужно относить к древнерусской эпохе. Многие этнографические черты белорусов, проявляемые в народных обычаях, в быту, крестьянской одежде и домостроительстве, своими корнями также уходят в глубокую древность, изучаемую археологией. Следовательно, подключение археологии к изучению предыстории и раннего этапа этногенеза белорусов и украинцев представляется вполне правомерным. А рассмотренные выше археологические материалы дают основания для решения некоторых конкретных вопросов их этногенеза.

Прежде всего, археологические данные позволяют выяснить, какие этнотерриториальные массивы раннесредневекового славянства лежат в основе формирующихся русской, украинской и белорусской народностей. Никакая другая наука сделать это не в состоянии.

Достаточно определенно можно утверждать, что становление белорусов как особого славянского этноса было обусловлено не племенными особенностями славянского населения, расселившегося в Двинско-Верхнеднепровско-Неманском регионе, не политическими образованиями внутри Древней Руси, не вхождением этой территории в состав Великого Литовского государства, а совсем иными причинами¹.

Белорусский язык сложился исключительно на территории, заселенной до прихода славян древним балтским населением, что ныне надежно устанавливается данными археологии и гидронимики. Славяне, продвигавшиеся в глубь верхнеднепровских и двинско-неманских земель, не встретили серьезного сопротивления со стороны местного населения. Последнее не создало какой-либо военной и политической организации, которая была бы способна противостоять мощным славянским миграциям.

Как уже отмечалось выше, славянское расселение рассматриваемых земель шло с двух сторон. Первоначально двинско-верхнеднепровский регион был занят крупным массивом средневропейских переселенцев, в дальнейшем на эту территорию подселелись кривичи из ареала культуры псковских длинных курганов. Южнобелорусские земли были колонизованы с юга дреговичами и волянянами, вышедшими из среды совсем иной праславянской группировки.

Славянские переселенцы последовательно осваивали один регион за другим, а иногда более или менее крупные группы славян заходили далеко, отрываясь от остальной славянской массы. При этом местное население в основном продолжало жить на старых местах, в ряде регионов островки балтского населения сохранялись в течение нескольких столетий. Большой разницы в уровнях развития экономики, культуры и социальных отношений между славянами-пришельцами и местными

балтами не существовало. В начальный период, по всей вероятности, в областях территориального смещения славянского и балтского населения сложилось двуязычие. Ассимиляционные процессы были на первых порах слабыми, и в разных местностях они могли иметь неодинаковые направления. Однако славяне очень скоро создали государственность, появились города и начала активно развиваться древнерусская культура, что стало решающим в завершающем процессе славянизации местных балтов.

Балто-славянский симбиоз на двинско-верхнеднепровско-неманской территории продолжался несколько столетий, его последняя стадия относится уже к периоду Древнерусского государства, которое целиком включило в состав своей территории все будущие белорусские земли. Процесс взаимодействия славянского и балтского населения достаточно подробно документируется археологическими материалами. Последний период славянизации местного балтского населения ярко отражают многочисленные курганные материалы X—XII вв. Это памятники уже древнерусского населения, но в отличие от курганов других областей Древней Руси погребения в них нередко имеют не свойственную славянскому миру ориентацию и немалое число вещевых находок, имеющих параллели в культурах синхронной летто-литовской среды.

Во второй половине XIII—XV в. западнорусские земли вошли в состав территории Великого княжества Литовского и оказались в политической, экономической и культурной изоляции от Северо-Западной и Северо-Восточной Руси. К этому времени местные балты были окончательно славянизированы и стали неотъемлемой частью древнерусского населения. В условиях литовской государственности жизнь в городах Западной Руси на первых порах хиреет, некоторые из небольших городов прекращают свое существование. Высокая городская культура, свойственная всей Древней Руси, в пределах Литовского княжества окончательно прекратила свое развитие. Постепенно восстанавливаемая жизнь в городах Западной Руси была уже не общерусской, а ориентировалась на Литву. От культуры Северо-Восточной Руси и Новгородской земли её отличало множество компонентов, и различия со временем увеличивались.

В такой культурной и политической оторванности постепенно начал складываться белорусский этнос. Его основой стало славянское население западнорусских земель, ранее пережившее балто-славянский симбиоз. По всей вероятности, определяющим в становлении нового этноса и языка было не городское, а сельское население, которому в большей степени было присуще диалектное своеобразие.

Диалектные особенности древнерусского периода, получившие развитие в X—XII вв. в западнорусских землях, в новой ситуации стали развиваться регионально, в отрыве от остальной массы восточнославянского населения. Этноязыковая специфика этого региона создала усло-

вия для зарождения ряда инноваций в области фонетики, грамматики и особенно лексики. В результате началось самостоятельное языковое развитие, приведшее к становлению отдельного славянского языка.

При изучении процесса становления белорусского языка и народности нельзя не учитывать и политико-экономические факторы. Вхождение западнорусских земель в состав территории Литовского государства и использование в нем западнорусского языка в качестве официального несомненно повлияли на оформление днепро-двинско-неманского славянства в особую этноязыковую единицу. Однако это не было первопричиной образования белорусов. Политико-экономический фактор никогда и нигде не вызывал возникновения тех или иных языковых явлений. Политический момент создавал определенные условия для более или менее замкнутого развития диалектных и языковых явлений. Так, видимо, было на территории Литовского государства с языковой эволюцией той части древнерусской народности, которая органически включила в свой состав ассимилированное балтское население.

Теория формирования белорусов в условиях балто-славянского взаимодействия основательно покоится на данных археологии. Вместе с тем она обнаруживает подтверждающие факты в материалах топонимики, этнографии, лингвистики и антропологии. Полагаю, что основы этой теории были заложены крупнейшим белорусоведом XX в. Е. Ф. Карским. Он понимал процесс образования белорусов как результат скрещивания различных восточнославянских (дреговичей, радимичей, полочан и кривичей) и неславянских (ятвягов и голяди) этнических элементов. Сближение этих племен, по его мнению, имело место в период древнерусской феодальной раздробленности, а окончательное сплочение относится к распространению литовского владычества в XIII—XIV вв.² Археология и гидронимика второй половины XX в. вносит только некоторую конкретизацию в эти построения Е. Ф. Карского.

В современном белорусском языке, как уже говорилось, выделяются две основные группы говоров — северно-белорусская и южно-белорусская. Их становление обусловлено прежде всего диалектно-племенным членением древнего балтского массива рассматриваемого региона, о чем речь шла выше.

Этноним *белорусы* образовался от наименования территории Белая Русь. Этот термин первоначально не имел какой-либо этнической нагрузки и применялся для обозначения различных областей восточного славянства, в том числе Московского княжества, Новгородской земли и др. Начиная с XV в. Белой Русью параллельно в некоторых исторических источниках стали именоваться и западнорусские земли. Но только в XVII в. название *Белая Русь* закрепляется за Западной Русью. По-видимому, в том же столетии появляется и этноним *белорусы*³, но потребовалось еще много времени, для того чтобы он стал самоназванием этого этноса.

В Литовском государстве западнорусские земли никогда не назывались Белой Русью. Население их считалось русским, а области, заселенные им, именовались Полоцкой, Смоленской, Витебской и т. п. В XVII в. в Московской Руси термин *Белая Русь* стал применяться к областям ее западных соседей, то есть к Руси Литовской, а сформировавшийся здесь славянский язык, который в Литовском государстве назывался русским, московиты стали именовать белорусским.

Проблема формирования украинского языка и народности является более трудноразрешимой. В изучении вопроса становления украинского языка несомненный интерес представляют изыскания Л. А. Булаховского⁴. Исследователь утверждал, что древнерусский язык после своего выделения из праславянского длительное время развивался обособленно, никакого наследия племенных диалектов в нем не существовало. В XII в. в письменности древнерусского языка начинают проявляться фонетические диалектизмы, которые можно считать зачатками украинского языка. Количество их увеличивается в памятниках письменности XIII—XIV вв. Южной Руси, причем, если в XII—XIII вв. такие диалектизмы выявляются лишь спорадически, то с XIV в. они становятся совершенно явными. Украинские языковые явления особенно отчетливо проступают в южнорусских грамотах XIV-го и последующих столетий. Л. А. Булаховский описал их не только с фонетической стороны, но привлек данные морфологии и лексики. Так, первоначально в древнерусском языке зародилось южнорусское наречие, которое постепенно эволюционировало в самостоятельный восточнославянский язык — украинский.

Археологические материалы до сих пор не привлекались для решения проблемы становления украинской народности. Отчасти это связано с тем, что процесс формирования протекал уже в период, освещенный археологически в меньшей степени, чем историческими памятниками. Между тем археологические материалы ценны тем, что позволяют познать предысторию украинцев. А без привлечения материалов по истории и культуре славянского и древнерусского населения территории Украины глубоко исследовать начальный этап становления украинской народности представляется невозможным.

Рассмотренные выше данные археологии по истории освоения славянами территории от Днестра до Дона допускают мысль о том, что ядром формирующейся после татаро-монгольского разорения украинской народности стала этнодиалектная группировка восточного славянства, представленная в самом начале средневековья пеньковской культурой, соотносимой с историческими антами. Последующая история этого славянского образования говорит об его особом диалектном развитии, протекавшем внутри древнерусской народности. Этот диалект фиксируется историческими документами XIII—XIV вв. Галицкой Руси, но его распространение, очевидно, не ограничивалось территорией этой земли. Ареал говоров древнерусского населения, вышедшего из антского

диалектно-племенного образования, по-видимому, соответствует археологическому — области распространения бескурганых могильников X—XII вв. Как говорилось выше, эта восточнославянская группировка не знала курганного обряда, распространившегося на территориях соседних этнографических образований славянского этноса.

К этногенезу украинской народности подключились и потомки дулебского племенного образования.

В XIV—XV вв. та часть потомков восточнославянских дулебов, которая расселилась в северных районах Припятского полесья среди местного балтского населения, включилась в генезис белорусского этноса. Южные области бывшего дулебского ареала уже в XI—XIII вв. находились в постоянных контактах с потомками антов. Последние, как отмечалось выше, постепенно расширяли свои земли в северном направлении за счет бывшей дулебской территории. Шел постепенный процесс сближения этих группировок восточного славянства. Обе они после таттаро-монгольского нашествия в политическом, культурном и экономическом отношении оказались отрезанными от других восточнославянских образований. Их территории вошли в состав Литовского государства, а Галичина стала частью Польского княжества.

Единоподобное развитие древнерусского языка в таких условиях было уже невозможным. Активизировались местные диалектные особенности, что в конечном итоге привело к формированию на основе древнерусского диалекта, сложившегося на антской основе, отдельного восточнославянского языка.

В начале средневековой поры анты — носители пеньковской культуры занимали пространства от Верхнего Поднестровья до Северского Донца. Эти земли в основном сохранялись и за их потомками. Истоки этой славянской группировки, как уже отмечалось, уходят в римское время, когда в подольско-днепровском регионе черняховской культуры имел место славяно-иранский симбиоз. Материалы палеоантропологии показывают, что древнерусское население той же территории составляли в основном прямые потомки антов римского времени⁵.

Из сказанного никак не следует вывод о начале становления украинского этноса в I тыс. н. э. Допустима мысль лишь о зарождении в части славянского мира некоторых диалектных особенностей, ставших в условиях раздробленности восточного славянства XIV—XVI вв. характерными для формирующегося украинского языка. При этом следует иметь в виду, что потомки антов вошли не только в состав украинского этноса. В период великой славянской миграции анты и их потомки расселились весьма широко по Дунайским землям и приняли участие в освоении Балканского полуострова⁶. Поэтому реконструируемые диалектные черты антского племенного образования, такие как, например, фрикативный $\gamma(h)$, развившийся, как считает В. И. Абаев, в части наречий праславянского языка в условиях ирано-славянского взаимодействия,

не ограничиваются украинской территорией, а распространены в ареале современного славянского мира более широко. Диалектные особенности антов никак нельзя считать собственно украинскими.

Уже в период древнерусской государственности наблюдается постепенное перемещение населения, вышедшего из антской группировки, в северном направлении. Сказывался натиск кочевых племен степей Северного Причерноморья. Потомки антов активно проникали в области, принадлежавшие дулебской группе восточного славянства. Это проявляется и в распространении в регионах антской инфильтрации грунтовых могильников, и в раннем появлении курганных захоронений в могильных ямах (под курганными насыпями). В эпоху становления украинского этноса эта буферная зона (ныне примерно территория полеско-украинских говоров), по-видимому, стала цементирующим звеном двух основных древнерусских диалектов, которые составили основу украинского языка.

Названия *Русь* и *Русская земля* сохраняются за Киевской, Владимирской и Галицкой землями и после того, как они попали под власть Литовского и Польского государств. В грамотах галицко-волинских князей XIV в. обычно употребляются титулы «князь всей Русской земли, Галицкой и Владимирской», «князь владимирский и господарь Русской земли», «князь и господарь Руси»⁷. В договорной грамоте литовских и польских правителей, относящейся ко времени после 1340 г., различаются «Русь, што Литвы слушаеть» и «Русь, што короля (Польши) слушаеть»⁸. Очевидно, что в XIV в. эти земли считались русскими (древнерусскими). Но языковое развитие здесь уже шло собственным путем, вне зависимости от языковых процессов, протекавших в других землях восточнославянского ареала.

С XIV в. получает распространение термин *Малая Русь*. Уже в грамоте 1335 г. владими́ро-волинский князь Юрий II именуется «князь всей Малой Руси»⁹. В греческих грамотах XIV в. упоминается «епископия» Малой Руси, под которой подразумевается Галицкая метрополия, включавшая области Галича, Владимира Волинского, Перемышля, Холма, Луцка и Турова. Киприан до 1389 г. именовался митрополитом Малой Руси и Литвы¹⁰. В следующих столетиях термин *Малая Русь* закрепляется за украинскими землями, от него и население их стали называть малоросами.

Более сложным и продолжительным был процесс становления великорусской народности. Он охватил обширные области ареала древнерусской народности, не вошедшие в состав Великого княжества Литовского и Польши. Цементирующим стал московский диалект средне-великорусских говоров (их восточная подгруппа группы Б). В состав формирующегося великорусского языка¹¹ вошли диалекты северной ветви восточного славянства и древнерусские говоры, сложившиеся на основе говоров потомков русов и ставшие ядром современного южно-

великорусского наречия. Процесс единения их в языковую общность был длительным и осуществлялся в несколько этапов.

В условиях татаро-монгольского ига Северо-Восточная Русь оказалась обособленной как от Руси Западной и Южной, так и от Новгородской и Псковской земель. Оторванность отразилась в изолированности политического, культурного и экономического развития.

Колыбелью становления великорусской народности стала Владимиро-Суздальская Русь. Следовательно, на начальном этапе ядром великорусского языка был ростово-суздальский диалект древнерусского языка. В этой связи не удивительно то, что позднее говоры, распространенные в основном на территории Волго-Клязьминского междуречья, то есть говоры, развившиеся из ростово-суздальского диалекта древнерусского языка, легли в основу русского литературного языка¹².

С середины XIV в. центр сложения великорусской народности и ее языка переместился в Московскую Русь, выделившуюся из Владимиро-Суздальской. В течение второй половины XIV — первой половины XVI в. Москва объединила все территории распространения северновеликорусского и южновеликорусского наречий.

Центр Русского государства — Москва — находился в области взаимодействия ростово-суздальской диалектной группы северновеликорусского наречия и черниговско-рязанской диалектной группы южновеликорусов. К XIV—XV вв. здесь уже оформились корни среднерусских говоров. Полоса взаимодействия северновеликорусов и южновеликорусов расширилась и в период татаро-монгольского ига за счет притока населения из Черниговской и Донской земель, что усиливало роль средневеликорусских говоров.

В условиях сложения единой государственности и формирования единой культуры Московского государства средневеликорусские говоры во многом способствовали консолидации диалектов распавшегося древнерусского этноса в единое языковое целое. Присоединение к Москве Новгорода и Пскова расширило территорию становления великорусской народности.

Уже в XV—XVII вв. на всей этой территории наблюдается единство языкового развития. Целый ряд фонетических изменений и морфологических явлений этого времени распространяются, как отмечают лингвисты, по всему ареалу формирующейся великорусской народности. Появляется ряд лексем, которые становятся общими для языка этого этноса. Вместе с тем великорусскому языку этого времени свойственны были региональные разновидности, заметно отличающиеся друг от друга. Сохраняется диалектное многообразие, которое было заложено в предшествующий период.

Территория великорусской народности в исторических источниках XIV—XV вв. обычно называется Русью, Русской землей. Термин *Великая Русь* появился еще в XII—XIII вв. Он употреблялся в иностранной

литературе применительно ко всей стране, населенной русским (древнерусским) этносом. Начиная с XIV в. этот термин обозначает уже территорию великорусской народности. Церковные документы XIV в. делят бывшие древнерусские земли на две части — митрополию Киева и Великой Руси, куда входили все земли формирующейся великорусской народности, включая Новгород и Псков, и митрополию Малой Руси и Литвы, включающую восточнославянские земли, подвластные литовским князьям. Пимен был утвержден константинопольским патриархом как «митрополит Великой Руси», Киприан с 1389 г. — «митрополитом всея Руси». С конца XV в. в русских источниках начинает употребляться название *Россия*, постепенно вытесняя прежний термин *Русь*.

Сложение великорусской народности к XVI—XVII вв. фиксируют и данные этнографии. В это время оформляются такие характерные черты русского крестьянского жилища, как трехкамерная связь — изба-сени-клеть, наличие подклета и двускатной крыши. Определилась и внутренняя планировка жилища, складывается своеобразный русский крестьянский костюм и др.¹³

Великорусское население сохранило свое прежнее самоназвание, трансформировав этноним *русь* в *русский*.

Примечания

¹ Подробно рассматриваемая теория начального периода этногенеза белорусов и их предыстория рассмотрены в кн.: Седов В. В. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья. М., 1970. В ней изложена и история изучения этой проблемы. О последних работах см.: Пилипенко М. Ф. Возникновение Белоруссии: Новая концепция. Мн., 1991.

² Карский Е. Ф. Белорусы. Т. 1. Введение в изучение языка и народной словесности. Варшава, 1904.

³ Соловьев А. В. «Белая и Черная Русь» // Сборник Русского археологического общества в Королевстве Югославии. Т. III. Белград, 1940. С. 29—66.

⁴ Булаховский Л. А. Питання походження української мови. Київ, 1956. О становлении и истории украинского языка см. также: Филин Ф. П. Происхождение русского, украинского и белорусского языков: Историко-диалектологический очерк. Л., 1972; Історія української мови. Т. 1—4. Київ, 1978—1983.

⁵ Седов В. В. Славяне Среднего Поднепровья (по данным палеоантропологии) // Сов. этнография. 1974. № 1. С. 16—31.

⁶ Седов В. В. Славяне в раннем средневековье. М., 1995. С. 68—137.

⁷ Болеслав-Юрий II, князь всей Малой Руси: Сборник материалов и исследований. СПб., 1907. С. 149—153.

⁸ Акты, относящиеся к истории западной России. Т. 1. СПб., 1846. С. 1.

⁹ Болеслав-Юрий II, князь всей Малой Руси... С. 154.

¹⁰ Русская историческая библиотека. Т. VI. СПб., 1880. С. 180; Приложения: С. 14—30.

¹¹ Николаев С. Л. Раннее диалектное членение и внешние связи восточнославянских диалектов // *Вопр. языкознания*. 1994. № 3. С. 23—49.

¹² О лингвистических вопросах формирования великорусского языка см.: Аванесов Р. И. Вопросы истории русского языка в эпоху формирования и дальнейшего развития русской (великорусской) народности // *Вопросы формирования русской народности и нации*. М., 1958; *Его же*. Русская диалектология. М., 1973; Образование северновеликорусского наречия и среднерусских говоров по материалам лингвистической географии. М., 1970; Филин Ф. П. Происхождение русского, украинского и белорусского языков...; Хабургаев Г. А. Становление русского языка. М., 1980; Иванов В. В. Историческая грамматика русского языка. М., 1983.

¹³ Токарев С. А. Этнография народов СССР. М., 1958. С. 15—100; Русские. (Сер. «Народы и культуры»). М., 1997.

УКАЗАТЕЛИ

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Абаев В. И. 35, 83, 83, 88, 285
Абашина Н. С. 166
Абрамович Д. И. 223
Аванесов Р. И. 14, 22, 176, 254, 259,
265, 277, 278, 289
Авдусин Д. А. 195, 208
Агеева Р. А. 85, 126, 127, 173
Айбабин А. И. 185, 223
Александр Невский, новгородский
и владимирский князь 236
Алексеев В. П. 178
Алексеев Л. В. 231, 275, 276
Алмуш, хан волжских болгар 61
Альквист А. 176
Амброз А. К. 81, 153, 178
Андрей Боголюбский, древнерус-
ский князь 9
Андряшев А. М. 230, 275
Апсих, аварский военачальник 37
Артамонов М. И. 67, 68, 88
Архипов Г. А. 153, 177, 225
Арциховский А. В. 90
Аскольд, легендарный князь 77
Аспарух, болгарский хан 184
Аттила, предводитель гуннов 27
Аулих (Ауліх) В. В. 84, 168
Аун М. 121, 122, 168—172
Афанасьев Г. Е. 70, 89
- Бабенко В. А. 72, 89
Багалея Д. И. 230, 275
Багаутдинов Р. С. 227
- Бадер О. Н. 146
Бажан И. А. 105, 169
Баран В. Д. 21, 24, 84, 166
Башенькин А. Н. 117, 122, 168—172
Белецкий С. В. 122, 173
Березовец (Березовець) Д. Т. 82, 83,
85, 223
Бери Дж. 67, 89
Бідзіля В. І. 83
Ал-Бируни, средневековый автор 61
Бліфельд Д. І. 228
Богачев А. В. 227
Бож (Боз), князь антов 36
Бравлин, легендарный князь 89
Брайчевская А. Т. 83
Брайчевский (Брайчевський) М. Ю.
82, 83, 223
Буга Старший, арабский военачаль-
ник 74
Будде Е. Ф. 11, 22
Булатова Р. В. 178, 276, 277
Булаховский Л. А. 284, 288
Булкин В. А. 207, 208, 227
Булычев Н. И. 167
Буров В. А. 173
Быков А. А. 76, 89
- Вакуленко Л. В. 84
Васильев А. А. 67, 89
Васильевский В. Г. 74, 89
Василько (Романович), владими-
ро-волынский князь 221

- Василько (Ростиславич), теребовльский князь 247
Велес, славянский бог 202
Вернадский Г. А. 67, 75, 89
Вернер Й. 105, 169
Винитарий, правитель готов 36
Винников А. З. 56, 86, 226
Винокур И. С. (I. C.) 83
Вишневский В. И. 146, 147, 167, 176
Владимир Володарьевич, галицкий князь 79
Владимир Святославич, киевский князь 75, 180, 215, 217, 220
Владимирский-Буданов М. Ф. 231, 275
Воронин Н. Н. 230, 275
Востоков А. Х. 9, 21
Всеволод Мстиславич, новгородский князь 236
Всеволод Ярославич, киевский князь 246
Вятко, легендарный предводитель вятичей 82
- Гавлик Л. 63
Гавритухин И. О. 85, 86, 194, 226
Гартнер Т. 13
Гедемин, литовский князь 222
Гедеонов С. А. 77, 90
Генинг В. Ф. 177
Генрих II, чешский король 38
Генрих Латвийский, немецкий хронист 221, 228
Георгиев Вл. 23
Георгий Амастридский, церковный деятель Византии 74
Геродот, древнегреческий историк 40
Годловский К. 96, 166, 170
Голанов И. 22
Голубева Л. А. 168, 225
Голубинский Е. Е. 223
Голубовский П. В. 230, 275
Гончаров В. К. 84, 85
Городцов В. А. 177
Горский А. А. 88
Горшкова К. В. 278
Горюнов Е. А. 82
- Горюнова Е. И. 155, 167, 177, 178
Готье Ю. В. 15, 23
Гроздилов Г. П. 171
Гринкова Н. П. 277
Гришаков В. В. 177, 193
Грушевский (Грушевський) М. С. 13, 22, 230, 232, 275
Гущин А. С. 224, 227
- Давидан О. И. 225, 228
Даниил, игумен 181
Даниил Романович, галицкий князь 221, 222
Данилевич В. Е. 230, 232, 275
Денисова Р. Я. 176
Ал-Джайхани, арабский автор 67
Джурович Д. П. 11, 22
Дионисий, античный автор 25
Дир, легендарный князь 77
Довженок В. И. 15, 23
Дралле Л. 63
Дубинский (Дубінскі) С. А. 174
Дубов И. В. 227
Дубынин А. Ф. 146, 151, 167, 168, 177, 225
Дуйчев И. 84
Дурново Н. Н. 13, 22, 223, 253, 277, 278
Дучыц Л. Ё. 225
Дучко В. 185, 223
Дьяконов А. П. 65, 87
Дыбо В. А. 178, 276—278
- Евнапий, византийский автор 25
Егорейченко А. А. 109, 170
Ениосова Н. В. 225
Ерофеева Е. Н. 173, 225
Ершевский Б. Д. 178
- Жак Я. 96, 166
Жилко Ф. Т. 272, 278
- Зайцев А. К. 276
Зализняк А. А. 173, 255, 259, 277
Замятина Г. И. 178, 276—278
Зверуго Я. Г. 168, 175
Зинковская И. В. 56, 86
Зубов С. Э. 227

- Иаков, монах 180, 220
 Иван (Василькович), галицкий князь 247
 Иван Гедиминович, былинный герой 211
 Иванов В. В. 223, 289
 Иванов Вяч. Вс. 80, 83, 85, 90
 Иванов П. А. 230, 275
 Игнатий, византийский автор 74
 Игорь, киевский князь 88
 Изюмова С. А. 224
 Изяслав, полоцкий князь 243
 Изяслав Мстиславич, киевский князь 78, 79
 Иларион, киевский митрополит 75, 180, 219, 220
 Иоанн, византийский полководец 36
 Иордан, раннесредневековый историк 33, 36, 40, 41, 58, 83, 84
 Ираклий, император Византии 37, 46
 Исланова И. В. 162, 163, 166—169, 178, 179

 Ал-Йа'куби, арабский историк и географ 74

 Казаков Е. П. 225
 Казакиявичюс В. 106, 107, 165, 168—170
 Калнынъ Л. Э. 255, 278
 Каматир Петрона, византийский деятель 68—70, 73
 Карамзин Н. М. 77
 Каргер М. К. 223
 Каргопольцев С. Ю. 105, 169
 Карл Великий, германский император 202
 Карнупс А. М. 168
 Карский Е. Ф. 253, 277, 283, 288
 Кассиодор, раннесредневековый историк 33
 Кедрин Георгий, византийский историк 69
 Киприан, митрополит Руси 286, 288
 Кирилл, славянский просветитель 9
 Кирпичников А. Н. 170, 199, 227
 Кирьянова Н. А. 170
 Ключевский В. О. 77, 232, 254, 275
 Ковалевский А. П. 87
 Козак Д. Н. 166
 Козаченко А. И. 15, 23
 Комаров К. И. 86
 Комша М. 194, 226
 Кондаков Н. П. 211
 Конецкий В. Я. 172, 173, 179
 Константин Багрянородный, император Византии 37, 40, 68, 69, 88, 89
 Корзухина Г. Ф. 223, 224
 Коробушкина Т. Н. 170
 Королева Э. В. 276
 Короткевич Б. С. 122, 167, 172
 Косменко М. Г. 227
 Кочуркина С. И. 168
 Крамар И. 84
 Краснов Ю. А. 110, 111, 152, 170, 177
 Кренке Н. А. 146, 176
 Крис Х. И. 146
 Кравченко Т. А. 178
 Кропоткин В. В. 89
 Крысько В. Б. 277
 Куза А. В. 178
 Кузнецов П. С. 223, 277
 Куликаускене Р. К. 139, 167, 170, 175, 178
 Кухаренко Ю. В. 84, 224
 Кучера М. П. 226
 Кучкин В. А. 78, 79, 90

 Лавровский П. А. 9, 22
 Лапушнян В. Л. 82, 83
 Ласло Д. 211, 228
 Ластовский (Ластоўскі) В. Ю. 13, 22
 Латышев В. В. 82
 Лаул С. К. 122, 168, 172
 Лебедев Г. С. 122, 172, 227
 Левашова В. П. 176, 224
 Лелеков А. А. 211, 228
 Леонтьев А. Е. 147, 167—169, 176, 177, 236, 238, 276
 Лер-Сплавинский Т. 11, 12, 14, 22
 Линка Н. В. 224
 Литаврин Г. Г. 37, 84
 Лихачев Д. С. 21, 24
 Ловмянский Х. 65, 87, 88

- Лопатин Н. В. 123, 132, 134, 172—174
Лухтан А. 175
Львов А. С. 204, 227
Людовик IX Святой, французский король 222
Людовик Благочестивый, франкский император 73
Ляпунов Б. Н. 11, 13, 14, 20, 22, 238, 261
Ляпушкин И. И. 224, 226
Ляскоронский В. 230, 275
- Маврикий, византийский историк 37, 84
Мавродин В. В. 16, 17, 23
Мазуркевич А. Н. 122, 172
Макаренко Н. Е. 54, 224
Макаров Н. А. 155, 178, 194, 225
Максимов Е. В. 223
Максимович М. А. 9, 22
Мальм В. А. 169
Марзалюк И. А. 24
Маркварт Я. 65, 87, 88
Марко Поло, венецианский путешественник 222, 229
Маслова Г. С. 23
Мачинский Д. А. 227
Мегей В. П. 83
Медведев А. М. 170, 174
Медведев А. Ф. 111
Мезамир, посол антов 37
Мезенцева Г. Г. 223, 226
Мельник Е. Н. 223
Мельникова Е. А. 88
Менандр Протектор, византийский автор 37
Мефодий, христианский просветитель 9
Мжельская О. С. 173
Микляев А. М. 122, 172
Мильков В. В. 120
Минасян Р. С. 110, 123, 170, 173
Митреа И. 199
Митрофанов А. Г. 94, 131, 132, 165, 167, 170, 174—176, 227
Михаил III, император Византии 74, 76
- Михайлина Л. П. 166, 226
Михайлова Е. Р. 172
Молдован А. М. 223
Молчанов А. А. 228
Монгайт А. Л. 80, 90, 231, 252, 275
Моора Х. А. 166, 168, 169, 172
Москаленко А. Н. 86, 224
Моця А. П. 269, 278
Мстислав Владимирович, киевский князь 230
Мугуревич Э. С. 225
Мызников С. А. 278
- Назаренко А. В. 63, 65, 76, 87, 89
Напольских В. Н. 60, 86
Насонов А. Н. 16, 23, 78, 90, 232, 233, 235, 237, 244, 249, 275, 276
Нестор, русский летописец 201, 220, 221
Нидерле Л. 16, 23, 40, 84, 85, 138, 175, 178
Никита Пафлагонский, византийский автор 74
Никитин А. В. 178
Никитин А. Л. 178
Никитина Т. Б. 177
Николаев С. Л. 143, 176, 178, 255, 262, 276—278, 289
Никольская Т. Н. 58, 85
Новикова Е. Ю. 188, 224
Новосельцев А. П. 67, 75, 87—89
Новы Р. 63
Носов Е. Н. 121, 123, 171—173, 178, 179, 200, 227, 228
- Обломский А. М. 85, 86
Олег, киевский князь 66, 77, 150, 181, 238
Орлов Р. С. 211, 228
Орлов С. Н. 120, 121, 171, 178, 227
Отин Е. С. 87
- Пархоменко В. А. 88
Пашуто В. Т. 89
Перхавко В. Б. 96, 132, 166, 174, 213, 226, 228
Петрашенко В. А. (В. О.) 55, 85, 223
Петрухин В. Я. 87, 88, 228

- Пивторак (Півторак) Г. П. 19, 23
 Пигулевская Н. В. 65, 88
 Пилипенко М. Ф. 288
 Пимен, митрополит Руси 288
 Пипин, германский император 202
 Плано-Карпини Иоганн, посол папы 221, 228
 Плетерски А. 226, 227
 Плетнева С. А. 72, 86, 89
 Плохов А. В. 178
 Поболь Л. Д. 165, 168
 Погодин М. П. 9, 22, 231, 275
 Пресняков А. Е. 231, 254, 275
 Приходнюк О. М. 184, 223
 Прицак О. 67
 Прокопий Кесарийский (Прокопий из Кесарии), византийский историк 33, 35, 36, 83
 Пряхин А. Д. 226
 Псевдо-Захария, сирийский автор 65, 87
 Птолемей, античный автор 25
 Пушкина Т. А. 195, 224, 226

 Рабинович Р. А. 188, 224
 Раевский Д. С. 87
 Раппопорт П. А. 69, 86, 88
 Расиньш А. П. 113, 170
 Расторгуев П. А. 277
 Рафалович И. А. 82, 83, 226
 Рогов А. И. 21
 Розенфельдт И. Г. 103, 107, 146, 167, 168, 170, 176
 Розенфельдт Р. Л. 225
 Розов Н. Н. 223
 Роспонт С. 127
 Ростислав Мстиславич, смоленский князь 239, 240
 Ростислав, сын Юрия Долгорукого 78, 79
 Рубрук Виллем (Вильгельм) де, фламандский путешественник 222, 229
 Ибн Русте, арабский автор 67
 Рыбаков Б. А. 15, 23, 40, 65, 67, 78, 83, 84, 87, 88, 90, 178, 210—212, 224, 228, 233, 275
 Рябинин Е. А. 176, 177, 225, 276
 Рябцева С. С. 188, 224

 Самоквасов Д. Я. 210
 Сахаров А. Н. 89
 Святополк Моравский, князь Великой Моравии 77
 Седова М. В. 192, 225, 228
 Селищев А. М. 13, 22
 Селезнев Ф. Я. 225
 Сергеев С. И. 205
 Сергеевич В. С. 231, 275
 Середонин С. М. 231, 254, 275
 Сетяля Э. Н. 123, 172
 Сизов В. И. 167, 207
 Симаргл, языческое божество 35
 Симеон Логофет, византийский автор 74
 Скржинская Е. Ч. 41
 Смаль-Стоцкий С. 13, 22
 Смирнов А. П. 87
 Смирнов К. А. 115, 146, 166, 167, 176
 Смирнов П. П. 67
 Смишко (Смішко) М. Ю. 84
 Смолицкая Г. П. 173
 Соболевский А. И. 10, 22, 253, 261, 269, 277, 278
 Соколов М. Н. 278
 Соловьев А. В. 181, 223
 Соловьев С. М. 77
 Соловьева Г. Ф. 224
 Спицын А. А. 47, 50, 85, 138, 166, 167, 169, 175, 176, 178, 225
 Срезневский И. И. 9, 21
 Станкевич Я. В. 168, 169, 171
 Старостин П. Н. 60, 86, 87
 Стефан Сурожский, византийский епископ 89
 Страхов А. Б. 278
 Сухобрус Г. С. 23
 Сэнмувр/Симаргл, языческое божество 206

 Таугавичюс А. 167—170, 175, 176
 Теодор Д. Г. 199
 Терпиловский Р. В. 99, 166, 167
 Тимченко Е. К. 13, 22
 Тиханова М. А. 166

- Тихомиров М. Н. 90, 215, 222, 223, 228
Токарев С. А. 23, 289
Толочко П. П. 19, 24, 89, 228, 231, 275
Топоров В. Н. 35, 80, 83, 85, 90
Торопов С. Е. 171
Травкин П. Н. 176
Третьяков П. Н. 17, 18, 23, 131, 132, 146, 167, 174—176, 179
Трубачев О. Н. 19, 24, 36, 46, 61, 63, 67, 84, 85, 87, 88, 90, 195, 226, 263
Трубецкой Н. С. 12, 22
Трусов О. Н. 24
Туллиан, византийский военачальник 37
Тухтина Н. В. 87
- Удольф Ю. 61, 115, 170
Узаровичова А. 96, 166
Узянов А. А. 55, 85
Успенская А. В. 167
Уткин А. В. 177
Ушаков Д. Н. 11, 22, 253, 277, 278
Ушинскас В. 175
- Ибн Фадлан, арабский автор 60, 61
Ибн-ал Факих, арабский автор 65
Фасмер М. 66, 85, 90, 117, 171
Феодора, жена византийского императора Феофила 68
Федоров Г. Б. 223
Феодосий, абхазский царь 74
Феофил, император Византии 68, 69, 73
Фехнер М. В. 169
Филин Ф. П. 18, 23, 36, 83, 223, 238, 253, 261, 276—279, 281, 289
Филюшкин А. И. 24
Флоровский А. В. 77, 89
Флоря Б. Н. 21
Фотий, патриарх Византии 74, 89
Фредегар, раннесредневековый хронист 201
Фритце В. 63
Фурасьев А. Г. 120, 123, 132, 171, 173, 174
- Хабургаев Г. А. 20, 24, 83, 278, 289
Хавлюк П. И. 27, 82
Ханенко Б. И. 223
Ханенко В. Н. 223
Херрманн Й. 63, 87
Херрманн Э. 63
Хлебникова Т. А. 87
Ибн Хордадбех, восточный автор 65, 67
Хорс, языческое божество 35
- Цамбауэр Э. 76
Цейс К. 16, 23
Цимермане И. 168
Циркин А. В. 225
Цыбин М. В. 226
- Чеботаренко Г. Ф. 223
Черепнин Л. В. 16, 23
Чернецов А. В. 228
Черницын Н. А. 225
Черных П. Я. 23
Чумакова Ю. П. 87
- Шадыро В. И. (Шадыра В. I.) 167, 175, 225
Шахматов А. А. 10, 11, 14, 16, 22, 66, 67, 80, 84, 90, 174, 217, 218, 223, 228, 253, 277
Шевченко И. 74, 89
Шиманьский В. 199, 226
Шинаков Е. А. 64, 224, 249, 276
Шитов В. Н. 178
Шлюбский А. 13
Шмидт Е. А. 97, 134, 142, 165—170, 174—176, 226, 227
Шмидехельм М. X. 167, 168, 169, 171
Шноре Э. Д. 168, 173
Штыхов (Штыхаў) Г. В. 19, 24, 165, 168, 175, 227
Шульдт Э. 169
- Щеглова О. А. 85, 185, 223
- Юренко С. П. 54, 85
Юрий Всеволодович, владими́ро-суздальский князь 221

- Юрий Долгорукий, киевский князь
78, 79, 239
- Юрий II, владими́ро-волы́нский
князь 286
- Юстин I, император Византии 36
- Ягич В. 22, 202, 227
- Яжджевский К. 60, 87, 169, 198
- Якубинский А. П. 23, 223
- Ян М. 96, 166, 170
- Янин В. Л. 71, 75, 76, 89, 236, 276
- Ярополк, владими́ро-волы́нский
князь 246
- Ярослав Всеволодович, владими́р-
ский князь 221
- Ярослав Мудрый, киевский князь
24
- Яроцкий Я. В. 224
- Antoniewicz J. 167
- Aspelin J. R. 225
- Belošewič J. 224
- Bury J. A. см. Бери Дж.
- Chmielewski W. 169
- Comşa M. см. Комша М.
- Čekmonas V. 278
- Česnis G. 176
- Dostál B. 224
- Elantowska J. 170
- Fiedler U. 227
- Gaerte W. 167, 168
- Garther T. см. Гартер Т.
- Godłowski K. см. Годловский К.
- Grigalavičienė E. 166
- Grumel V. 89
- Hampel J. 224, 226
- Holubowicz W. 166
- Holubowiczowa E. 166
- Hrubý V. 224
- Jaanits L. 168, 172
- Jagič V. см. Ягич В.
- Jahn M. см. Ян М.
- Jażdżewski K. см. Яжджевский К.
- Jurić R. 224
- Kaczyński M. 167
- Kazakevičius V. см. Казакевичюс В.
- Kazanski M. 169
- Kivikoski E. 168
- Korošec P. 176, 224
- Kostrzewski B. 169
- Kostrzewski J. 167, 169
- Kovrig I. 226
- Kulikauskas P. 167, 170
- Kulikauskienė R. см. Куликаускене Р. К.
- László Gy. см. Ласло Д.
- Laul S. см. Лаул С. К.
- Lehr-Spławiński T. см. Лер-Сплавинь-
ский Т.
- Lūgas V. 168, 172
- Mango C. 89
- Marquart J. см. Маркварт Я.
- Marušić R. 224
- Merkevičius A. 166
- Michelbertas M. 167, 168, 175
- Mitrea I. 226
- Moora H. см. Моора Х. А.
- Müller S. 175
- Napolskich V. V. см. Напольских В. В.
- Niederle L. см. Нидерле Л.
- Nordman C. A. 171
- Okulicz J. 167, 169
- Pleterski A. см. Плетерски А.
- Salo U. 168
- Schmiedehelm M. см. Шмидехельм М. Х.
- Schreiner P. 84
- Schuldt E. см. Шульдт Э.
- Setälä E. N. см. Сетяля Э. Н.
- Smal-Stocki (Smal-Stockuj) St. см.
Смаль-Стоцкий С.
- Ševčenko I. см. Шевченко И.
- Soloviev A. см. Соловьев А. В.

- Stubavs A. 166, 168
Szymański W. см. Шиманьский В.
Šiška St. 226
Šnore E. см. Шноре Э. Д.
- Tallgren A. 169
Tautavičius A. см. Таутавичюс А.
Tønisson E. 168, 172
Trubetzkoy N. см. Трубецкой Н. С.
- Udolph J. см. Удольф Ю.
Urbanavičius V. 176
Urtāns V. 174, 225
- Usarowiczowa A. см. Узаровичова А.
- Vaitkunsienė L. 165
Vasiliev A. A. см. Васильев А. А.
Vasmer M. см. Фасмер М.
Verony G. 226
Vocel J. E. 175
Volkaitė-Kulikauskienė R. см. Куликаускаене Р. К.
- Werner J. см. Вернер Й.
- Zeuss K. см. Цейс К.
Žak J. 166

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

- Августово 107, 109
Аграриешы 95
Адаменка 132, 135
Адриатика 187
Аварский каганат 201, 202
Аздятичи 137
Азия Передняя 201
Азия Центральная 25
Азовское море 61, 267
Айзкраукле 191
Акатово 101, 105, 129, 137, 138, 191, 197
Акверишке 109
Алатъян 198, 199
Александровка 166
Алексеевское 70
Алчедар 187, 197, 198
Амастрида 74
Андреевское 157
Андрусовка Великая 30, 32
Аношки 93, 95, 111, 113
Антасаре 109
Антасаре-Лаукяй 107
Арабский халифат 68, 72, 74, 75
Арефино 145, 189, 191, 194
Аукштадварис 113, 137
Аукшткемай 109
Ахмылово 103, 137, 153
- Бавария 65, 76, 77, 253
Багочай 101, 103
Бакшай 137
Балатон, озеро 41, 46
Балканский полуостров 28, 33, 152, 197, 285
Белозерье 154, 155
Белохово 161
Балтийское море 26, 116, 163
Балтика 19, 91
- Банцеровщина 95, 99, 101, 107, 174
Барановичский р-н 107
Барвиха 107, 109
Бароники 137
Барсуки 99, 101, 135
Баскачи 137
Башево 157
Бежецы 157
Безводное 95, 109, 137, 152
Безрадичи Новые 97
Белая Гора (Белогородский) 56
Белая Церковь 97
Беловежская пуца 115
Белогорка 135
Белогостье 157
Белозерье 239
Белоозеро 157, 191, 193, 194
Белоруссия 98, 107, 145, 198, 243, 272
Бельмонт 191
Бельчица 135, 137
Белый Крест 157
Белымер 60
Бережок 95, 97, 98, 101, 103, 104, 111, 113, 161, 163
Березина, р. 47, 94, 106, 109, 128, 243, 271
Березняки 101, 103, 146
Березовка 157
Берестейская волость 246, 271
Берестово 75
Бернашевка 33, 184, 187
Беседовка 51
Бескатово 191, 197
Бискупин 198
Битицы 52
Битюг, р. 263
Близнаки 93, 95, 111, 113, 137
Блинные Кучи 157
Бнин 198

- Боброк, р. 244, 246
Богдановка 157
Богин 191
Богойево 198
Богута (Богутишкес) 95, 109
Божский 78, 79
Боково 157
Болва, р. 240
Болгар 60
Болгария (Дунайская) 72, 199
Болгария Волжская 60, 61, 181
Болшево 157
Бониково 198
Бор 157
Борисовская волость 243
Борисовский р-н 109, 137
Борки (Рязанское Поочье) 101, 104, 107, 109, 137, 153
Борки (Полоцкая земля) 197
Борнице 96
Боровиково 157, 191
Боровичи 120, 137
Бородинское 110, 113, 157
Борщева 107, 109, 150
Борщевка 187
Боспор 26
Бохот Малый 157
Бранешты 187, 197, 198
Браславль 191
Буг (Западный), р. 11, 18, 19, 25, 40, 42, 46, 47, 78, 79, 86, 97, 244, 246
Буг Южный, р. 27, 32, 41, 78, 79, 184, 269
Будешты 97
Будки Малые 184, 187
Бужск 78, 79
Буковина 199
Буково 157, 199
Бураково 99, 101
Бустрыгино 157

Вага, р. 194
Валдай 27
Варапнишкес 137
Варшавский шлюз 101, 104, 120, 122
Василиха 197, 199
Васильевское 197, 199
Васильки (Бежецкие) 157
Васильки (Суздальские) 157
Васильки Дальние 157
Васильковка 137, 138
Ватич, р. 32
Вежки 93, 95, 101, 103, 104, 106
Великая, р. 119, 120, 127, 159, 257, 275
Великое 155
Великушкес 109
Венгрия 181, 222
Вепрева Пустынь 157
Верепково 119
Вересочь 135
Вересочь-Лозы 135
Верецкий перевал 65
Верея Нижняя 147, 191, 192
Верхневолжье 111, 145, 147
Верхнеольшанское 70
Верхнесалтовское 70
Вершвай 106, 109
Веселовский 153
Веськово 157, 197
Ветлуга, р. 153
Византийская империя 28, 36, 37
Византия 36, 37, 68, 69, 72—77, 217
Вилия, р. 115, 128
Вилкаутинис 103
Вилконис 113
Вилька Кампо 101
Вильнюс 95, 96, 101
Винницкая обл. 33
Винничина 187
Висла (Вискла), р. 41, 105, 116, 249
Висло-Одерское междуречье 26
Витебская обл. 113
Витебский р-н 137
Витебщина 113
Вихмес 197
Владимир (на Клязьме) 24, 253
Владимир-Волынский 246, 286
Владими́ро-Волы́нская земля 286
Владими́ро-Суздальская земля 221
Владимирская земля 231
Влтава, р. 218
Вовки 51, 54
Вознесенка 212
Войлово 157

- Волаевце 95, 96
Волга, р. 10, 25, 61, 67, 80, 101, 111, 117, 128, 139, 145, 147—150, 152—154, 158, 193, 236, 257, 265
Волго-Камье 138
Волго-Клязьминское междуречье 238, 253, 255, 262, 287
Волго-Клязьминье 148—150, 157
Волго-Окское междуречье 19, 104, 146, 151, 154
Волхов, р. 72, 159—161, 235
Волынская земля 222
Волынское княжество 246
Волынцево 51, 53
Вольнь 10, 41, 42, 46, 47, 79, 97, 105, 184, 187, 199, 215, 221, 246, 280
Воробьевка 191
Воробьево 157
Воронеж 56, 68
Воронеж, р. 263
Вороново 157
Воронцово 157
Воронча 93, 95, 103
Воротынцево 58
Ворскла, р. 15, 55
Восгелай 101
Восточно-Европейская равнина 7, 8, 11, 15, 17, 19, 20, 25, 75, 76, 91, 93, 96—99, 101, 103, 107, 109, 110, 113, 116, 117, 124, 128, 138, 148, 161, 163, 180, 185, 194, 195, 199—204, 213, 214, 217—220, 254—256, 259, 274
Выбуты 119
Выгожев 78, 79
Выжегша 137, 150
Выжедки 191
Выжумский 153
Высокино 157
Вышгород 197
Вышний Волочек 105
Вятка, р. (Белоруссия) 137
Габриелишкес 113
Гавриловка 97
Гайворон 32, 184, 187
Гайлиши 107, 109
Галиция 9, 77
Галицкая земля 40, 78, 79, 221, 230, 246, 247, 256, 280, 286
Галицко-Волынское княжество 230, 269
Галич 24, 247, 286
Галичина 222, 285
Галичская земля 246, 247, 249
Галлия 27
Гедеминова Гора 96
Георгий 197, 199
Геранены 113
Германия 26, 116
Глеваха 97, 101
Глезинановск 198
Глинице 191
Глиники 157
Гнездилово 197
Гнездово 187, 188, 192, 195, 197, 203—208, 210, 214
Гнойне 198
Гнойница 78, 79
Голики 27
Гомель 135, 191
Гомольша Сухая 72
Горбуново 157
Горналь 188, 191
Городище (Барановичский р-н) 107, 109
Городище (под Великими Луками) 144
Городище (Мядельское Поозерье) 93—95, 135, 137, 145, 197, 199
Городище (Понеманье) 109, 111, 113
Городище (Псковщина) 122
Городище (Суздальская земля) 157
Городня 137, 175
Городок 111, 113, 135
Городок на Ловати 191
Горско 101, 106
Горынь, р. 45, 47, 78, 86, 244
Горюнь, р. 120
Гостомля 157
Готия Крымская 69, 70
Готланд 96
Гочево 191
Граужиняй 137
Гребень 191
Григоровка 185, 187

- Гринюнай 103
Грицково 119
Грубешув 96
Грузия 74
Гузки 111, 113
Гута-Могила Новая 198
Гущино 187
- Дагестан 70
Далмация 38
Дарьяльское ущелье 74
Даугмале 113
Двина Западная (Даугава), р. 10, 24, 96, 117, 119, 159, 261
Девички 93, 95
Дедиловичи 93, 95, 111, 113, 128, 135, 137
Демидовка 93—95, 97, 99, 101, 103, 104, 106, 107, 109, 111, 113, 131, 132, 137
Денис 187
Дербентские ворота 68
Десна, р. 19, 47, 79, 80, 212, 215, 240
Деснинское 191
Детинка 76
Дешняне 240
Диногоция 199
Дмитриево 55, 72
Днепр (Данапр), р. 10, 17, 19, 33, 34, 36, 38, 40, 41, 47, 55, 61, 106, 132, 181, 187, 197, 199, 205, 207, 240, 244, 249, 263, 269, 274
Днепро-Донское междуречье 60, 76
Днестр (Данастр, Тирас), р. 10, 25, 26, 33, 34, 38, 40, 41, 78, 184, 246, 267, 269, 284
Доброселье 157
Доложские 95, 98, 106, 109
Дон, р. 10, 17, 19, 25, 55—57, 59, 61, 68—70, 72, 80, 180, 181, 247, 249, 262, 263, 267, 284
Дорохи 93, 95, 191
Драва, р. 46
Древнерусское государство 230, 245, 247, 249, 282
Дрегли 157
Дрисса, р. 119
Дроково 95, 104, 191, 197
- Друть, р. 243, 244
Дубовики Новые 161
Дубовский 153, 193
Дуденево 157
Дулевское 101, 103
Дунай (Истр), р. 25, 29, 34, 40, 46, 63, 65, 201—203, 220
Дусетос 137
Дьяково 97, 101, 103, 113, 150, 197
Дягсне-Лаботишкес 109
- Европа 27, 116, 163, 206, 256, 267
Европа Восточная 7, 8, 15, 16, 20, 25, 27, 38, 50, 63, 65—67, 71, 72, 75, 91, 93, 96, 99, 101, 104—106, 110, 111, 113, 115, 132, 134, 137, 138, 145, 180, 181, 183, 185, 188, 194, 200, 203, 204, 213—215, 217, 220, 221, 255, 257, 261
Европа Средняя 25—27, 60, 93, 97—99, 103—105, 107, 109, 110, 115, 116, 124, 126, 134, 148
Европа Центральная 93
Европа Юго-Восточная 64, 65
Евчаково 157
Екимауцы 184, 185, 187
Еленево 197
Елизаветградский уезд 187
Еловцы 94, 95, 97
Ермошино 135
Ерсике 243
- Жабино 99, 101, 103, 104
Жадавайняй 137
Жела 157
Желовце 198
Желядь 103
Жеребятино 95, 98
Жилые Горы 157
Жминья 189
Жовнин 191
Жовтнево 55
Жуковице 198
Жуково 157
- Заале, р. 38
Забелишкес 103, 113
Заборье 95, 97, 157

- Заволжье 262
Загацце 135
Задровье 135
Зайцево 58, 110, 113
Закавказье 74
Закарпатье Украинское 40
Заколпье 157
Залесье 187
Замошье 122
Заозерье 94, 99, 101, 103, 123, 132, 133,
135, 144, 191, 197, 199
Западное 58
Зарайск 188
Заречье 200
Засвирь 101, 103, 104, 111, 113, 197
Заславль (Изяславль) 243
Заставчяй 109
Звездочка 157
Звенигород (Московский) 191
Звягино 157
Зеленки 185, 187
Зилингталь 198
Зилупе 191
Зимно 42, 105, 184, 187, 215
Золотая Орда 222
Золотое Колено 160
Зуша, р. 58
- Иваново 157
Ивановское 157
Ивань 95
Иверовское 157
Иерусалим 181
Ижорское плато 239
Избище 109
Изборск 121, 127, 215, 235
Избрижье 157
Извоаре-Бахна 197, 199
Ильменское Поозерье 234
Ильмень, оз. 10, 117, 125—128, 158,
159, 163, 164
Ингельгейм 73
Иран 206
Ирпень, р. 47
Исаково 157
Искона 239
Искона, р. 239
Италия 36
- Кабаново 72
Кабанское 157
Кабожа, р. 105, 120
Кавказ 68, 75
Кадом Старый 137, 153, 154
Казиха 137, 175
Кайбельское 60
Кайренай 137
Какучяй 109
Калка, р. 221
Кама, р. 59
Каменная Лава 135
Камно 144, 191
Канев 55, 187, 197, 199
Каневский р-н 154
Каневщина 86
Капседе 101
Каргашино 157
Карпаты (Карпатские горы) 10, 18,
41, 180
Каспийское море 68
Каталанские поля 27
Кашеличи 111, 113
Каштауналяй 109
Кашучяй 101
Кветунь 188, 191
Квирбьяй 137
Кентескалнс (Кенте) 95, 96, 99, 101,
103, 107, 109, 113
Кернавес 137
Кестхей 198
Кивты 103
Кидомля 157
Киев 9, 11, 12, 15, 16, 19, 55, 66, 77—
79, 87, 150, 181, 187, 204, 207,
212, 215, 217, 221, 230, 232, 233,
238, 243, 244, 246, 247, 288
Киевская земля 9, 15, 78, 230—232,
243—247, 249, 286
Киевщина 41, 47, 86, 154, 187, 244,
280
Кикино 103
Кирьяново 157
Киселевка 76
Кисели 97, 101, 104
Кись 135
Киучер 157

- Клеческ 246
Клещино, оз. 150, 238
Климово 157
Клязьма, р. 147—150, 154, 193, 236,
239, 252, 253, 257
Княжая Гора 154, 187
Кобыля Голова 121
Кожухово 157
Козаровичи 135
Козлово 157
Кокнесе 243
Кокомуйжа 109
Колодня 191
Коломно 157
Колпеницы 157
Колтуновское 70
Константинополь 68, 69, 73, 74, 150,
238
Копиевка 187
Копыс 240
Корниловка 157, 193
Коробнино 187
Коробовы Хутора 72
Корчак 30
Косинское 157
Костишты-Яссы 187
Котельница 78, 79
Кочкино 103, 137, 151, 157
Кочубеевка 30
Кошево 157
Кошибеево 107
Красное 70
Красный Стан 157
Кресты 155
Крикштонис 109
Криуши 60
Крутик 157, 194
Крым 26, 54, 68, 70, 89
Крымская Готия — см. Готия
Крымская
Крюково 101, 104, 120
Крюково-Кужново 191
Кубаево 157, 191
Кубань 68
Кудово 119
Кудьма, р. 152
Кузнецовка 157
Кузнечики 97, 101, 103
Кузьминское 103, 109
Кунигишкяй-Паевонис 109
Куня 27
Купанское 155, 157, 191
Курганье 157
Куреваниха 109
Курманский 109
Курово 95, 97, 103, 106
Курская обл. 154
Кустера 157

Лаба, р. 219
Лабенщина 93—95, 98, 99, 101
Ладога (Старая) 72, 111, 144, 160, 164,
180, 189, 191, 194, 197, 200, 215,
235
Лаздининкай 95
Латвия 96, 99, 103, 107, 113, 118, 127,
142, 191, 272
Лаукяй 109
Лебедка 58
Ледовитый океан 181
Лезги 121
Лемница 103, 135
Лесная 191
Леснично 110
Линдора 101, 103—105, 120
Линксменай 113
Липецкая обл. 56
Литва 94, 96, 99, 103, 106, 107, 111,
113, 139, 140, 142, 154, 181, 272,
282, 286, 288
Литовское великое княжество (Ве-
ликое княжество Литовское)
282, 286
Литовское государство 254, 280, 281,
283—286
Ловать, р. 93, 104, 105, 117, 234
Логойский р-н 138
Локстене 109
Лоози 119
Лопатна 197, 198
Лопино 197
Лопъяльский 153
Лосицы 119
Луг, р. (Волянь) 42
Луга, р. 120, 127, 159, 203
Лужесно 94, 101, 104, 197

- Лузна-Стратени 197, 199
Лукания 36
Луковня 95, 101, 103, 137, 150
Лукомль 197, 199
Луксенай 137
Луцк 286
Лучин 240, 244
Лысая Гора 56
Любахин 98, 101, 106, 120
- Магошани 101
Мадалане 191
Мадара 199
Мазкатужи 109
Мазурские озера 27
Мазурское Поозерье 115, 195
Максимова 137, 151, 157, 191—193,
197
Малодавыдовское 137, 150, 157
Малопальцевское 60
Мальшево 137, 151, 157, 191—193
Малышки 107, 109
Масковичи 191
Мартыновка 33, 154
Матвейщиково 157
Мауджорай 95
Мачуха 54
Маяцкое 70
Межибожье 78, 79
Межонис 103, 137
Мекленбург 134, 169
Мельдеришки 109
Мельдиняй 113
Мельниково 157
Мена 135
Ментке 95, 96
Меренице 157
Мерлугино 178
Места-Нестос, р. 197
Мещрево 157
Мигонис 137
Миерский р-н 137
Микольцы 101, 104, 137, 197
Милич 198
Минино 157
Минск 174, 243
Минская волость 243
Минская обл. 94, 109
- Минское княжество 243
Михаил Архангел 157
Михайлово-Прядово 157
Михайловское (бассейн Западной
Двины) 110, 113, 119, 157, 162
Михайловское (под Ярославлем)
204, 209
Млевский Бор 103, 105
Млын Новый 135
Мокрые Пожни 157
Мокша, р. 252
Молвотицы 193
Молдавия 32, 38, 86, 185, 198
Молдова 187
Молкенай-Лаукупеная 109
Молога, р. 117, 155, 159, 203, 234, 239
Молотицы 157
Монастырек 187, 192
Монголия 222
Морава, р. 38
Моравия 43
Моравия Великая 77, 200
Москва 181, 239, 287
Москва, р. 82, 111, 146, 239, 240, 263
Москворечье 145, 150, 239
Московское государство 230, 254,
287
Московское княжество 283
Мохнач 72
Мощины 103, 197
Мста, р. 120, 121, 160, 161, 234
Муром 152, 157, 191, 192, 251, 252
Муромская земля 79, 251, 252
Муромский городок 60
Муромско-Рязанская земля 230
Муромцево 157
Мурса, р. 46
Мурсианское оз. 41
Мухоудеровское 70
Мытковский 184, 187
Мядельский р-н 145
Мякинино 157
Мястро, оз. 137
- Наволоч, оз. 161
Неверишки 101
Некасецк 93, 95, 111, 113, 135, 197
Неквасино 93. 95

- Неман, р. 19, 47, 115, 128, 243
Неменчине 111, 113
Ненашевское 157
Нерис, р. 115
Неро, оз. 148, 149
Нестеровичи 161
Нестерово 157
Нефедьево 157
Нижегородская обл. 152
Никита Великий 157
Никодимово 93, 95, 106, 111, 113
Николо-Реня 157
Николо-Рожок 101, 103
Нитра 198
Ницахи 191
Новгород (Великий) 11, 12, 20, 66, 79,
89, 126, 161, 164, 181, 191, 192,
197, 200, 215, 233, 235, 236, 251,
262, 280, 287, 288
Новгород Малый 200
Новгород-Северский 233
Новгородская земля 67, 79, 155, 164,
165, 203, 215, 220, 221, 230,
233—236, 239—241, 249, 256,
259, 261, 262, 282, 283, 287
Новгородская обл. 120
Новинка 157
Новиетун 41
Новленский 157
Новоселки 157, 187, 204
Новотроицкое 150, 184, 188, 191, 197,
199
Няравяй-Григишкес 103, 109
Няравяй-Лаукяй 107
- Оболь 240
Обухов 51
Огубское 103
Одер, р. 25, 116
Одинцово 157
Ока, р. 10, 58, 59, 81, 82, 91, 101, 128,
139, 145, 147, 150, 154, 158,
193—195, 247, 251, 252, 257,
262, 263, 265
Ольша, р. 207
Онежское оз. 199
Опоки 236
Опошня 52
- Орель, р. 41
Орлов Городок 103
Орловичи 101, 104
Орша 240
Оси 101
Остер, р. 215
Отмичи 101, 103, 107, 109, 137, 150
Относово 157
- Пабарай 103
Пагрибис 94, 95, 101, 109
Пакритизис 113
Пакрауглу 137
Паланга 101, 109
Памусис 103
Паннония 201
Папишкес 103
Парасчяй 103
Пархомовка 27
Пастырское 32, 184, 185, 187, 215
Пафлагония 68, 69, 74
Пашушвис 113
Пекуново 110, 191
Пелопоннес 152
Пеньково 103, 150
Перемилово 157
Перемышль 79, 286
Перемышльская земля 246, 247
Перерыта пе Шес 197, 198
Пересечен 40
Пересопница 187
Переяславль (Ростовская земля)
193
Переяславль-Хмельницкий (Юж-
ный) 97, 187
Переяславская волость 78
Переяславская земля 15, 249
Переяславский уезд 191
Переяславское княжество 250
Песочня 157
Пестово 157
Петровское 209
Петрополье 95, 97
Пильвины 103
Пирчюпяй 191
Плавниекалнс 99, 101
Плещеево оз. 155
Плинкайгалис 94, 95, 103, 109

- Плиснск (Подгорцы) 197, 199
 Плоцкое воеводство 105
 Плюсса, р. 159
 Пнево 145
 Побужье 27, 40
 Побужье Волынское 246
 Побужье Среднее (Брестское) 47, 115, 244, 271
 Повалишино 123, 135
 Повисленье 115, 125—127, 161
 Повисленье Верхнее 25
 Повисленье Среднее 25, 26, 116, 119
 Поволжье 60, 152
 Поволжье Верхнее 146, 155
 Поволжье Костромское 193, 239
 Поволжье Среднее 59—61, 152, 192, 262, 263, 265
 Поволжье Ярославское 150
 Погорелка 157
 Погорынье 79
 Погост 157
 Погостице 157
 Подболотня 137, 151, 157, 191, 192, 197
 Подвиные 111, 133
 Подвиные Верхнее 257
 Подвиные Полоцкое (Полоцко-Витебское) 128, 133, 134, 138—140
 Подесенье 50, 55
 Подмосковье 111, 237, 265, 267
 Поднепровье 17, 31, 66, 67, 77, 197, 247
 Поднепровье Верхнее 7, 17, 18, 50, 106, 111, 195, 256, 272, 285
 Поднепровье Киевское 41, 46, 50, 200
 Поднепровье Смоленское 96, 97, 128, 132—134, 139, 140, 205, 208, 243, 257, 261
 Поднепровье Среднее 10, 11, 15, 16, 19, 27, 30, 48, 50, 52, 65, 67, 78, 81, 88, 99, 154, 184, 185, 244, 271
 Поднепровье Южное 40
 Поднестровье 40, 187, 269
 Поднестровье Верхнее 25, 40, 42, 97, 247
 Поднестровье Среднее 37
 Подолия 25, 280
 Подонье 56, 72, 81
 Подонье Верхнее 56, 58, 81
 Подонье Воронежское 56, 80, 188, 249, 251, 263
 Подонье Среднее 55
 Подосинки 135
 Подунавье 33, 183, 184, 188, 194, 195, 197, 199—202
 Подунавье Моравское 63, 203
 Подунавье Нижнее 201
 Подунавье Среднее 26, 41, 45, 185, 187, 189, 195, 198, 200—203
 Поильменье 161, 165, 199, 259
 Полабье 197
 Полениново 157
 Полибино 98, 103, 105
 Полище 157
 Полосы 121
 Полотчина 119
 Полоцк 24, 137, 174, 233, 243
 Полоцкая земля 79, 143, 155, 174, 191, 230—232, 240—243, 284
 Полтава 54, 188, 191
 Полужье 234
 Польское государство 286
 Польское княжество 285
 Польское Поморье 97
 Польша 96, 105, 109, 134, 181, 198, 222, 280, 286
 Полянково 157
 Понеманье Верхнее 104, 109, 115, 128, 271
 Понеманье Среднее 105
 Понизье 101, 103, 104
 Поочье 58, 251
 Поочье Верхнее 56, 58, 81, 188
 Поочье Рязанское 80, 81, 103, 104, 153, 154, 204, 249—252, 263
 Поочье Среднее 82, 263
 Попадьинское 103, 109, 111, 137, 146, 150, 157
 Попово 111, 137, 152, 153
 Порхов 236
 Посады 157
 Посеймье 262
 Починки 153
 Пра, р. 252
 Приазовье 34, 67

- Приазовье Северное 68
Прибалтика 33, 99, 105—107, 111, 138
Приильмень 117, 161, 164, 165, 233, 257
Прикамье 91
Прикамье Нижнее 60
Прикарпатье 38, 41, 43, 267, 269
Прикаспий 68
Прикубанье 70
Приладожье 117, 160, 204
Принаровье 117
Прионежье 155
Припятское Полесье 18, 41, 47, 188, 244, 285
Припять, р. 47, 78, 267, 271
Притцир 169
Приуралье 138
Причерноморье 68
Причерноморье Северное 25, 34—36, 67, 91, 93, 110, 187, 269, 286
Проня, р. 82, 252
Прооза 99
Прость, р. 161
Протва, р. 58, 146
Прудники 137, 191
Пруссия Восточная 99, 222
Прут, р. 10, 166, 246, 246
Псел, р. 15, 55, 265
Псков 110, 113, 119, 144, 162, 181, 197, 212, 215, 221, 236, 259, 276, 280, 287, 288
Псковская земля 117, 125, 127, 128, 143, 191, 221, 234—236, 241, 261, 287
Псковская обл. 129
Псковское оз. 105, 117, 119—121, 125—128, 175, 257, 265
Псковщина 98, 122, 259
Птичь, р. 243
Пустошенский 191
Путилово 157
Пятницкий 157

Рагиненая 113
Радостай-Алекнонис 137
Рамония 198
Рацкий Бор 197

Рашков 42
Ревне 166, 197, 199
Ревячка 135, 197, 198
Рейн, р. 96, 206
Рекучай 103
Реут, р. 32
Речица 187
Ржавец Малый 154
Ржева Пустая 144, 191
Рижский залив 91
Рим 36
Римская империя 26, 91—93
Рогачев 244
Родопы 197
Роище 51, 99
Рокенай 137
Россия 235, 288
Россия Европейская 194
Ростов 150, 158, 238
Ростово-Суздальская земля 14, 79, 145, 155, 158, 230, 231, 236—240, 249, 251, 261, 262
Ростовская земля 150, 208, 238, 239, 251
Ростовское оз. 150, 238
Рось, р. 15, 33, 78, 154, 269
Рубокай 95, 109
Рудайчий 95, 101
Рудалина 109
Рудишкяй 113
Рудка 97
Рудня 135, 191
Руза, р. 239
Рум (Византия) 65
Румское море 65
Румыния 101, 198, 199
Русиши-Дебеши 107, 109
Русская земля (в значении Древнерусского государства) 15, 21, 66, 76, 79, 180—182, 216, 220—222, 230, 252, 286, 287
Русская земля (в узком значении) 15, 16, 19, 76—79
Русская равнина 19, 104, 105, 188, 256, 259
Русский каганат 67, 68, 72—77, 182
Русь (Русь Древняя) 8—12, 15, 17—20, 66, 143, 180—182, 200, 203—

- 206, 211—213, 215—222, 230—
 233, 235, 252, 253, 254, 256, 259,
 263, 265, 272, 274, 280—282,
 286—288
 Русь Белая 283, 284
 Русь Великая 287, 288
 Русь Владимиро-Суздальская 287
 Русь Галицкая 9, 284
 Русь Западная 282, 283, 287
 Русь Киевская 9, 13—16, 18—20, 74,
 73, 75, 77, 181, 231, 233
 Русь Литовская 284
 Русь Малая 19, 286, 288
 Русь Московская 284, 287
 Русь Северо-Восточная 9, 153—155,
 157, 280, 282, 287
 Русь Северо-Западная 282
 Русь Семиградская 40
 Русь Южная 34, 77, 182, 284, 287
 Рутка 153
 Рысна-Сааре 101, 103—106, 120
 Рыуге 101, 104
 Рэдукэнень 187
 Рязанская земля 79, 250—252, 263,
 265
 Рязанское княжество 230
 Рязань (Старая) 191, 251, 252
 Рыжете 95, 106, 109

 Сава, р. 41, 79
 Савинская Горка 157
 Сакалиба 61, 75
 Саксония 252, 253
 Салтов Верхний 72
 Самарская лука 59
 Самокража 121
 Самсонцы 99. 101
 Сан, р. 86
 Сандовель 198
 Санниково 157
 Санточе 95
 Саркел 55, 69, 70, 74
 Сарогожское 157, 197
 Сарское 95, 101, 103, 104, 137, 148—
 150, 155, 157, 197
 Саугиняй 95, 96, 101, 113
 Саулекалнс 191
 Сахновка 154

 Свила 113, 137, 138
 Свинка, р. 207
 Свинухи 135
 Свислочская волость 243
 Свислочь, р. 243
 Святоце 157
 Себежское поозерье 175
 Сев, р. 80
 Северик 119
 Северский Донец, р. 19, 25, 34, 55, 61,
 68, 70, 73, 263, 285
 Сейлюнай 138
 Сейм, р. 50, 55, 79, 80, 265
 Селигер, оз. 101
 Селищи 157
 Селиште 32
 Семенки 30, 184, 200
 Семенково (Верхневолжье) 157
 Семенково (Суздальская земля) 157
 Семилуки 197, 199
 Семухино 191, 193
 Сент-Эндре 195
 Сенчаево 157
 Сеславье 157
 Сибереж 135
 Силезия 96
 Сильменево 157
 Синюково 58
 Скандинавия 65, 66, 73, 103, 106, 150,
 160, 184, 200, 206, 209, 210, 213,
 214
 Скифия 25
 Слабаделе (Аловеле) 137
 Славянская река, 61
 Слобода 103, 145, 191, 191
 Слобода-Глушица 95—97, 101, 103,
 145
 Слободка 101, 106, 109, 191
 Словакия 125, 198
 Случеск 246
 Смоленск 188, 195, 197, 204, 205, 215,
 233, 261
 Смоленская земля 79, 143, 155, 230,
 231, 239—242, 284
 Смоленщина 105, 107, 128, 129, 132,
 137, 138, 145, 164, 189, 195, 240
 Смолян 197
 Снетинка Великая 101

- Соб 198
Сож, р. 128
Сокишкяй 95, 96, 101
Соколово 157
Соколовская Гора 110, 113
Сологутов 187
Сосенки 197
Сосница 53
Средиземноморье 207
Стакай 191
Старица 157
Староживотинное 197, 199
Старокиевская гора 76
Староселье 99, 101
Старшекаширское 110, 113
Стрелка Нижняя 153
Стugna, р. 215
Студеное море 235
Стырь, р. 47, 244
Сувалкия 140
Сувалщина 97
Сувар 60
Суджа 154
Суздаль 78, 215, 221, 253
Суздальское ополье 204
Сула, р. 15, 55, 79, 215, 265, 269
Сумщина 184
Суна 197, 199
Супруги 188
Сурож (Сугдея) 89
Сутоки 157
Суури-Рысна 101, 104, 107, 109, 120
Съежа, р. 162
Съезжее 120, 121
- Таирово 157
Тайманово 93, 95, 97, 99, 101, 103, 135,
197, 199
Тамань 26
Танкеевка 60, 193
Таранов Яр 54
Тариловка 95
Татариново 157, 191, 193
Татария 193
Таурапилс 95. 101, 105
Тбилиси 74
Теза, р. 193, 239
Тервете 113
- Теребовль 247
Теремцы 104
Тетерев, р. 47, 78, 244
Тимерево 157, 197, 204, 208, 209, 214
Титовка 157
Титчиха 56, 188, 191
Тихая Сосна, р. 70, 73
Тихомль 78, 79
Топорок 137, 150
Требужены 197, 198
Троица 103
Троицкое 97, 101, 103—105, 107, 109,
110, 113, 137, 150
Трубeж, р. 15, 215
Трубчевск 188
Трусово 101, 104
Тумовка 157
Тумяны 95, 96
Туров 47, 243, 244, 286
Турово 109
Туровская волость 21, 244, 246
Тухино 157
Тушемля 111, 113, 128, 129, 137, 138
Тыргшор 101
Тюрингия 253
Тясмин, р. 15, 30, 32
- Угол, исторический регион 41
Угра, р. 240
Удомельское поозерье 97, 98, 103,
104, 106, 161, 162
Удомля, оз. 162
Уж, р. 47, 244
Узмень 99, 101, 129
Украина 10, 36, 38, 45, 86, 96, 97, 162,
271, 284
Унжа, р. 111, 152, 153
Урал 91
Успенское 110
Усть-Белая 103, 105, 120
Усть-Кеза 157
Усть-Ситское 157
Усть-Черная 103
Устье 146, 157
Ушица, р. 246, 247
- Фатеж 187
Федово 155, 157

- Федяшево 58, 197
Финляндия 101, 104, 200
Финский залив 91
Флашберг 189
Фракия 36
Франкское государство 76
Фризия 253
Фролы 135
- Хабаловка 135
Хазария 65, 68—70, 72, 73, 75—77
Харьевка 54, 184, 185, 187
Хатынь 191, 197
Хвойнинский р-н 120
Хвоцня 157
Херсон (Херсонес) 69, 207
Херсонский уезд 187
Хилово 157
Хитцы 30, 51
Ходосовка 50
Холм 135, 286
Холмец 99, 101
Холопий Городок 161, 197, 200
Хотомель 45, 184, 191
Хулаш 60
- Церковище 93, 95, 111, 113
Цигельня 103
Цимла, р. 69
Цна, р. 252
Цурковка 103, 191, 195, 197
- Чагода 98, 107, 109, 120
Чагода, р. 104, 120
Чагодоца, р. 106, 107, 119, 120, 122, 234
Челядж Велько 198
Червоне 187
«Черемисское кладбище» 153
Черемшан, р. 60
Черепин 97
Черкасово 93, 95
Черкизово 157
Чернавино 197, 200
Черная Лужа 103, 107, 109
Черневици 191, 197
Чернигов 187, 204, 210, 212, 215, 221, 240
- Черниговская земля 15, 211, 230, 244, 246, 247, 249—251, 263, 265, 287
Черниговское княжество 250
Черниговщина 78, 166
Чернихово 157
Черное море 10, 68, 116, 186
Чертово городище 153
Чехия 38, 46, 125
Чудское оз. 10, 106, 127
Чулково 151, 157, 192, 194
- Шабельницы 187
Шаньково 103
Шатрици 109, 153
Швеция 66, 88
Шейки 191
Шексна, р. 194
Шелебово 157
Шелиги 105
Шелонь, р. 234, 236
Шернай 95, 109
Шерстин 135
Шестовицы 197, 204, 210, 212, 214
Шилагушомльё 198
Шиловка 191
Шокша 157, 192, 193
Шокшово 157
Шпилевка 197
Шугайлово 93, 95, 135, 191
Шуйская 240
Шуйца, р. 240
Шуклинка 197, 199
Шумеск 78, 79
Шурово 103
Шурскол 150
Шустино 157
- Щатково 93—95, 135
Щековица 76
Щербинка 97, 101, 103, 104, 110, 113, 137, 150
- Эгейское море 197
Эйкотишкес 137
Эльба, р. 25, 35, 41, 96, 116, 197, 249
Эльда, р. 197
Эрак, р. (Днепр?) 36
Эстония 104, 118, 122, 123

Эсьмоны Малые 187

Югославия 198

Юдовская Вас 189

Юмский 153

Юргайчяй 109

Юркино 157

Юрковицы 187

Юрьев-Польский уезд 191, 193

Юрьевская Горка 95, 98, 101, 103, 104,
109, 111, 113, 121, 162, 163

Ютландия 26

Юшки 135

Ябара 99, 101, 104

Ягодино 157

Ярлуково 56

Ярославль 204

Ярославский р-н 155

Ярцево 145, 191, 197, 199

Ястребово 135

Яунейкяй 109, 113

УКАЗАТЕЛЬ ЭТНИЧЕСКИХ ИМЕН И АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ КУЛЬТУР

- Авары 10, 37, 201, 202
Азелинская культура 115
Алано-сарматы 25
Аланы 68
Англы (агняне) 220
Ананьинско-пьяноборская культура 91
Анты 10, 13, 15, 16, 27, 32—38, 40, 50, 60, 65, 67, 185, 250, 267, 269, 284—286
Арабы 73—75
Армяне 74
- Балты 28, 47, 51, 57, 91, 126, 133, 137—139, 142, 215, 242, 256, 261, 271, 272, 282
Балты днепровские 126, 133, 272—274
Балты западные 97, 107, 115, 271
Баранджар 60
Белорусы 13, 21, 272, 280, 281, 283
Болгары волжские 60, 64, 71
Болгары хазарские 68
Боршевская культура 55—57, 61, 63, 80, 81, 188, 199, 247, 250, 259, 263
Бужане 14, 40, 47, 63, 71
- Вагры 65
Варны 65
Варяги 66, 67, 72, 73, 77, 87, 150, 212, 213, 215, 220, 276
Великорусы 13
Вельбарская культура 93, 96, 99, 101, 103, 109, 115, 116, 135
Венгры 73
Венеды 25, 33
- Верхнеокская культура 61, 63, 91, 272
Весь 10, 66, 71, 180, 235, 275
Византийцы 35, 37, 72
Водь 118, 235
Волынцевская культура 48, 50—56, 58—61, 63, 67, 70, 71, 77, 79, 81, 82, 86, 247, 249—251, 263
Волыняне 11, 46, 47, 49, 50, 63, 71, 79, 180, 233, 244—246, 269, 271, 281
Востоchnолитовских курганов культура 140
Вятичи 12, 77, 81, 82, 90, 141, 180, 188, 215, 233, 237, 240, 241, 247, 249, 250, 255, 263, 267
- Германцы 28, 46
Голядь 58, 283
Городецкая культура 91, 115
Готы 36
Гунны 25—27, 35
- Днепро-двинская культура 91, 93, 115, 122, 126, 128, 132—135, 145, 272
Древляне 11, 14, 16, 47, 49, 50, 63, 71, 78, 79, 180, 187, 232, 233, 244, 245, 269, 272
Древяне 65
Дреговичи 47, 49, 50, 71, 78, 79, 180, 187, 233, 244—246, 269, 271, 281, 283
Дулэбы 11, 41, 46, 47, 82, 233, 244, 249, 250, 269, 285
Дьяковская культура 91, 115, 146, 149

- Емь 71
- Западнобалтских курганов культура 91
- Зарубинецкая культура 17, 18, 132
- Земгалы (Зимигола) 180
- Ижора 235
- Именьковская культура 28, 59—61, 67, 86
- Ипотешты-кындештская культура 28, 43
- Итальянцы 220
- Карпатских курганов культура 43
- Киевская культура 27, 91, 97, 99, 101, 115, 132—135, 166
- Колочинская культура 21, 29, 48, 50
- Коми-пермяки 71
- Корела 71, 118, 181, 235
- Кривичи 10, 12, 13, 19, 65, 66, 127, 143, 150, 165, 174, 180, 207, 213, 215, 233, 240, 243, 253, 274, 275, 281, 283
- Кривичи псковские 71, 128, 234, 235, 242, 259, 261, 275
- Кривичи смоленско-полоцкие 57, 71, 140, 191, 192, 203, 208, 215, 234, 237, 239—243, 250, 251, 261, 267, 274
- Курши (Корсь) 103, 180
- Латгалы 235, 242, 243
- Латыши 127
- Ливы (либь) 71, 180
- Линяне 65
- Литва 140, 180, 242
- Лопь 235
- Лука-райковецкая культура 45, 46, 48, 50
- Лууконсаари культура 115
- Ляхи 81
- Мазовшане 246
- Малоросы 286
- Мари 62, 71, 153, 193
- Марийцы 153
- Меря 10, 66, 71, 147, 150, 151, 158, 180, 213, 238, 251, 275
- Мерянская культура 28, 131, 137, 147—149, 238
- Мидяне 35
- Мордва 28, 51, 57, 62, 64, 71, 180, 181, 221, 239
- Москворецких городищ культура 115
- Мощинская культура 29, 58, 81, 91, 103, 115, 135, 141, 164
- Мурома 10, 57, 64, 71, 151, 152, 180, 192, 221, 250—252
- Немцы 220
- Нерома 180
- Новгородцы 182, 220, 236
- Норманны 73, 231
- Ободриты 63, 65
- Пеньковская культура 27—35, 37—39, 43, 44, 50, 51, 56, 62, 80, 259, 267, 268, 284, 285
- Пермь 180
- Печенеги 40, 80, 247, 263
- Печера 180
- Позднелядская культура 97, 145, 153
- Поздnezарубинецкая культура 134
- Позднекаргопольская культура 115
- Полабы 65
- Половцы 40, 181
- Полочане 174, 232, 233, 283
- Поляне 11, 14, 16, 46, 49, 50, 63, 71, 77, 82, 180, 215, 232, 233, 244, 245, 249, 269
- Поляне (польские) 219
- Пражско-корчакская культура 28—30, 39, 41—46, 48, 82, 195, 244, 259, 268, 269
- Прибалтийская культура боевых топоров 272
- Псковичи 220
- Псковских длинных курганов культура 28, 105, 111, 117, 119—123, 125—127, 131, 134, 137, 139,

- 141, 143, 148, 161—165, 235, 257, 260, 261, 181
- Пшеворская культура 25—27, 41, 46, 91, 93, 97, 99, 101, 103, 109, 111, 113, 115, 116
- Радимичи 12, 77, 180, 182, 215, 241, 247, 249, 250, 274, 283
- Роменская культура 37, 54, 55, 57, 58, 61—63, 79—81, 141, 188, 247, 250
- Роменско-боршевская культура 70
- Русские 284, 288
- Русы 8, 15, 50, 63, 65—67, 71, 73—75, 77, 79, 80, 82, 87—89, 174, 180, 182, 213, 219—221, 233, 247, 251, 256, 262, 286
- Рязанско-окских могильников культура 51, 80, 147, 154, 250—252
- Сакалиба (ас-сакалиба) 60, 61
- Салтово-маяцкая культура 51, 55, 57, 61, 62, 64, 68, 70, 71, 99
- Санарийцы, см. Ценары
- Сахновская культура 37, 41
- Свеоны/свеи (шведы) 73, 220
- Северновеликорусы 10, 261, 287
- Северяне (север) 11, 12, 16, 77, 79, 80, 180, 213, 215, 247, 249, 263, 272
- Сербы 13, 35, 67
- Сетчатой (текстильной) керамики культура 91, 117, 124
- Сиваны 60
- Скандинавы 66, 72, 73, 77, 209, 211
- Скифо-сарматы 36
- Скифы 25
- Славяне 7, 9, 18, 16, 19, 21, 25—28, 36, 37, 41, 46, 50, 60—62, 64, 65, 68, 70, 75, 81, 82, 115, 123, 126, 127, 139, 145, 153—155, 158, 182, 183, 192, 201—203, 212, 213, 215, 218, 220, 238, 239, 241, 245—247, 250—254, 257, 261, 262, 267, 272, 274, 281, 282
- Славяне восточные 10, 14—19, 50, 78, 269
- Славяне донские 77, 90
- Славяне дунайские 192, 197, 201, 204, 261
- Славяне полабские 197
- Словене (ильменские или новгородские) 12, 19, 65, 66, 71, 143, 150, 155, 158, 164, 165, 180, 213, 215, 233—235, 239—242, 253, 257, 259, 261, 275, 276
- Смоленско-полоцких длинных курганов культура 132, 140, 142—145, 189, 195
- Смолинцы 197
- Смоляне 182, 197
- Сопок культура 111, 127, 134, 143, 158—165, 257
- Сосницкая культура 272
- Суковско-дзедзицкая культура 28, 134, 249
- Сумь 71
- Сысола 220
- Татары 221
- Тиверцы 11, 37, 38, 40, 63, 71, 79, 180, 247, 269
- Травяне 65
- Тушемлинская культура 28, 29, 48, 93, 94, 97, 101, 104, 107, 111, 119, 123, 124, 128, 129, 131—135, 137—140, 142, 148, 199, 242, 243, 269
- Тюрки 215
- Удмурты 71
- Угры 68
- Украинцы 13, 36, 281, 284
- Уличи 11, 37, 38, 40, 41, 63, 71, 180, 269
- Урмане 220
- Утигуры 34, 35
- Финно-угры 138
- Финны 126
- Финны волжско-камские 138
- Финны поволжские 145, 238
- Финны прибалтийские 66, 125, 138, 215

Франки 73

Хазары 63, 67, 68, 75, 77

Хорваты (восточнославянские) 11,
38, 49, 65, 71, 180, 213, 246, 247,
249, 269

Хорваты далматинские 38

Хорваты (праславянские) 35, 37, 67

Ценары 74

Черемиса 180, 221, 239

Черняховская культура 25, 27, 32—
34, 80, 91, 93, 97, 99, 101, 104,
107, 111, 115, 135, 285

Чехи 219

Чудь 10, 62, 65, 66, 180, 215, 220

Чудь заволочская 71

Чудь-эсты 235

Шведы 220

Штрихованной керамики культура
91, 93, 115, 126, 128, 132—135,
139, 140, 272, 274

Эскель 60

Эсты 71, 119

Южновеликорусы 287

Юхновская культура 272

Ямь 180

Ятвяги 99, 101, 140, 244, 246, 283

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения. СПб.
ЗОРСА — Записки Русского археологического общества. СПб.
КСИА — Краткие сообщения Института археологии Академии наук СССР. М.
КСИАУ — Краткие сообщения Института археологии Академии наук Украинской ССР. Киев.
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР. М.
МАР — Материалы по археологии России. СПб.
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР. М.; Л.
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей
СА — Советская археология. М.
САИ — Свод археологических источников. М.; Л.